Джерри Мандер

КОГДА НЕ ОСТАЁТСЯ НИЧЕГО СВЯТОГО

Провал технологий и судьба коренных народов

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
"ЧЕТЫРЕ АРГУМЕНТА ЗА ОТМЕНУ ТЕЛЕВИДЕНИЯ"

КОГДА НЕ ОСТАЁТСЯ НИЧЕГО СВЯТОГО

Памяти Дана Бомберри

На первой странице обложки: первая встреча Америго Веспуччи с американским туземцем
(По рисунку J. Stradanus, относящемуся к 1523 г.)

Джерри Мандер

КОГДА НЕ ОСТАЁТСЯ НИЧЕГО СВЯТОГО

Провал технологий и судьба коренных народов

Перевод под общей редакцией
д.т.н. В.И. Постникова

ЭкоПраво-Киев
2007

Для научных и экологических организаций

Sierra Club, основанный в 1892 г. Джоном Мюиром, занимается изучением и защитой ландшафтов Земли и экологических ресурсов — гор, болот, диких берегов и рек, пустынь и степей. Публикации Sierra Club'a представляют собой некоммерческую образовательную программу с целью ознакомления широкого круга читателей с деятельностью клуба. Точки зрения, выражаемые в этих публикациях, не всегда совпадают с мнением руководства клуба. Sierra Club имеет около 60 отделений по всей стране, в Канаде, на Гавайах и Аляске. Вы можете принять участие в программах клуба по сохранениею дикой природы, обратившись по адресу: Sierra Club, 85 Second Street, San Fransisco, CA 94105

© 1991 by Jerry Mander
In the Absence of the Sacred
(The Failure of Technology and the Survival of the Indian Nations)
Published by Sierra Club Books
Печатается с разрешения автора

Издание осуществлено при содействии
Foundation For Deep Ecology и The Tides Foundation (USA)
в рамках проекта *DEEP ECOLOGY WORLD*

© В.И. Постников, перевод, 2007

Общественная эколого-правовая
организация ЭкоПраво-Киев,
а/я 51, Киев-119, Украина, 04119
Издательская группа DEW PUBLICATIONS
E-mail: dew.project@gmail.com

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ:
Нужны ли нам индейцы?

Книга Джерри Мандера вышла в 1991 году, когда капитализм обретал второе дыхание. Этому способствовали, по меньшей мере, два обстоятельства: во-первых, распад Советского Союза, во вторых, глобальная компьютеризация... Казалось бы, капитализм победил окончательно и бесповоротно по всем направлениям. Рыночная экономика восторжествовала.

Со временем, однако, структурные недостатки капитализма стали проявляться все резче, а его "преимущества" — корпоратизация и ничем не сдерживаемый технический прогресс — обратились для мира катастрофой. Гуманитарной, экологической, духовной.

Появление книги Мандера на этом фоне произвело в западном мире эффект разорвавшейся бомбы. Мандер, стоящий у истоков старейшей экологической организации США Sierra Club, прослеживает развитие американского общества и его технологическую экспансию на примере своего личного опыта. Он показывает, как формировалась "американская мечта", какие фантастические проекты лежат в ее основе. Всеобщее увлечение техникой, вера в ее неограниченные возможности — по-прежнему основа мировоззрения большинства американцев. Логика машин естественным образом переходит в логику жизни: все допустимо, все можно переделать, обновить — будь то компьютер, человеческая жизнь или природа — достаточно найти лишь соответствующую технологию. При этом не остается ничего святого — ни тысячелетние традиции коренных народов, ни "права природы", ни достоинство человеческой жизни...

Опасность такой "логики" очевидна. Технологические страсти разгораются все сильнее, все пышнее научные и псевдонаучные фантазии. Человека уже этот мир не устраивает. (Он загажен, не поддается управлению, опасен). Следовательно, надо сконструировать другой, более удобный и безопасный (нанотехнологии, биотехнологии) или в крайнем случае отправиться в космос на поиски более "чистой" и богатой ресурсами планеты.

И тут выходит книга Мандера об индейцах. В мире живут миллионы аборигенов, пишет Мандер, которые (представьте себе!) отказываются от технического прогресса. Они хотят, чтобы их оставили в покое. У них есть свои тысячелетние духовные и культурные ценности, своя земля, свое понимание жизни. Они не хотят улетать в космос и не хотят спутникового телевидения. Они хотят восстанавливать свою землю. И у них есть шанс пережить нас.

Многое из того, о чем пишет Мандер, справедливо и для советского/постсоветского общества. Так же как и американцы, мы сделали ставку на технику... и проиграли. Мы не смогли с ней справиться, будучи генетически неприспособлеными. (Справедливости ради надо признать: у нас тоже были изобретатели, но все они мечтатели вроде Циолковского, люди оторванные от реальности и вынужденно ушедшие в фантазии.) Это у нас самые тяжелые техногенные катастрофы, это у нас взрываются атомные станции, тонут корабли и падают самолеты. Посмотрите вокруг себя трезвым взглядом — и вы увидите непоправимый, мертвящий след, который техника оставила на нашей психике и природе.

В особенности тяжела судьба коренных народов Севера России. Так же как в Америке, сейчас там хозяйничают нефтяные и газовые компании, ведется интенсивная добыча полезных ископаемых, вырубается лес. Популяция коренных этносов постоянно сокращается.

Книга Мандера — это, прежде всего, обстоятельный рассказ о борьбе коренных народов за свое достоинство. Нам многому стоит у них поучиться. Мы давно забыли свои корни, у нас нет своих традиций, своей мифологии. Мы давно живем не на земле, а существуем в безвоздушном (и бездушном) пространстве городов. Нами давно уже правят манкурты, не помнящие своего родства. Если у нас и есть будущее, то его нужно искать в прошлом.

И это ни в коем случае не возврат, а скорее возвращение на дорогу после длительного периода блужданий, вызванных ложными фантазиями. Это движение вперед к обновленной встрече с бессмертными ценностями и принципами. До сих пор единственно трезвыми в этом отношении оставались коренные народы. Именно у коренных народов — а не у нас — находится ключик к будущему выживанию человечества.

Книга Дж. Мандера — вторая книга в рамках проекта "Мир глубинной экологии", выполняемого с целью ознакомления широкого круга читателей с философскими проблемами экологии[1]. Редакция намерена и далее продолжить работу над переводами наиболее оригинальных и влиятельных западных эко-философов.

В. Постников
Киев, 2007

[1] Первая книга проекта — Уильям Р. Каттон, мл. "Конец техноутопии" (Экоправо, Киев, 2006).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
"ИНДЕЙЦЫ-ШМИНДЕЙЦЫ" 11

часть I
ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ СЛЕДОВАЛО БЫ АДРЕСОВАТЬ ТЕХНИКЕ

глава первая
Я РОС ВМЕСТЕ С ТЕХНИКОЙ 19
Город, лес, пригород ❖ Покупки ❖ Семейный доктор ❖ Мильтон Берль ❖ Семейный бьюик ❖ Флорида ❖ Летний лагерь ❖ “Демократия” ❖ Американская мечта

глава вторая
ФАНТАЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ 30
Составляющие технологической парадигмы

глава третья
ВАЖНОСТЬ НЕГАТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ 40
"Холистическая" критика ❖ Виновен, пока не докажешь обратное ❖ Ретроспективная оценка технологий: автомобили и телефоны ❖ Жертвы технологии ❖ Десять рекомендаций в отношении техники

часть II
МЕГАТЕХНОЛОГИЯ НА МАРШЕ

глава четвертая
СЕМЬ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КАЧЕСТВ КОМПЬЮТЕРОВ 53
1. Загрязнение и здоровье. 2. Работа. 3. Переход в цифровое измерение и концептуальные перемены. 4. Слежка. 5. Ускорение темпов жизни. 6. Централизация. 7. Наихудший сценарий: компьютеризированная война. 8. Можно ли во всем винить компьютеры?

глава пятая
ТЕЛЕВИДЕНИЕ (1): АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ТРЕНИНГ 71
Жизнь внутри масс-медиа ❖ Свобода слова для богатых ❖ Технология пассивности ❖ Гиперактивность нервной системы ❖ Ускоренное восприятие и путаница в мыслях ❖ Политика спутанной реальности ❖ Телевизионный президент ❖ Последние новости: видеовойны

глава шестая
ТЕЛЕВИДЕНИЕ (2): САТЕЛЛИТЫ И КЛОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУР 88
Судьба индейцев дин
"Незаселенная ледяная пустыня" ❖ Нашествие из космоса ❖ Свидетели обвинения ❖ Как разрушается фольклор ❖ Визит в школу ❖ Вороны

глава седьмая
КОРПОРАЦИИ КАК МАШИНЫ 106
Корпоративное зло ❖ Корпоративная шизофрения ❖ Дилемма "корпорация-человек" ❖ Одиннадцать внутренних правил корпоративного поведения ❖ Форма это содержание

глава восьмая
КОСМИЧЕСКИЕ КОЛОНИИ, ДИСНЕЙЛЭНД И ЭПКОТ 120
Возможности бизнеса в космосе ❖ Фантасты любят космические полеты ❖ Звездный посев: отправка "лучших людей" в космос ❖ Изгнание из Рая ❖ Уэст Эдмонтон Мол, Эдмонтон, Канада ❖ ЭПКОТ-центр, Орландо, Флорида ❖ Сан-Франциско, луна-парк ❖ Противоядие: восстановление Земли

глава девятая
СОТВОРЕНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПУСТЫНИ 139
Ученый как бизнесмен ❖ Наилучший сценарий ❖ Шесть опасных моментов, связанных с генетикой ❖ Виновен, пока не докажешь обратное

глава десятая
КОГДА НЕ ОСТАЕТСЯ НИЧЕГО СВЯТОГО 153
Молекулярная инженерия ❖ Эпоха после биологии ❖ Безумство астронавта ❖ Мегатехнологии ❖ Обращение к современному миру

часть III
ПОДАВЛЕНИЕ ИНДЕЙСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

глава одиннадцатая
ЧЕГО АМЕРИКАНЦЫ НЕ ЗНАЮТ ОБ ИНДЕЙЦАХ 167
Масс-медиа: индейцы не попадают в новости ❖ Стереотипные истории-формулы ❖ Индейцы и Нью-Эйдж ❖ Социал-дарвинизм

глава двенадцатая
ИНДЕЙЦЫ НЕ ПОХОЖИ НА АМЕРИКАНЦЕВ 178
"Мать-Земля" ❖ Список важнейших отличий ❖ "Мы вам поможем"

глава тринадцатая
ДАР ДЕМОКРАТИИ 189
Править без принуждения ❖ Наши отцы-основатели, ирокезы ❖ Великий закон Ирокезской конфедерации ❖ Ирокезская нация

глава четырнадцатая
УРОКИ ЭКОНОМИКИ КАМЕННОГО ВЕКА 206
Как мы отдыхали до прихода технологий ❖ Рабочее время ❖ Полезная пища ❖ Сознательное недопроизводство ❖ Экономика самодостаточности ❖ Сотворение "бедности" ❖ Скоростная перемотка: досуг техноутопии ❖ Предполагаемая эффективность современного управления ресурсами

часть IV
МИР ПРОТИВ ИНДЕЙЦЕВ

глава пятнадцатая
КАК РАЗРУШИТЬ ТРАДИЦИОННЫЕ ИНДЕЙСКИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА 223
Судьба индейцев хопи и навахо
Декларация независимости ❖ Первыми пришли хопи ❖ Приход навахо ❖ Симбиоз хопи-навахо ❖ Американизация индейских правительств ❖ Текущая ситуация

глава шестнадцатая
КРАЖА АЛЯСКИ 238
От общественного к корпоративному ❖ Требования корпоративной прибыли ❖ "Социальная инженерия" ❖ Последствия акта ANCSA для эскимосов племени юпик ❖ Сопротивление монетарной экономике ❖ Восстановление коренных правительств

глава семнадцатая
КРАЖА НЕВАДЫ 249
Судьба западных шошонов
Земля или деньги ❖ Комиссия США по земельным искам индейцев: заговор против индейцев ❖ "Мы должны были прислушиваться к нашим старикам" ❖ История сестёр Данн ❖ Ракеты МХ ❖ Походы в правительство ❖ Текущие события

глава восемнадцатая
ОСКВЕРНЕНИЕ СВЯЩЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ 260
Судьба коренных гавайцев
Четвертое июля, 1980 ❖ Великий Махеле ❖ Нашествие каулявов ❖ Осквернение Пеле ❖ Текущие события

глава девятнадцатая
ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ (1):
БАССЕЙН ТИХОГО ОКЕАНА И АЗИЯ 277
"Войны "четвертого мира" ❖ Бассейн Тихого океана ❖ Азия

глава двадцатая
ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ (2): КАНАДА,
ЕВРОПА, АФРИКА, ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА 292
Канада ❖ Европа ❖ Африка ❖ Латинская Америка

Эпилог
НОВЫЙ ПОРЯДОК И НОВОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ 305
Рыночная экономика ❖ "Назад пути нет" ❖ Приметы жизни ❖
Борьба с пессимизмом

Приложение 319
Признательность 325
Библиография 328

ВВЕДЕНИЕ
"ИНДЕЙЦЫ-ШМИНДЕЙЦЫ"

Телефонный звонок из Нью-Йорка, звонит редактор издательства: — Мандер, у нас две ваши книги, обе хорошо продаются. Вы что-нибудь пишите новенькое?

Мандер: Да.

Редактор: О чем?

Мандер: Об индейцах.

Редактор: *Индейцах?!* О нет, только не об индейцах, Мандер. Никто не будет читать. В Нью-Йорке давно нет индейцев; с ними покончено. Индейцы-шминдейцы.

Мандер: Дело в том, что проблемы у индейцев не закончились. В некоторых частях мира с ними поступают хуже, чем в Нью-Йорке.

Редактор: Индейцы! Мандер, вы безнадежный романтик. Что-то вроде Брандо.

Мандер: Не расстраивайтесь, я расправлюсь с этим "романтизмом" в своей книге.

Редактор: Ваш агент не сможет продать ее. Книги об индейцах не продаются.

Мандер: То же самое мне говорили в отношении книги о телевидении. Я не согласен: книги об индейцах продаются. Посмотрите на *Bury My Heart at Wounded Knee* [2], на книги Кастанеды и Питера Маттиенсена. Посмотрите на *Black Elk Speaks* [3]. Не думаю, что индейцы пройденный этап. Люди хотят знать о них больше. Все беда в том, что людям говорят по большей части о мертвых индейцах. Они не знают, что происходит с живыми и почему это происходит.

Редактор: Как она называется?

Мандер: Может быть, я назову ее так, как вы подсказываете.

Редактор: Это как?

Мандер: *Индейцы-шминдейцы.* Книга будет сенсацией и откровением для многих.

• • •

Сначала я планировал написать две книги. В одной должен был критиковать технологическое общество Соединенных Штатов, т.е. продолжить мои *Четыре аргумента за отмену телевидения.* Предполагалось, что в ней будет дана оценка новой технологической эпохе: информационному обществу, компьютеризации, роботизации, космичес-

[2] Книга Ди Браун 1970 г. (а также одноименный фильм 2007 г.), посвященная яростному сопротивлению индейцев американскому экспансионизму. — *Прим. перев.*

[3] Автобиография знахаря-индейца племени оглала-сиу (впервые опубликованная в 1932), в которой раскрывается социально-этические мотивы коренного населения Америки. — *Прим. перев.*

ким полетам, искусственному интеллекту, генетике, спутниковой связи и т.п. Такая книга представлялась мне весьма своевременной, поскольку техника изменяет мир все более устрашающими темпами. До сегодняшнего дня большинство людей рассматривали технические нововведения как положительный факт. Но так ли это?

Понятно, что наше общество привыкло благосклонно воспринимать новые технологии. Сообщения об изобретениях неизменно преподносятся на оптимистической ноте. Происходит это прежде всего потому, что в нашем обществе информация поставляется теми, кто получает от нее выгоду, а именно, корпорациями и их протеже в правительственных и научных кругах. Никто из них не заинтересован в анализе негативных сторон новых технологий.

Благодаря широкой рекламе технических средств на всемирных выставках, трудам футуристов, многомиллиардным кампаниям фирм-производителей создается картина технологического рая, как здесь на Земле, так и в космических "городах будущего". Технологическая эволюция приравнивается вообще к эволюции, как будто это одно и то же. Мы привыкли повторять как заклятие: "Прогресс — это хорошо", "Назад дороги нет", "Технология освободит нас от болезней" и т.д. и т.п.

Дебаты по этим вопросам практически невозможны в нашем обществе, поскольку во всех сферах политической и социальной жизни о них существует вполне определенное мнение. "Левые" относятся к технике так же, как корпорации, футуристы и "правые". Все уверены, что техника нейтральна. В ней нет политики, она не влечет за собой изначально никаких неизбежных социальных или экологических следствий. По их мнению, важнее то, кто *контролирует* технику.

За последние десять лет я участвовал в десятке конференций, посвященных будущему технологий. На каждой их них, вне зависимости от того, кто выступал спонсором — правительство, промышленность или экологи — говорилось следующее: "Есть много проблем с техникой, и мы ими займемся, но проблемы коренятся не в технике. Все зависит от того, как ее использовать. Мы можем и должны использовать ее лучше. Проблемы создают не машины, а люди". Это идея подавалась как самая оригинальная и глубокая, и ее высказывал буквально каждый.

Как мы увидим, идея, согласно которой техника нейтральна, сама по себе не нейтральна, и напрямую служит интересам людей, которые пользуются нашей близорукостью.

Впервые эту проблему я начал ощущать в 1960-х, когда увидел, какой ажиотаж возник в обществе с появлением телевидения. Активисты стали пытаться использовать эту технологию в своих целях, борясь за свои двадцать секунд в передаче новостей. Началась своего рода война за доступ к новой мощной технологии, которая впечатывала картинки в умы всего населения с вполне предсказуемым результатом. Нам следовало бы знать с самого начала, что телевидение неизбежно будет контролироваться корпорациями, правительством или военными. Благодаря большому охвату, невероятной силе внушения и способности осреднять мысли, телевидение в особенности эффективно прививает образ жизни, служащий интересам крупных корпораций. Правительство и военные также быстро сообразили, что во времена политических кризисов телевидение — самый совершенный инструмент для контроля за информацией и сознанием граж-

дан. Тем временем общественность, претендующая на контроль за средствами массовой информации, осталась позади.

В настоящее время ажиотаж возник в отношении компьютеров, якобы освобождающих и приводящих к новой информационной демократии. На самом деле, как мы увидим в главе 4, вопрос, кто получает больше всего преимуществ от компьютеров был предрешен с момента их изобретения. Компьютеры, как и телевидение, имеют гораздо большую привлекательность для военных ведомств, транснациональных корпораций, международных банков, правительств и институтов слежки, чем для нас с вами. (По крайней мере, они используются там гораздо эффективнее и с большим размахом).

Компьютеры позволили мгновенно переводить огромное количество капитала и информации по всему миру. Это дало возможность невероятно укрепить крупнейшие институты мира. Фактически компьютеры сделали возможным существование таких институтов. Тем временем, мы сами, используя персональные компьютеры для редактирования текстов, попали в информационные сети и поверили в то, что компьютеры делают нас сильнее.

Даже защитники окружающей среды усугубили проблему, отказавшись от критики технического развития, несмотря на совершенно очевидный его перекос и враждебный по отношению к природе характер. Я боюсь, что главную суть технологии мы поймем только после того, как выскочим из "информационной эпохи" — имеющей сегодня ореол благотворительности — и поймем, что перед нами развернулась битва за два последние "неосвоенные пространства": космос и генетические структуры. Отсюда прямая дорога к "постбиологической эпохе", нанотехнологиям, робототехнике и полному пренебрежению живой природой.

В первой задуманной мною книге я должен был поднять вопросы о том, достигло ли технологическое общество своих целей, а также проанализировать будущие направления его развития. До сих пор мы были бессильны перед лицом этой силы, частично из-за того, что у нас совершенно не развита критика техники. В самом деле, мы не знаем, как подойти к новым или существующим технологиям. Совершенно очевидно, что нам требуется новый, холистический язык; язык, который нечувствителен к окружающим нас рекламным призывам, научным прогнозам и глянцевому образу техники; язык, который позволит взглянуть на технологию с разных сторон — социальной, политической, экономической, духовной, экологической, биологической, военной и т.п. Кто выиграет от внедрения той или иной технологии? Кто проиграет? Служат ли новые технологии сохранению нашей планеты или разрушают ее? Как они действуют на здоровье? Каковы психологические эффекты? Как они влияют на наше взаимодействие с природой, ее понимание? Как сочетаются с уже существующими технологиями? Что нового они с собой несут? Что при этом теряется? Куда они могут нас завести? Хотим ли мы этого или нет? И так далее.

Сегодня мы видим, что технологическая эволюция ведет нас к чему-то ужасному: всемирной, монолитной технико-политической паутине с непредсказуемыми негативными последствиями.

• • •

Вторая книга должна была быть своего рода продолжением и обновлением книги Ди Браун *Bury My Heart at Wounded Knee*. В свое время эта книга произвела на меня огромное впечатление. С одной стороны, в ней мастерски разбирается американская политика двойных стандартов и жестокости по отношению к индейцам. С другой стороны, Браун сослужила индейцам плохую службу, представив дело так, будто их больше не осталось и ничего сделать уже нельзя. Книга вызвала у читателя эмоциональный катарсис и поставила крест на судьбе индейцев. Вместе с популярными фильмами и телевидением она способствовала тому, что индейцы стали рассматриваться как атрибут истории.

Даже озабоченные проблемой равенства либералы, признающие, что на этой земле совершались жестокости, чаще всего говорят об индейцах как о далеком прошлом. Такое отношение к индейцам настолько укоренилось, что редкие выступления в их защиту — Марлона Брандо, Уильяма Кюнстлера, Роберта Редфорда, Кевина Костнера, Джейн Фонда — воспринимались с некоторым смущением, как-будто они выходили за рамки допустимого романтического образа. Когда экологи, как, например, Дэвид Брауэр, выступали с предложением всерьез прислушаться к философам-инуитам (эскимосам), их сразу же относили к разряду чудаков, мыслящих непрактически, непопулярно, неполитически и в отрыве от модных течений. (В случае же, если традиции аборигенных народов противоречат существующим экологическим взглядам — например, добывание меха, ловля тюленей или китов — взглядам индейцев вообще не дают хода). Не жалуют и литературных знаменитостей, таких как Питер Маттиенсен, за книги о современных проблемах индейцев (*In the Spirit of Crazy Horse* и *Indian Country*); при этом публика считает, что популярные авторы должны возвратиться к написанию романов или заняться изысками в области дзэн.

Я специально изучал этот вопрос. В книге *Четыре аргумента* описаны мои встречи с индейцами, позволившие раскрыть отношение к ним масс-медии. Я был весьма удивлен, когда критики назвали мои репортажи "наивными". Джин Янгблад, например, уважаемый радикальный писатель, занимающийся проблемами масс-медиа, писал: "Мандер такой наивный... Боже мой, эта старая песня шестидесятых — индейцы!"

Снисходительно отнеслись и к Нельсону Манделе, когда в 1990 году он выступил на митинге в Окленде в поддержку индейцев. Пресса тогда писала, что он не совсем понимает, кто такие "наши индейцы".

Проблема индейцев — это *не* проблема далекого прошлого. Многие из самых отвратительных кампаний против индейцев предпринимались всего 80 — 100 лет назад. Ваши дедушки, наверное, были живы в то время. Во дворах уже стояли форды модели-Т.

Покушения на образ жизни индейцев продолжаются и по сей день, хотя, конечно, прямые военные действия в духе Кустера[4] давно в прошлом. Существуют более тонкие "легальные" (но не менее разрушительные) методы с целью отлучить их от земли, лишить суверенитета, переселить в другую местность, как это видно на примере Аляски (см. главу 16).

[4] Джордж Армстронг Кустер (Custer) (1839 —1876) — командир кавалерийской бригады "Волки", участвовавшей в сражениях против индейцев. Отличался особой жестокостью. — *Прим. перев.*

Сегодня в Америке насчитывается более полутора миллионов индейцев. Значительная их часть продолжает жить в условиях дикой природы, в пустынях и на крайнем севере Аляски, занимаясь традиционной охотой на землях своих предков. В противовес расхожим мнениям, большинство индейцев *не* хочет становиться американцами, несмотря на оказываемое на них экономическое, культурное и законодательное давление.

По всему миру аборигенные народы продолжают вести традиционный образ жизни, подвергаясь давлению со стороны западного технологического общества. В Индонезии, Борнео, Новой Гвинее, лесах Амазонки, Боливии, Перу, Эквадоре, Гватемале, частях центральной Африки, на севере Канады, а также в Скандинавии, Советском Союзе, Китае и Тибете, племена аборигенных народов борются за землю своих предков. В других местах, таких как Индия, Ирак, Турция, Мексика, Чили, острова Тихого океана, Новая Зеландия и Австралия, миллионы коренных жителей с трудом выдерживают культурное, экономическое и военное давление.

Согласно бостонской организации по защите прав человека Cultural Survival, в настоящее время насчитывается по крайней мере 3000 аборигенных народов в мире, живущих на территории 200 стран и испытывающих ущемление своих прав со стороны других слоев населения. Многие войны, характеризуемые масс-медиа как "гражданские" или "партизанские", на самом деле представляют собой попытки коренных наций освободиться от доминирования более крупных наций-государств. В Гватемале — это майя. В Бирме — карены. В Амазонии — яномамо и ксингу. В Микронезии — белауаны. В Индонезии — народы ириан джайа.

Наверное, самое неприятное для американцев обстоятельство заключается в том, что во многих местах — в Южной Америке, на островах Тихого океана, Индонезии и Филиппинах — борьба коренных народов за свою землю и независимость часто направлена против корпораций Соединенных Штатов, или техники, или военных. Более того, она направлена против ментальности Соединенных Штатов. На протяжении столетий индейцы находились рядом с нами и не переставали говорить, что в нашем мировоззрении *чего-то* не хватает. Но мы их игнорировали. Иначе могли возникнуть неприятные вопросы в отношении нашего образа жизни. Именно различие мировоззрений вынуждало нас притеснять индейские племена.

• • •

Раздумывая над обеими темами, я, в конце концов, пришел к мысли об их нераздельности и о том, что они должны составлять одну книгу. Нельзя понять ситуацию индейцев, эскимосов, аборигенных народов, островитян без осознания давления, которое на них оказывает наш социум. Точно также нельзя понять проблемы социума, не понимая его отношение к коренным народам и к самой природе.

Таким образом, можно заключить, что главная характеристика технологического общества — это доминирование над природой и коренными народами. Проблемы индейцев сегодня, как и в прошлом, напрямую связаны с потребностями технологического общества в ресурсах. Они необходимы для поддержания экономического роста и про-

гресса. И этот процесс начался сотни лет назад, когда мы пожелали земли и золота. Сегодня мы продолжаем желать угля, нефти, урана, рыбы и земли. И мы будем обследовать оставшиеся территории — будь то канадские арктические земли, джунгли Борнео или тропические леса Бразилии — в поисках вожделенных ресурсов,

Все эти действия являются следствием одного фундаментального заблуждения, а именно, уверенности в том, что наше общество представляет собой конечную стадию эволюции, ее, так сказать, последнее цветение, в то время, как коренные народы представляют собой низшую, ступень эволюции. Эту положение разделяют все современные политические системы, как правые, так и левые, как капиталисты, так и марксисты.

За исключением биорегионалистов[5] и "зеленых", которые, по крайней мере, ставят под вопрос данное положение, большинство людей в западном обществе уверены в превосходстве над коренными народами. Поэтому стало вполне привычным делом подвергать унижению любое проявление жизни или мысли, стоящих на пути "прогресса". Поступать таким образом становится желательным, неизбежным и, возможно даже, "богоугодным" делом.

Однако уверенность в том, что технологическое общество выше всех остальных и что оно должно привести нас к лучшему миру, в последнее время все чаще подвергается сомнению. Промышленная революция продолжается вот уже сто лет, и у нас было достаточно времени, чтобы осмыслить ситуацию в отношении человека, его самореализации и здоровья. Мы видим, что на самом деле технология создает апокалиптические условия существования на Земле. Техноутопия уже, кажется, провалилась, но временами опять вырывается вперед, расширяется, становясь при этом все более безжалостной и опасной.

Возникает вопрос: улучшится или ухудшится ситуация в будущем? Прислушимся ли мы к тем, кто всегда утверждал и продолжают утверждать, что цивилизация находится на ложном пути? Наконец, какая из двух точек зрения более "романтическая": та, согласно которой технология "починит" себя и приведет нас в технологический рай, или та, которая настаивает на более простом и проверенном веками решении?

[5] Биорегионализм — движение, направленное на решение политических, культурных и экологических проблем за счет организации или восстановления мест проживания, с характерными природными и местными условиями (биорегионы). Как правило, они имеют природные водные границы. Упор делается на местные культурные традиции и "святость места". — *Прим. перев.*

часть I

ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ СЛЕДОВАЛО БЫ АДРЕСОВАТЬ ТЕХНИКЕ

Современная технология продвигалась столь мелкими шажками, на протяжении столь длительного времени, что мы не заметили, как сильно она изменила мир. Сегодня темпы перемен невероятно выросли. Ясно, что необходимы критерии, позволяющие оценивать наносимый техникой ущерб и ограничивать ее там, где это необходимо. Это критически важно для выживания.

I

Я РОС ВМЕСТЕ С ТЕХНИКОЙ

В 1936 году (когда я родился) не было ни реактивных самолетов, ни компьютеров, ни спутников, ни ксероксов, ни магнитофонов. Не было стереосистем и компакт-дисков. Не было телевидения. Не пришло время для космических полетов; не было ни атомной, ни водородной бомб, ни ракет с самонаведением, ни "умных" бомб. Не было флуоресцентных ламп, стиральных машин и кондиционеров. Не было шоппинг-центров и супермаркетов. Не было пригородов. Не было скоростной почты, факсов, кнопочных телефонов, противозачаточных таблеток. Не было кредитных карточек, синтетических ниток. Не было антибиотиков, искусственных органов, пестицидов и гербицидов. Затем в один прекрасный момент все это появилось.

ГОРОД, ЛЕС, ПРИГОРОД

В 1940 году наша семья переехала из Бронкса в Йонкерс — маленький городок, расположенный в трех милях от городской черты Нью-Йорка. Для меня это было равноценно переезду в места, куда не ступала нога человека. Помню, как выглядел наш дом. Маленький аккуратный кирпичный домик с белыми деревянными ставнями, в самом конце проселочной дороги, за которой начинался лес. В лесу водились косули, фазаны, лисицы, еноты и совы.

В школу я пошел в пять лет, причем добирался до нее, идя по тропинке через лес. До сих пор помню все детали этой тропинки: корни деревьев, через которые надо было перелазить; старый клен, которого я полюбил как человека. Каждый день я отмечал малейшие перемены на своем пути; помню, например, как заметил углубляющиеся потоки ручьев после дождя. Мать говорила: "Так начинался Большой Каньон", и эта мысль меня поражала.

Через два года грунтовую дорогу перед домом покрыли гравием, а рядом построили четыре дома, на близком расстоянии один от другого. Я видел, как рубили деревья, чтобы очистить место под строительство. В нашем доме шел ожесточенный спор: надо ли покупать землю перед домом для того, чтобы на ней ничего не строили? В конце концов, мы отказались от покупки. Родители не могли поверить, что на бли-

жайшем холме начнется большое строительство. Через несколько лет в Йонкерсе стали возводить большие дома. Раньше мы планировали посадить сосны, чтобы отгородиться от соседей. Но теперь почувствовали себя обложенными со всех сторон. Вскоре мы столкнулись с проблемой автостоянки.

Гравий постепенно заменили на асфальт, а посреди дороги нарисовали разделительную полосу. Хлынул бесконечный поток машин и грузовиков, заглушивший звуки ветра и птиц. К 1955 году лес и его обитатели исчезли, а на их месте появились сотни маленьких кирпичных домов с лужайками. Наш городок превратился в пригород для среднего класса.

Надо сказать, что мои родители хорошо отнеслись к переменам. Хотя лес был практически уничтожен, они утешали себя мыслью об экономическом прогрессе и о том, что кто-то на этом зарабатывает деньги. Большинство наших соседей были потомками еврейских и итальянских иммигрантов, и прогресс для них означал величие Америки.

МАГАЗИНЫ

Любимым занятием моей мамы было хождение по магазинам, а я любил ходить вместе с ней. Мама подходила к этой задаче с позиций восточно-европейцев. Она родилась в румынском городке, где центральная площадь представляла собой рынок — он же выполнял роль общественного центра.

Ее любимым местом была Джером-авеню в Бронксе, в квартале от нас. Такую же улицу, наверное, можно было увидеть и в Восточной Европе. Продавцы выставляли свой товар прямо на тротуаре: поношенная одежда, вязаные вещи, кожаные изделия, мясо, овощи, консервы и рыба. На улице много деликатесных магазинов и маленьких мастерских.

Продуктовые магазины были бесподобны. Бочонки с соленьями, гроздья салями, опилки на полу. При покупке принято было громко кричать и торговаться, зачастую на идише. Люди собирались вокруг рыбной горки и долго спорили по поводу качества товара, поднимали рыбу и рассматривали ее со всех сторон. На улице всегда толпился люд, и казалось, что все друг друга знают.

К тому времени, когда мне исполнилось десять, мы перестали ходить на Джером-авеню. В Йонкерсе закончили строительство торгового центра Кросс-кантри. Расположенный в нескольких милях от нашего дома, Кросс-кантри считался самым крупным торговым центром в Нью-Йорке; некоторые считали его даже самым крупным в мире. Вскоре он стал прототипом "моллинга", длинного ряда из магазинов. Но в середине сороковых такой тип магазина был в новинку. Сооружались огромные универмаги, окруженные со всех сторон мелкими ларьками (еще одно изобретение сороковых). Никаких семейных магазинов. Никаких опилок. Вскоре пропали и маленькие продуктовые магазины, которых вытеснили супермаркеты A&P. Никто уже не обсуждал с владельцами магазинов преимущества или недостатки трески. Более того, никаких владельцев, поскольку магазины теперь принадлежали конгломерату безличных соб-

ственников, а не конкретным людям. Хождение за покупками перестало быть интересным занятием. Пропал социальный элемент торговли, люди больше не общались друг с другом, а сама торговля превратилась в бизнес-трансакцию. Миниатюрная и частная торговля изменилась вместе с физической средой: она исчезла как пригородный лес или городской рынок.

СЕМЕЙНЫЙ ДОКТОР

Самой выдающейся личностью в Йонкерсе был доктор Моррис Вудро. Жившие в нашей округе иммигранты были поражены тем, что иммигрант сумел пробиться в доктора. Но Вудро был больше, чем доктор. Жил он в большом доме с колоннами, напоминавшем георгианский дворец. Его два черных кадиллака всегда аккуратно припарковывал перед домом его личный шофер — факт, совершенно исключительный для района Линольн-парка (в котором большинство изо всех сил старалось выбиться в средний класс). Если у вас были лишние деньги, вы не красовались перед всеми. Вудро красовался.

Он также интересовался музыкой и искусством — еще одно невероятное занятие в Линкольн-парке. Каждое воскресное утро он облачался в смокинг и медленно фланировал по Нилэнд-авеню, держа за поводок двух афганских гончих и распевая при этом итальянские арии. Жители городка считали его большим оригиналом, но он им нравился.

Несмотря на свои чудачества, Вудро мог придти в дом к больному в любое время, даже посередине ночи, неизменно в шелковом халате с черным саквояжем и напомаженными усами. Войдя в дом, он сразу же принимался петь. Если это был ребенок, он выделывал ряд смешных трюков. Собственно, Вудро не осматривал подолгу пациентов. Некоторое время он смотрел на вас, затем просил высунуть язык, Иногда кричал, чтобы вы забыли о том, что больны. Затем приглашал в больницу тех, кто хотел посмотреть на *действительно* больных.

Если вы продолжали настаивать на том, что больны, он мог постучать по вашим коленям или дать микстуру собственного приготовления. В редких случаях он давал сульфамидные препараты, в самых исключительных — пенициллин. Он с похвалой отзывался о новых лекарствах, но не соглашался с теми докторами, кто приписывал их от простуды.

Вудро жил в переходный период между старой и новой медициной. Современные методы лечения он использовал только в экстренных случаях. Это относилось даже к ношению очков. В детстве у меня часто появлялся "ячмень" на веках. Офтальмолог отнес это за счет зрительного перенапряжения и выписал очки. Увидев меня однажды на улице в очках, Вудро сразу же снял их с меня и сказал, что они мне не нужны. Потом позвонил и отругал офтальмолога. Вудро объяснил просто: "ячмень" появляется от грязи. В любом случае, всё должно пройти с возрастом. Так и случилось. Я надел очки только в тридцать пять лет.

Особые отношении у Вудро были с моим отцом, который был ипохондриком. Отец внимательно наблюдал за сокращениями каждого своего мускула, и сразу же предполагал наихудшее. Это отражалось на всех нас, в особенности на мне. Но когда Вудро принимался лечить отца, все становилось на свои места. Замечая у отца грустное настроение, он принимался рассказывать неприличные анекдоты. Отец смущался, но вынужден был смеяться, чтобы не ударить лицом в грязь. Затем Вудро начинал сеанс внушения: "Гарри, перестань расстраиваться, черт возьми, ведь ты такой здоровый, что тебя не собьют десяток лошадей". Время от времени он давал отцу аспирин, который считался лекарством от всех болезней.

Много лет спустя, выйдя на пенсию и переехав во Флориду, мои родители потеряли контакт с Моррисом Вудро. Отец попал в руки кровожадных докторов, которые, казалось, выбирают места скопления стариков. Один из докторов определил у отца высокое кровяное давление. Выписанные таблетки нарушили пульс. Другой доктор обнаружил у отца экстрасистолы, и выписал другие таблетки, вызвавшие задержку жидкости в организме. Это повлекло за собой необходимость в третьих таблетках и т.д.

Моррис Вудро каким-то образом узнал о состоянии отца. Он позвонил из Йонкерса и закричал: "Гапрри, ради бога, прекрати принимать эти таблетки, у тебя всегда был неровный пульс, это семейное". Вудро признался нам, что никогда не говорил отцу о состоянии его сердца, поскольку это только усилило бы его ипохондрию и *действительно* привело бы к повышению давления. Он оставался нашим семейным доктором, и поэтому считал, что должен немедленно вмешиваться в возникающие проблемы.

Тем временем, мои родители уже согласились на современные препараты. Принятие таблеток продолжилось: таблетки вызывали у отца головокружение, тревожное состояние, задержку мочи или ее чрезмерное выделение, повышение и понижение кровяного давления. Отец так и не смог отказаться от приема таблеток. Через два года после звонка Вудро он скончался.

МИЛЬТОН БЕРЛЬ

В 1949 году, когда мне исполнилось тринадцать, на Нилэнд-авеню появился первый телевизор. Через год телевизор появился у моих родителей.

В детстве я представлял, что внутри радиоприемника живут маленькие человечки и ведут передачи для меня одного. Любое другое объяснение с использованием технических терминов было выше моего понимания. Но к шестнадцати я уже принял тот факт, что голоса каким-то образом передаются по проводам (хотя это и оставалось для меня загадкой).

Телевидение было не менее таинственным, чем радио или телефон. Идея о том, что картинки могут передаваться по воздуху и по проводам, совершенно не укладывалась в мою голову, да и сегодня, надо признаться, это поражает меня, хотя я научился принимать современную чудо-технику.

Однажды мои родители пришли домой возбужденные и рассказали о том, что соседи Эдельсоны купили телевизор — "Теперь у них кино дома!". И мы пошли к ним в гости. Телевизор представлял собой одну из первых систем Philco. Катодная трубка располагалась ниже линии зрения и проецировала изображение на посеребренный экран. Для того чтобы что-нибудь увидеть, надо было садиться перед самым экраном. Если вы сидели сбоку, изображение было нечетким. А на экране был... Мильтон Берль! Кроме него были Сид Сизер, Имоджин Кока, Мел Ален, Стив Ален, Эдвард Мерроу, Омнибус, Холмарк-театр. Телевизионные программы в те дни были смешнее и проще: простые комедии, спорт и прямые передачи из театра — все было спонтанным и захватывающим.

Но, вероятно, самым лучшим качеством телевидения тех дней была его умеренность. Программы обычно начинались около 4 часов дня и продолжались до 11 вечера. И поскольку лишь немногие имели телевизоры, соседи собирались вместе, смотрели передачи и общались друг с другом. Миссис Эдельсон приглашала всех с нашей улицы смотреть телевизор, и еще угощала печеньем при этом. На передачи Мильтона Берля приходило до дюжины человек, все они жались друг к другу перед экраном и весело кричали. В те дни просмотр телевидения был сродни хождению в кино: смотрели компанией, после чего обсуждали увиденное. Вскоре, впрочем, каждая семья приобрела свой отдельный телевизор. Программы начали передавать круглосуточно. Коллективный просмотр закончился: сначала передачи стали смотреть отдельные семьи; затем каждый член семьи замкнулся в своей комнате, молчаливо наблюдая за происходящим на экране.

СЕМЕЙНЫЙ БЬЮИК

В Ликольн-парке к машинам относились очень серьезно. Среди мужского населения всех возрастов постоянно велись споры в отношении дизайна машин, их возможностей и символического значения: это "классная" модель или нет? Мы играли в игру, заключающуюся в том, кто первый отгадает модель, марку и год выпуска идущих по дороге машин. Хови Дугофф всегда выигрывал. Он никогда не ошибался, угадывая машину за два квартала.

В 50-х годах появилось понятие "запланированное старение". Реклама в тот период расхваливала все новое, и люди в Линкольн-парке серьезно поверили в преимущества новизны. Полагалось менять машину чуть ли не через каждые два года. Это требование нарушали лишь мой дед и наш сосед Лу Озер. Семейству Озеров принадлежали две машины, одна из которых — "олдсмобиль" — обновлялась через каждые два года. Но у Лу была и вторая машина, "ласаль", выпуска 1938 года. Он ежедневно совершал на ней 10-мильную поездку из Йонкерса до северного конца нью-йоркской подземки, которая подвозила его затем до офиса в нижнем Манхэттене. Его приверженность к "ласаль" была удивительна, поскольку в других отношениях Лу был совершенный конформист. Он не видел никакой необходимости продавать "ласаль", которая прекрасно ездила. Это сильно расстраивало его жену, детей и соседей. Проживавшие

на Нилэнд-авеню стеснялись его "старой" машины, и рассматривали приверженность Лу старине как вызов общественному мнению, которое в то время уже формировалось вокруг потребительства.

В нашей семье был бьюик, который мы меняли каждые три года. Отец в особенности любил *большие* машины. По его мнению, они были не только престижнее, но и в случае столкновения лучше защищали, чем европейские малолитражки, которых все критиковали.

Помню шерстяные сидения, на которых любил спать во время длительных поездок из Бруклина, где жили дедушка и бабушка. Проснувшись, я смотрел на спидометр и замечал на нем цифру 120 миль/час. Мне в голову приходила мысль: "Зачем строить такие быстрые машины, если предел скорости на дорогах 60 миль/час? Этот вопрос, полагаю, уже тогда свидетельствовал о моем смутном интересе к технике.

В Йонкерсе машины использовали по каждому поводу. Даже если надо было добраться в магазин через три квартала. Машинами не пользовались только во время больших еврейских праздников Рош Ха-шана и Йом Кипур. В эти дни в синагогу все ходили пешком. Это надо было видеть! Обычно пустые тротуары заполнялись чинно идущими под руку парами, словно это была воскресная прогулка в Вене. На машинах ездили только итальянцы. Но ездили они медленно, видимо, отдавая дань празднику.

Помню случай, когда прекратилось всякое движение на дорогах. Мне было тогда лет одиннадцать. Снег засыпал Нью-Йорк высотой несколько футов. Газеты писали, что город парализован, люди в панике, машины застряли в пробках. На следующее утро отцу обязательно надо было добраться до офиса в нижнем Манхэттене. Я пошел с ним. Мы пробирались по глубокому снегу до шоссе, которое все же работало, доехали до подземки, которая также работала. Когда вышли на углу 18-й улицы и 6-й авеню, перед нами открылась удивительная картина. На улицах стояла тишина, кругом белым-бело от снега. Вместо того чтобы "паниковать", люди весело играли в снежки и катались на санках. Пресса полностью исказила то веселое настроение, которое охватило многих. Все дело в том, что паника лучше подходит для новостей, чем мирная игра в снежки.

ФЛОРИДА

По крайней мере раз в год мои родители выезжали во Флориду — их самое любимое на земле место. Они всегда мечтали в один прекрасный день уйти на пенсию и поселиться в этом тропическом раю, среди пальм, пустынных пляжей, стай цапель и пеликанов. Но к тому времени, когда родители смогли туда вырваться, рай был уже заасфальтирован и затерялся среди высотных строений. Позже, когда я поинтересовался, не жалеют ли они о том, что произошло с Флоридой, они сказали, что жалеют, однако это был прогресс, а прогресс — это хорошо.

Чтобы добраться до Флориды мы садились на поезд. Поездка занимала два дня и еще ночь. Для меня это было ужасно долго, но я любил спать в купе и смотреть в окошко. Покрытые сажей города Северо-востока постепенно уступали место дремучим лесам; ландшафт становился все более зеленым, а погода теплее. В Южной Каро-

лине и Джорджии поезд проходил буквально в метрах от сельских лачуг. Сидевшие во дворе или на крыльце негры махали нам, когда поезд проносился мимо. Я старался представить себе, как живут люди в этих, домишках. На остановках мы выходили на платформу и пили из фонтанчиков, на которых было написано "Только для белых".

Иногда добирались на юг на машине. Для этого требовалось больше времени, и ехать было менее удобно, чем на поезде. Но это давало возможность останавливаться в различных загадочных местах и посещать дома с привидениями, видеть останки динозавров, логова змей, окаменевшие деревья. В восточной части парка Эверглэйдс во Флориде находилась "настоящая деревня индейцев-семинолов". Там я впервые увидел индейцев. Хотя об индейцах я читал в школе — во что они одевались, чем питались и как они все вымерли — я был очень удивлен, увидев, что они еще живы. Мне сказали, чтобы я к ним не подходил и не трогал. Старики-индейцы продавали мокасины, бусы и шапки, на которых было написано "Семинол". Один индеец-силач боролся с аллигатором, ловко открывая его пасть и вставляя в него палку. Наконец мы очутились на краю кипарисового болота. На воде — индейские каноэ. В кипарисовом лесу я заметил дома, встроенные прямо в деревья. Я не мог представать, что в этих местах можно жить. Болото казалось мне опасным. Когда мы покинули эти места, я почувствовал некоторое облегчение.

ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ

Лето я проводил в лагере, в Массачусетсе. Это был спортивный лагерь: баскетбол, бейсбол, плаванье и волейбол. Командные соревнования. Целью соревнований была победа. Пару раз в неделю, однако, у нас был предмет, который назывался "природа". Инструктор "по природе" казался нам странным, потому что *никогда* не занимался спортом. Он постоянно собирал экспонаты растений и работал в своей "природной лаборатории". Он брал нас на прогулки, указывал на цветы, называл их латинские имена, заставлял делать записи. Мы ненавидели эти походы. Они всегда выпадали на самые жаркие дни; нас кусали жуки, а мы хотели играть в бейсбол. Иногда инструктор проводил с нами занятия в комнате, где мы с каким-то странным наслаждением препарировали лягушек и змей. Там я узнал, что у животных такие же органы, как и у людей.

Летним днем 1945 года мы проснулись после обязательного дневного сна и увидели, как инструкторы сгрудились вокруг радиоприемника. Кто-то прибежал с газетой, в которой был заголовок: США бросают атомную бомбу на Японию. Началось оживленное обсуждение того, как одна бомба может уничтожить целый город. Я не мог вообразить ничего подобного, и на меня это произвело впечатление. Все говорили, что после этого война — все войны — станут невозможными. Сутками я пытался понять, что представляет собой атомная бомба, но никто не мог мне этого объяснить. Президент Трумэн выступил по радио и сказал, что на нас, как изобретателей бомбы, лежит большая ответственность, но Богу было угодно, чтобы мы ее изобрели. В результате это помогло нам спасти тысячи жизней американцев. В будущем, обещал Трумэн, атомная энергия будет использоваться только в мирных, гуманных целях.

Через несколько лет русские, без помощи Бога, также произвели атомную бомбу, и началась гонка вооружений.

Для меня лично факт ядерных вооружений означал, что, будучи подростком, я постоянно испытывал страх. Я понимал, что моя жизнь может в одно мгновение оборваться. В школе начались регулярные занятия по противовоздушной обороне. Мы заучивали правила, что надо делать, если бомба упадет поблизости: не смотреть на вспышку, прятаться под парту, не пить воды, слушать внимательно распоряжения гражданской обороны.

Из всех технологических новшеств атомное оружие сильней всего подействовало на мое детство. У меня впервые возникли сомнения по поводу будущего. Я почувствовал, что сила техники настолько велика и непостижима, что может в любой момент опустить свой железный кулак и разрушить мою жизнь. Я более не был в состоянии контролировать свое существование.

К тому времени, как мне исполнилось тринадцать или четырнадцать, я был уже сильно озабочен возможностью возникновения ядерной войны. Я представлял себе ядерные взрывы и разорванную в клочья семью. "Как глупо,— думал я, — я только начинаю жить, а в голове засели мысли о всеобщем уничтожении". Много переживаний было по поводу того, как следует жить перед лицом такой угрожающей техники. Хуже всего, что никто не хотел говорить со мной об этих вещах — ни в школе, ни в семье, ни в прессе. Атомная бомба знаменовала собой самое серьезное техническое достижение, о чем в Соединенных Штатах — да и во всем мире — знал каждый, но переживал отдельно, внутри себя.

“ДЕМОКРАТИЯ”

Ядерная технология нарисовала ужасную картину того, во что может превратиться мир. С другой стороны, это была единственная технология, заставившая задуматься о подобных вещах. Для 40-х и 50-х характерно всеобщее увлечение техникой, тогда строились романтические картины будущего — фантазии, которые я мог бы сегодня определить как "техноутопия".

Больше всего способствовала такому восприятию будущего всемирная выставка в Нью-Йорке 1939—40 годов. Она внушила людям новые представления о технике, которая скоро должна придти в каждый дом. Мои родители взяли меня, четырехлетнего, на выставку. Я ходил и смотрел на всё, раскрыв рот от удивления.

Самые впечатляющие картины были в павильонах разных компаний: диорамы, показывающие сверкающие белизной многоярусные техногорода. Монорельсовые дороги, перевозящие людей со скоростью 200 миль в час, блестящие, обтекаемые машины, несущиеся с невероятной скоростью по надземным шоссе. Личные самолеты и вертолеты, снующие между высотными зданиями в 500 этажей. Люди, летающие с небольшими ракетными моторчиками за спиной, роботы на улицах, выгуливающие собак.

В павильоне компании Дюпон выставлялся "типичный дом будущего", целиком из синтетических материалов. Группа роботов вызывается нажатием кнопки. Еще одна кнопка погружала в "природную среду" по вашему выбору: горы, луга, океаны. С помощью компьютера-телевизора можно было заказывать продукты, получать газету или беседовать с друзьями (появляющимися на экране) в любой точке земли.

Диорама под названием "Демократия" представляла будущий образ жизни тех, кто живет в пригороде или сельской местности. Через двадцать лет (т.е. к 1960 г.) города должны были избавиться от трущоб и болезней. Они утопали в парках. К тому времени энергетические источники становились неиссякаемыми, а климат контролировался по воле людей.

В космическом павильоне улыбающиеся белые американцы счастливо жили в искусственных городах на других планетах. В другом павильоне показывалось, как с помощью современного кондиционирования воздуха мы будем скоро жить под землей. На выставке "Горизонты медицины и науки" предсказывалась победа над болезнями и продление жизни до нескольких сотен лет, или вообще обеспечивалось бессмертие; насекомые уничтожались с помощью пестицидов, а с бедностью было покончено.

За два года более 45 миллионов человек посетили нью-йоркскую Всемирную выставку. Все с воодушевлением восприняли разрекламированный будущий образ жизни. После десятилетия депрессии перспектива технорая казалась фантастически привлекательной. Мечта Дюпона стала мечтой многих. Ну кто не захочет иметь автоматизированный дом со своей природной средой, покупками при одном только нажатии кнопок? Кто не любит маленьких роботов? Кто не захочет жить вечно? Об этом стоило задуматься.

Будучи ребенком, я, конечно, находился под впечатлением от увиденного и услышанного. Образы будущего прочно вошли в мое сознание, как и в сознание моих сверстников. Эти образы наложили отпечаток на всю последующую жизнь. Мысль о том, что эти образы были всего лишь выдумкой корпораций, не приходила в голову. О проблемах, связанных с этими образами, или об альтернативе, никто не говорил.

АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА

На протяжении двадцати лет после Всемирной выставки подобные образы занимали главное место в средствах массовой информации, особенно, в рекламе. В рекламе Б.Ф. Гудрича 1942 года, например, говорится: "После нашей победы в войне мы получим новую Америку. Америку, которая удивит мир своими достижениями... Люди и машины уже начали работу по обновлению страны. Мы уверены в победе. Но сегодня все усилия должны быть направлены на победу в войне. Завтра, мы создадим новую Америку". Задачей рекламы было способствовать скорейшему приходу этой новой Америки.

К окончанию Второй мировой войны реклама начала превозносить достоинства различных приборов ("обед без хлопот"), замороженных продуктов и синтетической одежды ("синтетика всегда выглядит как новая, она модная и не рвется"). Американская

компания Cyanamid обещала свернуть горы, построить " шоссе ...настоящий триумф в инженерном деле и транспорте, обеспечивающий безопасное скоростное движение без остановок, переходов, резких поворотов или снижения скорости". В рекламе также превозносился расточительный образ жизни, освобождение дома от старых вещей, научные способы производства пищи, включающие добавление антибиотиков в корм скоту и пестициды. Дюпон обещал сделать жизнь лучше с помощью химии, Вестингауз — "поднять на электронную высоту".

За эти десятилетия создавалась Американская Мечта. Для техники не должно было быть никаких препятствий. После войны даже небо не было пределом. Сомнения не допускались. В отчете 1949 года, подготовленном президентом Брукингского института Г. Дж. Мултоном, заявлялось, что производственные мощности США таковы, что могут в восемь раз поднять уровень жизни 300 миллионов американцев. В отчете предсказывалось будущее изобилие за счет производительной работы фабрик и шахт, дающих в пять-десять раз больше продукции, ферм, снимающих в три раза больший урожай, широкого освоения океана, осушения болот и превращения пустынь в цветущие сады. "Нет пределов для повышения благосостояния мира", — заявил Мултон.

Компания *Дженерал электрик* передавала свои рекламные объявления по радио голосом Рональда Рейгана. Впоследствии, когда Рейган стал президентом, он сохранил эту оптимистическую риторику. Слушая, как он расхваливал замечательную идею Звездных Войн, я узнал его старую манеру вещания и услышал те же словечки, заимствованные из коммерческого лексикона послевоенного периода. Успех политической карьеры Рейгана можно объяснить его связью с тем оптимистическим временем; всем, кому сегодня за тридцать, еще помнят звон его речей. Это было время всеобщего подъема, когда многое казалось действительно возможным.

Новая система ценностей, сформированная в 40-х и 50-х, направлялась на то, чтобы предельно расширить американский промышленный и коммерческий секторы. "Американский образ жизни" стал торговой маркой; он поставил знак равенства между "настоящим американцем" и потребителем. В годы правления Трумэна-Эйзенхауэра американский идеал потребительства прямо противостоял российскому отказу от такового. В 50-х годах покупка стиральной машины рассматривалась как удар по коммунизму.

Для данной системы ценностей технологические инновации — это всегда хорошо. Они полезны для здоровья. Они сокращают затраты труда. Они приводят в действие экономику, способствуют ее росту, что в свою очередь поднимает уровень жизни, а это идет на пользу всем людям. Технические инновации способствуют демократии, свободе и отдыху. Научно-технический прогресс скоро распространится на весь мир и освободит людей от тяжелой ручной работы, которая их порабощала испокон веков. Когда-нибудь вся Земля будет выглядеть как Всемирная выставка. Прогресс неизбежен. Стрелки часов нельзя повернуть вспять.

Для меня, подростка, моей семьи и соседей, да и всех американцев, такие надежды были вполне в норме вещей. Поддавшись риторике и общему ажиотажу, мы как будто оказались в огромном театре. Мы сидели и смотрели, как перед нами разворачивались одна диорама за другой. Наш мир радикально изменялся, условия

проживания и любимые места разрушались, лес уничтожался, открытые пространства застраивались; загрязнение и смог становились в норме вещей, пригород стал походить больше на Нью-Йорк (последний стал напоминать *Metropolis* Фрица Ланга); а мы всё смотрели на происходящее словно были в кино.

Сказать, что мы, граждане, не принимали никакого участия в этих переменах, будет неверно. Мы жили в этом мире и взаимодействовали с изменяющейся средой. Молчаливо принимая перемены, мы тем самым давали свое согласие. Но никто и не спрашивал нас, хотим мы перемен или не хотим. И мы не задавали вопросов. Все полагалось и так ясным. Перемены происходили с такой быстротой и напором, что трудно было сообразить, что происходит. Даже если и было время задуматься, не нашлось бы слов, чтобы выразить свои мысли. Отсутствовал язык, позволяющий оценивать технику. Нет, впрочем, его и сейчас. Параметры дискуссии, даже параметры мысли, заранее определялись корпоративными, правительственными или научными институтами. Не было формальных способов, с помощью которых простые люди могли участвовать в дискуссиях или дебатах, услышать все "за" и "против" того, что происходит. Не проводилось никаких общенациональных референдумов, информацию можно было черпать только из газет. А пресса сообщала прежде всего прогнозы правительства или рекламодателей. Если присутствовал альтернативный взгляд, он не выходил за рамки интеллектуальных кругов и не был доступен среднему американцу.

При отсутствии альтернативных взглядов доминирующая парадигма в обществе заключалась в том, что технические инновации — это безусловно хорошо, т.к. представляют собой главные способы разрешения проблем в обществе и приведут в итоге к лучшему миру.

Через пятьдесят лет после начала строительства технологического рая, мир, однако, находится в самом большом экологическом кризисе с момента появления человека; и этот кризис вызван ненасытной потребностью технологической мегамашины в природных ресурсах. На этом этапе истории самое время задать себе вопрос: а на правильном ли мы пути?

2

ФАНТАЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Перечитывая многообещающие заявления в 40-х и 50-х годах о скором приходе техноутопии и вхождении нашего общества в новую технологическую эпоху, становится ясно, что нам необходимо выработать критерии, которые помогут сравнить прогнозы с реальностью. Даже если небольшой процент прогнозов окажется верным, можно сказать, что мы стоим на пути построения научно-технического рая на Земле.

За последние пятьдесят лет разрекламирован целый ряд новых технологий, увеличивающих наше счастье, свободу, мощь, здоровье и физический комфорт, а заодно уменьшающих затраты ручного труда, создающих новые рабочие места, усиливающих демократию и делающих жизнь прекрасной и приятной. Со временем набор этих утверждений стал аксиомой и дал волю нашим необузданным техноутопическим фантазиям. Мы поверили в них в 40-х и 50-х, и до сих пор в них верим. Но сбылись ли наши надежды? И по каким критериям можно судить об успехе или провале нашего пути?

Я полагаю, что минимальный критерий успеха должен заключаться в том, удалось ли обществу сохранить население здоровым, мирным и удовлетворенным жизнью. Все члены общества должны иметь достаточно еды и места для проживания, а также возможность участвовать в общественной жизни. Каждый должен иметь доступ к коллективной мудрости и знаниям и рассчитывать на то, что жизнь для него и для будущих поколений будет духовно и эмоционально богатой. Это в свою очередь предполагает сознательное отношение к жизни, заботу и уважение к системам жизнеобеспечения Земли.

Очевидно, можно поспорить в отношении отдельных пунктов указанного списка параметров или добавить свои, но для меня они кажутся базисными. С тех пор как началась усиленная пропаганда технологического рая прошло уже достаточно времени (почти пятьдесят лет), поэтому сейчас самое время сравнить прогнозы с реальностью.

• • •

Люди, превозносящие технику, говорят, что она повысила наш уровень жизни; при этом имеется ввиду *скорость* (люди могут передвигаться быстрее и получать боль-

ше товаров и информации), *выбор* (часто приравниваемый свободе выбора), *свободное время* (предполагается, что технология облегчает работу и сокращает рабочее время) и *роскошь* (больше потребительских товаров и материального комфорта). Ни один из этих параметров не говорит нам о человеческом счастье, безопасности или возможности поддержания жизни на Земле. Возможность быстрее добираться до того или иного места может приносить удовольствие некоторым людям, но и в этом я не уверен. Я также не уверен, что больший выбор потребительских товаров на рынке может доставлять такую же радость как, скажем, любовь и дружба, или осмысленная, интересная работа. Я также не верю, что выбор равнозначен "свободе", если последнюю трактовать как разумный контроль над собственным сознанием и опытом.

Что же касается досуга, то я считаю, что в нашем обществе досуг часто означает простое времяпровождение — просмотр телевизора или покупку вещей. Многие пытались доказать, что в условиях автоматизации и роботизации свободное время можно тратить на поиск более интересной работы. Но как отмечал Маршалл Салинс и другие (об этом рассказывается подробно в главе 14), люди каменного века имели в два раза больше свободного времени, чем мы сегодня; они использовали его для духовной практики, личных отношений и удовольствий. Наконец, такие авторы как Иван Иллич [6], указывали, что если учесть время, необходимое для зарабатывания денег и починку всех дорогих "экономящих время" электронных устройств, то современная технология просто *крадет* его у нас.

Кроме повышения уровня жизни, выдвигается еще один аргумент в пользу технологического пути — современная медицина. Бесспорно, современная медицина, хотя и не привела к бессмертию, как предсказывалось на Всемирной выставке 40-х (и предсказывается теперь в 90-х), все же способствовала продлению жизни. С помощью антибиотиков, антисептиков и улучшенной диагностики современная медицина увеличила продолжительность жизни в технологически развитых регионах мира.

С другой стороны, критики технологий (Иллич и др.) считают, что современная технология влечет за собой серьезные опасности. Отрицая традиционные методы самолечения и вторгаясь в человеческий организм с помощью лекарств или хирургии, современная медицина может приводить к осложнению той болезни, которую пытается излечить. Другие критики полагают, что западную медицину нельзя оторвать от всей сети технологий: компьютеров, вмешательств в репродуктивную область, биотехнологии и генетики, т.е. тех областей, которые сами по себе проблематичны. Третьи настаивают на том, что увеличивать продолжительность жизни бессмысленно, если снижается *качество* жизни, особенно в виду роста загрязнения и разрушения среды технологиями. Рост продолжительности жизни может вскоре обратиться вспять.

Признавая тот факт, что технологии в целом удлиняют жизнь, что, конечно, хорошо, спросим себя: а по каким критериям можно их оценить? Можно ли оценить их влияние на человеческое счастье, безопасность, благополучие и веру в будущее? Эти

---

[6] Иван Иллич (1926 — 2002) — радикальный критик современной культуры, не воспринимаемый ни "правыми", ни "левыми". В полемических статьях указывал на порочность образования, медицины, экономики и энергетики. Основные труды можно найти на сайте http://www.preservenet.com/. — *Прим. перев.*

вещи очень сложно измерить, но данные, полученные некоторыми американскими агентствами, могут дать представление об общем характере проблем в США. Хотя для других западных стран имеются отличные цифры — например, уровень преступления гораздо ниже в других странах — я думаю полезно привести эти цифры для США, поскольку США являются меккой технологического прогресса второй половины 20-го века и главными его популяризаторами, по крайней мере, до того момента, как инициативу перехватили японцы.

- Согласно цифрам, полученным независимым Национальным Советом по преступлениям со штаб-квартирой в Сан-Франциско, уровень преступности в США резко возрос после Второй мировой войны. К 1989 году число убийств в стране достигло 30 000 в год. Если вы молодой негр в Америке, наибольшая вероятность умереть у вас — от руки преступника. Если вы женщина, вероятность того, что вас изнасилуют, составляет один к пяти; если вы ребенок, то вероятность подвергнуться сексуальному домогательству один к трем.

- Цифры, полученные за 1990 год другой независимой исследовательской группой, The Sentencing Project, свидетельствуют о том, что число заключенных в США превысило отметку 1 миллион. Это самое большое число заключенных в мире на душу населения. (Южная Африка вторая, Советский Союз третий). Если добавить к этому число задержанных подростков, содержащихся под домашним арестом и т.д., общая цифра достигнет 1,5 миллионов.

- Как уже широко освещалось в прессе, самоубийства и наркотики в США, особенно среди молодежи, приняли характер эпидемии. (Это также верно для большинства промышленных стран мира). В 1990 году Национальный институт психического здоровья[7] привел данные, свидетельствующие о том, что самоубийства — третья причина смертности среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет.

- Данные Бюро переписи США за 1988 год указывают на то, что более 13% населения США (около 32 млн человек) официально находятся за чертой бедности. Бюро также отмечает, что 17,5% населения живут "ниже 125% уровня бедности", т.е. на уровне бедности. По оценкам Гарвардского центра исследования голода в Америке и стандартам Национальной академии наук, более 20 млн американцев "хронически недоедают".
- Центр переписи также сообщил, что в 1989 году у 13% населения США (32 млн человек) нет медицинских страховок.

- По оценкам Национальной коалиции бездомных в конце 1990 года в Америке насчитывалось около 3 млн бездомных.

[7] National Institute of Mental Health.

- Согласно данным Фонда семейной грамотности Барбары Буш, приблизительно 27% американцев "фактически безграмотны".
- По сообщениям Исследовательской группы общественного здоровья "около 25% больничных коек заняты психическими больными". В свою очередь, Национальный институт психического здоровья отмечал, что "28 млн американцев старше 18 лет страдают определенными психическими нарушениями, по крайней мере, в течение шести месяцев". Около 16 млн страдают "синдромом тревожности", 10 млн — депрессией, и около 2 млн диагностированы как шизофреники.

По поводу этой грустной статистики можно сказать только одно: она не отражает *счастливое* состояние публики или удовлетворение человеческих потребностей.

Конечно, у некоторых людей дела идут очень хорошо. Согласно данным федерального банка США, 10% американских семей — чьи доходы превышают 50 000 долл. в год — принадлежат 78% всех частных предприятий, 86% муниципальных средств, 50% жилищного фонда и 72% корпоративных активов. Вот вам и эгалитарные аспекты технического прогресса.

Мне кажется, что объективный наблюдатель — например, антрополог с Марса — пришел бы к выводу, что у нашего общества серьезные проблемы. Учитывая уровень насилия, саморазрушения, наркомании, помешательства, неравное распределение богатства и неспособность избавиться от страха, наблюдатель, наверное, определил бы общую ситуацию как полный провал. Можем ли мы винить в этом технологию? Только частично. Однако, учитывая заявления тех, кто ратует за разрешение всех проблем с помощью технологии, можно отметить, что машины так и не смогли создать обещанную утопию — и, как мы увидим далее, напротив, породили много новых проблем.

Вероятно, самая важная проблема — это разрушение природной среды (теперь уже по всей планете), которая *несомненно* связана с ростом технологий. Только за последнее десятилетие стал виден масштаб этого разрушения: выход из-под контроля токсических веществ, уничтожение огромных лесных массивов, исчезновение, возможно навсегда, многих видов растений и животных. Мы видим появление новых болезней, вызванных новыми технологиями, а также рост заболеваемости раком. Техногенные катастрофы в таких местах как Бхопал (Индия), Лав-Канал и Таймс-Бич; Вальдес, Аляска и Персидский залив; Три-Майл-Айленд и Чернобыль. Ясно, что идет разрушение всей системы жизнеобеспечения планеты, продолжается загрязнение воды и воздуха, увеличиваются дыры в озоновом слое и растет глобальное потепление, — все это предсказывалось в течение многих лет защитниками окружающей среды, но игнорировалось в технологическом угаре.

Учитывая все вышесказанное, разве нет у нас достаточных данных, чтобы сформулировать некоторые выводы? Вопреки предположению, что технология сделает жизнь лучше, очевиден ее провал, как в социальном, так и в экологическом плане. Это дает нам право поставить перед приверженцами технологий несколько прямых вопросов. Льюис Мамфорд[8] говорил, что "рог изобилия", т.е. неограниченное материальное

[8] Льюис Мамфорд (1895 —1990) — американский исследователь, критик науки и техники. — *Прим. перев.*

богатство, преследуемое технологическим обществом, представляет собой "чудовищную взятку"; другими словами, оно не позволяет нам увидеть то, что мы теряем в этой сделке. Не пришло ли время обсудить величину издержек — экономических, социальных, психических и экологических — при получении таких выгод, как увеличение скорости, досуга, продление жизни, выбор товаров и т.п., в особенности если они оказываются довольно маргинальными и, возможно, иллюзорными?

Однако такое обсуждение отсутствует, и никаких выводов не делается. Продолжают восхваляться преимущества новых технологий. Мы постоянно слышим, что новые поколения машин решат проблемы, оставшиеся от прошлого поколения машин. Мы слышим заверения в том, что будущая эра здоровья, комфорта, безопасности и счастья буквально за поворотом, стоит только полностью довериться техническому прогрессу.

Заклинания те же: "Нельзя остановить прогресс", "Нельзя загнать джина снова в бутылку", "Техника всегда останется с нами", "Надо найти способы лучшего ее использования" и т.д. Но эти заклинания лишь прикрывают пассивность общества и страх перед очевидными истинами.

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

В книге *Кит и реактор* Лэнгдон Уиннер называет наше нынешнее состояние "технологическим сомнамбулизмом". Он пишет:

> Самой удивительной загадкой нашего времени является то, что мы охотно (и бессознательно) идем по пути перестройки человеческого опыта... Почему до сих пор философия техники не нашла своих сторонников? Почему система, так прочно обосновавшаяся среди бесчисленных сложных инструментов, методов и систем, настойчиво отказывается от попыток проанализировать свое собственное существование?... В двадцатом веке считается само собой разумеющимся, что только новые машины, методы и препараты могут улучшать человеческое существование. Даже сопутствующие технологическому развитию социальные и экологические беды не могут пошатнуть эту веру... Мы редко подвергаем инновации всестороннему изучению и обсуждению, и еще реже откладываем их применение.... Мы постоянно участвуем в выполнении ряда социальных контрактов, условия которых мы узнаем только после подписания.

Наша пассивность в отношении слепого преклонения перед техникой продолжается вот уже тысячу лет. Некоторые ищут корни этого преклонения в земледелии и сельском хозяйстве. Другие называют патриархат. Совершенно очевидна роль Научной Революции, которая принесла с собой механистический взгляд на природу, изменила взгляд на жизнь и способствовала нашей зависимости от машин. Какими бы ни были исторические корни такой зависимости, мы находимся в системе восприятий, делающей нас слепыми и пассивными в отношении техники. Для этого существует несколько факторов.

Идеализированные сценарии техники

Посмотрите, как нам преподносят технику. Первые описания техники неизменно выдерживаются в оптимистическом, и даже утопическом, духе. Это происходит потому, что в капиталистическом обществе техника рекламируется либо изобретателями, либо теми, кто ждет прибыли от ее внедрения. В рекламе, на пресс-конференциях, на выставках информация о технике преподносится исключительно в розовом цвете. Это происходит даже в тех случаях, когда изобретатели знают о потенциально опасных свойствах своего изобретения. Понятно, что изобретатели, компании и правительсто заинтересованы лишь в обнародовании идеализированной, глянцевой стороны техники. Однако вероятность самых тяжелых последствий от использования любой технологии потенциально такая же, как и вероятность получения положительного эффекта. Ядерной энергетике в этом смысле немного не повезло. С самого начала ее использование оказалось не таким радужным, как предполагалось. И в этом "виновата" Хиросима. Если бы мы знали заранее об опасной стороне телевидения, автомобилей, компьютеров, пестицидов и т.д., это несомненно сдерживало бы их развитие.

Всепроникающая способность и скрытый характер технологий

Маршалл Маклюэн[9] говорил о технике в экологических терминах, обращая наше внимание на ее всепроникающюю способность. С утра до вечера мы находимся в мире, который всецело изготовлен человеком. Мы окружены тротуарами, машинами, гигантскими бетонными строениями. Автомобили, самолеты, компьютеры, приборы, телевидение, электрическое освещение составляют физическую вселенную, на которую реагируют наши органы чувств. Мы их замечаем, касаемся, реагируем. Они представляют собой "информацию", которая формирует наше мышление (в отсутствии альтернативной реальности, т.е. природы), и, следовательно, наши знания о мире.

По мере того, как мы входим в отношения с объектами нашего творения, мы начинаем в них растворяться и принимаем некоторые их характеристики.

Рабочие на конвейере, например, должны функционировать строго в соответствии со скоростью линии, подчиняясь ее повторяемости и другим техническим требованиям. Управляя автомобилем, мы должны концентрировать сознание и реакцию тела на том, чтобы слиться с машиной, следовать за всеми изгибами дороги. Чем дольше мы придерживаемся такой линии поведения, тем больше она определяет горизонты нашего опыта и видения. В конце концов такое поведение становится рамками нашего сознания.

Парадокс, однако, состоит в том, что поскольку техника присутствует вокруг нас, мы перестали ее замечать. Идя по тротуару или управляя машиной, или находясь в супермаркете, мы не замечаем технологической реальности, и вынуждены двигаться с ее скоростью. Мы проживаем наши жизни в искусственно сотворенной среде; мы сами находимся *внутри* изготовленных нами поделок.

Нам непросто понять технологию, находясь вне ее окружения, или, по выражению Маклюэна, "выйдя из среды". Но войдя в обусловленную техникой реальность,

---

[9] Герберт Маршалл Маклюэн (1911 — 1980) — влиятельный канадский философ и литературный критик, основатель теории масс-медиа. — *Прим. перев.*

мы тотчас забываем о предшествующей ей реальности. Нам трудно вообразить, какой была жизнь до телевидения или автомобиля. Мы не помним, как выглядели Соединенные Штаты, когда их территория была покрыта молчаливыми лесами. Информация, которую природа должна сообщать нашему уму и чувствам, сегодня практически отсутствует в нашей жизни. Если мы чувствуем потребность в природе, то чаще всего ищем ее в "парке", своего рода природном зоопарке. За вход в парк мы платим, словно за просмотр кинофильма. Любое сообщество, живущее в природных условиях, кажется нам непостижимым.

С каждым новым поколением, с каждым новым завоеванием дикой природы, у человеческих существ остается все меньше выбора, они вынуждены глубоко погружаться в технологическое сознание. Еще сложнее увидеть выход из этой ситуации. Постоянно находясь внутри искусственной среды, реагируя исключительно на предметы своего собственного изобретения, мы, по существу, живем *внутри нашего воображения*. В прошлом эволюция заключалась в интерактивном процессе между человеком и природной средой; в настоящее время эволюция происходит благодаря взаимодействию людей и их артефактов. Мы развиваемся, проходя через странный внутривидовый инцест. На каждом этапе перемены проходят все быстрее и глубже. Паутина взаимодействий между машинами становится сложней и незаметней; ее влияние усиливается и захватывает все большие сферы жизни. Мы погружаемся в технологическую среду, не отдавая себе в этом отчета. Окружающая среда становится частью наших изобретений, превращаясь в единую мировую машину. Живя внутри этой машины, мы становимся ее механической частью.

Личная точка зрения

Перемены происходят одновременно на стольких фронтах, технологии оказываются до такой степени переплетеными, что трудно ответить на вопрос: а как все это работает? Масштаб и сложность техники (например, система спутников и компьютеров, дающая возможность банкам мгновенно переводить финансовые ресурсы в любую точку Земли), не позволяют нам осознать все связи. Не видя, как машины соединены друг с другом, мы похожи на слепого, описывающего слона, по его хоботу. Мы можем описать только ту часть технологии, которая нам подвластна. О ее характеристиках можно судить только в узком, личностном ключе, основанном на конкретном опыте.

Мы любим машины, поскольку они приносят нам личную пользу. Например, машины пылесосят ковры. Автомобилем легко и приятно управлять. Телевизор развлекает. Микроволновка молниеносно разогревает обед. Компьютер помогает выполнить работу. При этом мы не задумываемся об их влиянии на общество или на природу. Не задумываемся мы и о том, как парад технологий воздействует на планету в целом. В результате у нас формируется личный и узкий взгляд на технику.

Но так смотрят на машины очень многие. У меня самого есть личный взгляд на них. В течение пятнадцати лет я езжу на “вольво” выпуска 1968 года; у нее никогда не случалось никаких серьезных поломок. Я писал книгу о телевидении на старой пишу-

щей машинке Underwood; это была надежная, замечательная машинка. Сейчас я пишу на старом компьютере IBM Selectric, также в своем роде замечательном.

Когда я использую эти машинами, или говорю по телефону, или управляю автомобилем, я не останавливаюсь и не начинаю обдумывать социальные, политические, культурные или медицинские аспекты своих действий. Я использую машины как каждый из нас. Так сейчас устроен мир, скажете вы, хотя я предпочел бы другое его устройство. Наверное, было бы невозможно работать, если бы каждый задавался вопросом о влиянии машин на энергетические соотношения, на то, кто выигрывает, а кто проигрывает, на то, как они влияют на планетарную среду и т.п.

Мы не спрашиваем, например, способствует ли компьютер всеобщей ядерной катастрофе или увеличивается (или уменьшается) при этом власть корпораций. Смотря телевизор, мы не думаем о влиянии передачи на десятки миллионов людей, воспринимающих те же образы, в то же самое время, и не размышляем по поводу телевизионного усреднения умов и культур. Мы не думаем о том, что асфальт подавляет жизнь. Критика обычно сводится к нашему личному неудовольствию какими-либо частностями. Очень редко мы рассматриваем ее политическую, социальную, духовную или экономическую составляющие и их влияние на страну или на мир в целом. И в этом вся проблема.

Внутренняя привлекательность машин

В книге *Четыре аргумента за отмену телевидения* я обсуждал реакцию животных на некоторые технологии. Олени останавливаются перед свечением фар. Рыба смотрит на маску ныряльщика, когда ее пронзают копьем. Я привел эти примеры, поскольку чувствую, что они имеют отношение и к нашему положению. Мы загипнотизированы новизной машины, ослеплены её яркостью, поражены её возможностями. У нас нет ни минуты, чтобы ужаснуться или подвергнуть её сомнению.

Частично эта проблема связана с генетической предрасположенностью. На протяжении многих тысяч поколений наше выживание зависело от чуткого прислушивания к тому, что происходит вокруг. Мы направляли наше внимание на необычные или новые события, как то: изменения в поведении животных, необычный след, природные катаклизмы и т.п. Возможно, они представляли для нас новую опасность или новые возможности. Вскоре мы стали удаляться от природы, а наша генетическая и сенсорная эволюция не поспевала за эволюцией машин. В новой технократической среде обитания мы не заметили, как информация, получаемая от органов чувств, перестала восприниматься как истина.

Если триста лет назад люди видели стаю летящих на юг птиц, они могли рассчитывать на то, что птицы действительно летят на юг, и исходя из увиденного, делать выводы. Но с появлением движущейся картинки в телевизоре, информация, достигающая наших органов чувств (в частности, наших глаз), ранее считавшаяся истинной ("то, что можно увидеть, то истинно"), оказывается ложной. Отредактированные, восстановленные, переделанные, ускоренные или замедленные образы на экране телевизора или в кино, это не те образы птиц, которые мы видим в небе. Будучи неспособны-

ми различать эти образы, мы верим тому, что поданная телевизором информация истинна и надежна. Это предоставляет огромные возможности для рекламодателя и политикам. Доверяя образам масс-медиа, мы верим всему, что обладает новизной и необычностью в визуальном плане, — подобно косуле, уставившейся на свет прожектора.

Мы полагаем, что наблюдая за работой машины, мы понимаем все ее качества. Но у человека нет достаточного опыта, чтобы предвидеть, как поведут себя машины со временем или каков тотальный эффект от их применения.

Усложняет проблему и тот факт, что каждая технология представляет себя в *наилучшем* свете. Каждая технология создается для решения определенной задачи и, так сказать, рекламирует себя. Она появляется как "друг", обещающий решить вашу проблему. *Эта* машина перенесет воду отсюда туда. *Эта* — убьёт животное на расстоянии 400 ярдов. *Эта* — повезет лодку по воде с большой скоростью. *Эта* — убьет насекомых, поедающих вашу пищу. *Эта* — осветит город. Все это очень привлекательно.

Более того, новые машины действительно выполняют обещанное, что вызывает у нас удовольствие. Только по прошествии значительного времени, когда технология уже глубоко внедрилась в нашу жизнь — принесла с собой сопутствующие технологии, изменила экономическую ситуацию, семейную и общественную жизнь, культуру и непредсказуемым образом повлияла на Землю — мы начинаем понимать, что общество заключило с технологией фаустовскую сделку. Но ситуацию уже трудно изменить. Что же делать в этом случае? Что противопоставить привлекательности машины? Наш скептицизм!

Предположение о том, что техника нейтральна

Ни одна идея не способствует технологическому сомнамбулизму в большей степени, чем идея о "политической нейтральности" техники. Мы постоянно слышим со стороны правых и левых, со стороны корпораций и общественных деятелей: "Проблема не в технике, а в том, как ее использовать и кто ее контролирует". Можно было бы не придавать этой точке зрения большого значения, если бы она не была такой опасной. Принимая эту точку зрения, мы позволяем технике беспрепятственно развиваться, не пытаясь проанализировать ее статус. После этого мы удивляемся, почему некоторые технологии оказываются особенно выгодными для определенной части общества.

Самый первый пример — ядерная энергия, которая, очевидно, не способствует продвижению общества далее по пути демократии, но *определенно* подталкивает его в направлении автократии. Из-за своей дороговизны и небезопасности ядерная энергия должна находиться в руках централизованных финансовых, правительственных и военных институтов. Ядерную станцию не могут построить соседи, договорившись между собой. Общественному контролю ядерная энергетика также не поддается. Ее не может контролировать даже администрация городов или штатов; это стало очевидным, когда местные власти попытались было запретить перемещение или захоронение радиоактивных отходов на своей территории.

Существование ядерной энергетики и ядерного оружия в свою очередь требует существования, по выражению Ральфа Нэйдера, "новых жрецов" — технической и во-

енной элиты, занятых проблемой хранения ядерных отходов; последние будут оставаться опасными для населения на протяжении 250 000 лет. Поэтому, если будущее общество, устав от индустриализации, захочет перейти от централизованного технологического общества, скажем, к аграрному, это будет уже невозможно сделать. Техническая элита должна будет остаться, хотя бы для того, чтобы заниматься хранением или переработкой различных накопившихся отходов[10].

Не будет преувеличением сказать, что ядерная технология *естественным образом* направляет общество к большей политической и финансовой централизации и большему милитаризму.

Солнечная энергетика, напротив, естественным образом *способствует* демократии. Ее могут использовать небольшие группы, даже семьи. Ей не нужен централизованный контроль. Она наиболее экономична для небольших установок — причина, по которой большие энергетические компании ее тормозят. К тому же, солнечная энергия не требует тысячелетнего присмотра со стороны общества.

Таким образом, там, где ядерная энергия требует централизованного контроля, солнечная энергия прекрасно работает на децентрализованной основе. Эти свойства присущи данным технологиям и отражают идеологические установки, скрытые внутри них.

То, что справедливо для энергетических систем, справедливо и для других технологий. Каждая новая технология благодаря своей природе неизбежно направляет общество в *определенном* социально-политическом ключе. Каждая новая технология согласуется с определенными политическими доктринами и изобретается людьми с определенными политическими взглядами.

Как уже отмечалось, идея о том, что технология нейтральна, сама по себе не нейтральна, поскольку закрывает от нас конечный пункт нашего развития и напрямую служит апологетам централизованного технологического общества.

Оптимистические сценарии будущего, погружение в технологическую реальность, соблазнительность и привлекательность машин, наша привычка думать о технике в личностном ключе, идея нейтральности техники — все это только укрепляет технологическое сознание. И в этом большая опасность для будущего.

---

[10] Это очень важное замечание, в каком-то смысле приговор странам, сделавшим ставку на ядерную энергетику. — *Прим. перев.*

3

ВАЖНОСТЬ НЕГАТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Выступать сегодня против обожествления техники — неблагодарная задача. Попробуйте покритиковать какое-нибудь техническое достижение, и вас сразу же назовут "луддитом"; подразумевается, что всякий противодействующий технике слегка не в себе.

Термин "луддит" возник в восемнадцатом веке в Англии, с появлением первого в истории движения против техники. Занятые на небольших сельских фабриках рабочие восстали, когда их ручные станки заменили оборудованием для массового производства текстиля. Они захватывали фабрики и разрушали машины. Движение луддитов[11] стали рассматривать как серьезную угрозу обществу; в последствии за разрушение техники была введена смертная казнь.

Понятно, что люди остерегаются выдавать себя за луддитов. Но это не относится к Лэнгдону Уиннеру[12]. Недавно в одном интервью он заявил: "Я рад, что меня называют 'луддитом'. Позиция луддитов во всех отношениях была мудрой и важной для будущего. Они противодействовали новому экономическому порядку, который, как они считали, разрушит их образ жизни и традиции, и приведет мир к плачевному состоянию. Они не ошиблись. Их сопротивление должно нас вдохновлять".

Психолог и писательница из калифорнийского городка Санта-Фе Челлис Глендининг выступила в журнале *Utne Reader* (1990) с провокационной статьей "О манифесте неолуддитов", в которой писала:

> Неолуддиты — это граждане двадцатого века, сомневающиеся в том, что развитие техники олицетворяет собой прогресс. У неолуддитов хватает мужества взглянуть на катастрофу наших дней... Западное общество не в состоянии контролировать ситуацию, оно разрушает хрупкую ткань жизни на Земле. Чтобы остановить разрушение не достаточно регулировать или запрещать отдельные технологии, такие, как пестициды или оружие. Требуется новый образ мыслей и новые взгляды на жизнь и человечество. Требуется новое мировоззрение.

---

[11] По имени организатора Теда Лудда. — *Прим. перев.*

[12] Лэнгдон Уиннер — профессор политических наук Ренсселерского политехнического института (Трой, Нью-Йорк); известнен своими философскими работами в отношении отрицательного действия техники на общество. — *Прим. перев.*

Корни современного противостояния технике зародились с появлением экологического движения в 1960-х годах. (Древний принцип экологии заключается в тесной взаимосвязи между всеми проявлениями жизни). В это время я координировал кампанию по пропаганде Сьерра-Клуба (Sierra Club) и Друзей Земли (Friends of the Earth). Тогда же, кроме традиционной охраны окружающей среды, задачей которой была защита дикой природы и заповедников, мы стали заниматься анализом опасностей некоторых технологий.

Среди объектов нашего внимания можно назвать оппозицию сверхзвуковому транспорту, ядерной энергетике, а несколько позднее, ядерному оружию. Мы также протестовали против сооружения плотин на реке Колорадо в Большом Каньоне.

Краеугольная книга Рейчел Карсон *Молчаливая весна* послужила началом борьбы с ДДТ и другими пестицидами. (К началу 1970-х опыт Вьетнама открыл нам глаза на опасность гербицидов и фунгицидов). Наше движение также выступило против использования азотных удобрений и фумигантов, противостояло (открытым) шахтным разработкам, некоторым способам рыболовства (траловый лов), и активно пропагандировало альтернативные источники энергии (в противовес ископаемому топливу и ядерной энергии).

В тот период мы критиковали автомобиль. Мы выступали против строительства скоростных шоссе; разработали ряд предложений, некоторые из которых удалось осуществить (например, запрет на проезд автомобилей в определенных зонах города).

Производители машин были вынуждены установить системы контроля за выхлопными газами и строить меньшие по размеру, более экономичные и безопасные автомобили.

Возникли движения против пластиковых бутылок, пищевых добавок, бытовых распылителей, синтетических стиральных порошков, флуоресцентных ламп и фторированной воды. И как только появились первые сообщения о достижениях генной инженерии, против нее сразу же выступили многие наши активисты.

Наверное, мало кто понимал тогда, что эти первые экологические акции были сугубо антитехнологическими по своему характеру и более радикальными, чем это представлялось с первого взгляда. Противодействуя дальнейшему расширению техники на новые участки окружающей среды, экологическое движение пришло к пониманию порочности всей экономики. К нашему стыду, мы не сразу осознали всю глубину проблемы.

Лишь немногие исследователи, среди них Леопольд Кор, Э. Ф. Шумахер и Дэвид Брауэр, занимались поиском принципов, позволяющих оценить влияние техники. Одним из таких принципов была "малость" по сравнению с "большими размерами" технических устройств. Экономика, способствующая технологическому росту на ограниченной планете, вызывала сомнение. Возникло понятие "приемлемой технологии", с низким воздействием на окружающую среду, работающей на принципах децентрализации и малых размеров: солнечная энергия взамен ядерной, разнообразие фермерских хозяйств взамен агробизнеса, устойчивая экономика взамен экономического роста.

Пропаганда этих принципов, однако, шла медленно, а технологический Молох тем временем продолжал уничтожать на своем пути все живое. Экологи не замечали, что каждый участок борьбы оказывался оторванным от более общей проблемы. Мы бо-

ялись, что нас посчитают слишком радикальными, и поэтому редко называли проблему по имени — систему логики и принятые допущения — то, что приводило к плотинам, пестицидам, ядерным вооружениям, экономическому росту и проч. Тем временем, промышленность, масс-медиа и правительство повторяли старую мантру о том, что техника служит прогрессу и что прогресс равнозначен технике. На каждом этапе технического развития, нас все сильнее затягивал техно-мальстрим.

"ХОЛИСТИЧЕСКИЙ" КРИТИЦИЗМ

Не думаю, что при написании *Четырех аргументов за отмену телевидения* в 1973 году я отдавал себе отчет в том, что создаю новый язык, с помощью которого можно будет препарировать телевидение и другие технологии. В тот момент мне даже в голову не приходило требовать отмену телевидения; просто я хотел расширить тему для обсуждения, и учесть все аспекты телевидения — политические, социальные, экономические, биологические, перцептуальные, информационные, эпистемологические, духовные; влияние телевидения на детей, на природу, на власть, на здоровье. Одним словом, всю тотальность влияния телевидения, откуда, собственно, вытекает термин "холистическое мировоззрение".

В книге особое внимание я уделил, так сказать, наихудшему сценарию — поскольку таковой отсутствовал в ранних исследованиях. Критика телевидения в то время ограничивалась весьма узкими проблемами, связанными с содержанием программ и игнорировала общее влияние телевидения на общество. Маклюэн уже объяснил нам, что "The medium is the message"[13]. Но публика плохо понимала, что он имел в виду.

Маклюэн говорил, что содержание программ не является единственной проблемой телевидения или даже не главной его проблемой. Само существование телевидения, говорил он, приводит к новой структуре общества. По мере того, как информация движется по разным каналам, ее характер и содержание изменяются, а вместе с ними изменяются политические отношения, концепции и стили в обществе. Изменяются даже человеческий дух и тело. Из-за специфического характера обработки мозгом телевизионных сигналов, паттерны мышления изменяются, в результате чего формируется новое отношение к информации — умозрительное, внеконтекстное, пассивное.

Я не отрицал, что на телевидении бывают хорошие программы. Задача состояла в другом: показать, что влияние телевидения на общество гораздо более значимо, чем простое содержание программ. Следовательно, the medium is the message. Любой анализ телевидения, не принимающий во внимание тотальное действие телевидения на общество и отдельного человека, не достаточен.

Для того чтобы подчеркнуть этот факт, я первоначально озаглавил книгу *Сознание на периферии* (Suburbanization of the Mind), затем сменив его на *Сознание скоростного шоссе* (Freewayization of the Mind). Оба названия должны были отражать способ мышления и восприятия информации в эпоху телевидения; через наше сознание проклады-

[13] То есть, "масс-медиа сами представляют собой послание"; "фактура" средств массовой информации говорит сама о себе . — *Прим. перев.*

вались каналы подобно каналам через физическую среду — пригороды, торговые ряды, скоростные шоссе, высотные здания... Я говорил о том, что даже если убрать насилие, секс и поверхностные комедии из телевидения, процесс обработки быстро движущихся объектов мозгом модифицирует наше сознание и отличается от активного сбора информации при чтении книг, газет или во время прогулок на природе. В результате люди становятся пассивными, не способными разобраться ни в нюансах, ни в сложности ситуации, не способными ни к чтению, ни к творчеству. При избытке входящей информации люди становятся "глупее", хуже разбираются в происходящих событиях, теряют контекст. В книге я предсказывал появление нового типа лидера, который прекрасно соответствует параметрам масс-медиа, понимает ее простой, самоуверенный, лишенный истории или контекста, язык. Через несколько лет приход Рональда Рейгана полностью подтвердил мой прогноз.

После работы над книгой в течение нескольких лет я расширил свое представление о проблеме и назвал ее *Телевизионное клонирование*. Речь шла прежде всего о факте телевизионного усреднения культуры по всему миру — то, что не замечалось специалистами по масс-медиа. Телевидение захватило все человечество и навязало им одни и те же паттерны мысли, один и тот же опыт, одну и ту же образность и один и тот же контекст реальности — все это разрушало богатство культур. Люди становились похожими друг на друга, как американцы, проживающих в своих мотелях.

Собрав сотни критических замечаний о масс-медиа и закончив работу над первым черновиком, я понял, что телевидение представляет собой более серьезную проблему. Я пришел к твердому выводу, что человечество только выиграет от отказа от телевидения. Этот вывод не показался мне неожиданным. Отказ от одной конкретной технологии вряд ли можно посчитать таким уж радикальным заявлением. Известно, что некоторые технологии приносят больше вреда, чем пользы. И, тем не менее, многие были раздражены моим выступлением против телевидения. Почему они так встревожились? Что их так возмутило?

Я искал литературу о телевидении, чтобы найти авторов, которые как и я, выступали против телевидения. Увы! Начиная с 1945 года, о телевидении было написано 10 000 книг, но ни в одной не утверждалось, что общество выиграет, если освободиться от него. Почему никто не пришел к такой мысли?

На протяжении многих лет, ежедневно, в каждый американский дом телевидение привносило свои образы, перестраивало семейную жизнь, жизнь всего общества, политическую жизнь, сознание людей. Рекламируя компании, телевидение обеспечило им беспрецедентную степень власти. Никто и не подумал: а надо ли нам вообще телевидение? Каждый попался на удочку, решив, что виной всему телевизионные программы, а проблему власти можно разрешить простым созданием лучших программ, проталкиванием новых идей и т.д.

Возможно ли сопротивление технологиям на более глубоком уровне? До сих пор отрицать *любую* технологию (которая была и которая будет) не приходило никому в голову. Совершенно немыслимая идея для многих. Кажется невероятным, что у нас есть право (и возможности) "прикрыть" технику. Однако в нашей культуре не было таких прецедентов, и такие идеи не поддерживаются.

В истинно демократическом обществе любая новая технология должна проходить всестороннее обсуждение. Право общества отклонить ту или иную технологию, при условии, что ее сочтут вредной. Сегодня же у нас существует лишь весьма ограниченные возможности в отношении принятия или отклонения технологии. Реальные решения относительно внедрения технологии принимаются только одним сегментом общества — корпорациями — и исключительно из соображений прибыли. Ясно, что это противоречит демократическим процессам.

В конце концов, я решил вынести идею отмены телевидения в заглавие книги. Я надеялся, что такое название и мои аргументы в его поддержку помогут сделать немыслимое реальным и расширить поле обсуждений. Тот факт, что книга остается читаемой на протяжении десяти лет, указывает на ее привлекательность для достаточно большого числа людей (хотя, конечно, они могут не разделять мои взгляды).

Единственно, о чем я сожалею в отношении названия — оно искусственно отделяет телевидение от других технологий. Телевидение не устранить, пока существуют другие технологии. Выражаясь компьютерным языком, новые технологии "совместимы" одна с другой; сливаясь, они образуют монолит технологического общества. Телевидение играет критическую роль, поскольку с его помощью отдаются приказы обществу. Это организующий инструмент для тех, кто контролирует общество, так сказать, полигон для тренировки нового сознания. Говорить об отмене телевидения, не упоминая о других кусочках мозаики — компьютерах, спутниках, генетике, корпорациях и т.п. — значит, не видеть всей картины. Собранные вместе, эти технологии образуют нечто, превосходящее каждую технологию в отдельности. Это слоноподобное существо следует вытащить на свет божий и подвергнуть критике. Для этого нам следует хорошо понимать каждую отдельную технологию, все ее стороны, равно как и способы объединения технологий в одну Мегамашину.

ВИНОВЕН, ПОКА НЕ ДОКАЖЕШЬ ОБРАТНОЕ

В 1980 году Фонд за Национальный прогресс, расположенный в Сан-Франциско и издающий журнал *Mother Jones*, провел конференцию под названием "Технологии за невидимой границей". Цель конференции заключалась в поиске критериев, по которым можно было бы оценить влияние технологий, перед тем как они нас полностью поглотят и сделают невозможным какие-либо изменения. На конференции особое внимание уделялось отрицательным аспектам технологий, поскольку они наименее очевидны и представляют собой наибольшую угрозу, именно потому что редко обсуждались. Присутствовало около 100 критиков технологий, все они приложили немалые усилия для выработки основных критериев и поиска ответов на вопросы: Какие сегменты общества больше всего выигрывают от новых технологий, а какие нет? Способствует ли новая технология концентрации власти или, наоборот, служит демократии? Как конкретная технология воздействует на концептуальную сторону человека, на его мысли, какие знания он получает или может получить? Как она влияет на наше представление о самих себе, на отношения друг к другу, к планете и другим живым существам? Как она

влияет на здоровьее людей и планеты в целом? Каким образом, взвесив все "за" и "против", выносить решение по новой технологии? И в каком масштабе ее принимать?

Мы понимали, что этот список вопросов только начало и что не всякий вопрос адресуется всем технологиям сразу. Нашей задачей было разработать холистический метод оценки, позволяющий рассмотреть технологию как с отрицательной, так и с положительной стороны. Мы надеялись, что такой подход поможет нам в дискуссиях с корпорациями, предлагающими только "наилучшие сценарии".

Из всех идей, озвученных на этой встрече, больше всего мне понравилась идея Дэвида Брауэра, председателя Друзей Земли. "Все технологии, — сказал он, — следует считать виновными, пока не доказано обратное". Я приветствую эту идею, поскольку она способствует выявлению скрытых отрицательных сторон у новых технологий. Это особенно важно, т.к. общество привыкло видеть только их положительную сторону. Предполагается также, что обсуждение новой технологии должно проводиться заранее, чтобы было время ее остановить.

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ТЕХНОЛОГИЙ: АВТОМОБИЛИ И ТЕЛЕФОНЫ

Интересно, как выглядело бы американское общество, если бы принцип "виновен, пока не докажешь обратное" был принят до изобретения автомобилей? В начале 20-го столетия автомобиль представляли как вестник личной свободы и демократии, как частный транспорт, отличающийся быстротой, чистотой (без грязи и навоза) и независимостью. Интересно, как бы общество отнеслось к отрицательным свойствам автомобиля? И каков был бы результат?

Что если бы обществу объявили, что автомобиль повлечет за собой современные бетонированные города? Что автомобиль будет способствовать загрязнению, вызывающему рак, шум, накопление твердых отходов и резкое уменьшение мировых ресурсов? Что страна должна будет заасфальтировать практически весь природный ландшафт *на общественные деньги* и что автомобильные гудки будут раздаваться даже в пустыне? Что частные автомобили будут изготавливаться несколькими гигантскими корпорациями, сосредоточившими в своих руках колоссальную экономическую и политическую мощь? Что эти корпорации создадут новый тип массового производства — конвейерную сборку — приводящую к отчуждению рабочих от предмета производства, травмам, наркотикам и алкоголизму? Что эти корпорации смогут добиваться отмены других видов транспорта, включая поезда? Что автомобиль будет способствовать росту пригородов и изменит ландшафт? Что если бы заранее были известны психологические аспекты личного транспорта и его роль в современном отчуждении людей? Что если бы общество заранее предупредили о нефтяной зависимости, которую создаст частный автомобиль? Что если бы мир знал, что из-за автомобилей развяжут войны за нефть?

Если бы люди знали обо всем этом, согласились бы они множить частные автомобили?

Я не уверен, что при всей информированности люди голосовали бы против автомобилей (если бы у них была такая возможность). Возможно, нет. Но у них не было информации. Не было ни голосований, ни серьезного обсуждения. И сегодня, всего три поколения спустя, мы живем в мире, полностью подчиненным требованиям автомобиля.

• • •

Мы могли бы пойти дальше и задать следующий вопрос: А можно ли предвидеть заранее, чем обернется та или иная технология?

Многие убеждены: предвидеть конечный результат от введения технологии невозможно. Но это еще одно оправдание пассивности. В отличие от слабой информированности общества о последствиях той или иной технологии, изобретатели и рекламодатели хорошо знают все нюансы о товаре, прежде чем он поступит на рынок.

Бизнес не любит сюрпризов. Он проявляет волчий аппетит для того, чтобы изучить весь спектр коммерческих преимуществ нового продукта; только для этой одной цели содержится большое количество высокооплачиваемых сотрудников. Бизнес также хочет знать о каких-либо непредвиденных последствиях, хотя, конечно, не для того, чтобы открыть их публике.

Важная серия разработок, финансируемая National Science Foundation и выполненная Массачусетским технологическим институтом, позволила раскрыть масштаб последствий от применения некоторых технологий. В программе под названием "Ретроспективная оценка технологий" изучались прогностические предвидения разработчиков различных технических устройств в отношении их применения. Источники этих исследований носили преимущественно частный и корпоративный характер, хотя и публиковались в журналах, общественных документах и частной переписке. Среди технологий, подвергнутых анализу, были трансатлантическая кабельная система, аэропорт, технология очистки воды и (мой любимый предмет) телефон.

В книге Итьела де Сола Пул *Ожидание телефона* содержится 300 прогнозов в отношении телефона, сделанные в свое время бизнесом, учеными и журналистами. Многие из них были сделаны в период изобретения телефона в 19-м веке, некоторые достаточно недавно, в 1930-х годах, когда телефон стал популярным средством коммуникации.

Прогнозы определенно имеют холистическую природу, т.е. охватывают влияние телефона на экономику, образование и культуру, образ жизни и саморефлексию. Но как мало из этих прогнозов были известны публике!

Для того чтобы показать всю глубину и широту ранних прогнозов в отношении телефона, приведу несколько примеров:

- Телефон станет повсеместным явлением... и будет использоваться всеми классами.
- Обслуживанием телефона будут заниматься государственные компании.
- Телефонные разговоры будут записываться. [Многие отмечали преимущества записей для бизнеса; были также предупреждения о нарушении гражданских свобод].

- Телефон будет способствовать промышленной и корпоративной централизации, поскольку станет возможным управление на расстоянии.
- Телефон будет способствовать росту городов... пригородов, [и] небоскребов. [Объяснение этому было следующее: без телефонов бизнес не сможет использовать небоскребы, потому что при большом количестве посыльных лифты будут переполняться].
- Телефонной системе потребуются ... справочники.
- Телефон в особенности будет привлекательным и ценным инструментом для фермеров... он покончит с одиночеством, в частности, что касается жен фермеров. [Еще одним предсказанием было то, что он будет удерживать молодежь на фермах, что не оправдалось].
- Телефон обеспечит безопасность в условиях изолированности людей. [Заметьте, какие возможности для рекламы].
- Телефон ускорит финансовые операции.
- Телефон увеличит мобильность рабочих... уменьшит потребность в помещениях при приеме на работу... будет использован при покупках... ускорит перевозку скоропортящихся продуктов... расширит сферу рынка... сократит поездки коммивояжеров... будет использован для рекламы и проведения выборов.
- Телефонная система будет способствовать консолидации нации...[и] уменьшит региональные отличия.
- Телефон будет способствовать росту государственной администрации... и централизации управления.
- Телефонная система ускорит доставку новостей...укрепит и расширит радиовещательную сеть... позволит обеспечить обратную связь на радио [Ток-шоу начались в 1920-х гг.].
- Воровство телефона будет проблемой.
- Врачи будут ставить диагнозы и давать советы по телефону.
- Висячие провода будут портить ландшафт... рост телефонной системы приведет к уничтожению деревьев ... и уменьшению запасов меди.
- Доступность телефона уменьшает потребность в путешествиях. [Реклама AT&T: "Париж всего за $1,29 по телефону".]
- Использование операторов на телефонных станциях значительно улучшит экономическое положение женщин.
- Молодые люди будут использовать телефон чаще, чем пожилые.
- Качество писем будет ухудшаться.
- Телефонный звонок будет настойчивым.
- Телефон приведет к снижению грамотности в школах.
- Телефон изменит чувство расстояния.
- Телефон будет способствовать обезличиванию.

Какова была бы реакция публики, если бы эти прогнозы обнародовались перед введением телефона? Несомненно, было бы полезным предвидеть усиление централизации, военной и корпоративной власти, или рост небоскребов. Каждый из этих прогнозов указывает на фундаментальные перемены в обществе, затрагивающие власть, образ жизни и многое другое.

Не знаю, как голосовала бы публика на референдуме по поводу конкретной технологии, если бы была осведомлена во всех деталях. Возможно, что большинство, все же, проголосовало бы "за". Но, может быть, и нет. Возможно, публика потребовала бы некоторой модификации или большего контроля за телефоном. Дело в том, что все прогнозы (а их были сотни), скрывались от публики. По этим проблемам не проводилось (и до сих пор не проводится) никаких открытых дискуссий, несмотря на то, что их накопилось предостаточно. Сказанное справедливо для любой новой технологии.

ЖЕРТВЫ ТЕХНОЛОГИИ

В книге *Техника и социальный шок* Эдвард В. Лолесс называет 100 случаев за период 1950—70 гг., когда новая технология приводила к экологическим, генетическим или социальным катастрофам. Все это были трагические случаи проявления ранее неизвестных качеств технологий. В своем списке Лолесс упоминает о талидомиде, приводящем к дефектам у новорожденных; гексахлорофрене, "чудо-мыле", вызывающем рак; фосфатных моющих веществах убивающих рыбу; асбесте, вызывающем рак легких; полихлорфенилах, приводящих к серьезным нарушениям здоровья; гербицидах, вызывающих уродства у новорожденных; стронции-90 в молоке матери; кислотном дожде; рентгеновской радиации; нефтяных пятнах; утечках с ядерной станции и др.

Лолесс обвиняет в двуличии как правительство, так и масс-медиа. "Агентства реагируют только после того как "Титаник уйдет на дно"", — говорит Лолесс. Он, однако, надеется, что когда-нибудь Офису по оценке технологий (Office of Technology Assessment) будет дано право вмешиваться и предотвращать катастрофы. Сегодня, указывает Лолесс, процесс оценки технологий удручающе неадекватен, плохо финансируется, проводится "задним числом, сводится к анализу технических проблем, оставляя в стороне множество других аспектов".

Лолесс также критикует масс-медиа за запоздалую информацию о новых технологиях. Как и правительственные агентства, говорит Лолесс, масс-медиа начинают говорить о новой технологии, когда её провал становится очевидным или представляет непосредственную угрозу. Кроме того, масс-медиа обычно "раздувают самые неожиданные и опасные стороны технологий, и редко дают объективные выводы".

Согласно Лолессу, заранее доведенная до граждан объективная оценка новых технологий могла бы устранить или смягчить 60 из 100 катастроф.

Возможно. Но, обвиняя правительство и масс-медиа, Лолесс не упоминает о корпорациях, у которых *есть* сведения о характере технологий и которые часто стремятся скрыть информацию, раскрывающую их негативные свойства. Так было в случае с

Dalcon Shield[14], Depo Provera[15], асбестом, полихлорвенилами, упаковкой мяса, пестицидами и гербицидами, ядерной энергетикой и т.д..

Челлис Глендининг добавляет новые технологические катастрофы в список Лолесса. В книге *Когда технология ранит* Глендининг публикует интервью 50 пациентов, выживших после приема лекарств: солдат, находившихся вблизи наземных ядерных взрывов в южной части Тихого океана и Неваде; женщин, принимавших по совету врачей DES[16]; анестезиологов, подвергавшихся действию токсических соединений; домовладельцев с загрязненным водопроводом; живущих вблизи токсических свалок; ветеранов Вьетнамской войны, испытавших действие Agent Orange; людей, подвергшиеся действию пестицидов; и др.

Глендининг интересовалась тем, как влияет техника на умственное и эмоциональное состояние людей, как возникает чувство беспомощности, потеря социальной ориентации у тех, кто не может пользоваться технологиями, а также потеря веры в социальные институты, правительство и современную медицину. Для нее оказалось сюрпризом, что многие люди становятся политически активными после неудачного опыта с технологиями. Вместо того чтобы оставаться жертвами, они активно противодействуют насаждению технологий. "В то время как системы жизнеобеспечения биосферы бездумно разрушаются техникой, — говорит она, — мы видим, как многие встают на защиту экосистем. И их число растет".

"Когда все, кто пострадал от таблеток, радиации, асбеста, смога, пестицида, токсических веществ и тысяч других технологий соединятся, — говорит Глендининг, — их будут миллионы. Начинает проясняться масштаб ущерба, который корпорации нанесли обществу".

Гленденинг предлагает создать новую международную организацию, своего рода союз жертв технологий, или как она говорит "переживших технологические катастрофы", для того, чтобы сообща противостоять опасным технологиям.

ДЕСЯТЬ РЕКОМЕНДАЦИЙ В ОТНОШЕНИИ ТЕХНИКИ

Сегодня мы вступаем в новую электронную эпоху — новый, дивный мир космических колоний, лазерного оружия и коммуникаций, генной инженерии, робототехники. Мы уже слышим знакомые заверения в том, что новое поколение техники наконец-то приведет нас к светлому будущему. В Части II книги приведен детальный анализ некоторых "новых технологий", а также тех, с которыми уже приходится жить. Между

[14] Dalkon Shield — название внутриматочных контрацептивов фирмы Dalkon, вызывающие серьезнейшие нарушения в организме.

[15] Depo-Provera — гормональный контрацептив, изготавливаемый фирмой Pfizer Inc. Побочные эффекты включают в себя: нарушение менструального цикла, постоянные кровотечения, головные боли, потерю веса, боли в мышцах, сердцебиение, высыпания на коже, головокружение, слабость, тошноту, аллергию и т.п.

[16] Diethylstilbestrol (DES) синтетический эстроген для женщин, имеющих выкидыши или преждевременные роды. В Соединенных Штатах около 5 — 10 млн женщин принимали DES в течение 1938—1971 гг., включая беременных. В 1971 г. Министерство питания и медицинских препаратов запретило врачам выписывать DES из-за случаев рака матки.

тем, я составил небольшой список рекомендаций и повесил у себя над столом. Он помогает мне противостоять наплыву агрессивной информации. Возможно, они окажутся полезными и для вас.

1. Воспринимайте скептически информацию о новой технологии (она поступает от тех, кто ее разрабатывает).
2. Все технологии "виновны, пока не доказано обратное".
3. Следует отбросить идею о том, что технология "нейтральна" или "свободна от оценочных суждений". Каждая технология *несет за собой вполне определенные* социальные, политические и экологические последствия.
4. Утверждение о том, что технологии якобы облегчают жизнь, обманчиво. Отрицательные стороны технологий проявляются со временем.
5. Никогда не судите положительно о технологии только потому, что лично вам она подходит. Старайтесь обобщить ее влияние. Главный вопрос не в том, полезна ли она вам, а кто в ней больше всего заинтересован.
6. Имейте в виду, что отдельная технология — это всего лишь небольшая частичка в огромной сети технологий.
7. Различайте технологии, которые служат отдельному человеку или сообществу (напр., солнечная энергия), и крупномасштабные технологии, не поддающиеся контролю со стороны общества (напр., ядерная энергия). Последняя — самая большая проблема современности.
8. Когда заявляют, что преимущества технологического образа жизни перевешивают его вредные побочные эффекты, вспомните, что Льюис Мамфорд называл эти преимущества "взяткой". Приведите этим людям цифры о преступности, самоубийствах, отчуждении, наркотиках, а также данные об экологической и культурной деградации.
9. Не принимайте песню о том, что "как только джин выпущен из бутылки, его нельзя загнать обратно", или о том, что технологиям "нельзя отказать". Такие настроения приводят к пассивности.
10. В современном климате обожествления техники подчеркивайте негативную сторону технологий. Это выравнивает ситуацию. Негативное действует позитивно.

часть II

МЕГАТЕХНОЛОГИЯ НА МАРШЕ

Наше согласие с техникой, наша пассивность в отношении ее победоносного шествия позволили технологическим формам слиться друг с другом и образовать нечто качественно новое — единую технико-экономическую сеть, опутавшую планету. Я называю это "мегатехнологией". Ключевыми элементами этой сети являются компьютеры, телевидение, спутники, корпорации, банки, космическая техника, генетика,и в особенности опасная новая "постбиологическая" машинерия: нанотехнология и робототехника. С помощью всесторонней критики можно выявить роль каждой технологии, а также направление всего процесса.

4

СЕМЬ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КАЧЕСТВ КОМПЬЮТЕРОВ

Без компьютеров не было бы мегатехнологической сети. Компьютеры необходимы для каждого нового изобретения — будь то военные приложения, генетика, транспорт, автоматизация или работа транснациональной корпорации.

Ввиду универсальности приложений и широты охвата, компьютеры воспринимаются как самое значительное изобретение человечества. Учителя, руководители компаний, кандидаты в президенты, футуристы, масс-медиа — все поют славословия этой новой технике.

Понятно, что при таком отношении к компьютерам радикальные и глубокие перемены в нашей жизни, серьезно не обсуждаются[17]. Как всегда, главные производители определяют, что для нас хорошо, что плохо.

• • •

Только в 1988 году микропроцессорная промышленность потратила более одного миллиарда долларов на рекламу (большая часть которой шла по телевидению). Посмотрите вечером телевизор и вы узнаете, что ни вы, ни ваш бизнес, ни ваш ребенок не смогут выжить в будущем без компьютеров. К посланиям микропроцессорной промышленности добавляется реклама компьютеров из других областей. Реклама автомобилей предлагает всевозможные компьютеризированные устройства. Набор в армию сопровождается призывом обучаться высоким технологиям: "Высокие технологии завоевывают мир/Или вы идете в ногу с нами, или вы безнадежно отстали/Реализуйте все свои возможности/Вступайте в армию". А если кто-нибудь пропустил рекламу, телевизионные новости о войне США в Ираке напомнят вам о прелестях компьютеризованного оружия.

Часы, телефоны, стереосистемы и инструменты всякого рода электронные приборы не обходятся без цифровых технологий. Я знаком с одним директором бюро путешествий, который рекламирует "банк данных" с впечатлениями от посещения пустынь.

[17] В 1990-х гг. в США вышло несколько превосходных книг о влиянии компьютеров на общество, среди них Стивен Талботт "Будущее не считает" (O'Reilly & Associates, 1996). Все мои попытки издать эту книгу у нас не привели к успеху — издательства посчитали ее "неприбыльной" и не отвечающей "духу времени". — *Прим. перев.*

Даже экологи не могут позволить себе игнорировать корпоративные призывы, не понимая того, что, по существу, компьютеры ведут общество в направлении, *противоположном* экологическим целям.

А писатели! Десятки раз они обращались ко мне с недоуменным вопросом: как я могу отрицательно относиться к компьютерам, ведь они такие удобные! Они экономят время, легко переделывают написанное, проверяют грамматику, сортируют информацию; кроме того, на них можно играть в занимательные видео-игры.

Но действительно ли эти качества нам необходимы?

Чтобы ответить на этот вопрос, недостаточно оценить полезность компьютеров для вашей организации или вашего бизнеса. Не все так просто. Следует взглянуть на интегральный эффект, который компьютеры оказывают на общество, на Землю. Мы должны проанализировать каждое такое влияние и свести их в общую картину; только тогда можно будеть сделать окончательный вывод.

Далее, я попытаюсь дать интегральную оценку компьютерам по семи направлениям: 1) токсичность компьютеров и здоровье, 2) занятость, 3) переход в количественное измерение (квантификация) и концептуальные перемены, и 4) слежка, 5) ускорение темпов жизни, 6) централизация и 7) наихудший сценарий: компьютеризированная война.

1. ТОКСИЧНОСТЬ КОМПЬЮТЕРОВ

С самого начала микроэлектронная промышленность рассматривалась как более чистая и совершенная, чем старая "грязная" промышленность. Возможно, что такая репутация возникла благодаря привлекательному дизайну самих компьютеров; или, возможно, из-за того, что продуктом стала информация, а не турбины или подшипники. Возможно также, что все дело в людях, олицетворяющих собой Нью-Эйдж, уверенность в своих силах: "для нас нет невозможного", "мы — будущее" и т.п. Или, как считает моя знакомая Эллен Вейс из музея современной мифологии, "чистоте" компьютера способствует его молчание. "Все происходит как бы по волшебству, — говорит Эллен, — без движущихся частей".

Тем не менее, такая высокая репутация незаслужена. Компьютеры — не "бесплатный обед". На производствах, где эти машины изготавливаются и используются, существуют серьезные проблемы со здоровьем и с окружающей средой.

• • •

Для производства компьютеров требуются миллионы литров кислот и растворителей, которые в конце концов превращаются в токсичные жидкие отходы. В районах, где изготавливаются компьютеры, возникают серьезные экологические проблемы. В Силиконовой долине (Калифорния), например, отмечается высокая концентрация трихлорэтилена в питьевой воде (растворитель, признанный Агентством по защите окружающей среды, как канцерогенный). Известен случай, когда изготовители компьютеров, не признавая за собой вины, все же присылали бутилированную питьевую воду в

отравленные регионы. Агентство установило восемьдесят случаев химического загрязнения, связанного с изготовлением компьютеров, и, по мнению агентства, данная проблема будет усиливаться.

Жители пригородов, пострадавшие от токсичных отходов, способны организоваться для смягчения экологического бедствия. Но не рабочие, занятые на производстве и имеющие серьезные проблемы со здоровьем. Дело в том, что большинство рабочих на компьютерных предприятиях не являются членами профсоюза; кроме того, многие не имеют документов и не говорят по-английски. Поэтому им не просто общаться с менеджерами или с прессой. Недавно, однако, удалось обнародовать данные о высоком уровне выкидышей у женщин, о проблемах беременных, о потере волос, хронической астме и других состояниях, по-видимому связанных с действием токсичных химикатов и газов, выделяющихся во время производства компьютеров.

По мнению Тэда Смита, изучающего проблемы токсического загрязнения, "Рабочие и население постоянно подвержены действию чрезвычайно опасных, ранее не синтезированных промышленностью химических соединений". Джозеф ла Дон, начальник Отделения профессиональной и экологической медицины Калифорнийского университета в Сан-Франциско отмечает: "В компьютерной промышленности число профессиональных заболеваний в три раза выше, чем в среднем по стране". После таких исследований многие компании были вынуждены перевести свои предприятия в Юго-восточную Азию, где рабочие менее информированы и менее оплачиваемы.

Возможно, самые серьезные проблемы со здоровьем связаны с использованием компьютеров в офисе и дома. Если предположения о вредном воздействии персональных компьютеров на здоровье миллионов людей подтвердятся, их победный марш во всех сферах американской жизни будет приостановлен.

В течение многих лет медики собирали жалобы на утомляемость, усталость глаз, мигрень, катаракту, информацию о дефектах новорожденных. Сначала никто не верил, что компьютеры могут быть причиной таких серьезных заболеваний. В последнее время отдельно рассматривалась проблема компьютерного излучения. Оказалось, что дисплей генерирует спектр электромагнитного излучения, начиная от рентгеновских лучей, ультрафиолета, инфракрасного излучения до инфра- и сверхнизкой частоты.

Одно время считалось, что низкочастотные излучения не могут нанести вред, однако есть данные, свидетельствующие о чувствительности человека к любой радиации. Появилась обширная медицинская литература, которую, к сожалению, я не могу здесь анализировать (более подробную информацию читатель может найти в превосходной серии статей Пола Бродера в журнале *New Yorker* за июнь 1989 г. или в его книге *Смертельные токи*).

В заключение отмечу: представление о том, что компьютеры чище, чем другие устройства, ложное и опасное. При подготовке моей книги к печати, в Сан-Франциско впервые появились некоторые минимальные стандарты безопасности дисплеев. Я бы, например, не советовал женщинам, ожидающим ребенка, работать за дисплеем компьютера.

2. РАБОТА

На всемирной выставке 1940 года американская промышленность обещала, что компьютеры и автоматизация устранят тяжелый труд и освободят человечество для более высоких целей. В 1980-х гг. промышленность обещала новые специальности и облегчение работы в офисе. В действительности все эти заявления обернулись рекламными трюками. В результате автоматизации и компьютеризации произошло сокращение рабочих мест и увеличение очередей на бирже труда.

Утопическое видение общества вечного досуга, в котором всю работу выполняют машины, а люди отдыхают, могло бы иметь место лишь в идеальном обществе, где продукт производства справедливо распределяется между всеми рабочими. Для этого понадобилось бы совершить революцию. В капиталистическом обществе основной доход приходится на долю тех, кому принадлежат машины. Компьютеры позволяют им выполнять ту же работу с меньшим количеством надоедливых рабочих, требующих повышения зарплаты, безопасности и страховки на случай болезни. Мой друг Джек Эдельсон говорит: "Самое плохое, что принесли с собой компьютеры — это устранение среднего класса. Синие воротнички уступают свои места роботам; они больше не могут позволить себе покупать дома. И скоро мы превратимся в страну, где богачи становятся еще богаче, а бедные беднее. Крупные промышленники говорят, что автоматизация создает новые рабочие места, но это ерунда. Новые места есть только в Макдональдсе, за минимальную плату".

С работой в офисе тоже не все ясно. Компьютеры действительно облегчили работу, но только топ-менеджерам, поскольку помогают следить за персоналом.

Приятель моего сына работает оператором в компании Pacific Bell. Вот, что он мне рассказал: "Компьютер знает все. Он записывает тот момент, когда я его включаю, он знает, сколько времени мне требуется для ответа на тот или иной звонок, он знает, сколько звонков я получаю за час, сколько времени у меня уходит на перерыв и точное время моего ухода. Предполагается, что в среднем у меня должно уходить до 18 секунд на звонок. Информация о том, что я делаю, отсылается моему супервайзеру на его компьютер. Если я не выполняю план, то получаю письменное предупреждение. На работу мне нельзя опаздывать ни на минуту, на кофе тратить не более 15 минут. График работы очень напряженный. Весь день я сижу за компьютером. Признаюсь вам честно, к концу дня я выжатый как лимон. Работа с компьютерами — это труд "шахтеров девяностых".

Дайана Руз, директор Национальной Ассоциации женщин, рассказывает: "С введением компьютеров в офисную работу, работа секретарей изменилась в худшую сторону. Печатание облегчилось, однако возникли другие проблемы...Первый раз секретари столкнулись с планом работы. Затраты труда оцениваются теперь исключительно в количественных показателях. Раньше работа офисного служащего оценивалась по личному вкладу человека. Кроме того, работа в офисе стала монотонной. Все спланировано заранее, личная инициатива не допускается. Некоторые называют работу в офисе "электронной линией сборки"".

3. ПЕРЕХОД В ЦИФРОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

В июльском номере за 1984 г. в *New Age Journal* была опубликована статья Р.Х. Ринга, под названием "Компьютеризированный лес". В статье обсуждались требования служащих Американского лесного управления[18] предоставить им компьютеры для работы. Вся лесная система США, говорит Ринг, была поделена на "участки", обладающие определенной "мощностью среды обитания" и "максимальным устойчивым выходом"; это якобы позволяет сотрудникам оценивать ресурсы леса по некоторым расчетным формулам.

Компьютеры были введены в управление лесным хозяйством для повышения "эффективности"; кроме того, предполагалось, что они должны способствовать сохранению природы. В действительности цель заключалась в более эффективном учете лесных ресурсов — деревьев, животных, воды, минералов — для повышения темпов их использования обществом потребления. Бывший начальник Лесного управления Джон Кроуэлл откровенно заявил, что он приветствует, когда "о природе думают в терминах "ресурсов", а не "прелестей". Поэтому сейчас лес Флатхэд в Монтане имеет запланированный "выход" в 200 медведей гризли. Старые деревья рассматриваются исключительно как "накопленный капитал".

Ринг по этому поводу пишет: "Экосистему нельзя свести к битам информации. Потребности большинства диких животных, их связь и взаимозависимость с окружающей средой не до конца поняты человеком".

Ясно, что определенные элементы леса не поддаются объективации: чувства и настроения, существуют тонкие отношения в лесу. В одно время, говорит Ринг, менеджеры леса обучались этим "тонким отношениям" путем прямого опыта — проводя некоторое время в лесу и планируя свою работу с учетом увиденного и услышанного. Но по мере изменения целей менеджеров в сторону "эффективного" его использования сменились также и инструменты, а с инструментами изменились и сами работники Лесного управления; новое поколение уже не считает сохранение леса делом своей жизни. Они больше озабочены производственными задачами и бюджетом.

Конечно, нельзя винить только компьютеры за перемены в отношении к лесу. Но они привели к новой информационной системе и ускорили темпы разработки леса, что входит в планы сильных мира сего. Тем временем, информационная модель леса, без "тонких отношений", благодаря которым человек и природа традиционно общались друг с другом — приводит к безразличию и потере интимного контакта с природой. Работники, отказавшиеся принять новый "объективный" метод работы, уходят, а на их место приходят другие, но уже без предрассудков.

Правительство Канады не уступает Соединенным Штатом в агрессивном внедрении компьютеризированного управления ресурсами. На последней конференции Народов Севера (инуитов и индейцев), канадское правительство обнародовало новую инициативу широкого использования компьютеров при подготовке специалистов в облас-

[18] U.S. Forest Service.

ти управления ресурсами. Такая "помощь" коренным народам, скорее всего, разрушит традиционную систему управления ресурсами, а, возможно, и подорвет сопротивление коренных народов масштабному освоению Севера. Правительство убеждено в том, что компьютеризированные данные помогут усовершенствовать традиционные методы, применяемые на протяжении тысячелетий.

Компьютеры фактически противостоят традиционным информационным источникам: личному наблюдению, сенсорной информации, историческому и географическому контексту, учениям об отношениях между человеком и дикой природой, передаваемых из поколения в поколение. Такая качественная информация охватывает гораздо больше аспектов бытия, чем простые численные данные; более того, исследования показывают, что она не менее точна. Экономика коренных народов будет подробно обсуждаться в главе 14; здесь я лишь остановлюсь на тех возможных потерях, к которым приведет использование компьютеров.

• • •

Канадский антрополог Х.А. Фейт из Макмастеровского университета (Онтарио), выступая на симпозиуме Общества профессиональных биологов Альберты (1986), описал методы управления ресурсами, применяемые народом *васванипи кри* северного Онтарио. Эти методы основываются на философской посылке о взаимодействии между человеком и животными, и отличаются высокой эффективностью и точностью:

> В культурном мире *васванипи* животные, ветер и другие феномены представляют собой идеосинкратические "личности", способные действовать разумно, обладать волей, понимать людей и быть понятыми. Причинность в мире *васванипи* не механическая и не биологическая, она личная...
>
> Охотники васванипи говорят, что ловят животное только, когда животное им "дается". Они говорят, что зимой духи, в особенности северный ветер, и сами духи животных, *дают* животное охотникам и их семьям, чтобы те могли прокормиться и выжить... Тело животного кормит охотника, но душа его возвращается, чтобы родиться вновь; поэтому, когда люди и животные находятся в равновесии, животных можно убивать, они не уменьшаются, и в результате выживают как люди, так и животные... Возвращая дар животного, охотник берет на себя обязательство перед животным и его духами действовать ответственно, полностью использовать данное ему животное, а также уважать его тело и душу... Предполагается, что люди должны убивать животных быстро и не причинять им ненужного страдания... не убивать больше, чем дается, не убивать ради удовольствия или самоутверждения.

Васванипи делят свою территорию на охотничьи регионы, площадью от 250 до 1500 км^2. "Для каждого региона назначается ответственный наблюдатель, на основании его 'особых связей с духами и землей, в системе прав общины' — говорит Фейт. — Постоянно возвращаясь на одни и те же участки земли наблюдатели оценивают состояние популяций... Они имеют право (и обязанность) определять, на какой территории и в какое время года можно охотиться на большую дичь и медведей; они также выде-

ляют землю для охотников, не имеющих своей земли. Таким образом они определяют, сколько охотников будут охотиться на данной территории и устанавливали квоту на различных животных... с их мнением обычно считались".

Фейт сообщает, что наблюдатели-васванипи получают подробную информацию от охотников о том, что было поймано и каких зверей они видели:

> Опытные охотники обычно отмечали, увеличилась ли колония бобров по сравнению с прошлым годом, или с прошедшими пятью годами, или тридцатью годами... Обычно они не запоминали цифр, а говорили об относительном количестве или тенденции. Например, охотники говорили, сколько бобров в одной колонии движется вниз или вверх по течению, каков приплод; каковы тенденции в возрастной категории, в размерах, или сообщали об изменении "застенчивости" бобров в отношении ловушек, или изменении численности волков или других хищников, об изменениях в составе леса, его регенерации, наличии пищи и т.п.

Все это делалось без компьютеров. Я почти уверен, что детальное и непосредственного наблюдение за природой, характерное для коренных народов, из которых *васванипи кри* — только один пример, ни в чем не уступает по точности компьютеризированным системам. (Д-р Фейт приводит результаты сравнительного исследования, подтверждающие мое предположение). Но я уверен в другом: компьютеры разрушат традиционную систему отношений между человеком и животными, лежащую в основе философских, социальных и экономических систем индейских сообществ. Получив компьютеры, инуиты и другие коренные группы начнут рассматривать природу в объективных терминах ("устойчивый выход", "единицы животных") и в интересах западных разработчиков. В то же время более мощное, основанное на мифах и сенсорном восприятии духовное мировоззрение, поддерживающее их культуру на протяжении тысячелетий, будет принесено в жертву. В итоге будет разрушена индейская культура, а за ней и природа.

• • •

А что вы думаете по поводу засилия компьютеров в школе? Компьютерная лихорадка охватила все учебные заведения. Производителям компьютеров удалось убедить школы в том, что без компьютеров нельзя обойтись. Многие компании бесплатно поставляют компьютеры в классы с надеждой, что каждый из пяти миллионов учеников приобретет в будущем свой собственный компьютер. Долгосрочные расчеты компьютерной промышленности здесь очевидны.

"Компьютерная грамотность" уже обязательна во многих колледжах и высшей школе. Компьютеры заменяют учителей и учительские функции. И они изменяют содержание информации, которую преподают в школах — от более тонкой информации, возникающей в результате традиционного отношения между учителем и учеником, до более жесткой, основанной на объективных данных, информации, получаемой из компьютера. Отсутствует какая-либо сравнительная оценка возможностей

компьютеров и учителей. Сегодня школьные системы уже могут работать с меньшим числом учителей.

По иронии судьбы, самым большим достоинством компьютеров в школе считаются их "персональные" отношения с пользователями. Компьютер задает задачу, ученик отвечает; когда все хорошо, компьютер выдает "дружественную" оценку и поощрение. Ученик чувствует себя поощренным. Защитники компьютеров говорят, что учителя часто бывают слишком занятыми, чтобы быть "персональными". Компьютеры, с другой стороны, терпеливы, никогда не устают работать с плохо соображающими учениками. Закончив, скажем, какой-либо раздел математики или физики, машина может перевести ученика на следующий уровень и продолжить процесс обучения.

Возникают вопросы: а какого человека произведет данный учебный процесс? И какой уровень знания при этом достигается? Мариан Кестер написала в газете *Toronto Star:* "Если дети отделены от родителей часами, проводимыми перед экраном телевизора, от своих друзей видео-играми, от своих учителей обучающими машинами, как они смогут научиться быть людьми?"

Следующий вопрос: делают ли компьютеры детей умнее?

Сеймур Паперт из МТИ считает, что обучение программированию ведет к "концептуально ясному мышлению" и что дети, занимающиеся программированием, всегда лучше справляются со сложными задачами. Но Джозеф Меноски, пишущий для журнала *Science*, с этим не согласен. Он сообщает об исследованиях, проведенных Роем Пи из колледжа Бэнк-Стрит среди подростков, изучающих компьютерный язык МТИ *LOGO*. Цель исследований — выяснить, действительно ли эти ребята лучше и четче организовывали свою работу.

"По данным Пи, — говорит Меноски, — дети занимались чистым производством, без понимания того, что делают". Другими словами... дети понимают суть обучения только при условии, если им ясна цель происходящего. Это согласуется с результатами тестирования преподавателей вычислительной техники, которые провели тысячи часов за программированием, однако не смогли объяснить принципы даже короткой программы. Данные исследования подвергают сомнению безапелляционные выводы о пользы программирования для целей обучения".

Я боюсь, что широкое использование компьютеров в образовании приведет к следующим трем результатам.

Прежде всего, как и в случае с инуитами и сотрудниками Лесного управления, объективное, линейное знание станет доминирующим, в то время, как более тонкие формы знания, отойдут на задний план. Подобно тому, как исчезает из ландшафта дикая природа, исчезнут и многие виды нестандартного мышления.

Во-вторых, после замены учителей компьютерами детерминированность компьютерных программ заменит глубину взаимодействия между учителем и учеником. Я не утверждаю, что учителя всегда лучше, чем компьютер. Всё дело в том, что между людьми всегда происходит нечто такое, чего нет в отношениях между человеком и машиной.

В-третьих, замена учителей компьютерами приведет к чудовищной однотипности знаний. Корпорации уже предлагают большой набор "образовательных материа-

лов" для школ; поставляя программы, с которыми можно работать при отсутствии учителя, они подготавливают учеников к унифицированной области знаний. Эта область наверняка будет более узкой, чем в настоящее время (хотя, может быть, и глубже в некоторых областях, например, в науке), и она будет согласовываться с корпоративными ценностями.

4. СЛЕЖКА

Если говорить о нашей с вами повседневной жизни, то самая большая опасность, исходящая от компьютеров, это слежка. Компьютеры позволили главным институтам — корпорациям, правительственным агентствам, полиции, военным — вести записи в ранее недостижимом объеме. В прекрасной книге репортера *Нью-Йорк Таймс* Дэвида Бернама *Взлет компьютерной страны* подробно раскрывается данная проблема, поэтому я остановлюсь лишь на выводах.

Бернам предлагает в качестве примера корпорацию TRW, которая содержит в своих компьютерах информацию о кредитах, выданных 120 миллионам американцев. Эта информация отражает данные о вашем банке, о количестве денег, о доходе, о долгах, о том, где вы делаете покупки, о том, сколько тратите, кто ваши иждивенцы, находились ли вы под следствием, как оплачиваете свои счета, где живете и работаете, номер телефона и имена членов вашей семьи.

Медицинское информационное бюро имеет сведения о 20 млн человек. Агентство почтовой рекламы Metromail имеет сведения о 74 млн американцах. У компании AT&T приблизительно такое же количество сведений.

Бернам признает, что такое количество информации можно было бы собрать и без компьютеров, но управлять им практически было бы невозможно. Процесс сбора информации занял бы намного больше времени, собранной информацией пользоваться было бы чрезвычайно затруднительно, т.к. все поиски велись бы вручную. "Компьютеризация чрезвычайно упростила работу по сбору и проверке файлов" — говорит Бернам. Поэтому данные *собираются*.

Федеральное правительство намного опережает в этом отношении частные агентства. Ежегодно правительственные чиновники собирают до четырех миллиардов отдельных сведений о гражданах Соединенных Штатов — в среднем около семнадцати записей на человека. Большинство этих записей ведут ФБР, ЦРУ и НАБ[19], у которых есть доступ к сетям местной полиции и частным сыскным агентствам. Будьте уверены: вы и ваша организация наверняка у них есть.

Более того, доступ к вашим данным о социальном страховании, номеру телефона, почтовом коде, налогах, работодателе, банковских счетах и всех записях, которые делают компании, ограничивается одним-двумя законами. Скоро эта информационная сеть будет подключена к вашему дорогому компьютеру, делающему вас "свободным".

[19] Национальное агентство безопасности (National Security Agency) — крупнейшая правительственная организация США по сбору секретной информации (переписка с иностранцами и пр.), входящая в Министерство обороны. — *Прим. перев.*

До сих пор гражданское общество держало оборону против слияния всех систем слежки в один всеведущий компьютерный центр по сбору информации. Но в настоящее время люди выбрали президента, который распустил Американский союз по защите гражданских прав[20].

5. УСКОРЕНИЕ ТЕМПА ЖИЗНИ

Утверждение, согласно которому "чем больше, тем лучше", все больше наталкивается на сопротивление в обществе. Такие авторы, как Леопольд Кор и Э.Ф. Шумахер, лидеры движений "зеленых" и биорегионалистов, выступили с обвинением западных стран в непомерных масштабах их экономики и технологий, ведущих к отчуждению между людьми, враждебности между странами и разрушению природной среды. Но если *маленькое прекрасно*[21], то, как насчет *медленного темпа* жизни? Немногие отдают себе отчет в том, что темп жизни также определяет качество жизни.

Военные учреждения, корпорации, правительства, банки стремятся расширить свое влияние с помощью скоростной передачи информации. Соединенные спутниковой связью компьютеры выходят за физические пределы институтов и организаций, и охватывают всю планету. Природные границы стали аномалией.

Человеческим существам не остается ничего другого, как приспосабливаться к такой скорости. Ускорение экономики, спутниковое картографирование, изменяют лицо планеты с невероятной скоростью. Активизируются корпорации, давление на планету усиливается, активность людей возрастает. Хорошо ли это?

• • •

В нашем обществе скорость всегда приветствовалась как благо. Но сегодня информационный век захлестывает нас беспрецедентным объемом информации. Повышается стресс из-за необходимости справляться с постоянно растущим потоком, вообще говоря, бесполезной информации. При этом нервная система испытывает большее ускорение, чем интеллект. Создается впечатление, что мы играем в некую социальную видеоигру, задача которой поспеть за постоянным ускорением информации на экране. Характерный пример — видео-игры. Их часто защищают на том основании, что они якобы "ускоряют координацию рук и глаз". Реклама видео-игр упорно отстаивает этот тезис, защищая свой бизнес от родителей, стремящихся запретить видеоигры. Но спрашивается: *зачем* нужно ускорять координацию между рукой и зрительной реакцией? Единственным преимуществом от такой координации может быть игра в баскетбол или разработка еще более ускоренной видео-игры. (Рональд Рейган хвалил видеоигры как хорошую тренировку для нового поколения пилотов-бомбометателей; и в самом деле, приборы тех, кто полетел бомбить Ирак, очень напоминали видеоигры).

[20] American Civil Liberties Union — неправительственная организация, контролирующая соблюдение конституции США. — *Прим. перев.*

[21] Название влиятельной книги Э.Ф. Шумахера (См. список литературы). — *Прим. перев.*

Для 400 000 предыдущих поколений координация между рукой и глазом настраивалась окружающей средой, которая работала на природной скорости. Все, с чем имели дело человеческие существа, двигалось с соответствующими скоростями. Такая координация была очень важна для нашего выживания, так как биологические виды должны были справляться прежде всего с наиболее неотложными задачами.

С приходом Промышленной Революции многие объекты начали двигаться с механическими скоростями. После асфальта и переезда в искусственную среду природные ритмы уступили индустриальным. Мы научились взаимодействовать с механическими скоростями, что хорошо известно рабочим конвейера или водителям автомобилей. Сегодня машины движутся с электронными скоростями, колесо жизни вращается все быстрее и быстрее, а мы заодно с ним.

Компьютерные видео-игры *действительно* хорошая тренировка для ускоряющегося мира. Играя в видео-игру, мы сливаемся с компьютерной программой. Электронные символы входят в мозг, проходят по нервной системе и стимулируют инстинктивную реакцию: "бежать или сражаться". Все проходит через руки. От нас практически не требуется размышления. На объект следует реагировать *без мысли*, мгновенно.

Опытный видеоигрок ускоряет программу, а вместе с ней ускоряется и цикл "программа — нервная система — руки — компьютер — программа"; при этом игрок и машина сливаются в единый процесс, человек подстраивается под программу. Дальнейшая эволюция поддерживается этим взаимодействием, но это *совершенно новая* форма эволюционного процесса. Если раньше эволюция означала взаимодействие между человеком и природой, сейчас она происходит между человеком и его артефактами. Мы эволюционируем со средой, которую сами же и создали, т.е. с нашими машинами; при этом все более отчуждаясь от природы.

Видеоигры и компьютеры ускоряют процесс, который уже освоили поколения, выросшие с телевизором. Многие думают, что просмотр телепередач — пассивный процесс, в то время как видеоигры и компьютеры интерактивны. На самом деле, телевизор усыпляет мозг и одновременно ускоряет реакцию нервной системы; он делает нас одновременно глупыми и лихорадочными. В итоге телевидение подготавливает нашу психику для видеоигр и компьютерной зависимости. Вместе взятые, эти технологии создают поколения с ускоренной нервной реакцией, неспособных настроиться на медленные, природные, изначальные ритмы.

Видеоигры, телевидение, компьютеры, уокмены. Подростки с радиоприемниками. Улица. Линия сборки. Шоссе. Все они части одного и того же процесса ускорения, в котором мы вращаемся, ложно возбуждаемся и считаем его захватывающим; на самом же деле — это всего лишь наша нервная гиперактивность.

• • •

Доминирующая в обществе парадигма, согласно которой "чем быстрее, тем лучше", устраивает одних и не устраивает других. Максимум дивидендов от скорости получают институты, для которых скорость трансакций и поездок означает деньги и власть. Остальному миру ускорение наносит вред. И, конечно, ускорение вредно для самих

рабочих. Оно вредно для отношений между людьми. Оно вызывает стресс, и, в особенности, неприемлимо для народов, не принадлежащих к западной культуре.

Коренные народы привыкли жить в небольших сообществах с умеренной экономикой и коллективным хозяйством, где решения принимаются неспеша и большинством. Такой образ жизни предполагает высокую степень доверия между людьми. Время — это роскошь, которой наслаждаются коренные народы, коммуникация между ними часто сознательно медленная; люди не спешат. Они не считают, что необходимо сделать больше за меньшее время; они уверены, что для важного дела времени всегда предостаточно. Они радуются личной занятости, и не хотят, чтобы ее разрушила спешка. Когда возникает необходимость, люди собираются и действуют сообща.

Агрессивно настроенная западная культура организует жизнь совершенно по другим законам: у нее есть часы, графики, цели для производства все большего количества товаров. И это ставит под угрозу выживание коренных культур с их традиционными институтами.

Я думал об этом, читая октябрьский номер журнала *Development Forum* за 1984 год; статья называлась "Поклоняясь ложному богу". Авторы статьи Кен Дэрроу и Майкл Саксениан значительную часть своей жизни посвятили внедрению малой технологии в беднейших странах. В статье говорится о компьютерном помешательстве, охватившем в настоящее время международные агентства по развитию; о настойчивости, с которой они предлагают спутниковую связь сельским общинам. Согласно Саксениану и Дэрроу, многие считают, что компьютеры обеспечивают "низкую стоимость коммуникации" для деревень и поэтому решают проблему "нехватки технической информации". Авторы приходят к выводу, что это "опасная чепуха", и приводят следующие контраргументы:

- Для бедной страны использование компьютеров, подсоединенных через спутник к информационной системе, покрывающей полмира, абсурд". Это технологический перебор. Большинство бедных стран нуждаются в гораздо более простых технологиях, таких как пишущие машинки, справочники, ручной инструмент, мотоциклы, магнитофоны.
- Найти квалифицированных специалистов, способных починить компьютер, практически невозможно, и это вынуждает "многие местные группы закупать компьютеры с полным комплектом запасных частей; последние быстро растаскиваются".
- "Телефонная система уже обеспечивает дешевую коммуникацию, в то время, как Интернет стоит очень дорого. Так нужен ли компьютер, чтобы общаться с родной матерью?"

6. ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

Недавно я участвовал в Национальном биорегиональном конгрессе. 250 человек трудились над проблемой передачи власти на места, достижения экономической самодостаточности и построения маломасштабной, "зеленой" экономики. Несколько участников защищали роль компьютеров в построении информационных сетей, указывая

на то, что компьютеры способствуют быстрому обмену информацией между биорегионами. Признавая возможность некоторой централизации, они говорили о том, что компьютеры — "нейтральный инструмент", а посему могут помочь небольшим группам противостоять крупным организациям. Все это выглядит весьма заманчиво: взять их изобретения и использовать на манер приемов джиуджитцу, т.е. обратить против них же. Но, опять же, здесь не учитывается присущее компьютерам свойство централизации.

Проблема с самого начала не видна, т.к. компьютер представляется как демократическая дружественная технология. Люди устанавливают компьютеры дома и считают, что они тем самым расширяют свои личные возможности и возможности своих организаций. Компьютеры действительно имеют преимущества по сравнению, например, с такой "жесткой" технологией как телевидение. Их можно рассматривать как важное средство хранения информации, способ организации сетевого сообщества, обработки входящей корреспонденции, подготовки печатных материалов, проведения бухгалтерских расчетов и т.д. Однако возникает вопрос: кто получает в обществе наибольшую выгоду от применения компьютеров? Очевидно, что самые большие преимущества имеют все же крупнейшие институты, такие как банки и министерства.

Компьютеры появились у нас не по желанию группы технарей, рассчитывающих на укрепление демократии. Именно американские и британские военные впервые применили компьютеры в период Второй мировой войны для систем наведения ракет. Двумя десятилетиями позже фирма IBM преобразовала эту технологию для целей большого бизнеса. В 1970-х фирмы Atari и Apple начали кампанию за установку компьютеров в каждую школу и каждый дом. К середине 70-х, когда население осваивало первые персональные компьютеры, крупные военные и бизнес-корпорации уже получали прибыли при проведении централизованных компьютерных операций в широком географическом масштабе.

Компьютеры — неотъемлемая часть современной технической инфраструктуры; они смогли появиться только на достаточно технически развитом этапе. Они весьма дороги в изготовлении, сложным образом подсоединяются к центральным телефонным станциям, а их оптимальное использование, например, проведение большого объема вычислений или спутниковое картографирование, под силу только крупным институтам.

Компьютеры служат "большой" экономике так же, как и другие современные технологии: спутниковая связь, машинное земледелие, робототехника. Чем крупнее предприятие, тем больше у него компьютеров, тем они сложнее, обслуживаются более подготовленным персоналом и имеют более разветвленный интерфейс. По сравнению с малым бизнесом, крупные корпорации получают от компьютеров несравненно большую выгоду, поскольку оперируют с большими финансовыми ресурсами. Малый бизнес только выиграл бы, если бы компьютеры не были изобретены; он явно проигрывает большому бизнесу, имеющему еще один мощный инструмент давления на конкурентов.

Мгновенно переводя деньги с одного рынка на другой, подпитывая проекты в разных уголках Земли, сегодняшние мультинациональные институты просто не могли бы

существовать без спутниковой компьютерной сети. Они стали не просто мультинациональными, они приобрели поистине глобальный характер. Скорость, с которой уничтожаются леса в Индонезии и Борнео, зондируется Тихий океан, строятся плотины на реках, непосредственно определяется компьютерными возможностями корпораций.

Глубоко наивны те, кто говорит о нейтральности компьютеров, и о том, что они способствуют децентрализации. Такое отношение к компьютерам только смазывает общую картину и не позволяет трезво взглянуть на происходящее. Защитники окружающей среды и биорегионалисты должны понимать, что, несмотря на некоторые небольшие преимущества, в целом, компьютеры отбрасывают наше движение назад. Нам следует начать рассматривать их как неотложную экологическую и политическую проблему.

7. НАИХУДШИЙ СЦЕНАРИЙ: КОМПЬЮТЕРИЗИРОВАННАЯ ВОЙНА

Глобальная война была возможна, конечно, и до изобретения компьютеров, но осуществить ее было сложнее, поэтому она было менее вероятной. С изобретением компьютеров увеличилась как скорость ведения войны, так и масштабы ее воздействия и объем разрушений.

Компьютерная технология уже привела к беспрецедентной централизации. Генералы, сидящие в подземном бункере где-нибудь под Вашингтоном, могут наблюдать за положением и готовностью всей разбросанной по миру американской военной техники, и в то же время следить за состоянием советского вооружения. Генералы под Москвой могут делать то же самое.

Из центрального штаба также можно запускать ракеты и следить на дисплеях за их полетом, подобно тому, как это показано в *Военных играх*[22]. Действительно, ведение войны сегодня напоминает одну гигантскую видео-игру — слежение за электронными вспышками на большом экране, абстрактными, ментальными, отстраненными от реальности. Можно предположить, что такая манера ведения войны делает войну более вероятной, так как люди не видят последствий своих действий (в отличие от реальной войны, когда тела протыкают штыками и из них брызжет кровь).

Когда вражеские силы сводятся к вспышкам на экране, существует большая вероятность ошибки. За период 1979—80 гг. стратегические силы США насчитали 151 "ложную тревогу", пять из которых оказались достаточными для приведения вооружения "в боевую готовность". В нескольких случаях "тревога" была вызвана полетами птиц. В одном случае это был восход Луны.

Проблема компьютерных ошибок при ведении войны рассматривается объединением *Компьютерные профессионалы за социальную ответственность*[23] — группой менеджеров, программистов и инженеров Силиконовой долины, озабоченных военными приложениями компьютеров.

[22] War Games — кинофильм, снятый в 2001 г. по одноименному роману Майкла Формена — *Прим. перев.*
[23] Computer Professionals for Social Responsibility.

Как отмечают профессионалы-компьютерщики, "даже в самых простых программах могут прятаться ошибки, иногда годами, несмотря на то, что система, казалось бы, работает идеально... Для сложных компьютерных программ не существует методов устранения этой неопределенности ... Никакое тестирование не заменит помещения системы в реальную среду, для которой она спроектирована [в нашем случае, ядерная война] ... Весь опыт эксплуатации сложных компьютерных систем указывает на то, что серьезные ошибки вызывают именно обстоятельства, которые невозможно предвидеть".

Ошибки компьютера можно исправить только вмешательством человека. Но самое ужасное в смычке военных и компьютерных технологий — практическое сведение к нулю времени для принятия решений, то есть решение принимается компьютером автоматически; человек оказывается за пределами алгоритма.

• • •

Полезно сравнить ситуацию 1940-х с сегодняшним днем. Даже после изобретения атомной бомбы глобальное разрушение было маловероятным ввиду участия людей в процессе разрушения. Надо было загружать бомбардировщики и лететь на огромные расстояния, на сравнительно малых скоростях. Процесс занимал много часов, что давало возможность изменить ситуацию. Кроме того, бомбы переносились людьми, а не доставлялись автоматически нажатием кнопки. Даже, если сбрасывалась одна бомба, оставалось достаточно времени для прекращения бомбежки.

Компьютеры, способствующие созданию современных ракетных систем, предельно сократили время между решением "нажать кнопку" и действием. Сегодня боеголовки не летают на самолетах, ими оснащены компьютеризированные ракеты, выстреливаемые с огромной скоростью в космос по сигналу центрального пульта управления. И сейчас необходимо выстреливать все ракеты сразу, дабы враг не успел среагировать. Если начнется война, полное разрушение не только возможно, но и весьма вероятно.

Американским и советским ракетам в настоящее время требуется всего шесть минут для подлета к границам соперника. Если американские компьютеры установят начало атаки с вражеской стороны, шесть минут достаточно для проверки точности данных, обнаружения и информирования президента, и принятия президентом решения. Но в действительности для внимательного рассмотрения вариантов нет времени; решение должно быть заранее запланированным. В современной компьютеризованной войне человеческое участие полностью запрограммировано, поэтому практически бессмысленно.

Технически мы готовы к полностью автоматической войне: их компьютерная программа против нашей. Поэтому то, что называют ядерной войной, превратилось в войну микроэлектроники, в войну программ. Будучи запрограммированной, война не потребует вмешательства людей — по крайней мере до той поры, пока бомбы не будут падать на их головы.

• • •

28 октября 1983 года Министерства обороны США выпустило документ, под названием "План по стратегическому использованию компьютеров"[24]. План представлял собой 5-летнюю программу стоимостью 600 млрд долларов по разработке нового поколения военных компьютерных приложений. Планом предусматривалось тысячекратное увеличение вычислительной мощности для создания искусственного интеллекта и "полностью автономных наземных, морских и воздушных аппаратов, способных вести сложную многопрофильную рекогносцировку и атакующую миссию". Эти аппараты должны были обладать человеческими качествами, такими как зрение, речь, и автоматическим принятием решений. План по стратегическому использованию компьютеров основывался на принципе сведения к минимуму человеческого фактора во многих критически важных ситуациях. Описывая своего "помощника пилота", например, разработчики плана замечают, что пилоты "часто бывают сбиты с толку объемом поступающей информации, на основании которой должны принимать жизненно важные решения". Теперь за них это решение будет принимать машина. Все, что пилоту надо будет делать, это взлетать и приземляться."

Группа компьютерных профессионалов за социальную ответственность изучила стратегический план и отмечает следующее:

> Усовершенствование скоростных и других функциональных характеристик оружия происходит во многом за счет компьютеров, поддерживающих потоки информации и решения на всех уровнях военной организационной системы. С другой стороны, резко уменьшается предсказуемость военной ситуации... Командиры в особенности озабочены ролью, которую будет играть автономные системы при быстром изменении характера военных действий. Один из примеров такой ситуации — защита от стратегических ядерных ракет, когда системы должны реагировать настолько быстро, что почти полностью зависят от компьютеров. В то же время, сложность и непредсказуемость внешних факторов, влияющих на принятие решений, весьма велики.

Зависимость от компьютеров приводит к таким темпам ведения войны, что человеческие существа уже не могут адекватно реагировать на происходящее. Ответ военных на эту проблему — создание еще более быстродействующих компьютеров. Но даже, если бы такие "умные" машины и были изобретены, им недоставало бы одного, чисто человеческого, свойства: *здравого смысла*. Группа компьютерных профессионалов так характеризует это исключительно человеческое качество:

> Здравый смысл человека отличается от компьютерной программы способностью исходить из колоссального опыта при возникновении непредвиденных обстоятельств. Объясняя, например, вашему другу, как добраться до вашего дома, вы не инструктируете его о всевозможных вещах, которые могут произойти по дороге: упавших деревьях, авариях, спусках шины, и т.п. В этот момент используется особый набор знаний

[24] Strategic Computing Plan.

и опыта; и мы никогда не знаем, что и когда нам может потребоваться. Более того, мы используем свой опыт, не отдавая себе в этом отчета"[25] .

Это тот тип знания, который ведет нас по жизни; это память о похожих ситуациях в прошлом, когда мы говорим: "тут явно что-то не так". Группа компьютерных профессионалов далее отмечает:

> С точки зрения компьютерных систем, мир рассматривается как набор заранее предопределенных строительных блоков, собранных вполне определенным образом. Системы искусственного интеллекта в особенности хорошо анализируют сложные конфигурации из строительных блоков. Но они плохо подходят для анализа новых типов блоков... В сложных средах непредвиденные события часто вызывают аномальные реакции. Вот почему отражения восходящей Луны на радаре сбили с толку систему наведения NORAD: Луна не присутствовала среди строительных блоков в программе компьютера... Задача программиста — предусмотреть диапазон проблем, с которой столкнется компьютеризированная система... Поведение системы полностью зависит от структуры программы — от правил и способа ее формирования... [Но] как отмечается в самом Стратегическом плане, непредсказуемость войны — самая большая угроза.

ВИНОВАТЫ ЛИ КОМПЬЮТЕРЫ?

Справедливо ли винить компьютеры за развязывание войны? Большинство людей считают компьютеры безвредными. Свободными от оценок. Нейтральными. Привычная формула: "Люди изобретают машины, программируют их и нажимают кнопки".

И все же факт остается фактом: без компьютеров процесс начала войны растянут, остается время на то, чтобы изменить ситуацию. Именно из-за компьютеров существует, возможность практически мгновенной автоматической войны, приводящей ко всеобщему разрушению. Достаточное ли это основание, чтобы заявить: да, виноваты компьютеры?

• • •

Я понимаю, что с таким выводом трудно согласиться. Критики назовут его "выбрасыванием ребенка вместе с мыльной водой". Должны ли мы освободиться от компьютеров только потому, что они участвуют в системах тотального разрушения? Думаю, что да.

Прежде всего, следует признать: наше общество находится в плену технологического идеализма. Мы верим, что получаем от технологии самое лучшее, и гоним мысли о наихудшем. Это справедливо и в отношении автомобилей, которые практически разрушили природную среду, и в отношении телевидения, подводящего нас под об-

[25] Здесь следует заметить, что человеческие существа при принятии решений пользуются не только (и не столько) "здравым смыслом" и накопленным опытом, но и интуицией, полностью отсутствующей у машин. — *Прим. перев.*

щий умственный знаменатель, и в отношении производства электроэнергии, которое превышает всякие разумные пределы и разрушает планету. Большинство технологий применяются крупными корпорациями для получения максимальной прибыли; для населения или планеты от них мало пользы.

Мы находимся целиком в плену старой парадигмы, утверждающей, что научно-технологическая революция — это безусловно хорошо, что на знания не следует налагать никаких ограничений. Напротив, в традиционных обществах существует понятие табу, ограничивающее разрушительные тенденции; однако в нашем обществе сама идея табу — это уже табу. И как отмечалось, при отсутствии критериев оценки технологии, мы вслепую движемся навстречу катастрофе.

Сопротивляться союзу военных и компьютерщиков очень сложно, так как этот союз естественнен. Он органически присущ мышлению военных, жаждущих все более централизованного, сложного, скоростного, дальнебойного разрушения. Если вы генерал, задача которого участие в войне и победа в ней, вы должны любить компьютеры. Ни одна технология не предоставляет военным столько возможности.

Военные США продолжают оставаться самым мощным финансовым источником исследований в области компьютерных технологий. Притяжение между военными и компьютерами имеет почти гравитационную силу. С одной стороны компьютеризацию можно рассматривать как моду, в которой прослеживается стремление представить компьютеры как своего рода панацею от всех проблем; с другой стороны, использование компьютеров в военных целях скрыто от взоров большинства. Поверьте, для военных компьютеры значат гораздо больше, чем для нас с вами, или для учителей, или даже для компаний и банков, хотя последние вплотную следуют за военными.

Вероятность компьютерного, мгновенного, всемирного холокоста вполне реальна. Программы написаны, компьютеры готовы приступить к работе. Перед лицом такой опасности, согласитесь, что хвалить компьютеры за то, что они помогают вам отредактировать текст или заняться маленьким бизнесом, кажется абсурдом.

5

ТЕЛЕВИДЕНИЕ (1): АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ТРЕНИНГ

Прочитавшие мою предыдущую книгу *Четыре аргумента за отмену телевидения* найдут в этой главе много знакомого. Я вынужден повторить некоторые положения ввиду чрезвычайно важной роли, которую играет телевидение в общей технологической паутине.

Для большинства людей западного мира просмотр телевизионных передач стал главным способом общения с миром, а также главным занятием в жизни. В то же время, влиятельные институты используют телевидение для тренировки человеческих существ с целью формирования их мышления и восприятия.

Далее (в следующей главе, посвященной спутниковому телевидению), я покажу как телевидение служит инструментом культурного клонирования в развивающихся странах.

ЖИЗНЬ ВНУТРИ МАСС-МЕДИА

Начну с некоторых статистических материалов за 1990 год. Они имеют колоссальное значение, хотя редко обсуждаются; именно поэтому я привожу здесь эти данные.

- Согласно Министерству торговли США, в 99,5% американских домов, подключенных к электросети, имеются телевизоры. Говоря электротехническим языком, мы все подсоединены в общую сеть. Посланный из одного источника электронный сигнал может сейчас почти мгновенно достичь каждого человека — т.е. 250 млн человек. Когда такие данные впервые появились в 1960-х годах, Маршалл Маклюэн приветствовал их как предвестников появления новой "глобальной деревни", однако не заметил одного важного политического следствия. Автократический потенциал — т.е. возможность одного человека воздействовать на умы многих — непомерно возрос. Последствия такого воздействия обсуждались до сих пор только в научной фантастике такими писателями как Орвелл и Хаксли. Эти новые возможности в особенности пришлись по душе крупным институтам — корпорациям, правительству, церкви — контролирующим масс-медиа.

- Согласно компании A.C. Nielsen, 95% населения США смотрит телевизор каждый день. Ни один день не проходит без телевизионного "хита", что указывает на степень вовлеченности населения в просмотр телепередач.

- Nielsen сообщает, что в американском доме, в среднем, телевизор включен на протяжении восьми часов в день. Взрослый американец в среднем смотрит телевизор в течение пяти часов в день. Ребенок двух — пяти лет смотрит телевизор около трех с половиной часов в день. Взрослый старше 55 смотрит телевизор около шести часов.

Представьте себе ситуацию, когда взрослый смотрит телевизор в течение пяти часов в день. Этот человек проводит перед телевизором большую часть своего активного времени, сравнимую со сном, работой или учебой. Но если в среднем американец сидит перед телевизором пять часов в день, это значит, что другие американцы смотрят телевизор *более* пяти часов. (На практике это значит, что большая часть выходных проводится перед телевизором плюс три или четыре часа в будний день.)

Не будет преувеличением сказать, что основное времяпровождение американцев, за исключением работы или сна, это просмотр телепередач.

Телевидение, по существу заменило социальные и культурные мероприятия, семейную жизнь предыдущих поколений.

Пожалуй, можно сказать, что наше общество первое в истории, для которого жизнь переместилась *внутрь* масс-медиа. Средний американец постоянно вовлечен в общение с *машиной*. Таким образом, он не имеет никакого контакта со своим окружением. Однако среда телевизора не статична, она агрессивна. Она входит в сознание людей и насаждает там образы, которые люди носят с собой. Поэтому будучи изначально внешней средой телевидение становится внутренней, умственной средой.

Ситуация действительно до того странная (и страшная), что могла бы стать сюжетом для научной фантастики. Представьте, например, что исследовательская группа из галактики Андромеда послана на Землю. Пролетая над нашей страной, исследователи могли бы сообщить домой такие сведения:

"Сейчас мы пролетаем над Америкой. Каждый вечер американцы молча сидят в темных комнатах, почти в неподвижном состоянии, лишь изредка поднимаясь, чтобы поесть. Многие сидят в отдельных комнатах, но даже те, кто сидит в группах, редко разговаривают друг с другом. Они смотрят на светящийся экран! На экране мерцает свет с большой частотой [переменного тока]. Глаза у них почти не движутся, а поскольку известно, что между мыслью и движением глаз есть связь, они находятся почти в бессознательном состоянии. Мы измерили из волны мозга. Их мозг находится в режиме "альфа", т.е. в невосприимчивом, пассивном состоянии. Таким образом, это *люди-приемники*.

"Что касается информации, то она приходит в виде образов, посылаемых из нескольких источников, расположенных за тысячи миль от людей-приемников. Передаются образы мест и событий, которые в целом не связаны непосредственно с жизнью людей. Как только образы попадают к ним, они застревают надолго в их головах. Мы заметили, что люди используют эти образы в беседе с другими людьми, они одеваются и ведут себя, имитируя образы. Они также выбирают своих лидеров среди образов.

"В целом, можно сказать, что все это напоминает некую странную ментальную подготовку, похожую на промывку мозгов".

Такова ситуация не только в Соединенных Штатах, но и во многих других странах. В настоящий момент около 60% мирового населения имеют доступ к телевидению. Во многих частях света — отдаленные деревни в Африке, Латинской Америке, Индонезии, Канаде — спутниковая связь несет западную культуру. В травяных хижинах, в замерзшей тундре, на маленьких тропических островах, в джунглях Бразилии и Африки люди сидят в своих домах из бревен или глины, и смотрят "Даллас", "На краю ночи" или "Бонанзу".

Более 50% телевизионных передач, идущих за пределами США, состоят из повторного показа популярных американских шоу. Спутниковая связь, вводимая как еще один "демократический прорыв технологий", используется для навязывания американского потребительского образа жизни, американских ценностей, американской рекламы, американских взглядов. Конечный результат такого навязывания — мировая монокультура.

СВОБОДА СЛОВА

Мы воспринимаем телевидение как демократическую среду, поскольку все смотрят его дома. Но если телевидение "демократическое" на приемном конце, оно, конечно же, совсем другое на отправном конце.

Согласно данным агентства *Advertising Age*, около 75% коммерческого времени на телевидении оплачивается 100 крупнейшими корпорациями в стране. Многие не обращают внимания на важность этой статистики. Но представьте себе, что в настоящее время в Соединенных Штатах насчитывается 450 000 корпораций и около 250 млн человек, представляющих совершенно различные точки зрения. И только 100 корпораций решают, что показывать, а что нет. Эти корпорации не склонны публично объяснять свои вкусы; их контроль над обществом гораздо более тонкий, чем многим представляется. Телевизионные продюсеры часто вынуждены подавлять собственные взгляды с целью продать "продукт" корпоративным заказчикам. Так возникает внутренняя цензура.

Сегодня 75% вещательного времени финансируется несколькими корпорациями; они же оплачивают более 50% общественного телевидения. Во время правления Рейгана федеральная поддержка некоммерческого телевидения была практически прекращена, после чего общественному телевидению не оставалось ничего другого, как обратиться к корпорациям. По мере роста корпоративного влияния на общественное телевидение выросло качество и длина корпоративной рекламы. Даже на общественном телевидении мы иногда видим сообщения вроде "Эта программа стала возможной благодаря гранту, полученному от *Exxon*".

Причина, по которой только крупные корпорации доминируют на телевидении, очевидна: только они могут оплатить время передачи. В соответствии с современной структурой телевизионной сети, полминуты вечернего времени стоит 200—300 тыс. долларов; во время популярных передач, таких как Super Bowl, стоимость половины

минуты возрастает до 700 тыс. долларов. Только очень немногие средние корпорации, и еще меньше индивидуумов, могут заплатить 200 тысяч за послание миру.

Если вы и ваши друзья решили сделать очень важное заявление — скажем, об уничтожения старых секвой на северо-западном Тихоокеанском побережье США — и если вам очень повезет (и если вы очень богаты), возможно, вы сможете собрать достаточно денег для передачи своего послания в эфир *один раз*. Тем временем, занимающиеся вырубкой леса транснациональные корпорации смогут выкупить время перед вашим посланием, и сразу же за ним, а затем еще три раза за вечер. Завтра, послезавтра и после-послезавтра они выступят еще несколько раз с противоположными заявлениями. У некоторых корпораций на рекламу выделяется от 100 млн до 1 млрд долларов в год. Ясно, что для них телевидение превратилось в "частные масс-медиа".

Американцам трудно признать, что телевидение находится в руках корпораций. Мы верим, что свобода речи — неотъемлемое право человека, в равной степени принадлежащее всем. Но нет ничего более далекого от истины. Как справедливо заметил Э. Дж. Либлинг[26]: "Свобода прессы доступна только тем, кто ее купил".

100 крупнейших корпораций изготавливают лекарства, химические препараты, косметику, автомобили, нефть, а также занимаются добычей полезных ископаемых. Какую бы рекламу вы ни смотрели — будь то аспирин, автомобиль или косметика — послание одно и то же: предметы потребления делают вас счастливее.

Поэтому у нас самое большое и мощное телевидение, и оно финансируется людьми с одинаковыми взглядами на жизнь. Они беззастенчиво выражают эти взгляды. Раскроем ужасную статистику. Каждый американец видит за год приблизительно 21000 рекламных объявлений. То есть, 21 000 повторяемых, практически идентичных, агрессивно внедряемых в сознание посланий с требованием: *Покупайте немедленно*!

Итак, целый народ сидит каждый вечер перед телевизором, принимая рекламу в форме образов, с частотой 21 000 в год. Как тут не сравнить телевидение с бактерией Андромедой[27] либо с системой массовой промывки мозгов! Я думаю, это должно нас серьезно тревожить.

ТЕХНОЛОГИЯ ПАССИВНОСТИ

Телевидение оказывается удобной средой не только для экономического влияния. Равным образом важен его гипнотический аспект. С точки зрения корпораций, это влияние положительно.

• • •

Даже при отсутствии химического анализа, количество проводимого перед экраном времени и формируемый соответствующий образ жизни *де факто* доказывают гипно-

[26] Эббот Джозеф Либлинг (1904 —1963) — прогрессивный американский журналист, сотрудничавший с журналом New-Yorker. — *Прим. перев.*

[27] Имеется в виду фантастический роман-бестселлер *Удар Андромеды* Майкла Кричтона (1969) о группе ученых, исследующих смертельную бактерию внеземного происхождения. — *Прим. перев.*

тическое и аддиктивное воздействие телевидения. В самом деле, те, у кого я брал интервью, постоянно использовали такие определения как "гипнотическое", "завораживающее", "притягивающее". Многие также использовали термин "зомби".

После этого я начал читать соответствующую научную литературу, подтверждающую наличие подобных состояний.

Например, ученые, изучающие волновую активность мозга, обнаружили, что чем дольше человек смотрит телевизор, тем большая вероятность того, что мозг "провалится" на альфа-уровень, т.е. войдет в медленный, установившийся режим мозговых волн. Это состояние характеризуется отсутствием когнитивности, т.е. распознавания. Информация поступает в мозг *непосредственно*, без участия созерцающего. Исследователи из Австралийского национального университета называют такого рода восприятие "обучением во сне".

Существует много причин, почему мозг проваливается в состояние пассивного восприятия. Одна причина — недостаток движения глаза при просмотре ввиду небольшого размера экрана. На нормальном расстоянии глаз может воспринимать образ без сканирования экрана. Образ приходит целиком. Недостаток визуального *поиска* прерывает нормальную связь между движением глаз и когнитивным мышлением, то есть нарушается генетически обусловленный защитный механизм. В прошлом, любое необычное событие сразу же привлекало внимание; на него направлялись все органы чувств, включая и орган зрения. Но когда образ не надо искать, теряется важная форма стимулирования умственной деятельности.

Второй фактор, вынуждающий мозг проваливаться в альфа-активность, состоит в том, что если глаза не движутся, а экран вспыхивает с частотой шестьдесят раз в секунду, он производит гипнотическое действие, по крайней мере, так считают психологи, занимающиеся гипнозом. Наблюдение за вспыхивающим светом на экране телевизора сродни фиксированию зрения на свече гипнотизера.

Третий фактор мне кажется самым важным. Информация на экране телевизора — т.е. мелькающие образы — приходят с собственной скоростью, неподвластной контролю со стороны смотрящего; другими словами, образ *течет*. Человек не может "отстраниться" от увиденного и начать рассматривать телевизионные образы как фотографии, или отвлечься от них как при чтении. Если вы попытаетесь это сделать, вы выпадаете из потока. Поэтому у вас есть два пути: подчиниться образам или полностью от них уйти. Если вы решили смотреть телевизор (или кино), вы должны разрешить образам входить в сознание с их скоростью. Поэтому природа этого феномена делает вас пассивным в данном процессе, как физически, так и умственно. (Более подробное обсуждение данного процесса можно найти в книгах *The Plug-In-Drug* (*Включи и забудься*) Марии Вин, *Choice of Futures* (*Выбор будущего*) Фреда и Мерилин Эмери, а также в моих *Четырех аргументах*).

Существует ли такая проблема для других масс-медиа? Да, но не в такой степени. Возьмем, например, кино. Природа хождения в кино такова, что вы обычно идете в кино с другом. Это стимулирует сознание. И поскольку фильм показывают в общественном месте, с другими людьми, существует гораздо больше стимулов и чувств; настроение как бы заполняет кинозал.

Кроме того, образность кино гораздо тоньше, чем образность телевидения. Многое теряется в телевизионной картинке. Фильм, с другой стороны, может дать больше важный деталей, качественнее и тоньше отразить образ природы. Чем больше деталей схвачено в образе, тем больше зритель в него вовлечен. (Это преимущество фильмов перед телевидением только частично сокращается введением телевизоров "с большим разрешением").

Фильмы всегда показывают на гораздо большем экране, чем телевизионные программы, что требует значительно большего движения глаз. И когда фильм окончен, зажигается свет в кинотеатре, люди реагируют и встают. Они не просто продолжают сидеть и ждать следующего потока образов. Поход в кафе после просмотра кинофильма и обсуждение увиденного способствует переходу образов из нижней правой части мозга (где концентрируются сновидения) в более высокие слои сознания. Образы приходят из подсознательной, неиспользуемой области в сознание, где они в определенной степени анализируются.

Радио — это среда, которая вообще не навязывает образы; фактически радио стимулирует воображение в такой же степени, как и книги. Слушатель активно ее воспроизводит услышанное. Альфа-волны подавляются самим этим фактом. При просмотре телевизионных передач, напротив, способность человека производить образы парализуется.

Печатная среда намного превосходит другие масс-медиа по степени вовлечения и участия человека. Поскольку восприятие книг и газет не ограничивается рамками времени, эта среда доносит до читателя всю полноту информации, необходимую для понимания и генерирования образов. Но самое важное, что получение информации из книг — это активный, а не пассивный процесс.

Для того чтобы чтение было успешным, мы должны прилагать существенное умственное усилие. Во время чтения невозможно находиться на альфа-уровне, по крайней мере, если мы хотим понять прочитанное. У нас бывают моменты, когда прочитав параграф в книге, мы понимаем, что на самом деле мы его не прочитали, затем принимаемся за чтение опять. Для этого необходимо приложить сознательное усилие; т.е. перевести мозг в когнитивное состояние.

Кроме того, во время чтения у человека есть возможность пересмотреть материал, отметить отдельные места, написать на полях заметки, скопировать страницу, послать копию друзьям, перечитать ее медленно или быстро. Читатель контролирует все элементы процесса и может создавать наилучшие условия для восприятия информации. Все это невозможно при просмотре телепередач, где информация воспринимается по мере ее поступления, автоматически. Исследователи из Австралийского национального университета называют процесс просмотра телепередач "усмиряющим". По мнению исследователя мозга Эрика Питера из Сан-Франциско, термин "зомби" лучше всего отражает этот процесса. Профессор Роуз Голдстен из Корнельского университета называет телевидение "мнемоническим обучением", т.е. "обучением без сознательного участия ученика", или "обучением во сне".

Просмотр телепередач, поэтому, имеет много общего с действием валиума и других транквилизаторов. Его главный активный компонент — *скорость*.

ГИПЕРАКТИВНОСТЬ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

Группа ученых из Австралийского национального университета предположила, что телевидение способствует росту гиперактивности у детей. Такой прогноз мне показался весьма тревожным, поскольку многие родители помещают своих детей перед экраном телевизора, где они, казалось бы, успокаиваются. В конце концов, у детей закрепляется гиперактивность.

Вот как это происходит. Сидя тихо перед телевизором, ребенок видит, как люди бьют друг друга на экране. Возникает инстинктивная реакция "вступить в схватку или убежать", но, поскольку реагировать адекватно на телевизионную схватку невозможно, ребенок подавляет в себе эту эмоцию. Схватка на экране продолжается, а вместе с ней идут циклы импульсов и их подавление. На протяжении многих передач ребенок находится в противоположных состояниях активации и вынужденного пассивного состояния. Когда передача заканчивается, вся накопленная нервная энергия вырывается наружу в виде необузданного, отчаянного поведения, которое мы ассоциируем с гиперактивностью. Часто единственным способом успокоить ребенка будет новая передача, которая снова запускает механизм гиперактивности. Но существуют и более скрытые пути, по которым телевидение ускоряет нервную деятельность человека.

• • •

Я принадлежу к поколению, выросшему без телевизора. Поэтому я проводил время по-другому, чем большинство сегодняшних подростков.

Помню, как приходил каждый день со школы домой. Первым делом заглядывал в холодильник посмотреть, оставила ли мама что-нибудь на обед. Быстро перекусив, я начинал играть с собакой. Или шел в свою комнату. Или ложился на пол в гостиной. Мне становилось скучно. Заняться было нечем.

Постепенно я входил в состояние, которое впоследствии стал называть "отключением" — своего рода мертвая скука. Все чувства как бы на нуле и сопровождаются довольно неприятным ощущением в желудке. Это было так противно, что, в конце концов, я решал *чем-либо заняться*. И звонил другу. Или выходил на улицу, чтобы поиграть в мяч. Или читал.

Думаю, что состояние скуки было нормой для моих сверстников в 1940-х, когда жизнь протекала намного медленнее, чем сегодня. Оглядываясь в прошлое, я вижу, что время, потраченное на ничегонеделание, служило важным источником для творчества. Из этого состояния в конце концов рождалось действие. Вы доходили до самого дна своих чувств, а затем начинали приходить в себя. Возникали идеи. Это состояние можно рассматривать как истоки творчества для всей нации.

Сегодня тинэйджеры приходят домой из школы и сразу же ищут пульт телевизора. Сползание в скуку прекращается. Телевидение изменяет их настроение, как наркотик. Точно так же взрослые ищут алкоголь или телевизор в конце дня. Поэтому телевидение может способствовать переходу молодежи к более "тяжелому" наркотику.

Очевидно, что все мы ищем способы, как изменить свое настроение. Большинство, впрочем, не понимает того, что именно телевизионный наркотик избавляет поколение молодых людей от скуки. Молодежь боится дойти до самого низкого уровня восприятия и почувствовать творческую реакцию. Как следствие, возникает поколение молодых людей, не способных действовать по своей воле и быть творческими личностями. Школьные учителя подтверждают мое наблюдение. Эта привычка может также парализовать у молодых людей способность к самопознанию, которая должна основываться основываться на всей палитре чувств. И новое одурманенное поколение начинает считать, что оно не в состоянии воспринимать жизнь без технологических или химических подпорок. Таким образом телевидение подготавливает его не только к наркотикам, но и к зависимости от товаров потребления.

УСКОРЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ И ПУТАНИЦА В МЫСЛЯХ

При просмотре телепередач зритель попадает в воображаемую вселенную, проносящуюся перед ним гораздо быстрее обычной жизни. Для эксперимента я предлагаю включить телевизор. (Особенно полезно выполнять это упражнение в вечернее время, когда транслируются дорогостоящие передачи). Посчитайте все происходящие на экране события, которые не могут произойти с вами в обычной жизни. В одно мгновенье камера перенесет в некую ситуацию, в следующий момент вы уже за ней, или над ней, или вращаетесь вокруг нее. Еще через секунду вы на улице; затем наступает завтра или вчера. Появляется реклама с танцами, музыкой и мультипликацией. Парочка идет в сотне метров от вас, однако разговор слышен очень хорошо. Затем появляются еще несколько образов. Вы видите лицо, затем руки, затем внезапно оказываетесь на улице. Ситуации следуют друг за другом не в хронологическом порядке. Вы перескакиваете с ландшафта на небо, затем на людей. Молодые люди бегут на вас — *Стоп*. Вот они на берегу — *Стоп*. Вот вы видите, как пиво наливают в стакан — *Стоп*. Вот играет музыка — *Стоп*. Откуда-то голос ведущего. Вот вы в Европе. Теперь в Азии. Вот война, вот реклама... Все перемешано в сплошном потоке образов, ваше внимание рассеивается при попытке отличить реальность от фантазии.

Эта фантасмагория образов, перемены ракурсов, а также сотни других, не указанных мною перемен, являются "*техническими событиями*" в телевизионной образности. Эти перемены не происходят в обычной жизни; они возможны лишь в среде искусственных движущихся объектов кино, видео или телевидения.

Если вы подсчитаете технические события по моему совету, вы обнаружите, что за время рекламы — особенно в вечернее время — ситуация изменяется в среднем от 10 до 15 раз в течение тридцатисекундной рекламы. За время обычной передачи по коммерческому каналу движения камеры и технические события изменяются от 7 до 10 раз в минуту. В передачах общественного телевидения частота движений камеры или технических событий 3—4 в минуту. (Движений на общественном телевидении меньше только потому, что коммерческое телевидение может позволить себе больше камер, больше редакторов и сложную технику. Кроме того, рекламодатели платят за рекламу больше,

чем за любую телевизионную передачу. Это одна из причин, почему люди обращают внимание на рекламу, несмотря на явный недостаток ее содержания. Визуально она более завлекательна. Другими словами, она более *технологична*).

Такая гиперактивная образность продолжается на протяжении всего просмотра телепередачи. Для заядлых любителей телевизора это означает пять или шесть (или больше) часов жизни, проведенных в воображаемой вселенной из мелких частей, спрессованного времени и событий.

Наконец передача закончилась. Зрители возвращаются в реальный мир. В комнатах не происходит никакого движения. Комната не поднимается и не вертится вокруг своей оси. Люди не появляются и не исчезают внезапно. Завтра или вчера не приходят в одно мгновение. По существу, ничего не происходит. Та же комната, что и прежде: стены, окна, мебель. Обычная жизнь и обычные чувства и мысли. Очень медленные, по сравнению с телевизором. Слишком медленные. Становится как-то неуютно. В сравнении с фантастически быстрым миром телевизионных образов, обычная жизнь выглядит серой и неинтересной. Способность созерцать природу также притупляется. Дело в том, что мир природы *действительно* медленный. За исключением деревьев на ветру или случайного движения животного, все кажется неподвижным. Для того чтобы почувствовать природу, ощутить ее тонкую жизнь, человек должен уметь воспринимать медлительность. Требуется, чтобы человек подошел к опыту созерцания природы с терпением и спокойствием. Жизнь в современном мире, однако, не поощряет такой опыт; она поощряет прямо ему противоположный. Машины, самолеты, видеоигры, факсы, уокмены, телевидение, компьютеры, работа и передвижение по графику, конвейеры и офисы настроены на ритмы, чуждые природе. Нас научили искать удовольствие в искусственном мире, которую обеспечивает технология и большие "хиты". Мы живем в мире постоянного катарсиса, постоянных перемен, постоянного ажиотажа. Находясь в реальном мире, на природе, мы начинаем волноваться и чувствуем себя неуютно. Мы хотим поскорее вернуться домой, скорее к телевизору, скорее включиться в общий "поток"[28].

На детей эти перемены откладывают весьма серьезный отпечаток, и учителя это давно замечают. От многих учителей я неоднократно слышал о том, что молодые люди совершенно неспособны удерживать внимание. Им становится скучно уже после двух минут обсуждения какого-либо предмета. Им необходимо все время менять тему. И они хотят, чтобы учитель обязательно "показывал что-либо", а не учил, давал материал "с изюминкой". Что касается чтения, то сегодня лишь очень немногие молодые люди обладают достаточным терпением, чтобы прочитать, например, такую книгу как *Собор парижской богоматери*, в которой события развиваются медленно, а детали важнее, чем постоянно изменяющийся контекст.

Но не только дети подвержены влиянию телевидения. Изменяются все. Все ускоряется. Мир природы отступает назад, за пределы нашего сознания. Мы слышим, как

[28] Все чаще я наблюдаю, как собеседник не выдерживает медленного ритма беседы или достаточно серьезных тем, и начинает, казалось бы, без всякого на то повода волноваться. Замечали ли вы, как часто разговоры ведутся на повышенных тонах, совершенно не адекватных ситуации? — *Прим. перев.*

люди "устают" от природы, и нам теперь понятно, почему. Мы недостаточно медленны. Забота о сохранении природы и ее ритма не входит в рамки нашего мира чувств, этот мир занят постоянным поискам более эффективных способов эксплуатации природы. В глубине души мы надеемся, что наше будущее будет лучше на какой-нибудь другой планете, где-то в космосе.

Телевидение синхронизирует наш внутренний мир с миром бетона, компьютеров, космических полетов. Оно подстраивает наш внутренний мир — мозг и нервную систему — под внешний мир. Для человеческих существ это самая опасная комбинация. Она приводит мозг к пассивному альфа-состоянию, останавливает мыслительный процесс и разрушает творческие порывы. Одновременно, такая комбинация ускоряет реакцию нервной системы, делает нас перевозбужденными, неспособными прочесть книгу, спокойно общаться с другими человеческими существами, с природой. После такой отчуждающей тренировки появляется новый человек. Спид-джанки. Видеовойд. Техновойд.

ПОЛИТИКА СПУТАННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Когда люди проводят большую часть своей жизни, погрузившись в телевизионные образы, эти образы становятся для них самыми важными. Они начинают походить на саму жизнь, определяют условия мышления человека, границы его сознания. Не имея противовеса в реальной жизни, телевизионные образы приобретают качество реальности, которого они не заслуживают.

Последствия изолированности населения внутри искусственной информационной среды — один из любимых сюжетов многих писателей-фантастов.

Джордж Орвелл в своей знаменитой антиутопии *1984* описывает информационную среду настолько монолитную и агрессивную, что она становится единственным источником и абсолютным пределом человеческого знания. В каждой комнате стоит двухканальный "телеэкран", который нельзя отключить; из него постоянно доносится официальная музыка, экономическая информация и сообщения о военных победах.

В *1984* показано, как через постоянное противопоставление Добра и Зла телевидение становится инструментом ежедневной тренировки человеческих чувств: благожелательный, любимый Большой Брат против ненавистного, мерзкого врага Гольдштейна. "Две минуты ненависти" регулярно передаются по телевизору; "отвратительный" образ Гольдштейна мелькает среди потоков официальных обвинений, заставляющих население объединиться в "экстазе страха и мстительности".

Книги, документы, дневники — практически отсутствуют. Без письменных источников прошлое легче сфабриковать и подогнать под настоящее. Людей, память которых отличается от телевизионной версии реальности, рано или поздно выявляют. Язык прошлого разрушен; запрещено также посещать дикие места, которые рассматриваются как атрибуты прошлого.

Задача тотального контроля — объединить сознания масс с единственной версией реальности, допускаемой масс-медиа. При огромном потоке приходящей с экрана

несвязной информации, при одновременном получении этой информации всем населением без возможности проверить то или иное событие, как человеку понять, что истинно, а что нет? Существует ли Гольдштейн? А Большой Брат? Действительность оказалась в руках масс-медиа. Сопротивляться поступающей информации бесполезно. Сознание всех людей заполнено исключительно официальными образами. Постепенно люди принимают как должное так называемое "двоемыслие", совершенно противоречивые положения, вроде: "МИР — ЭТО ВОЙНА", "НЕНАВИСТЬ — ЭТО ЛЮБОВЬ", "НЕЗНАНИЕ — СИЛА" и т.п.

Очевидно, есть большое отличие между описанным в *1984* сценарием, и современной Америкой, но статистика указывает: отличий меньше, чем сходства. Телевидение стало главным миром для нас. Подобно орвелловскому непрерывному вещанию, оно занимает наши умы и дает сходные результаты, о чем я еще буду говорить.

В фантастическом романе *451 градус по Фаренгейту* Рэй Брэдбери рассказывает об обществе, для которого отношения между людьми не важны; их заменили отношения между зрителями и героями телевизионных шоу. В каждом доме висит телевизионный экран, размером со стенку. И герои передач обращаются лично к зрителю. Таким образом, герои телевизионных передач становятся главными действующими лицами в жизни людей.

Достаточно прислушаться к разговорам, которые ведутся сегодня — в автобусах, ресторанах и офисах — чтобы убедиться: многие люди обсуждают героев мыльных опер как своих соседей или родственников. Люди в нашем обществе часто следят за жизнью людей на экранах телевизоров с большим вниманием и пристрастием, чем за жизнью членов своей семьи. Для многих жизнь и телевидение давно слились в одно целое.

Это приводит к довольно странным ситуациям. Несколько лет назад 250 тыс. человек обратились с письмами к доктору Маркусу Велби за медицинским советом. Актеры, занятые в мыльных операх и "ситкомах", часто подвергаются насилию и оскорблениям на улице в отместку за поведение их героев. Многие исследователи — например, Гербнер и Гросс из Пенсильванского университета — установили: американцы склонны принимать вымышленные телешоу ("ситкомы") за реальность. Недавно в качестве гостей на эти передачи были приглашены реальные знаменитости: Нэнси Рейган, Генри Киссинджер и Майкл Джордан. Стали ли от этого шоу более реальными? Или, наоборот, Киссинджер после этого стал менее реальным? Граница между вымыслом и реальностью размывается.

Люди, погруженные в суррогатную реальность телевидения, получают искаженное представление о действительности. Например, смотря телевизионные новости, вы думаете, что события происходят в реальном времени. Но на самом деле, большинство из этих событий произошло некоторое время назад, а вы видите лишь отредактированную запись. Иногда события представляются не в виде образов, а в виде словесного описания. Затем новости прерывает реклама. Реклама не имеет никакого отношения к только что показанному событию. Вскоре вам покажут драматическую программу, в которой актеры играют по написанному сценарию, также прерываемую рекламой, в которой могут присутствовать реальные звезды шоу-бизнеса или кино. Звезды могут участвовать в нереальной ситуации, но играть в реалистической манере. Затем

следует драматическая постановка на тему реальных событий. При этом вы должны одновременно воспринимать реалистические и художественные элементы в одно и то же время. (В 1989 году стало известно, что телекомпания ABC News *симулировала* контакт между пресловутым американским шпионом и советским агентом; это был первый случай т.н. "восстановленного факта" в телепередаче, которая была представлена как невымышленная реальность".)

В других случаях вам могут показывать будущее, которое выглядит реальным, но на самом деле сконструировано по сценарию. Или ток-шоу, в котором реальные люди (обычно актеры, играющие вымышленных героев) говорят о реальных событиях своей жизни. Затем снова возникает реклама, в которой "реальные" актеры играют свои роли, а реальные люди играют вымышленных героев, и т.д. и т.п.

Я привел лишь несколько примеров телевизионной псевдореальности, разворачивающейся каждые несколько минут по телевизору, и вся эта псевдореальность неумолимо обрушивается на вас.

В то время, как фиктивные телевизионные передачи принимают вид реальности, реальные политические события, присутствующие в потоке образов, принимают вид фиктивных событий. Войны, беспорядки, международный шпионаж, предвыборная гонка — все принимает вид популярных телевизионных серий, или, как в случае президентских выборов, спортивных состязаний. Они сменяются также быстро как ситкомы или драма, и также зависят от рейтинга. Выбор темы в телевизионных новостях часто основывается на зрительском интересе (см. книгу Эдварда Дж. Эпштейна *Новости ниоткуда*). То же происходит с великими трагедиями или мировыми событиями — революция на Филиппинах, демократические восстания в Китае или Восточной Европе, чернобыльская авария или угроза расправы над Салманом Рушди, или война между США и Ираком — каждое из этих событий лишь на небольшое время попадает в новости, затем отодвигается на задний план или вообще забывается. Каждый выпуск имеет формат вечерних новостей, идет в течение двух-восьми недель, в зависимости от важности темы и внимания со стороны зрителей, а затем опускается.

Все выпуски новостей идут в сплошном потоке из реальных, вымышленных и полувымышленных событий. Реальные новости, смешиваясь в нашем сознании с другим материалом, становятся еще одним набором образов, у которых одна и та же степень псевдореальности. Они входит в нашу жизнь ускоряющимися темпами с другими телевизионными передачами. И в конце концов растворяются в небытии. Мы вовлекаемся в передачи, возбуждаемся, развлекаемся, негодуем, а затем все внезапно прекращается. Нам кажется, что мы переживаем все эти события, но на самом деле сидим дома в гостиной перед телевизором. Это справедливо и в отношении новостей, и китов Жака Кусто, и наших "друзей" в вечерних ток-шоу или в мыльных операх. Все они являются частью одного и того же пульсирующего потока образов и поэтому мало чем отличаются друг от друга: Дж.Р. Эвинг, Джон Мадден, Джонни Карсон, Имелда Маркос, Сильвестр Сталлоне, Мадонна, Розана, Моамар Кадафи, Барт Симпсон, Майкл Джордан, Майкл Джексон, Лора Палмер, Садам Хуссейн, Чарлтон Хестон, Маниэль Норьега, Клинт Иствуд... (Читая эти имена, вы, конечно, представляете се-

бе их лица. Но фактически картинки этих людей живут только в сознании и представляют собой смешение реальной и вымышленной жизни).

Мы редко задумываемся о различных категориях реальности, которые приносит телевизионный поток. Еще меньше мы осознаем путаницу и искажения политической реальности, следующих за телевизионной галиматьей.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

Юмористы часто шутят по поводу того, что огромной популярности Рональда Рейгана помогла бестолковость телевидения. Хотел бы заметить, что это действительно так, и в этом нет ничего забавного.

Взрослая жизнь Рональда Рейгана представляла собой образ, иногда фикцию (когда он снимался в фильмах), а иногда некую странную полуреальность, которая характерна для рекламных роликов. Его карьера состояла из фильмов, но, наверное, более важную роль он играл все-же в качестве рекламного представителя Дженерал Электрик.

Имея достаточную подготовку, Рейган возглавил телевидение с поразительным умением и силой. Он понимал, как никто, что на телевидении стиль берет вверх над содержанием: поведение и внешний вид гораздо важнее того, что вы говорите. Он понимал, что сложность формулировок и историческая перспектива не проходят на телевидении с таким же успехом, как простота, безапелляционные заявления, символика и особое пристрастие к глубоко укоренившихся в сознании американцев формулам, как-то: Добро против Зла, Америка против Врагов, Люби Флаг и т.д. Протеже Рейгана, Джордж Буш, также хорошо усвоил эти уроки; в 1988 году он был избран, потому как ловко использовал телевизионные символы — флаг, клятва в верности родине, черные насильники и т.п. — вперемешку с обвинениями против Дукакиса и защитников окружающей среды (что впоследствии оказалось ложью).

Самым значительным достижением Рейгана было воплощение потрясающего набора архетипов из популярных кинофильмов 40-х и 50-х годов. В своей *реальной* роли президента Рональд Рейган воссоздал ряд образов, укрепившихся в сознании публики после Второй мировой войны, т.е сделал реальным то, что ранее было лишь вымыслом.

Так Рональд Рейган стал героем Второй мировой войны. Это он — адмирал на капитанском мостике боевого корабля, обрушивший свой праведный удар на нацистов и японцев, которых быстро сменили коммунисты и иранцы. Это он — герой вестернов, которого трудно вывести из себя, но который страшен в праведном гневе. Но он так не похож на современного бесчувственного Рэмбо. У него есть принципы. Он — Джон Вейн, он же — Гари Купер из *High Noon*.

В 1950-х Рейган, кроме того, играл роль семейного человека: любящего, немного простоватого, грубоватого, немного сексуального, но очень любящего свою жену. Он был добрым дедушкой, с небольшими странностями. Он, например, плохо запоминал имена. Он называл Камю, "Каймю". Но его смешные недостатки только заставляли

нас любить его еще сильней. Они были такими безобидными, смешными а-ля Джимми Стьюарт[29].

С другой стороны, он был авторитетным деятелем — особенно что касается рекламы Дженерал Электрик. Он верил в технологическую мечту и упорно стремился продать её населению. Он верил в американский образ жизни. Он знал, что для техники нет преград. Он любил бросать вызов будущему: "Прогресс — самое замечательное достижение Америки".

Все приведенные выше стереотипы пришли из сороковых и пятидесятых, и остались в сознании миллионов. Они легко воскрешали образы прошлого, когда все было ясно, когда Америка была на вершине, а герои и обычные люди могли изменить мир.

Рональд Рейган знал, как подойти к этой памяти послевоенного поколения и использовать ее для своего имиджа. Он обращался к коллективному бессознательному и получал результат, достойный алхимика: воображаемое становилось реальным.

Рейган также осознал антиисторическую природу телевизионной реальности, ее *сиюминутность*. Это позволило ему сотворить историческую правду. Он понимал, что когда население имеет единственный информационный источник, у этого источника появляется возможность контролировать человеческое сознание. Так же как и в орвелловском *1984*, реальность и фантазия, истина и вымысел становятся в равной степени произвольными, и нет способа проверить истинность. Поэтому Рейган мог назвать вторжение в Гренаду "спасением" студентов, которые никогда там не были в опасности; мог утверждать, что Советы знали, что корейский самолет 007 был пассажирским до того, как они его сбили, хотя последующие расследования показали, что Советы этого *не знали*. Утверждать, что Ливия была замешана во взрыве бомбы в берлинской дискотеке и призывать к возмездию, хотя позже появились материалы, свидетельствующие о причастности к этому событию Сирии.

Называть ракеты МХ "миротворцами". Заявлять, что снижение налогов для богатых идет на пользу бедным, а массивное вооружение создает путь для разоружения. Несколькими годами спустя, по его примеру, Джордж Буш заявит, что "последняя возможность спасти мир" — это начать войну против Ирака и что "цель войны — достижение мира". Все эти заявления можно отнести к разряду современного "двоемыслия".

Рейган и Буш хорошо усвоили орвелловский урок по возбуждению ненависти у населения. Орвелл говорит о "двух минутах ненависти" по телевизору, во время которых показывали отвратительную физиономию Гольдштейна. Рейган использовал Хомейни, затем Кадафи, затем Ортегу. Буш продолжил эту практику, фокусируя ненависть американцев на образах Вилли Хортона[30], затем Мануэля Норьеги, затем Саддама Хусейна. Публика усваивала "уроки ненависти" без всякого протеста, как и предсказывал Джордж Орвелл, который хорошо понимал политическое значение телевидения.

---

[29] Известный американский актер, а также заслуженный военный летчик Второй мировой войны. — *Прим. перев.*

[30] Преступник, выпущенный для участия в телевизионной передаче и совершивший повторно тяжкое преступление. — *Прим. перев.*

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ: ВИДЕОВОЙНЫ

4 февраля 1991 года. Уже три недели мы ведем войну с Ираком. Мои друзья говорят, что они "приклеены" к экрану, и спрашивают, смотрю ли я новости.

Действительно, я смотрел новости, но испытывал скорее изумление и отвращение, нежели искал в них полезную информацию. Новости по радио, в частности в сети National Public Radio и Pacifica Network, намного подробнее, информативнее, с историческим контекстом и широким взглядом на вещи, оперативнее раскрывали важнейшие события.

Начиная с первого дня войны, когда корреспонденты CNN сообщили о бомбежке Багдада, телевидение давало очень мало сведений о фактическом ходе войны. Частично это было вызвано цензурой в Пентагоне, которая запрещала репортерам посещать военные действия и фотографировать убитых американцев, и допускала лишь незначительную информацию из внешних источников. Репортеры были допущены фактически только к официальным версиям происходящего. Бывший политический корреспондент *Нью-Йорк Таймс* Ричард Ривз охарактеризовал тогда телевизионную индустрию как "PNN, Pentagon News Network" (Сеть новостей Пентагона).

Важно отметить и технические ограничения телевидения. Для того чтобы информировать о военных действиях телевидению требуется довольно громоздкое, иногда тяжелое, оборудование, затрудняющее передвижение по местности. Радио и телефонная связь, с другой стороны, не такие громоздкие, более мобильные, менее дорогие и более оперативные во многих ситуациях. В результате сидящие около телевизоров люди видели в основном застывшие фотографии, в то время как корреспондент сообщал свой рассказ по телефону. Другими картинками были либо карты Ближнего Востока, либо пентагоновские ракеты и самолеты, либо "говорящие головы" генералов и комментаторов. Конкретная информация исходила почти исключительно из уст комментаторов. Поэтому 100 млн человек, по сути, слушали радио, уставившись на освещенный экран.

Пробиться альтернативному взгляду сквозь массированное барражирование военной болтовни очень трудно. Антивоенные взгляды сводились к двадцатисекундному показу маршей мира, заниженном количестве участников и без каких-либо интервью. В отличие от многих часов, отведенных для интервью с военными стратегами и любовного описания характеристик оружия, у телевидения не нашлось времени для лидеров антивоенного движения или просто тех, у кого был другой взгляд на войну: лидеров женских организаций, артистов, гуманистов, аборигенов, экологов, пацифистов или просто людей, ратующих за переговоры. Когда же объявили результаты опроса общественного мнения, все были удивлены степенью поддержки войны населением. А как могло быть иначе? Разве была возможность у зрителей получать альтернативную информацию?

Надо отдать должное некоммерческому радио и отдельным газетным публикациям, которые все же давали более широкую картину происходящего; тем не менее,эти голоса заглушались.

В течение первых недель войны телевидение было инструментом официальной политики. Оно приняло на себя роль ободряющего звена для военных и правительства. Наивысшей точкой был, возможно, Super Bowl 1991 года[31], который больше походил на мультимедийное милитаристское шоу. Болельщики, сидя на красно-бело-голубых подушках, размахивали американскими флагами. Игроки и тренеры давали интервью в отношении войны и выражали уверенность в победе. В перерыве показывали диснеевское шоу о превосходстве американских ценностей. Показывали также, как Джордж и Барбара Буш смотрят игру дома и как и весь народ стоит "на стороне справедливости" в войне в Персидском заливе. А потом Питер Дженнингс[32] показал нам *те самые видео*.

Это был звездный час телевидения. Видео-образы наводимых лазером ракет были для него "посланием неба". Мы, зрители, сразу же очутились в кабине на месте пилота; мы видели то, что видел пилот. Масс-медиа продемонстрировали уникальную способность создавать многоплановую и многостороннюю образность.

Лазерные бомбы позволили раскрыть естественный симбиоз между видео, компьютером, спутниковой связью, радаром и лазерными технологиями. 100 миллионов людей с радостью почувствовали техническое превосходство нашего общества. До сих пор ни одно средство массовой информации не могло достичь такой превосходной рекламы и возбудить такое благоговейное чувство перед техникой.

Военные репортажи, которые мы увидели, были, конечно, знакомым зрелищем. Это была именно та образность, к которой нас приучили и которую заставили полюбить видео-игры. Когда м-р Рейган заявил, что видеоигры представляют собой хороший тренажер для пилотов-бомбометателей, он забыл сказать, что это также хорошая тренировка и для *нас с вами* — она помогла нам полностью слиться с пилотами-бомбометателями.

Тот факт, что два источника образов — видеоигры и война — переплелись в нашем сознании, а сама война стала нечто вроде гигантской видеоигры, стал настолько очевиден, что его заметили даже некоторые массмедийные аналитики. Однако из их поля зрения выпала противоестественность такой ситуации.

Я уже говорил о том, как Рональд Рейган воплощал в себе ранние кино- и телеобразы. Образы хайтековой войны также строились не на пустом месте и представляли собой ранее имплантированные видео-образы. Они сразу же вызвали целый ряд знакомых ассоциаций. Все наши любимые игрушки — компьютеры, телевидение, видеоигры — прекрасно слились в нечто такое, что можно было разделить с нашими пилотами.

Однако оставалась одна мелочь, вызывающая смущение. Дело в том, что в отличие от военных видеоигр в видеосалонах, это были настоящие бомбы, разрывающие человеческую плоть. *Этого* на экране мы не видели.

Психолог Роберт Джэй Лифтон красноречиво писал о хайтековой войне, отстраняющей общество от ее результатов. Он называет это "психологическим онемением".

---

[31] Матч на звание чемпиона Национальной футбольной лиги США фактически приравнивается к национальному празднику. — *Прим. перев.*

[32] Популярный телеведущий в США. — *Прим. перев.*

Наше общество по-прежнему ужасается от непрекращающегося насилия на улицах, где убийца часто действует как бесчувственная машина. Но благодаря слиянию новых технологий в единый телевизионный образ, мы участвуем в актах насилия наших военных, не испытывая никаких чувств. И вместо того, чтобы ужасаться увиденным, мы получаем странное удовольствие. Мы возбуждаемся при виде "поражения", как говорят военные, но остаемся бесчувственными к смертям, которые за ним следуют. (То же справедливо и в отношении фактических убийц, пилотов).

Наконец, телевизионная война открывает перед нами чрезвычайную эффективность централизованного управления. Мы уже наблюдали эту эффективность на протяжении десятилетий корпоративного контроля. С приходом войны роль корпораций временно ослабевает. Действительно, многие рекламодатели на некоторое время прекратили передавать рекламу, позволив на первый план выйти военным. Но по большому счету прославление хайтековых образов войны поддерживает корпоративные цели, что приводит к еще одной смычке технологий и корпораций.

Главной идеей всего сказанного является то, что эффективность психологического контроля со стороны телевидения определяется не столько заговором военных или корпораций, сколько *фактическим* действием технических средств. Как и в случае с компьютерами, технология телевидения оказывается наилучшим средством централизованного контроля.

Такому контролю способствует, прежде всего, сила образов, внедряемых в наш мозг. Кроме того, телевидение способствует пассивности, изоляции, путанице в мыслях, привыканию и отчуждению; оно усредняет ценности и не выносит альтернативных точек зрения.

Телевидение уникально приспособлено к усилению стереотипов в обществе. И в то время как оно обрабатывает наше сознание, оно также ускоряет реактивность нашей нервной системы, подстраивая ее под технологическую реальность. Телевидение эффективно производит новое человеческое существо — менее творческое,менее способное проводить тонкие различия, более лихорадочное и более заинтересованное в вещах, и в то же время, более способное управлять, оценивать и принимать новую технику. Высокоскоростные компьютеры, факсы, лазеры, сателлиты, роботы, хайтековая война, космические полеты и подавление природы становятся все более притягательными благодаря телевидению. Конечным результатом должно стать полное перепроектирование нас с вами, дабы мы стали совместимы с будущим.

6

ТЕЛЕВИДЕНИЕ (2): САТЕЛЛИТЫ И КЛОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУР

Судьба индейцев дин

Основополагающий принцип экологии гласит: разнообразие — это хорошо. Кроме того, это необходимо для выживания. Такие авторы, как Пол Эрлих, Рэй Дасманн и Уэс Джексон, уже писали об исчезновении многих видов растений и животных и об угрозе разрушения генетического набора на планете, откуда она черпает свое биологическое здоровье. За многие из этих нарушений ответственна технология: например, известна негативная роль пестицидов, монокультур или гидроплотин в разрушении взаимодействия между различными формами жизни. При этом редко отмечается, что технология связи, в частности телевидение, может способствовать нарушению разнообразия в *человеческой сфере*.

Насаждая однотипные образы в сознание миллионов людей, телевидение усредняет различные точки зрения, знание, вкусы и желания, подстраивая их под вкусы и желания тех, кто создал эти образы. В нашем мире образы создаются корпорациями, идеал жизни которых ориентирован на потребление.

А спутниковая связь — это механизм, с помощью которого телевидение добирается до ранее недоступных уголков планеты.

• • •

Как и другие технологии, спутниковое телевидение вводилось под шумные крики о его демократизме. Утверждалось, что на *отправном* конце содержание передач будет представлять различные точки зрения (в отличие от старой системы телепередач). На *приемном* конце, спутниковое телевидение обеспечит доступ к информации, в особенности там, где имеется ее недостаток. Люди, живущие без дорог или водопровода, например, в Борнео, в Африке и на Крайнем Севере, могут теперь иметь прямой доступ к коллективной мудрости и западной науке. На сегодняшний день, благодаря спутниковой связи, более 60% населения мира имеют доступ к телевидению.

Однако данный сценарий спутникового телевидения не учитывает трех важных моментов: 1) стоимость передачи программ и сообщений через спутник практически препятствует их использованию населением (кроме самих корпораций и правительств); 2) осчастливленные данной технологией "примитивные" народы получают прежде всего "западные" образы, не имея возможности посылать свои собственные; 3) эффект от такой односторонней передачи для людей, живущих в джунглях или тундре, поистине разрушителен. Он прокладывает путь для технологического мышления, разрушает коренную культуру, экономику и политику.

В 1984 году я имел возможность изучить влияние спутникового телевидения на культуру и экономику северных территорий Канады. Приглашение пришло от Ассоциации женщин-аборигенов Северо-западных территорий Канады. Меня попросили приехать для участия в нескольких семинарах, посвященных влиянию телевидения. Самый крупный город Северно-западных территорий Йеллоунайф (население около 44 тыс. чел.) в течение десяти лет принимал сигналы спутникового телевидения, причем большая часть коренного населения отказалась от установки спутниковых антенн. В последние годы, однако, 15 коренных сообществ уступили нажиму канадского правительства. Другие сообщества собираются последовать их примеру.

Дины и *инуиты* (эскимосы), входящие в Ассоциацию женщин-аборигенов, выступили против спутникового телевидения. В общинах, куда пришло телевидение, были замечены неожиданные и резкие перемены в семейной жизни и жизни сообщества, в поведении и ценностных ориентациях молодежи, а также падение интереса к традиционным ремеслам. Женщины обратились ко мне с просьбой помочь определить круг вопросов и обсудить их на семинаре.

"НЕЗАСЕЛЕННАЯ ЛЕДЯНАЯ ПУСТЫНЯ"

Слышали ли вы что-либо о падении русского ядерного спутника в 1978 году в долине реки Макензи? На протяжении недель не утихали разговоры перепуганных людей, куда может упасть спутник и на какое расстояние разлетится его ядерная начинка. Что если он упадет на Нью-Йорк, или Лондон, или Москву? Люди вздохнули с облегчением, когда спутник, наконец, разбился недалеко от Северного полярного круга, в "ненаселенной ледяной пустыне". Фактически, развалившийся спутник пролетел над 26 общинами дин и инуитов — территорией, на которой эти народы живут вот уже 20 тыс. лет. Назвав этот район "ненаселенной пустыней" масс-медиа дали ясно понять, до какой степени коренные народы остаются невидимыми для основных игроков современного мира. Дело обернулось бы гораздо серьезнее, если бы эта штука упала на *настоящих* канадцев.

До недавнего времени около одного миллиона квадратных миль Северо-западных территорий не являлись частью Канады. Известно, что в 1867 году Англия пожаловала Канаде независимость, однако на Северо-западных территориях до сих пор не отмечалось присутствия канадцев за исключением крошечных почтовых офисов или случайного полицейского на лошади. Официальный правительственный офис был от-

крыт лишь в 1967 году. На протяжении столетия этот регион, если можно так выразиться, управлялся из Оттавы, а по большому счету, просто игнорировался. В то же время, индейцы дин и инуиты вели образ жизни, существенно не изменившийся за тысячу лет.

В климате, где зимние температуры опускаются до 30 градусов по Фаренгейту[33], где летний сезон чрезвычайно короткий, а осадки скудны, эти народы умудряются как-то выжить. Веками они жили за счет охоты и подледного лова рыбы в озерах, причем *инуиты* традиционно занимались тюленьим промыслом. Сравнительно недавно — начиная с семнадцатого столетия — на Север пришла коммерческая охота. Компания Hudson's Bay платила деньгами или ружьями за шкуры животных; скупала знаменитых карибу[34] и лосиные муклуки[35], украшенные бусинками и иглами дикобраза. Дела шли настолько хорошо, что в сильные морозы компания посылала индейцам дополнительные продукты и настойчиво требовала от канадского правительства последовать ее примеру. Но до 1900 года канадцы не проявляли интереса к индейцам.

В начале двадцатого столетия на Северо-западных территориях официально насчитывалось всего 137 человек. По большей части коренное население Севера оставалось таким же изолированным, как индейские племена Амазонки или Новой Гвинеи; их оставляли в покое, поскольку земля была невостребованной.

Все изменилось в 1920-х годах, когда в долине Маккензи нашли нефть. Первый раз канадское правительство почувствовало необходимость в "легализации" северных территорий. О том, что 100 лет назад эти земли были подарены Канаде, было неведомо ни индейцам, ни инуитам. Поэтому правительство решило формализовать свои владения соответствующими договорами.

Наблюдая за бесчеловечным отношением к индейцам со стороны Соединенных Штатов, Канада стала проводить более гуманистическую политику. В самом деле, Канада никогда не была замешана в военных расправах наподобие тех, которые имели место в США в 19-м веке, и которые, к несчастью, еще остаются обычными в отношении многих аборигенных народов. Но "ненасилие" канадцев — это, пожалуй, все, чем отличается Канада от США.

В договорах 1920-х годов использовалась та же обманная практика, что и в Соединенных Штатах, с теми же нарушениями человеческих и юридических прав. В настоящее время в отношении законности этих документов идут резкие споры.

Индейцы, из которых лишь немногие читали по-английски, подписали договора в полной уверенности, что там ничего не говорится о передаче земли. Индейцы полагали, что долина Макензи остается их землей, а договор заключается "о мире и дружбе". Однако в составленном по-английски договоре указывалось, что представители племени дин соглашаются "передавать, освобождать, уступать правительству" все права, названия и привилегии на землю. За это каждому коренному жителю выплачивалось пять долларов в год и разрешалось охотиться, ловить рыбу и жить в традицион-

---

[33] Минус 34^{0}С.

[34] Американский олень. — *Прим. перев.*

[35] Мягкие ботинки, сшитые из кожи оленя, лося или тюленя, используемые коренными народами Арктики. — *Прим. перев.*

ных местах до тех пор, пока правительство не посчитает нужным использовать эту землю в других целях.

До 1920-х годов на аборигенных зземлях почти не велась добыча нефти или других ископаемых, поэтому разночтения в договорах прошли незамеченными. Но после Второй мировой войны Канада стала проявлять все большую заинтересованность в нефти и заключила контракты на ее добычу в долине Макензи с компаниями *Exxon*, *Gulf* и *British Petroleum*. На севере начали прокладывать нефтепровод и строить планы по прокладке газопровода длиной 1500 миль через долину Макензи на юг, до Альберты. Индейцам это не понравилось. В 1950 году начали вводиться ограничения на проживание индейцев в местах, где они могли охотиться и ловить рыбу. Затем правительство стало агитировать коренных жителей к переезду в города, обещая им школы, работу на нефтяном производстве, дома, деньги и телевидение. Многие коренные народы, особенно проживающие в районе Норманн Веллс, были шокированы тем, что их земли без согласия отданы под нефтедобычу. Индейцы действительно получили кое-какую работу на нефтяных разработках, но главным образом как дворники, мусорщики и охрана; они же были первыми, кого увольняли по сокращению. У *динов* и *инуитов* возникли алкоголизм и семейные проблемы. Началось активное противодействие захвату земель, во главе которого стали старейшины, и те, кто в прошлом участвовал в договорах. Они настаивали на том, что земля не принадлежит канадцам, и поэтому ее нельзя сдавать в аренду или контролировать охоту и рыбную ловлю. Индейцы дин начали организовываться для оказания сопротивления, и это привело к болезненным переменам отношений в племени.

Как и у родственных племен *навахо* (динех) и *апачей*, у *динов* не было никакой централизованной политической структуры. Они жили маленькими полукочевыми группами, состоящими из нескольких семей, и вели коллективное хозяйство. У них не было ни начальников, ни "глав". В зависимости от задачи, которую в данный момент выполняла группа, у нее появлялись лидеры. Когда приходило время для охоты на карибу, временно группа переходила под начало самого искусного охотника. Когда возникали проблемы в общине, главным становился самый искушенный в семейных отношениях. Такая система отношений существует у динов вот уже 20 тыс. лет.

Канадцы, пожелавшие заключить договор с вождем племени, не смогли найти ни одного человека, с кем можно было вести переговоры. Поэтому они должны были каким-то образом выделить индейцев *дин* из других групп и собрать их вместе для обсуждения договора. Для этого было сформировано искусственное "правительство" племени *дин*. В это же время, правительство США вело такие же переговоры с племенем *навахо*, обитающим на 3000 миль южнее. (См. главу 15). Как только договор был заключен, "правительство" племени *дин* было распущено, и индейцы снова занялись своими повседневными делами. В 1960-х годах, однако, с усилением давления, дины поняли, что необходимо самоорганизоваться. Канадцы, обладающие большей мобильностью и лучшей связью, смогли одновременно вести переговоры со многими автономными индейскими общинами. Традиционная структура племени *дин*, опиравшаяся на силу семьи и номадический образ жизни, не могла эффективно противостоять канадцам.

После нескольких лет яростного сопротивления дины, наконец, уступили, и решили создать первое центральное правительство (1970 г.). Сначала оно называлось Индейским Братством Северо-западных территорий, затем "народом *дин*", с офисами в Йеллоунайфе. Каждая из двадцати шести общин выбрали представителей для регулярных собраний в Йеллоунайфе. Первый акт *динов* состоял в том, чтобы нанять юриста, который защищал бы их права на владение долиной Макензи.

В 1973 году судья Уильям Дж. Морроу, представляющий Северо-западные территории, пришел к выводу, что коренным народам не разъяснили как следует содержание английской версии договора. Судья Морроу также доказал, что многие подписи на договоре подделаны. Он постановил, что поскольку "существует большое сомнение в том, что права аборигенов на землю отобраны на законных основаниях", коренные народы могут подать иск на восстановление прав собственности на 450 000 кв. миль Северо-западных территорий.

Тем временем канадское правительство отчаянно искало прорехи в судебном решении. Проблема осложнялась тем, что Канада уже отдала в аренду земли под нефтедобычу и предварительную прокладку трубопровода через долину Макензи. Сопротивление индейцев нарастало и правительство вынуждено было пойти на переговоры.

Канадцы попытались свести переговоры к одному вопросу: сколько денег надо заплатить индейцам за земли. Индейцы, тем временем, утверждали, что они не теряли свою землю и не собираются ее продавать; они только ищут подтверждение этому факту. В результате переговоров следовало определить, кто контролирует нефть, и сохранится ли традиционная экономика индейцев.

По мере хода переговоров коренные жители почувствовали, что ставки растут, и разделили свою территорию на две автономные провинции. Одна провинция должна была принадлежать динам и метисам, и называться Денендех; а вторая — инуитам, и называться Нунавут. Демаркационной линией должна была служить полоса деревьев. Предполагалось, что обе провинции останутся частью Канады, каждая будет управляться большинством коренного населения, сохранив свои традиционные политические и экономические принципы, культуру и язык. (Я остановлюсь на этих переговорах подробнее в главе 20). Тем временем, на динов и инуитов обрушились новые проблемы, вызванные неожиданным приходом спутникового телевидения, после чего они пригласили меня для обсуждению этих проблем.

НАШЕСТВИЕ ИЗ КОСМОСА

В октябре я полетел в Йеллоунайф. До него три часа лету из Эдмонтона (Альберта), с двумя остановками в коренных общинах Форт Смит и Хэй Ривер. Самолет летел так низко над землей, что можно было отчетливо видеть тысячи маленьких озер, гранитные валуны и лесные массивы. На земле уже лежал снег.

Я попеременно смотрел в окошко и читал газету *Totonto Globe And Mail*, на первой странице которой Агентство по защите окружающей среды сообщало, что "парниковый эффект" скоро почувствуют люди повсюду на планете. В газете приводилась кар-

та канадского Севера, где произойдет существенное потепление; в регионе появится новая, незнакомая растительность.

В аэропорту меня встретила Синди Гилдэй, женщина *дин* из Ассоциации женщин коренных народов. Я уже встречался с Гилдэй в Вашингтоне на конференции всеиндейской сети западного полушария, выступающей против деятельности ТНК на индейских территориях. Конференцию спонсировала организация Ральфа Нэйдера Multi-National Monitor, а также Антропологический центр и Центр индейского законодательства Округа Колумбия. На конференции присутствовали около полутора десятка динов и инуитов, и среди них была Гилдэй.

"Вы принесли с собой калифорнийскую погоду, сегодня у нас ноль градусов", — приветствовала меня Гилдэй. Она увидела у меня газету с заголовком о "парниковом эффекте" и рассказала, что многим на Севере нравится эта новость. — "Люди считают, что скоро у нас будут пальмы и пляжи. Некоторые уже планируют выращивать бананы, но что нам делать с муклуками?"

У нас было несколько часов перед началом семинара, поэтому Гилдэй прокатила меня по Йеллоунайфу. Город стоит на северном берегу Большого Невольничьего Озера, гигантского пространства, сравнимого с Великими озерами. В тот пасмурный и очень холодный (для меня) день поверхность озера была грифельного цвета. Я увидел несколько старых построек, сохранившихся еще со времен золотой лихорадки 1930-х, но теперь они представляли собой ряд правительственных зданий, напоминавших загородний район среднего класса.

Прямо в центре города расположен правительственный офис и здание суда, покрытые ребристым алюминием, что напомнило мне прямоугольную стиральную доску. "Мы называем их банкой сардин", — сказала Гилдэй. Затем она показала на сидящих на крыше гигантских воронов. Когда они полетели, размах их крыльев был не менее полутора метров. "Это даже не самые большие", — сказала Гилдэй. Я вскоре заметил, что огромные вороны сидели на подоконниках и крышах по всему городу.

Гилдэй показала мне старинную школу Йеллоунайф-инн в центре города. У нее был такой же ободранный вид, как и у многих современных зданий, спроектированных для южного климата.

Гилдэй предложила пойти в кофейню, в гостиницу: "Это единственное место, где собираются в городе индейцы. Если посидеть с полдня, можно увидеть почти всех".

Гилдэй рассказала, как вначале она была обрадована приходом телевидения на Север. Дело в том, что у динов насчитывается около сотни, если не тысяча общин, отстоящих на многие мили друг от друга и никаких современных средств общения. Дороги есть только в непосредственной близости от Йеллоунайфа; далее только самолеты, радио и собачьи упряжки. "До последнего времени, — говорит Гилдэй, — в средствах связи не было нужды. Большинство общин оставались самодостаточными на протяжении столетий, но сейчас правительство так быстро изменяет уклад жизни, что люди хотят знать, что происходит с другими".

Телевидение на первый взгляд должно было облегчить эту проблему, но пока этого не произошло. В общинах, согласившихся принять телевидение, 60% программ

приходят из Соединенных Штатов, включая развлекательные сериалы "Dallas", "Edge of Night", "Happy Days", "The Six Million Dollar Man" и другие; остальная часть программ приходит из Оттавы и Торонто. "У нас нет никакой возможности решить наши собственные проблемы с помощью телевидения, — сообщила мне Гилдэй. — Наши местные программы идут только час в неделю, но и они редко показывают индейцев или инуитов, хотя мы составляем здесь большинство населения".

"Йеллоунайф и большинство северных канадцев первыми получили доступ к телевидению. Мы уже видим, какой разрушительный эффект оно производит на людей. В индейские общины телевидение пришло всего год-два назад, и там эффект наихудший. Люди, живущие в деревянных домиках около замерзших прудов и с собачьими упряжками, сидят перед телевизорами и смотрят, как группка белых из Далласа, попивая мартини у бассейна, строят планы как бы поскорее обобрать друг друга или уложить чужих жен в постель. После этого им показывают шоу о том, как лучше превратить человека в машину".

"Телевидение старается навести "гламур" на поведение белых и их ценности. Наши традиции связаны прежде всего с выживанием в сложных климатических условиях. Сотрудничество, общие ценности и духовность — вот единственное, что нам надо. Телевидение постоянно навязывает нам противоположные ценности".

"Раньше я была учительницей; с приходом телевидения в деревню я сразу увидела перемены. Люди потеряли интерес к народной истории, легендам и языку, которые очень важны для нас, поскольку учат людей жить. Кроме того, телевидение неблагоприятно действует на отношения между мужчинами и женщинами, между молодежью и стариками. Мы привыкли уважать стариков и прислушиваться к ним, но все быстро переменилось. Телевидение показывает прежде всего молодежь, стариков же никто не слушает".

"И знаете, телевидение сбивает с толку индейцев, которые не видели раньше ничего подобного. Например, я слышала об одной старой женщине, которая каждый вечер молится за людей в мыльных операх. Она думает, что они *настоящие*. Мы очень напуганы телевидением, в особенности женщины, поддерживающие семьи и традиционную культуру отношений. Женщин пугает то, что скоро на Севере появится канал Плэйбой. Ассоциация женщин коренных народов в особенности против этого. Уровень насилия возрос после того, как у нас появились нефтяные компании, и множество людей перестали охотиться и начали работать за зарплату. Они переехали в рабочие поселки и тратят деньги на алкоголь. Приезжая домой они продолжают пить и задираться. Раньше такого не происходило".

"Вы должны знать,— продолжала Гилдэй, — что большинство людей у нас все еще живут в больших семьях. Десять человек могут жить в одной-двух комнатах. Телевизор все время включен, маленькие дети и старики вместе с остальными сидят и смотрят. Например, они видят, как мужчины бьют голых женщин. Это ужасно. Никто нас не предупредил, что принесет нам телевидение. Это похоже на какое-то нашествие из космоса. Сначала было правительство, затем нефтяные компании, теперь телевидение".

Гилдэй рассказала, что в Йеллоунайфе я должен буду выступить сначала перед Ассоциацией женщин коренного народа, а затем в культурном центре племени дин.

Предполагалось участие 50 человек, ответственных за различные программы: сохранение языка, образование, традиционные ремесла, коммуникацию, предупреждение алкоголизма и самоубийств, и т.д. Затем я должен был также посетить две общины Рей и Эдзо, чтобы поговорить со школьниками.

• • •

Ассоциация женщин коренных народов проводила свои собрания в местном зале ветеранов войны. В зале присутствовало около 75 женщин, большинство из них приехали из дальних общин, таких как Туктояктук, около 1500 миль на север. Были представлены все возрасты; пожилых было столько же, сколько молодых; среди них много весьма пожилых. Я обнаружил, что многие пожилые женщины не говорят по-английски. Сразу же после моего выступления эти женщины собрались в круг, чтобы послушать молодую женщину, которая объяснила им суть моего выступления.

Я намеревался обрисовать ряд тем, которые могли бы заинтересовать индейцев и составить основу для будущих семинаров.

- **Семейная жизнь:** Изменились ли семейные и социальные отношения у племени дин с приходом телевидения? Какими семейными и общинными ценностями надо было пожертвовать? Продолжают ли люди собираться, работать вместе и беседовать? Произошли ли перемены к лучшему?

- **Политическая власть:** Как телевидение влияет на способность племени дин противостоять политическому давлению канадцев? Каковы политические последствия от односторонних потоков информации, приходящих из Оттавы, Нью-Йорка и Лос-Анджелеса? Как телевидение ослабляет противостояние нефтяным разработкам?

- **Культура динов и инуитов:** Как телевидение влияет на культуру коренных народов? В чем это выражается? В отношении к пожилым людям? К собственности на землю? В смене ценностных ориентиров? Будут ли индейцы чувствовать себя в культурном отношении лучше или хуже с приходом телевидения?

- **Взгляды на природу:** Как телевидение влияет на традиционную систему восприятия и ценностей, связанных с животными, землей и отношением человека к окружающей среде? Как телевидение влияет на традиционный уклад жизни, помогающий выживать в условиях Севера?

- **Коммерциализм:** Как влияет реклама на культуру, которая до последнего времени основывалась на бартере и общих средствах производства? Как индейцы относятся к ценностям, насаждаемым рекламой?

- **Язык:** Как телевидение влияет на желание учить традиционные языки, историю и мифы Севера? Не кажется ли английский язык более модным? Не станут ли для индейцев новыми мифами герои Голливуда?

- **Образ индейцев:** Как индейцев будут показывать на телевидении? Как городских пьяниц? Как благородных дикарей? Как зрители, в частности, дети, относятся к образу индейца? Как это влияет на чувство достоинства индейцев?

- **Влияние на обучение:** Если телевидение — полезный инструмент в обучении, то чему оно учит? В особенности, маленьких индейских детей? Какие традиционные приемы обучения при этом утеряны? Чем приходиться жертвовать?

В своем выступлении я остановился на том, как телевидение входит в культуру и кто в этом заинтересован. Люди, пропагандирующие телевидение, это обычно те, кто получает от этого наибольшую выгоду — компании, рекламодатели и правительство. Они прекрасно понимают, что это наилучшая возможность обратиться к наибольшему числу людей, и потому о телевидении не говорят ничего плохого. Но как только телевидение пришло к вам в дом, от него трудно освободиться. В Соединенных Штатах, например, главное, чем заняты американцы в своей жизни, это просмотр телепередач. Телевидение глубоко проникло в их культуру, а ведь ему только сорок лет. В конце выступления я сделал вывод о том, что необходимо понять преимущества и недостатки любой новой технологии *перед тем,* как она полностью захватит нас. На Севере есть еще время, чтобы развернуть по этой проблеме дискуссию.

Синди Гилдэй предупредила меня, чтобы я не ожидал многого от аудитории. "Не ожидайте, что многие будут задавать вопросы или комментировать ваше выступление, — сказала она. — Они смущены белым человеком. Но будут думать о сказанном, и завтра на семинаре, возможно, выступят". Так и произошло. Я никогда еще не выступал в такой тишине, хотя окончание моего доклада было встречено аплодисментами.

На следующий день группа была меньше, и Синди Гилдэй попросила каждого выступить с короткой речью и высказать свое отношение к телевидению.

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ

Джоан Барнаби, отдел коммуникаций, племя *дин*:

> Некоторые из ваших вопросов, уже поднимались в общинах. Например, в Форт Гуд Хоуп телевидение пришло полгода назад. До этого, каждый год к нам в деревню приходили люди из Си-Би-Си[36] и спрашивали: "Ну теперь вы уже хотите телевидение?", и каждый раз люди отвечали "Нет, не хотим". Причина, по которой они были настроены против телевизиров, заключалась в том, что по слухам в общинах, где они установлены, люди перестали ходить друг к другу в гости, а дети не хотят ничего не делать по дому. Женщины больше не вышивали, за дровами никто не следил. Прошлым летом к нам опять пришел представитель Си-Би-Си, на встречу с ним пришли два-три человека. Один из них сказал: "Ну, ладно, пусть у нас будет телевидение", другой тоже ска-

[36] Canadian Broadcasting Company.

зал "о'кэй", и мы не успели оглянуться, как они установили спутниковые тарелки. Люди пришли в негодование, потому что с ними не посоветовались. Но Си-Би-Си заявила, что если люди откажутся от оборудования, они его уже никогда не получат. Это было прямое давление. Люди в конце концов проголосовали за то, чтобы оно осталось, но перевес был всего в один голос. Сейчас вы сами видите, как изменилась наша жизнь.

Преподаватель языка *дин*:

Никто не хотел телевидения и у нас в Форте Франклин, но со временем люди стали ходить в соседнюю деревню Норманн Веллс и смотреть хоккейные матчи. С этого все началось. Появилось множество проблем. В нашей общине все говорят на наречии славей [одно из двадцати двух наречий племени дин], а английский используют в качестве второго языка. Люди хотят учить хороший английский язык, но по телевидению идет английский слэнг. Еще одна проблема состоит в том, что родители не в состоянии контролировать детей, которые смотрят телевизор целую ночь, а на следующий день совершенно измучены. В школе они спят.

Барбара Смит, учитель-диетолог и писатель:

У меня четверо детей и мы живем на земле. Когда мы впервые приехали в город, детям не понравилось телевидение. Они его боялись. Они не понимали, почему человек на экране так пристально смотрит на них. Но вскоре они "попались" на мультипликаты. Я думаю, что те, у кого в детстве не было телевидения, становились творческими личностями. К сожалению, сознание детей заполняют телевизионные образы. Я знаю многих детей, которые больше не играют, потому что предпочитают смотреть телевизор. Это проще, чем играть или читать. Даже если родители выключат телевизор, дети будут смотреть его у соседей или в школе. Влияние телевизора сильнее, чем родителей.

Мэри Уилсон (65 лет), переводчица с наречия славей:

Я думаю, мне очень повезло: я воспитывала детей, когда не было телевидения, дети не нюхали клей или не приобщались к алкоголю. Моя жизнь очень непроста, и не знаю, как бы я еще справлялась с этой напастью. Одно время женщины собирались вместе, чтобы пошить и поговорить о мужьях, но теперь они этого не делают. Женщины очень увлечены тем, что происходит в мыльных операх. Они даже звонят друг другу по телефону и обсуждают увиденное.

Этель Блондин, Отдел образования, правительство Северо-западных территорий (член Парламента):

Я тоже работаю с языками и воспринимаю ваше выступление со смешанными чувствами. Когда в общину Туктояктук первый раз пришло телевидение в середине 1970-х,

я почувствовала, что должна стать артистом, чтобы соперничать с сексуально привлекательными телевизионными образами. У меня есть некоторая жажда жизни, которую телевизионные образы не имеют. Мне кажется, дети это чувствуют. Одно время я использовала телевизор для обучения аборигенному языку. Но телевизор приносит пользу при условии, если контролировать процесс обучения. Я знаю, что должна внимательно смотреть за тем, как его используют мои дети. Они должны выключать его, когда я прошу их. Я думаю, что многое зависит от сплоченности семьи.

Синди Гилдэй:

Когда телевидение впервые появилось в деревне Рэй, я работала учительницей. Отношения между людьми, язык и воспитание детей изменились буквально за один день. Лучше всего они стали запоминать всю эту рекламную чепуху, передаваемую белым сообществом. Но меня интересует такой вопрос: что именно в телевидении вызывает такое притяжение? Я чувствую, что со мной что-то происходит, когда я смотрю телевизор. Я прилипаю к нему. Даже когда показывают мыльную оперу. Может быть, люди смотрят в надежде, что когда-нибудь смогут создать мыльную оперу из жизни динов? Сможем ли мы когда-нибудь иметь столько же денег на пропаганду наших идей, сколько потрачено на показ "Далласа"?

(Вопрос создания индейской мыльной оперы все время всплывал во время семинара. Высказывались мнения о том, что интерес к мыльным операм вызывают такие проблемы как адюльтер, эмоциональные ситуации, ложь и интриги. И что участие племени дин в таких операх не принесет ничего хорошего. Кроме того, ритм мыльных опер — и разворачивающиеся в них события — сильно отличаются от ритма жизни на Севере, где жизнь течет медленно. "Захочет ли кто-нибудь смотреть передачу о женщинах, которые часами сидят и шьют муклуки или развешивают рыбу для копчения?" — спросила одна из женщин.)

Эрни Лени, координатор образования, племя дин:

Метод обучения, который используется в школах и также по телевидению — это сидение и поглощение материала. Но в семейной жизни учение происходит по-другому. Дети учатся непосредственно у родителей. Это наш традиционный метод обучения. Обучение идет за счет выполнения работы, а не за счет умствования. В далеком прошлом все обучение происходило путем выполнения работ, но сейчас они сидят и смотрят телевизор. Выключить телевизор — все равно, что забрать бутылку алкоголя.

Барбара Смит:

У нас есть древнее поверие о том, что слова обладают властью. Если затрачивать много энергии на просмотр мыльных опер, она направляется в негативное русло. Скоро у людей, смотрящих эти шоу, начнутся те же проблемы, что и у их персонажей. Я знаю много людей, на которых телевидение подействовало действительно плохо.

Айрин Бьёрнсон, судебный репортер:

> Когда я жила в южной Альберте, я часто смотрела телевизор. А поскольку мой родной город находится в более поздней временной зоне, друзья звонили, чтобы узнать, что произошло в той или иной серии. Я покупала достаточно еды, чтобы не отвлекаться от передач. Я многому научилась у белых, но ничего не узнала о себе самой. Мне не нравилось быть женщиной-дин. Когда я пошла в школу, я учила английский и французский, и стеснялась говорить на языке дин. Мой муж — белый, а его родственники не любят индейцев. Об индейцах они знают только из телевизора, а там показывают только пьяниц. Но сегодня я верю в себя и говорю то, что думаю. Я редко смотрю телевизор. Но у меня шестилетняя дочь, которая смотрит передачи для взрослых.

Этель Ламаст, член сообщества:

> Стереотипные герои телевидения действуют на психику людей. Их образ жизни сильно отличается от нашего. Мы теряем свое достоинство. Сейчас у каждой общины есть видео. Я пытаюсь беседовать с людьми, но это им больше не нужно. Они просто сидят и смотрят.

КАК РАЗРУШАЕТСЯ ФОЛЬКЛОР

Одна из самых горячих дискуссий развернулась в отношении негативного воздействия телевидения на индейский фольклор. На протяжении столетий в семьях индейцев дедушки и бабушки рассказывали внукам истории перед сном. С приходом телевидения рассказы перед сном прекратились. Тем временем многие рассказчики умирают, не успевая передать остальным свое искусство. Возникло предположение о том, что телевизор может заменить рассказчиков.

Синди Гилдэй:

> Когда я была ребенком, нам рассказывали одни и те же истории, а мы просили, чтобы их повторяли снова и снова. Каждая мама и бабушка знает об этом. И каждая мама будет рассказывать по-своему. Мы так любили эти истории, что, думаю, слушали бы бесконечно.

Подруга Синди:

> Старики умели хорошо рассказывать истории. У них был образный язык, которым моё поколение уже не владеет. Когда мы говорим о сохранении легенд, мы также имеем в виду сохранение языка. Я бы вернулась назад к старикам, и жила, и ела, и спала бы с ними, и слушала бы их истории снова и снова. Это давало бы мне возможность каждый раз слышать в их рассказах что-то новое.

Человек из зала:

> Легенды представляли собой утонченное искусство. Эти истории находили свое продолжение не только в словах, но и в материальных предметах. В историях есть как сознательный, так и подсознательный уровень. Мы действительно потеряем нечто важное, если заменим рассказчика телевизором.

Барбара Смит:

> Легенды помогают людям в определенном смысле созреть. Большое значение имеет энергия и ощущение опыта. Например, когда вы занимаетесь дублением кожи, важно не только знать, как проводить ее выскабливание и обрезку. Этот еще и медитация, молитва, благодаря которой в процесс вливается энергия. У нас были молитвы и для перемалывания зерен. Это был не просто помол зерен, но "вчувствование" в помол. Но когда вы относите нечто в музей, или показываете по телевидению, вы видите только оболочку.

• • •

Я молча слушал выступавших до этого момента, но не мог сдержаться, чтобы не высказаться по поводу отрицательного отношения к записи легенд на видео. На мой взгляд, это не равноценная замена живому рассказчику. В старину тонкие моменты общения между стариками и молодыми были даже важнее его содержания. Тихими темными вечерами старики и дети собирались в тесный круг вокруг костра; старики при этом становились своего рода окошком в далекое прошлое, через которое можно было приобщиться к опыту жизни. Глубокое уважение и любовь к предкам порождались этой традицией. Продолжение этой традиции необходимо для поддержания самоуважения и самоидентичности индейцев.

Кроме того, истории представляли собой систему обучения. Старики передавали молодым свои знания о мире с такой любовью, что дети воспринимали их во всей полноте и требовали больше. Прекращение такого процесса обучения приведет к забвению индейского образа жизни, мыслей и ощущения значимости индейской культуры.

Вплетенные в повествование образы, по существу, разворачиваются в сознании слушателей. Дети творчески создают картины в своих головах, которые уходят дальше собственно повествования, в более сложный, фантастический мир воображения. Ребенок в некотором смысле становится таким же творцом, как и рассказчик; другими словами, рассказчик выступает только как стимул для воображения ребенка. Если истории передаются видео, отсутствует не только интимность восприятия, любовь и уважение между старыми и молодыми, но и творческий вклад ребенка. Наконец, видеоверсии историй будут неизбежно ограничены возможностями и бюджетом разработчиков видео. Даже наиболее талантливые разработчики не в состоянии воссоздать все богатство воображения, которое порождает устный рассказ. Поэтому результатом пе-

ревода историй на язык телевидения будет сужение их силы, смысла и красоты. Аудиозапись или радио в этом смысле намного лучше.

Я вспомнил, как много лет назад брал интервью у Джона Мохока, индейца племени Сенека, который редактировал крупную газету Akwesasne Notes. Я провел несколько дней с Джоном, записав на магнитофон его взгляды на различные политические и социальные проблемы. Когда я спросил об историях, которые повлияли на него в раннем детстве, он промолчал. Но во время пятичасовой поездки из Нью-Йорка в Сиракузы, он согласился рассказать несколько историй при условии, что я выключу магнитофон. Когда я спросил почему, ответ был таков: "Во-первых, я не должен рассказывать вам эти истории. Во-вторых, если у вас включена машина или если вы делаете записи, вы не поймете историю. Ее понимание зависит от восприятия сердцем. С машиной такое не проходит".

Поэтому переложение историй на язык телевидения уменьшит их магию и разрушит духовный контакт между стариками и детьми. Дети, услышав об индейских историях по телевизору, сохранят о них лишь "холодное" воспоминание. Теплота отношений к историям народа дин будет утеряна, а с ней и важная часть жизненности культуры.

ВИЗИТ В ШКОЛУ

Деревни Рэй и Эдзо расположены выше Великого Невольничьего озера, на противоположной стороне другого небольшого озера Марион, который в октябре уже покрывается ледяной коркой. Дорога к этим поселениям идет на северо-запад от Йеллоунайфа, по берегу Великого Невольничьего озера. Это единственная дорога, выходящая из столицы Северо-западных территорий; грязная, проделанная бульдозером, с пятнами льда и снега, и отвалами глины на обочине. Дополнительную опасность представляют несущиеся время от времени грузовики, словно это скоростное шоссе где-нибудь в Нью-Джерси.

Местность эта представляет собой равнину с огромными гранитными валунами и бесчисленным множеством мелких ярко-голубых озер, придающих ландшафту дикую красоту.

Вскоре после приезда в Рэй я впервые, к своей радости, увидел собачьи упряжки. Они лежали на льду озера, около лунок, куда мужчины опускали сети. Большинство строений деревянные, в традиционной манере дин, но встречаются также и дома покрытые рубероидом. Около каждого дома пристройка для копчения рыбы, карибу или лосятины. Другие собачьи упряжки привязаны у домов; около дверей стоят ружья.

Первой официальной остановкой была новая школа, типичная для американского предместья. Гилдэй рассказала мне, что преподавала здесь перед тем, как выйти замуж и переехать в Йеллоунайф. Нас тепло встретили и провели в закрытый амфитеатр. На встречу привели четыре класса, всего около шестидесяти детей, от двенадцати до шестнадцати лет. В комнату принесли телевизор по моей просьбе.

Я начал расспрашивать ребят о том, что им нравиться смотреть по телевизору. Кроме того, я выяснил, что почти в каждом доме уже стоит телевизор. Около 90% семей

имели видеомагнитофон. Все единогласно согласились с тем, что телевизоры остаются включенными почти все время. Поскольку большинство семей проживает в одно-двухкомнатных домах, все возрасты смотрели телевизор до поздней ночи. Я попросил поднять руки тех, у кого родители контролируют время просмотра или программы, или выключают телевизор в определенное время. Подняли руки всего двое. Я спросил, в скольких семьях продолжают рассказывать вечером истории. Ответа не последовало. Телевидение, по всей видимости, захватило поселок Рэй, полностью и внезапно.

Последний мой вопрос школьникам был следующим: считают ли они, что такие передачи как "Dallas" или "Happy Days" "настоящие"? Две трети детей ответили, что да.

Мы еще немного поговорили на эту тему, но в зале стала ощущаться атмосфера нервозности. Я решил включить телевизор с целью пробудить хотя бы у нескольких человек сознательное отношение к тому, что они смотрят. Я хотел показать им, что телевизионные образы — это искусственные конструкции.

После включения телевизора я объяснил, что такое "техническое событие", и попросил детей посчитать их количество на экране. Они сделали это с большой охотой. Я надеялся, что ребята продолжат подсчет "технических событий" дома. Возможно, это будет способствовать выработке сопротивляемости бессознательному погружению в телевизионный мир.

Через полчаса школьники снова начали проявлять нервозность. Тогда вышла Синди Гилдэй и начала убеждать учеников в том, что телевизионные передачи влияют на их поведение и мысли. "Все эти шоу, приходящие из Соединенных Штатов, со всей их рекламой выпивки, с пропагандой единственного желания иметь больше денег и больше машин, не имеют никакого отношения к нашей жизни, — говорила Синди. — Это какая-то колонизация головы. Сначала пришли британцы, затем канадцы, после них нефтяные компании, а сейчас телевидение". У меня было такое чувство, что ее внимательно слушали несколько молодых людей, в особенности, девушки, ловя каждое слово.

После того, как обсуждение закончилось, несколько учителей отметили полезность встречи, хотя бы потому, что она высветила данную проблему. Учителя выразили мнение о том, что телевидение представляет собой огромную, неизученную проблему для школы. Они чувствуют, что для удержания внимания детей требуется особая быстрота и привлекательность. Дети уже почти не читают книги; их внимание быстро улетучивается, ведут они себя в агрессивной манере, а желание говорить на языке дин отсутствует. Учителя выразили надежду на продолжение таких встреч. Тем временем, они будут искать возможность, чтобы обсудить эти вопросы с учениками.

Затем мы поехали в Эдзо, городок, расположенный в десяти милях от озера Марион, в специальную школу для молодежи, которая по той или иной причине, ранее не посещала школу. Некоторым было немногим более двадцати, но большинство были подростками. Одни пришли из общин, в которых вообще не было школ; другие просто не посещали школу.

В отличие от детей из Рэя, которые вели себя чересчур возбужденно, эта группа сидела тихо, с пассивным безучастным видом. Телевизор был поломан, поэтому, задавая им те же вопросы, я не смог сфокусировать их внимание на проблеме. Гилдэй и я

попытались начать разговор о том, что им нравится или не нравится в телевидении. Они сказали, что им все нравится в телевидении. У меня было такое чувство, что наши с Гилдэй вопросы казались им абсурдными.

Назад в Йеллоунайф нас сопровождал молодой активист неиндейского происхождения. По дороге я признался, что был расстроен посещением двух классов; в ответ он заметил, что ситуация еще хуже среди молодежи в более северных общинах, где влияние нефтяных компаний наибольшее; там отмечались случаи самоубийств среди молодежи. В южных районах до сих пор удавалось сохранять традиционный уклад. "Народ здесь очень политизирован и стремится сохранить традиционный образ жизни, — заметил он. — В наиболее уязвимых северных районах мы попытались организовать рэп-группы, чтобы молодежь могла говорить друг с другом, выпустить пар, так сказать — обычно индейцы все держат в себе. Мы видим, как ребята приходят и раскрывают душу. Это вдохновляет. Но ничего не изменится, пока индейцы не получат политическую власть и не будут контролировать ситуацию у себя дома".

Когда мы вернулись в Йеллоунайф, мне показали подборку публикаций о Дедендехе, новой предполагаемой провинции Канады для племени дин. Мне сказали, что это было бы наилучшим решением проблем для племени: "Дины либо возвратят себе политический контроль над территорией, либо исчезнут с лица земли под давлением Канады и США. Нефть, ракеты, телевидение медленно уничтожают нас".

Племя дин хочет ввести в провинции такую экономическую систему, которая поддерживала бы традиционные языки и образ жизни, основанный на самодостаточности и возобновляемых источниках энергии. Проекты развития будут оцениваться прежде всего с точки зрения их воздействия на традиционный уклад, окружающую среду и культуру, а не с точки зрения кратковременной экономической выгоды. Племя дин будет отвечать за благополучие всей дикой природы. В таких областях как здравоохранение, образование, социальные службы, искусство, массмедиа и рекреация, племя дин учредит свои собственные институты, при минимальной поддержке со стороны Канады.

Канадское правительство, тем временем, озабочено тем, что слишком большой политический и экономический контроль территорий со стороны племени дин приведет к резкому сокращению добычи нефти.

Племя дин уже разработало программу культурного возрождения, надеясь на то, что она поможет психологически вооружить людей против канадской культуры. Кроме проекта по коммуникациям (в который как раз входили семинары по телевидению), у каждой общины были свои проекты: установление языка дин как основного; предоставление старейшинам возможности передавать молодежи традиционные ценности; программы выживания на земле летом и зимой; и расширение занятий традиционной музыкой и устным творчеством. Были организованы летние лагеря, в которых старейшины обучали выживанию в условиях дикой природы; установке капканов, ловле, чистке, сушке и приготовлению рыбы; поведению животных, а также играм, песням и стихам. Дины также проявляют интерес к новым "мягким" экономическим методам, а именно снаряжению и обучению охотников, постройке лодок, аквакультуре, одомашниванию диких зверей и местному туризму.

ВОРОНЫ

В Йеллоунайфе мне удалось встретиться со своим старым другом Мари-Хелен Ларак. В прошлом она редактировала в Беркли первую двуязычную всеиндейскую газету *Indigena*, главное внимание в которой уделялось установлению контактов между индейцами, проживающими на двух американских континентах.

Ларак родилась на Гаити, в семье со смешанным расовым составом, но считает себя принадлежащей к индейцам аравак. (Немногие знают, что на Гаити существовало индейское население до прихода "западных" людей). На работе познакомилась с одним из индейских вождей племени дин, а позднее вышла за него замуж и уехала в Форт Смит. Там Ларак родила двух детей и приняла активное участие в движении против строительства плотины на реке Slav. (Вырабатываемая плотиной энергия должна была экспортироваться на юг). Когда их брак прервался, Ларак забрала детей на север, в город Йеллоунайф, и снова вышла замуж. Некоторое время она редактировала Dene Nation Newsletter. "Я очень сожалею, что журнала больше нет, — говорит Ларак. — С его помощью я информировала общины, что позволяло им обходиться без телевидения, которое, впрочем, все равно, ничего не рассказывало о племени. Мы посылали газету в другие индейские племена Северной Америки, и я до сих пор считаю, что коммуникация между племенами чрезвычайно важна".

Я спросил Мари-Хелен, как она, гаитянка по рождению и городской житель, смогла выжить в тяжелых условиях Севера. "Я остаюсь здесь, — говорит она, — потому что здесь родились мои дети и они принадлежат племени дин. Я хочу, чтобы они выросли как индейцы, а это невозможно в таких городах как Нью-Йорк или Сан-Франциско, кроме того, я не могу вернуться на Гаити. Здесь у них бабушки и дедушки, двоюродные сестры. Такую семейную жизнь я не смогу обеспечить им на Юге. Там они уйдут от меня. А здесь хорошая возможность для межрасового диалога. Гораздо лучше, чем во многих местах, где я побывала. В любом случае, я намерена помочь динам в это непростое время. Они уже организовываются, и у них есть шанс на будущее".

В этот вечер Мари-Хелен пригласила на ужин около 30 гостей. Перед этим в течение нескольких часов гости сами охотились за угощением: две дикие утки Мари-Хелен положила в суп, приготовила мясо свежего карибу и лососину, испекла две тарелки лепешек (приготовленных из муки грубого помола и икры) и пожарила свежевыловленную из Большого Невольничьего озера рыбу — большого сига и форель (каких я не видел на юге).

Помогая разносить еду, я заметил, как Мари-Хелен отрезала по маленькому кусочку от каждого блюда и уложила на отдельную тарелочку. Я спросил, зачем она это делает, но она уклонилась от ответа, пообещав рассказать позднее.

Во время ужина я беседовал с католическим священником Рене Фюмоло, который приехал на север Канады в 1953 году из Франции и с тех пор никуда не уезжал. Фюмоло написал важное исследование о несправедливых договорах между индейцами и правительством *Пока эта земля будет жить*. Работа пастора использовалась в качестве документального свидетельства на судебных слушаниях в графстве Морроу. "Когда я приехал сюда в 1953 году, здесь была свобода — рассказывал Рене, — Мне это

очень понравилось. Никакой полиции, никаких чуждых законов. Правительство оставляло людей в покое. Общины в то время радовались жизни гораздо больше, чем сейчас."

Барбара Смит пришла с тремя детьми, и я поблагодарил ее за замечательное выступление на семинаре. Смит, в толстенных очках, заметила по этому поводу: "Мое отношение к телевидению отличается от большинства людей, потому что, вообще говоря, я плохо вижу. Мое зрение настолько слабое, что я лучше запоминаю то, что слышу, причем звуки сопровождаются расплывчатыми картинками. Я все время пытаюсь представить, как изображение действует на других людей. Телевидение для меня не является большой угрозой, но я понимаю, что от него может пострадать культура в целом. Телевидение стирает образы, приходящие к людям из старины. Оно также влияет на образ жизни, на еду. Я работала над тем, чтобы объяснить людям, как надо правильно питаться и почему следуют оказываться от "джанк-фуд"[37], рекламируемую по телевидению. Большинство динов, переехавших из отдаленных мест в городские общины, не приготавливают рыбу или мясо. Они привыкли ходить в супермаркет и покупать там готовые продукты. В основном это конфеты и консервированные продукты. Это наносит большой вред здоровью, а телевидение способствует этому. В прошлом ребята занимались подледным ловом и приносили домой рыбу на обед. Но сейчас они сидят дома и смотрят телевизор, по которому рекламируют "джанк-фуд". Все их социальное вспоможение уходит на покупки в супермаркете.

Затем беседа продолжилась вокруг темы "парникового эффекта". Эта тема обычно вызывает смех. Народ в Йеллоунайфе очень удивлен тем, что их мир может радикально измениться из-за загрязнения на Юге. Затем разговор коснулся испытания ракет "Круиз", которое проводит США. Несмотря на протест со стороны племени дин, канадское правительство разрешило Соединенным Штатам запускать ракеты на малой высоте по всей долине Макензи до Альберты (1500 миль). "Кажется, что вы, ребята, все время хотите сбросить чего-нибудь на кого-нибудь", — заметил кто-то, шутливо обращаясь ко мне.

В конце вечера я помог Мари-Хелен помыть тарелки. Оставшуюся еду разделили между гостями. Лепешки ушли с одним гостем, карибу с другим. Я снова спросил о блюдце с маленькими кусочками. Она ответила, что у многих коренных народов принято давать подношения. "Я добавлю эти кусочки к остаткам от ужина и отнесу воронам". Я видел, как она вышла на ночную улицу и, вскарабкавшись на небольшой, занесенный снегом холм, поставила блюдо на землю.

---

[37] Американская еда, включающая в себя обычно чипсы, кока-колу и другие малопитательные (но внешне привлекательные) продукты. — *Прим. перев.*

7

КОРПОРАЦИИ КАК МАШИНЫ

Один из центральных выводов великого французского философа и критика техники Жака Элюля заключается в том, что оценка технологии не должна ограничиваться одними только машинами. Важно понять, замечает Элюль, что в технологическом обществе структура всей человеческой жизни и системы ее организации подчиняются логике машины. Все оказывается подчиненным *технике*: человеческое поведение, человеческая мысль, а также политические и экономические структуры. *Техника* — это машинная логика, расширенная на человеческое поведение.

Этот вывод легко понять, представив себе человека, работающего на сборочной линии, или управляющего автомобилем, или живущего по часам. В любом из этих случаев человек вынужден подстраиваться и следовать характеристикам машины. Происходит своего рода слияние машины и человека, обе стороны изменяются в результате длительного процесса притирки или конволюции.

Техника также присутствует в формах человеческой организации в обществе. Более подробно это положение рассмотрено в части III, где сравниваются технологическое (западное) и аборигенное (традиционное) общество.

В данной главе я остановлюсь на конкретной форме организации, занимающей доминирующее положение в нашем обществе, а именно на корпорациях. Корпорации не поддаются контролю со стороны человека, как думает большинство; напротив, представляют собой автономные технические структуры, которые ведут себя согласно определенной логической системе, специально настроенной на выполнение главной функции: рождать и поддерживать приносящие доход новые технологические формы и распространять технологику по всему земному шару.

• • •

Учитывая размах, с которым корпорации воздействуют на социум и природу, непонятно, почему мы уделяем им так мало внимания. Нельзя сказать, что мы о них ничего не знаем: их имена слышны отовсюду, куда ни повернешься. Но большинство из нас принимает их за некий шумовой фон, не задавая лишних вопросов. Мы не считаем их главными действующими лицами и слабо понимаем, *почему* они ведут себя таким образом.

Обычно мы замечаем их присутствие, только когда в новостях мелькает информация о каком-либо вопиющем беззаконии: захоронении токсичных отходов, выбросе большого количества загрязняющих веществ, опасности различных продуктов, техногенных авариях, таких как Три-Майл-Айленд, Бхопал или Принс-Уильям-Саунд на Аляске. Иногда мы узнаем о том, как крупная корпорация увольняет 5000 человек и переезжает в другую страну.

Чаще всего, однако, обвиняем в происходящем работающих в корпорации безответственных, нечестных, жадных и амбициозных директоров. Или же относим проблему к общему, характерному для нашего времени моральному падению, или к недостаточному контролю со стороны законодательных органов.

На самом деле основные проблемы имеют структурный характер. Если бы проблемы вызывались только персоналом, они могли бы решаться заменой персонала. Но персонал обязан работать в соответствии с корпоративными законами. Если кто-либо выступает против правил, он немедленно увольняется и заменяется другим, более законопослушным сотрудником. Форма диктует содержание.

• • •

Неспособность понять природу корпоративной структуры делает наше общество бессознательным и пассивным, и по существу помогает им увеличить свое влияние и власть. Корпорации уже влияют на наши представления о том, как следует жить, сильнее, чем какие-либо институты, включая правительство. Корпоративная идеология, корпоративные приоритеты, корпоративные стили поведения, корпоративные ценности и корпоративные типы организации стали синонимами "нашего образа жизни". Корпоративная "культура" стала практически определением американской жизни, которую американцы стараются защитить во что бы то ни стало, даже применяя военную силу. Когда Государственный секретарь Джордж Шульц заявил в 1985 году, что в Никарагуа и Эль-Сальвадоре "мы боремся за наш образ жизни", он имел в виду, что коллективизм угрожает свободному предпринимательству и культуре потребления. Когда наши лидеры празднуют "новую свободу" в Восточной Европе, они празднуют "свое" свободное предпринимательство и рыночную экономику.

Сегодня в Соединенных Штатах жизнь невозможна вне контактов с какой-либо корпорацией.

Возможно, вы тоже работаете в корпорации. В этом случае ваше дневное расписание определяется потребностями корпорации. Ваша одежда и поведение должны соответствовать нормам, установленным в корпорации, вы обязаны взаимодействовать с машинами, с помощью которых корпорации выполняют свои задания — компьютеры, телефоны, факс-машины, копировальные аппараты. Вы проводите день, целиком подчиняясь корпоративному ритму.

Дом, в котором вы живете, скорее всего, построен корпорацией, как и ваша мебель, домашние приборы, одежда в вашем шкафу, ваши духи — все они разработаны и произведены корпорациями.

Корпорации являются самыми крупными землевладельцами в Соединенных Штатах (после федерального правительства). Корпорации предоставляют главную

финансовую помощь кандидатам на выборах и лоббируют законы, наиболее благоприятные для достижения своих целей.

Включите радио или телевидение, откройте газету — и вы сразу же натолкнетесь на корпорации. Они обрушиваются на вас с помощью паблик рилэйшнс и рекламы. Они ежегодно тратят более 100 млрд долларов на рекламу, сумму, намного превышающую расходы на образование в этой стране. В некотором отношении корпоративная реклама является главным образовательным институтом в нашей стране, конечно же, в области пропаганды нашего образа жизни.

Как я уже отмечал в главе 5, средний американец ежегодно просматривает 21 000 рекламных роликов. Двадцать одну тысячу раз корпорации бомбардируют его мозг чтобы предложить свои товары. Одни предлагают машины, другие — лекарства, причем любая реклама направлена на то, чтобы убедить вас: удовольствие в жизни можно получить только за счет приобретения товара. Между рекламами идут программы, в которых корпорации раскрывают ценность рекламируемых товаров.

Корпорации также являются главными производителями учебных материалов для американских школ. Некоторые из крупнейших корпораций бесплатно поставляют в государственные и частные школы книги, фильмы и компьютерные программы в качестве "общественных услуг". Это приносит им множество дивидендов. Нефтяные и химические компании в особенности щедры на материалы, просвещающие молодых людей в отношении природы. Природа в них представляется как ценный источник для человечества; человеку же требуется знать как "управлять природой" с использованием химикатов, пестицидов и крупномасштабного сельского хозяйства. Так поколения молодых людей подготавливаются к тому, чтобы воспринимать природу в русле, совпадающем с целями корпораций.

КОРПОРАТИВНАЯ СОВЕСТЬ

Я жду того дня, когда президент какой-нибудь корпорации принесет извинения за корпоративные преступления в отношении общества или окружающей среды. Его заявление могло бы, например, звучать так:

"От имени моей компании, ее менеджмента и акционеров хочу выразить сочувствие людям, живущим внизу по течению от того места, где расположена наше фабрика, на берегу Грин Ривер. Нам стыдно признать, что на протяжении многих лет наши отравленные стоки направлялись в реку, угрожая здоровью людей. Мы сделаем все, чтобы облегчить причиненные нами страдания. Нас также беспокоит то, что в настоящий момент нет возможности для безопасного захоронения сильнодействующих химикатов, поэтому мы переходим на изготовление только безопасных веществ. Ни при каких обстоятельствах мы не оставим в беде пострадавших людей".

Никто и никогда не делал подобных заявлений в Америке, и вряд ли они будут сделаны в будущем, по следующим причинам.

Ни один корпоративный менеджер не поставит общество людей выше корпоративных интересов. Отдельный руководитель может этого захотеть, но такое признание сразу же поставит всю компанию и данного индивидуума перед лицом закона.

Такое заявление привело бы также к правовым искам со стороны самих акционеров. Американский закон гласит, что управляющие компаний с акционерным капиталом должны действовать прежде всего в экономических интересах акционеров. Если этого не происходит, акционеры могут подать на управляющих в суд и добиться их увольнения. Поэтому менеджеры меньше всего заботятся о благополучии всего сообщества (т.е. о рабочих, их моральном удовлетворении и экологических условиях), если интересы последнего мешают получению большой прибыли. И корпоративные менеджеры, конечно, будут отрицают любое негативное влияние компании.

В результате у нас огромное количество случаев, когда компания отрицала свою вину за действия, приводившие к смерти, увечьям или болезни. От производящих сигареты компаний мы слышали, что сигареты безвредны. То же самое мы слышали от компаний, выпускающих пестициды, химикаты, асбест и противозачаточные таблетки.

Часто корпорации тайно признают опасность своих продуктов или процессов, но эта информация тщательно скрывается. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, по общественному радио (National Public Radio) сообщают о стремлении некоторых производителей пластиковых упаковок скрыть результаты исследований, проведенных двадцать лет назад и обнаруженных только недавно: пластиковые покрытия мяса, рыбы и других продуктов вносят канцерогенные вещества в нашу еду.

Сокрытие подобной информации означает, что могут заболеть десятки тысяч людей, некоторые из них умрут. В этом случае возникает криминальная ответственность.

КОРПОРАТИВНАЯ ШИЗОФРЕНИЯ

Против корпораций никогда не выдвигаются обвинения в убийстве, а сами корпорации не признают за собой никакой вины; все это прямое следствие особой природы корпорации, а именно ее шизофрении. Несмотря на то, что корпорация состоит из человеческих существ, она — не человек, и поэтому не испытывает чувств. В некотором смысле корпорация даже не "материальный объект". У нее могут быть офисы, предприятия или товары, но она не имеет никакого физического существования или формы — никакой телесности. Поэтому когда условия в обществе или стране становятся неблагоприятными — вводятся более строгие правила безопасности или рабочие становятся не такими послушными — корпорация может дематериализоваться, а затем заново материализоваться в другом городе или стране.

Если корпорация — не человек, не вещь, тогда что это такое? Это прежде всего концепция, которой дано на бумаге имя и легальное существование. Поэтому наши законы принимают корпорацию за сущность. Мы думаем, что у корпорации должна быть форма, но на самом деле она существует только на бумаге и в наших головах.

Самое интересное то, что несмотря на такое эфемерное существование, наше законодательство предоставляет этой несуществующей сущности великое множество прав подобно правам живых людей. Закон называет корпорации "юридическими лицами" с правом покупки и продажи собственности или обращения в суд за возмещением причиненного убытка, или за клевету, или дискредитацию. Что касается "корпоративных выступлений" — рекламы, паблик рилейшнс — то они находятся под защитой Первой Поправки к Конституции, гарантирующей право на свободу высказываний. Данное право

было распространено на корпорации, хотя к моменту выхода Билля о Правах в 1792 г. корпорации как таковые не существовали. (Первоначально Первая Поправка предназначалась для защиты свободы слова *отдельного индивидуума*; тогда единственными средствами массовой информации были листки новостей, реклама и книги. Сегодня допускается реклама корпораций стоимостью 100 млрд долларов, свободная от какого бы то ни было контроля. Это не только не помогло демократии, это погубило ее.)

Несмотря на то, что корпорации имеют много "прав человека", от них не требуется никакой гуманитарной ответственности. Даже в случаях халатности, повлекших за собой смерть или увечья, государство не может отправить в тюрьму или наказать корпорацию. В редких случаях отдельные служащие корпорации могут находиться под следствием, если они признали, что совершили действия, приведшие к увечьям. Корпорация может подвергаться штрафу или требованию сменить технологию, но ее структура не поддается изменениям, ее "жизни" ничто не угрожает.

В самом деле, в отличие от человеческих существ корпорации не умирают своей смертью. Они обычно переживают тех, кто являлся их частью, и даже тех, кто ими "владеет". И в этом смысле корпорация имеет шанс стать бессмертной. Конечно, владельцы корпораций могут в определенных условиях с ней покончить, но у общества нет такого права.

Не обладая физической реальностью, данная сущность, данная концепция, данное собрание бумаг по имени "корпорация" не способна испытывать такие чувства как стыд или отвращение. Напротив, корпорации ведут себя согласно своей собственной системе стандартов, правил, форм и целей.

Самое основное правило корпоративной работы заключается в том, что корпорация должна приносить прибыль (за исключением особой категории "неприбыльных организаций") за определенный промежуток времени. У акционерных компаний есть еще одно правило: она должна расти, поскольку рост — это критерий, по которому на рынке судят о компании. Все другие ценности вторичны: благосостояние общества, удовлетворенность рабочих, здоровье планеты и даже общее процветание страны.

Поэтому находящиеся внутри корпоративной структуры люди, независимо от своих личных убеждений и чувств, не могут действовать на основе собственных критериев. Подобно рабочим на сборочной линии, вынужденных работать со скоростью машины, корпоративные служащие пристегнуты к корпоративному аппарату и работают по его законам.

В этом смысле корпорация — это существенно машина, технологическая структура, следующая своим собственным принципам, и воспринимающая человеческую мораль как нечто чуждое. Из-за такого двойного стандарта — один для человеческих существ и другой для "юридических лиц", корпораций — мы иногда замечаем странное, шизофреническое поведение руководящих лиц, вынужденых действовать вопреки здравому смыслу и морали.

ДИЛЕММА "КОРПОРАЦИЯ—ЧЕЛОВЕК"

В 1986 году химический завод в Бхопале (Индия) корпорации Юнион Карбайд в результате аварии выбросил в окружающую среду метилизоцинат, в результате чего по-

страдали 200 000 человек, из них более 2000 умерли. Председатель совета директоров компании Юнион Карбайд Уоррен М. Андерсон был настолько растроган, что заявил масс-медиа о своем намерении до конца жизни работать над тем, чтобы загладить провинность своей компании. Не прошло и года, однако, как м-р Андерсон признался журналу *Бизнес Уик*, что "погорячился" и теперь готов возглавить борьбу своей компании *против* выплаты компенсации пострадавшим. Что произошло? Ответ прост. М-р Андерсон сначала прореагировал на аварию как человеческое существо. Позже он понял (или был вынужден понять), что такая реакция неуместна для председателя совета директоров компании, главные обязательства которого существуют не в отношении жертв Бхопала, а в отношении акционеров; другими словами, в отношении прибыли. Если бы м-р Андерсон настаивал на своих личных переживаниях или на признании вины компании, он безусловно был бы уволен акционерами.

Когда танкер *Exxon Valdez* наскочил на риф в 1989 году и пролил нефть на побережье Аляски — частично из-за того, что капитан был в подвыпившем состоянии — корпорация сначала выразила свое соболезнование и обещала помощь в очистке воды, побережья, спасении животных и выплате компенсации пострадавшим. Меня удивила такая позиция компании. Она шла вразрез с обычной манерой поведения компаний в подобных ситуациях. Возможно в этом случае трудно было возражать против очевидных фактов, как, например, в случаях с уродствами младенцев или болезнями рабочих, изготавливающих компьютеры на предприятиях. Возможно, некоторые вышестоящие менеджеры компании *Exxon* действительно ужаснулись случившимся и почувствовали необходимость сделать что-нибудь. Однако, как и топ-менеджер Юнион Карбайда Андерсон, они вскоре пришли в чувство. Очистка побережья от нефти оказалась чересчур дорогой. Через шесть месяцев компания свернула все операции по очистке. Используя типично корпоративную манеру полагаться во всем на калькуляцию затраты/выгоды, компания пришла к выводу, что борьба с судебными исками и улаживание конфликта с истцами обойдутся гораздо дешевле очистки территории.

Для меня самым тревожным примером корпоративной шизофрении остается мой личный опыт, полученный в конце 1960-х. В это время я был увлечен борьбой против "манхэттенизации" Сан-Франциско. Я написал ряд листовок, призывающих к остановке строительства высоких офисных зданий, увеличивающих количество транспорта, загрязняющих и уродующих чудесную панораму города. Среди прочих наших аргументов мы отмечали, что высокая стоимость строительства, а также связанные с этим расходы на полицию, пожарных, уборку мусора, увеличение мощности электростанций и обслуживание дорог, ляжет непомерным бременем для налогоплательщиков. У нас были цифры, которые подтверждали наши выводы.

Во время этой кампании мне позвонила знакомая — назовем ее Женевьева — и рассказала, что ее отец приезжает из Чикаго на несколько дней и что она хотела бы заскочить с ним ко мне. Я сразу сообразил, что отец Женевьевы — президент одной из крупных компаний, занимающихся возведением небоскребов. Против некоторых его зданий мы как раз и выступали.

Солнечным воскресным утром Женевьева с семьей пришли к нам на завтрак. М-р Баттерфилд оказался на удивление милым человеком: дружелюбным, симпатичным, любящим внуков.

Чтобы не смущать Женевьеву, я не подымал в разговоре никаких экологических вопросов. Но когда м-р Баттерфилд заметил о том, какой у нас замечательный сад в центре города, и спросил о свободном пространстве, прилегающем к нашему дому, я не выдержал. Мы рассказали ему, что только три дня назад бульдозер рядом с нашим домом снес старинный викторианский дом и прекрасный итальянский садик с помидорами, горошком, кабачками, розами, геранью и двумя небольшими секвойями. За садом ухаживала пожилая итальянская чета, прожившая в доме сорок лет. Когда чета умерла, банк продал недвижимость строительной компании, которая запланировала на этом месте 26-этажный дом. Скоро видимая из наших окон панорама будет закрыта и сад окажется в тени.

М-р Баттерфилд пришел в негодование. "Это ужасно, — сказал он. —Разве можно разрешать строительство высотных зданий на такой красивой тихой улочке".

Я не мог более сдерживаться. Полагая, что м-р Баттерфилд легко увидит параллель между разрушением нашей панорамы и еще большими проблемами, возникающими в результате строительства его тридцатиэтажных домов на расстоянии менее мили от нашего дома, я рассказал о кампании за отмену такого строительства. Он внимательно и участливо выслушал меня, затем сказал, что не имел представления о том, что в Сан-Франциско существует сопротивление высотному строительству.

Это заявление меня поразило. Движение против строительства новых зданий существует уже несколько лет и широко освещается как общественностью, так масс-медиа. Я подумал, не лукавит ли он. Я знал, что среди топ-менеджеров, живущих в мире таблиц и финансовых отчетов, отсутствует понимание того, как действия компании отражаются на обычных людях. Может быть протесты в Сан-Франциско были недостаточно грозными, чтобы президент чикагской компании обратил на них внимание? Если это так, то это урок для тех, кто думает победить корпорации. Я решил поверить м-ру Баттерфилду. В любом случае, вежливость этого требовала.

Беседа продолжилась. Он спросил меня, почему люди настроены против строительства. Я рассказал об исследованиях, в которых изучались последствия такого строительства. М-р Баттерфилд был очень удивлен. Протянув свою визитку, он попросил направить ему результаты исследований, которые он лично изучит и свяжется со мной. Он горячо поблагодарил меня за предоставленную ему информацию.

Я расстался с ним, полностью уверенный в его искренности. И возможно сидя в моем саду, он был искренним.

Собрав материал, я написал ему длинное объяснительное письмо и послал в пакете с надписью "конфиденциально". От него вскоре пришел ответ с заверениями, что мои отчеты будут изучены, после чего он свяжется со мной. Но больше он не писал и не звонил. На посланное мною вторичное письмо, я тоже не получил ответа. Наконец я решил, что его вежливое поведение во время завтрака у нас дома было вызвано желанием не расстраивать дочь. Вернувшись в корпоративный головной офис, м-р Баттерфилд подчинил свои чувства другим правилам.

ОДИННАДЦАТЬ ВНУТРЕННИХ ПРАВИЛ КОРПОРАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Понятно, что находящиеся внутри корпорации человеческие существа серьезно ограничены в своих возможностях повлиять на поведение корпорации. Я уже упомянул о двух правилах, которые ограничивают это влияние: необходимость прибыли и роста. Далее я привожу список дополнительных обязательных правил, которых должны придерживаться корпорации в своей работе.

Некоторые из этих правил пересекаются, но вместе взятые они помогают понять природу корпораций и то, как корпорациям удалось взять вверх над средой обитания и работающими внутри их людьми.

1. Необходимость прибыли

Как уже указывалось, прибыль — самый важный критерий всех принимаемых корпорацией решений. Она опережает такие критерии как благосостояние общества, здоровье рабочих, общественное здоровье, мир, сохранение окружающей среды и национальная безопасность. Корпорации найдут даже способ торговать с "врагами нации" — Ливией, Ираном, Советским Союзом, Кубой — в то время как общество будет категорически против. Необходимость прибыли и роста — наиболее фундаментальные принципы поведения корпорации; вместе они представляют собой корпоративный инстинкт "выживания".

2. Необходимость роста

Корпорации живут и умирают в зависимости от способности поддерживать рост. От нее зависят отношения к инвесторам, к фондовой бирже, к банкам и к населению. Необходимость роста также подогревает желание корпорации искать и находить ресурсы в отдаленных частях света.

Это желание сегодня проявляется все с большей силой по мере того, как считанные нетронутые места на земле приносятся в жертву корпоративному производству. Люди, населяющие эти богатые ресурсами земли, также находятся под давлением; их заставляют отказаться от традиционных укладов жизни и крутить беличье колесо производства-потребления. Корпоративные плановики настойчиво пытаются привести "менее развитые общества" в современный мир, создать у них новую инфраструктуру, новых рабочих и новых потребителей. Корпорации утверждают, что делают это из альтруистических побуждений — т.е. якобы для повышения уровня жизни населения — но у корпораций нет альтруизма.

Теоретически у частных корпораций, т.е. находящихся во власти отдельных лиц или семей, может не быть потребности в расширении. На практике, однако, их поведение ничем не отличается от других корпораций. Они ориентируются на масштабное производство и часто получают бо́льшую прибыль от расширения. Такие частные гиганты как корпорация Bechtel, например, хотя и не отличаются большим ростом, фактически, проводят политику расширения.

3. Конкуренция и агрессия

С одной стороны, корпорациям требуется высокая степень кооперации среди менеджеров. С другой стороны, они ставят каждого менеджера в условия жестокой конкуренции друг с другом. Любой, заинтересованный в корпоративной карьере, должен напрячь все свои способности, чтобы уловить подходящий момент. Это применимо как в отношении достижения преимуществ перед другими компаниями, так и в отношении коллег в "родной" компании. Будучи сотрудником компании, вы обязаны быть "частью" компании — т.е. агрессивно добиваться превосходства над другими компаниями — но быть готовым также пройти по головам своих коллег.

Напрашивается аналогия со спортом. Все члены профессиональной футбольной команды (такая же корпорация) соревнуются друг с другом, несмотря на то, что все игроки должны кооперироваться для победы над командой-соперником.

Корпоративная (или спортивная) идеология строится на том, что соревнование улучшает мотивацию рабочего и производительность компании, а потому служит обществу. Наше общество приняло этот постулат целиком и полностью. К сожалению, при этом страдают человеческие отношения. Живя по принципам конкуренции и агрессивного поведения на работе, человеческие существа не имеют никакой возможности выразить свои человеческие личные, чувства. Мы все знаем, что случается с теми, кто жалуется на жестокость бизнеса или политики. (В политике неагрессивное поведение интерпретируется как слабость). В интимной домашней обстановке выражение человеческих чувств чрезвычайно необходимо. Совершенно противоположные нормы поведения на работе и дома, таким образом, приводят к своего рода шизофрении, которая часто проявляется в испорченных отношениях между людьми.

4. Аморальность

Не будучи человеческим существом, не испытывая чувств, корпорации не обладают ни моралью, ни альтруистическими целями. Поэтому их решения, противоречащие целям общества или экологическому здоровью, принимаются без зазрений совести. Действительно, корпоративные менеджеры превозносят принцип "отсутствия эмоций" как основу для "объективных" решений.

Корпорации, однако, стремятся скрыть свою аморальность и пытаются выдавать себя за альтруистов. Недавно американская промышленность объединилась для, казалось бы, решения важных социальных задач, таких как облагораживание окружающей среды и борьба против наркотиков. Желание корпораций продемонстрировать социальную ответственность — лишь стремление скрыть фактическое положение вещей, т.е. отсутствие у нее какой бы то ни было ответственности перед населением, незаинтересованность ни в каких общественных целях, за исключением приносящих прибыль. Этот фальшивый альтруизм нельзя путать с истинным альтруизмом, который человеческие существа проявляют по отношению к друг другу, например, когда приходят к больному соседу, или смотрят за чужими детьми, или одалживают деньги. Стремления корпораций выглядеть альтруистами — это уловки паблик рилейшнс или же прямая самореклама; вспомним, как они дарят книги школам о природе. В других случаях фальшивый альтруизм представляет собой попытку отвести общественную критику.

Например, недавно появился целый поток корпоративной рекламы, рассказывающей, как корпорации работают по очистке окружающей среды. Компания, устанавливающая нефтяные вышки в море, рассказывала о том, как хорошо размножается рыба вблизи морских вышек. Компании, занимающиеся лесозаготовкой, тратят миллионы долларов на рекламу, в которой объявляют о "лесных фермах", делая вид, что заинтересованы в возобновляемых ресурсах.

Другие корпорации показывают картинки со счастливыми сотрудниками; обычно это компании, у которых серьезные проблемы с набором сотрудников. Третьи будут рассказывать о том, как они помогают выполнению социальных программ по уходу за детьми и престарелыми, защищают историческое наследие, развивают искусство и т.п., в сообществах, наиболее пострадавших от безответственности компаний. В целом выдерживается простое правило: корпорации будут рекламировать те качества, которыми не обладают, для того чтобы смягчить негативное к себе отношение населения. Когда корпорации говорят "мы заботимся", это почти всегда реакция на признаваемый всеми факт их безразличия. А как может быть иначе? У корпораций нет ни чувств, ни морали. Весь кажущийся альтруизм — хорошо рассчитанный эффект от паблик рилейшнс. Если выгоды не предвидится, альтруистическая поза прекращается.

5. Иерархия

Корпоративный закон требует существования в корпорациях высших и низших классов согласно пирамидальной структуре: председатель, директора, главный исполнительный директор, вице президенты, менеджеры подразделений и т.д. Эффективность иерархической формы, присущая также военным, правительству и большинству институтов, редко подвергается сомнению.

Иерархические формы доминируют в обществе, и люди считают их естественной формой организации. Некоторые должности лучше, чем другие, некоторыt уровни жизни лучше, чем другие, некоторые дома лучше, чем другие, некоторые расы лучше, чем другие. Мужчины лучше, чем женщины. "Западные" люди лучше, чем восточные. Люди лучше, чем природа, и т.д.

Тот факт, что в течение тысячелетий существуют неиерархические модели организаций на планете, неизвестен большинству американцев.

6. Квантификация, линейность и сегментация

Корпорации требуют, чтобы субъективная информация переводилась в объективную форму, т.е. в цифры. Это исключает из процесса принятия решений те ценности, которые не удается перевести в цифры. Субъективные или духовные аспекты леса, например, не поддаются такому переводу, и поэтому не входят в уравнения корпораций. Лес можно оценивать только в "погонных метрах древесины". Элементы производства, представляющие угрозу для общественного здоровья или благосостояния — загрязнение, токсичные отходы, канцерогенные вещества — переводятся в свободные от ценностных характеристик объективные понятия, как-то: "отношение затрат к выгоде" или "обменная стоимость". Производители автомобилей, оценивающие уровень безопасности определенных производственных стандартов, рассчитывают число воз-

можных аварий и смертей для каждого уровня стандарта. Полученное число затем сравнивается со стоимостью страховочных взносов и исков от семей погибших водителей. Это число анализируется с точки зрения паблик рилэйшнс и находится соответствующий компромисс.

Когда корпорации просят очистить выбросы дымовых труб, они с целью уменьшения своих расходов лоббируют принятие более низких экологических стандартов. В результате большое число людей рискуют заболеть или умереть от загрязнения атмосферы.

Стандарт, по которому работает корпорация, состоит не в том, чтобы "сделать его более безопасным для человека", а в том, чтобы "сделать его безопасным настолько, чтобы он не повлиял на размер прибыли".

Стремление к объективизации заметно во всех аспектах деятельности корпорации. Например, на стороне производства внимательно изучаются затраты времени и труда на каждый процесс. Конечной целью является подразделение задач на отдельные функциональные сегменты с последующей их автоматизацией и устранением лишних рабочих. Там, где задачу нельзя автоматизировать, она сводится к простейшим повторяемым операциям. В результате рабочих можно сравнивать по эффективности (скорости выполнения операций). Если они и выживают на такой работе, выполнение повторяемых операций вызывает у них чрезвычайную скуку и лишает осмысленного участия в задачах компании. Они чувствуют себя частями машины, и по сути таковыми и являются.

7. Дегуманизация

Наравне с проводимой корпорациями объективизацией среды и общества, расчетами уровней прибыли и эффекта от паблик рилэйшнс, объективизируются и дегуманизируются служащие.

Служащие в корпорациях сознательно обезличиваются. Недавнее введение компьютерной слежки в бизнес-операции для наблюдения за работой офисных служащих намного упростило задачу дегуманизации. Теперь каждое нажатие клавиши и каждое слово, написанное служащим, можно рассчитать с помощью центрального процессора и сравнить производительность каждого служащего. Легче стало выявлять людей, которые оказываются слишком медленными по корпоративным стандартам или которые делают слишком частые перерывы в работе.

В малом бизнесе степень дегуманизации ниже, т.к. личный контакт между персоналом происходит чаще. Тем не менее, в большинстве корпораций служащие рассматриваются как легко заменяемые винтики.

Что касается менеджеров, не испытывающих такого обезличивания, то они вынуждены не позволять "чувствам вмешиваться в процесс принятия решений". Это относится как к процессу оценки сотрудников, так и к окружающей среде и обществу. Как уже говорилось, объективизируя свои решения и людей вокруг себя, менеджер объективизирует и дегуманизирует самого себя.

8. Эксплуатация

Вся прибыль корпорации рассчитывается по простой формуле: прибыль равна разнице между зарплатой, выплаченной служащему и экономической стоимостью труда ра-

бочего, и/или разнице между стоимостью сырья, используемого в производстве (включая стоимость самого производства) и конечной продажной ценой готовых материалов. Карл Маркс был прав: полная стоимость труда рабочего не компенсируется, как не компенсируются затраты поставщика сырья. Владельцы капитала снимают часть стоимости в качестве прибыли. Прибыль основана на недоплате. И это факт.

Капиталисты доказывают, что сделка честная, поскольку рабочие и поставщики сырья или продуктов (обычно в странах "третьего" мира) получают достаточное вознаграждение. Но сделка с самого начала порочна. Владельцы капитала — корпорации или банк — всегда имеют дополнительную выгоду. В то время как рабочий получает только зарплату, капиталист получает *результаты труда рабочего плюс прибавочную стоимость произведенного*; затем вся сумма вкладывается для получения еще большей прибыли. Эта схема справедлива даже в случае высокооплачиваемых рабочих, таких как профессиональные спортсмены или артисты. В этих случаях корпорации платят большие деньги, потому что рабочие произведут еще большую прибыль. Поэтому формула остается справедливой во всех случаях: прибыль основывается на оплате ниже фактической стоимости затраченного труда или ресурсов. Это называется эксплуатацией.

9. Эфемерность

Корпорации живут вне времени и пространства. Как мы уже видели, они являются творениями только на бумаге. Они не умирают естественной смертью и переживают своих творцов. И у них нет никаких обязательств перед обществом, сотрудниками или соседями. Это ставит современные корпорации в совершенно отличное положение, скажем, от булочника или бакалейщика, которые выживают благодаря установлению тесных связей с соседями. Без морали, без привязанности к месту, не имея физической природы (фабрика, хотя и физическая сущность, не является корпорацией), корпорация может переместить свои операции в другое место при первом же удобном случае — столкнувшись с требовательными служащими, или с слишком высокими налогами, или с ограничивающими экологическими законами. Традиционные представления об общественной взаимовыручке противоречат корпоративному поведению.

10. Противодействие природе

Несмотря на то, что сотрудники корпорации могут лично испытывать любовь к природе, сами корпорации внутренне настроены на завоевание и преобразование природы. Для корпораций, занимающихся производством предметов потребления, прибыль возникает в результате превращения сырья в товар. Добытые под землей металлы превращаются в автомобили. Деревья превращаются в доски, а затем в дома, мебель и бумажные продукты. Нефть преобразуется в энергию. Во всех этих операциях забирается кусочек природы и преобразуется в новую форму. В редких случаях элементы природы можно обновить, деревья вырастить, но даже в этих случаях они не возвращаются в свой первоначальный вид. Поэтому вся производственная деятельность зависит от интервенции в природу и ее преобразования. После того как природные ресурсы исчерпаны в одной части планеты, корпорации переезжают в другую ее часть. В настоящий момент процесс

преобразования природы идет вовсю в юго-восточной Азии и тихоокеанском регионе; следующая цель — Антарктика. Скоро разработки начнутся на Луне.

Такая трансформация природы происходит во всех странах, где работает промышленность. Но в капиталистических, корпоративных государствах, процесс ускоряется, поскольку корпорации *должны расти*. Ускоренное извлечение природных ресурсов и их переработка жизненно важны для роста экономики. Тем временем, потребительский конец этого цикла тоже ускоряется — корпорации, естественно, пытаются убедить население в том, что предметы потребления приносят удовольствие. Самореализация личности, ее самодостаточность, внутреннее удовлетворение от общения с природой или людьми, отказ от погони за богатством подрывают корпоративные цели. Для того чтобы производство расширялось, т.е. природные материалы преобразовывались в товары, а затем в прибыль, потребительский рынок также должен расширяться. Конечный итог — разрушение природы.

Корпоративные сущности, не вовлеченные непосредственно в обработку сырья, например, банки или страховые компании, также участвуют в опустошении природы. Банки финансируют преобразование природы; страховые компании помогают уменьшить финансовые риски. Чем сильнее эксплуатируется природа, тем больше прибыль всех корпораций. Разумеется, на планете ограниченных размеров этот процесс не может продолжаться вечно.

11. Усреднение

Американцы любят повторять, что общество потребления предоставляет больший выбор и разнообразие товаров. Предполагается, что "выбор" означает выбор продукта на рынке из различных "брэндов", в общем-то, идентичных товаров. Корпорации очень заинтересованы в том, чтобы мы вели однотипный образ жизни, получая удовольствие от вещей, которые покупаем. Хотя различные корпорации ищут различные сегменты на рынке — ориентируясь, скажем, на пожилых людей или любителей экологически чистых продуктов — *все* корпорации придерживаются одинаковых экономических, культурных и социальных установок, и направляют общество (и индивидуумов) в одно русло.

Образ жизни и экономические системы, в которых не поощряются предметы потребления или накопление товаров, или которые придерживаются нематериальных ценностей, не подходят для бизнеса. Люди, живущие коллективно и разделяющие между собой, например, пользование такими дорогостоящими предметами как стиральные машины, автомобили и электрические приборы — или, что еще хуже, обходящиеся без них — бросают вызов корпоративному потребительскому обществу. Семья — весьма удобная форма для поддержания корпоративного потребительского общества: каждая семья живет уединенно в собственном доме и имеет те же самые машины, что и остальные семьи в данном районе. Недавно оказалось, что одинокие люди имеют еще большую привлекательность для корпораций, т.к. *каждый человек* дублирует потребительские привычки своего соседа.

Традиционные (аборигенные) общества, поддерживающие нематериальные отношения к жизни, планете и духу, рассматриваются корпорациями как неполноценные и непросвещенные. Нам говорят, что они завидуют нам. Пока такие общества су-

ществуют, они представляют угрозу для рыночного мира. Корпоративное общество настойчиво пытается приучить таких людей к своим ценностям и привить им корпоративные цели. Идеологическое переучивание идет в самых отдаленных частях света, где корпорации появились совсем недавно. Спутниковое телевидение, приносящее с собой западные фильмы и рекламу вместе с технической инфраструктурой, ускоряет темпы развития в этих частях света. Строительство ведется главным образом с помощью Мирового банка и Международного валютного фонда, а также таких агентств как USAID, Inter-American Bank — все они служат транснациональным корпорациям.

А какова конечная цель корпораций? В книге *Trilaterarism* издатель Холи Скляр цитирует президента корпорации Набиско: "Единый мир с одинаковым потреблением... Я жду прихода того дня, когда арабы и американцы, латиноамериканцы и скандинавы будут жевать печенье Ритц с таким же энтузиазмом как они сегодня пьют кока-колу или чистят зубы пастой Колгейт".

Скляр продолжает: "Корпорации не только рекламируют товары, они предлагают всему миру образ жизни, основанный на потреблении, по американскому образцу... Они ждут прихода эпохи без национальных различий, в которой [западные] социальные, экономические и политические ценности трансформированы в ценности универсальные... в мировую экономику, в которой все национальные экономики подчиняются ритму ТНК... При этом западный образ жизни считается наилучшим, а национальные культуры неполноценными".

ФОРМА — ЭТО СОДЕРЖАНИЕ

Приведенные выше одиннадцать правил — главные характеристики корпоративной структуры. Кроме того, корпорации по своей природе бесстрашные, агрессивные и соревновательные. Они производят дегуманизирующее воздействие на своих сотрудников и общество в целом. Они предательски ведут себя по отношению к рабочим и собственным менеджерам. Они игнорируют цели общества. Они стремятся унифицировать сознание людей и клонировать его по своему образцу. Для них не существует ни стран, ни границ. Разорение природы для них естественная форма деятельности. Подавляя другие культуры, разворачивая землю в поисках ресурсов, корпорации слепо следуют встроенной в них программе.

А если бы общество с самого начала выступило против корпораций? Нас все время пытаются убедить в полезности каждой новой машины, но никто не пытается анализировать полезность машины по имени "корпорация". Никто не пытается выяснить, каков ущерб от их деятельности и не превышает ли он "полезность"? Никто не подвергает анализу принципы, по которым функционирует эта сверхмашина.

Теперь нам должно быть ясно, что корпорации не могут реформировать себя изнутри. Следует также отбросить идею о том, что данная структура "нейтральна". Просить корпоративных менеджеров вести себя в соответствии с принципами человеческой морали — абсурд. Они следуют другой логической системе. Просить корпорацию вести себя по-другому все равно, что просить армию вести себя мирно. Форма определяет содержание.

8

КОСМИЧЕСКИЕ КОЛОНИИ, ДИСНЕЙЛЭНД И ЭПКОТ

"Знаешь, Джерри, я чувствую, что действительно все рушится. Нигде не видно выхода. Куда не глянешь, все заканчивается".

Это слова художницы Элизабет Гарсоннин. Она продолжает:

"Сегодня я вижу, насколько молодежь загнана в угол. Мир природы практически уничтожен, на его место пришел ужасный, грубый, коммерческий мир, населенный технолюдьми. Они уже добрались до Антарктиды. Они в джунглях. Они преследуют животных. Их космические спутники проникают во все уголки. Они знают, что под землей, что на земле. Скоро они доберутся до Венеры и Марса. Они уже проникли в человеческие клетки. Есть ли место, куда может спрятаться душа? Они оккупировали даже субъективные сферы, мир мечты. Как художница, я чувствую, что источники творчества стираются с лица Земли, а на их место приходит асфальт. Единственно действующим искусством становится искусство протеста, но мне оно не по душе. Это значит, что они уже удерживают нас и нам остается только *реагировать* на них. И это очень грустно".

• • •

Исследование самых отдаленных, самых диких мест на Земле практически закончилось. Но стремление западных людей превратить дикие, неуправляемые и неисследованные пространства в производительные территории не прекращается. Недавно были найдены две такие возможности: территория вне Земли, т.е. космическое пространство, и бесконечно малые, генетические структуры жизни (об этом мы поговорим позднее).

В обоих случаях, как это было на протяжении прошлых столетий, населению говорится о том, что исследования пойдут на пользу человеку — и действительно, вряд ли они пойдут на пользу каким-либо другим существам — но не это главная цель. Главное — возможность продать. В действительности, целями исследований являются экономическая выгода, военное преимущество, удовлетворение своего эго и присущее технократическому обществу стремление расширяться.

• • •

В последнем номере журнала *Earth Island* Гар Смит написал:

> Еще тридцать лет назад ребенок мог взглянуть в темное далекое небо и поразиться тайне звезд. Но сегодня ночное небо не окружено более тайной. Это "последний рубеж", который "надо завоевывать", нас зовут "открывать новые миры", "колонизировать космос". Знаменательно, что та же терминология в прошлом оскверняла реки, горы, леса и коренные народы. Это риторика экономического роста. Философия, ранее санкционирующая эксплуатацию планеты, сейчас подогревает желание эксплуатировать звезды.

Читая эти строки Гара Смита, я вспомнил, как ребенком отдыхал в летнем лагере в Массачусетсе. Я лежал на раскладушке и смотрел на звезды в раскрытом окне. Даже сейчас помню это ощущение. Был восторг, прорыв в бесконечность. Вид ночного неба наполнял меня радостью и страхом. Не могу пересказать свои чувства, но определенно я ощущал связь с бесконечным и вневременным, превосходящим всякое человеческое воображение. Это чувство укрепило мой дух, сердце и разум.

Прошло сорок лет, и я нахожусь в Public Media Center в Сан-Франциско. Наша группа встречается с антивоенной организацией, выступающей против финансирования Звездных Войн и милитаризации космоса. Заказчик просит нас провести рекламную кампанию, в которой будет рассказано о колоссальной стоимости, сложности и военной неэффективности программы Звездных войн и новой гонке вооружений в космосе. Мы согласны, но у меня остается чувство неудовлетворенности. Для меня, сам факт запуска человеческих существ в космос, вместе со спутниками и технической аппаратурой, навсегда изменит, если уже не изменил, живую обитель человеческого воображения. Потому что теперь, взглянув на звезды в поиске духовной и эмоциональной связи, как это делали наши предки, мы обнаружим лишь летающие машины. Исследование человеком космоса, как и дикой природы, уводит наши представления о субъективном, поэтическом, эмоциональном и духовном в область, ограниченную технической перспективой.

• • •

Я с большой опаской отношусь к милитаризации космоса и еще больше расстраиваюсь из-за корпоративного вмешательства в космос, набирающего все больший размах. Милитаризация, по крайней мере, встретила организованное сопротивление, в то время как корпоративная деятельность в космосе проходит без всякого сопротивления и усиливается.

В феврале 1988 года Белый дом объявил об инициативе, направленной на поддержку частного сектора в освоении космоса. Программа предусматривала авансовую покупку коммерческих космических продуктов и услуг, минимизацию риска и существенные субсидии бизнесу, осваивающему космос. Подобная правительственная программа несколькими десятилетиями ранее направлялась на поддержку частного бизнеса в области атомной техники.

Решение правительства о поддержке частных компаний в космических разработках основывалось на вынашиваемых десятилетиями утопических идеях, начиная с Всемирной выставки 1940 года до сегодняшних технических центров, таких как ЭПКОТ. Корпорации во всю рекламируют экономические выгоды от разработок в космосе для всего человечества, разумеется, ожидая для себя наибольших выгод. Новые ресурсы космоса должны якобы привести к новым рабочим местам, международному сотрудничеству, новым горизонтам, к расширению кругозора человечества, и т.д. и т.п.

Конечно, реальные побудительные мотивы для исследования космоса и создания новых технических устройств не имеют ничего общего с чаяниями большинства людей на Земле и не несут никаких выгод для планеты. Они являются исключительно результатом внутренней потребности корпораций и технократического общества в расширении.

Технократическое общество в настоящий момент испытывает нехватку ресурсов, подпитывающих его рост. Оно наталкивается на естественные природные ограничения Земли. После того, как каждый дюйм на Земле будет исследован и сфотографирован из космоса, а последние ресурсы преобразованы в предметы массового потребления, возникнет вопрос: а что дальше?

Подобно тому как в прошлом новые континенты колонизировались с целью расширения ресурсной базы, начнется колонизация космоса.

Не из любви к природе европейцы завоевали Новый Свет, их побудительными мотивами была жадность. Не из любви к природе в 19-м веке начался процесс, который окрестили "Проявлением судьбы" [38], т.е. навязывание нашего образа жизни всем народам Северной Америки, якобы "с божьего благословения".

Не из любви мы сегодня обкрадываем космос и Землю. Как заявил секретарь Рональда Рейгана, определяя мотивацию "покорения космоса" для частного бизнеса: "Фактической основой исследования космоса является бизнес". И в этом нет сомнения. Как любое заповедное место на Земле, космические "дикие места" уже переводятся людьми из статуса *источников* нашего вдохновения и нашей души в *ресурсы* для промышленного роста.

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ БИЗНЕСА В КОСМОСЕ

Бизнес, предлагаемый в настоящее время для космоса, главным образом сводится к добыче полезных ископаемых и должен начинаться с Луны. Гар Смит сообщает о том, что "кислород может стать первым важным продуктом, который смогут добывать ученые. Шестьдесят процентов лунного грунта состоит из окислов серы, и ученые исследуют возможность использовать ядерные реакторы или солнечные генераторы для

[38] "Проявление судьбы" (Manifest Destiny) — выражение, означающее, что у Соединенных Штатов существует миссия расширять свою форму демократии и свободы. Защитники "Проявления судьбы" считают, что такое расширение не только положительно, но и очевидно ("проявлено") и неизбежно как "судьба". Данное выражение стало популярным среди демократов в 1845—1855 гг. В середине 20-го века "Проявление судьбы" стало синонимом экспансии Соединенных Штатов. — *Прим. перев.*

превращения лунной пыли в кислород". Кроме того, из каждых 10 000 тонн лунной породы можно получить одну тонну водорода для последующего использования его в качестве ракетного топлива и многих производственных процессов. На Луне также можно добывать анортозит (имеющий больше содержание алюминия) и титан.

Ученые НАСА предсказывают, что в третьей декаде 21-го века на Луне будут проживать до 1000 человек. Вначале предполагается активно развивать туризм с помощью частых запусков шаттлов с Земли, гостиниц и экскурсионных поездок по Луне. Согласно Смиту, после Луны "следующей целью будет пояс астероидов", из которого будут добывать маленькие кусочки пород, содержащие водород, кислород, воду, платину и некоторые сплавы металлов. В соответствии с одним из проектов, установленные на мелких астероидах "масс-драйверы" смогут выбрасывать отходы материала в космос, обеспечивая тем самым достаточный реактивный момент для направления астероидов на орбиту Земли. В результате ошибок расчета, добавляет Гар Смит, вполне вероятное попадание астероидов в земную атмосферу, где они будут взрываться подобно атомной бомбе.

Планы в отношении Марса включают "терраформинг", т.е. создание искусственной среды, напоминающей земную. Эта идея идет дальше примитивных представлений, например Джерарда О`Нила, о сооружении городов на других планетах, в которых будет создана искусственная среда для нормальной жизни. По его предложению, города должны покрываться соответствующими куполами для создания земной атмосферы. На фермах будут выращиваться продукты; вода будет перерабатываться и циркулировать в замкнутом пространстве. В городах будут магазины, бейсбольные площадки и кинотеатры. Одним словом, люди смогут вести тот же образ жизни, что и в Калифорнии.

"Терраформинг" идет еще дальше. Предлагается превратить всю атмосферу Марса в атмосферу Земли, при этом отпадает необходимость строить большие купола. Эта идея развивается в книге Джеймса Оберга *Новые Земли: Преобразование Земли и других планет*. Процесс преобразования начинается с установки гигантских зеркал направленных на марсианские ледовые шапки, испарение замерзшей воды и изменение содержимого атмосферы. Затем будут завезены некоторые виды водорослей и лишайников для производства кислорода и *готово!* — можно строить отели по западному образцу, с открытыми бассейнами и торговыми рядами.

Сотни корпораций уже глубоко заинтересованы в инвестировании подобных космических проектов. Согласно Гару Смиту, до 1988 года НАСА уже потратило 200 млн долларов на то, чтобы "сделать космос безопасным для американского бизнеса". Среди бизнесменов, субсидированных НАСА, была компания из Хьюстона Space services, Inc., планирующая "запустить на орбиту космическую лабораторию, длиной 45 футов, питаемую солнечными батареями и стоимостью 250 —500 млн долларов". Данная компания, работающая в сотрудничестве с консорциумом флоридских гробовщиков и вышедшими на пенсию инженерами космического центра Кеннеди, скоро будет зарабатывать по 3000 долл. на каждом клиенте, пожелавшем, чтобы его останки запустили на орбиту для "космического захоронения". (Зачем надо искать место захоронения в космосе, мне не понятно; разве что для того, чтобы дух мог скорее добраться до небес.)

Каким бы ни был мотив для столь большой глупости, существует больший риск столкновения запускаемых ракет с уже летающим на околоземной орбите хламом. И это не шутка. За одно поколение, с тех пор как началось освоение космоса, на околоземной орбите скопилось до 15 000 объектов различной величины. Они включают в себя отработанные ступени ракет, собственно ракеты, металлические стяжки, человеческие экскременты, осколки разорвавшихся спутников и выброшенные инструменты. И столкновения уже происходили. Один советский испытательный аппарат разбился после столкновения с космическим мусором, а полет американского шаттла чуть было не прервался из-за летающих на орбите хлопьев краски.

• • •

Физическое накопление мусора на орбите большая проблема. Но есть еще более серьезная проблема — засорение космоса сигналами спутников связи. В настоящее время на орбите имеется 139 спутников, многие из которых подавляют сигналы друг друга. Большинство этих спутников разработаны корпорациями, занятых картографированием земных ресурсов. С помощью фотографического оборудования спутники могут заснять каждое растение, каждое животного, каждый ручей, а с помощью инфракрасного оборудования проникнуть вглубь поверхности и заснять скрытые от глаз человека минералы. Так, технология спутниковой связи облегчает и ускоряет процесс преобразования природы на нашей планете в товар.

С другой, светлой стороны, замечает Гар Смит, рекогносцировка спутников противостоит военному или корпоративному доминированию. По его мнению, например, французский спутник SPOT "позволяет обычным гражданам и неправительственным организациям проводить мониторинг ядерных испытаний, военных судов и передвижений войск", чем уменьшает вероятность случайного вторжения. В соответствии с этой логикой, обычные люди якобы могут составлять карту ресурсов Земли так же, как это делают корпорации, и предсказывать появление бульдозеров в том или ином месте.

Боюсь, что Смит рисует слишком розовую картину. Его фантазии напоминают самые радужные (но не оправдавшиеся) прогнозы в прошлом, возлагаемые многими на технику. Общеизвестно, что технология спутников и освоение космоса доступны лишь крупным научно-исследовательским и военным институтам, и корпорациям. И они в тысячу раз быстрее достигнут своих целей, чем мы с вами или Сьерра-Клуб. Данная технология как раз и создавалась для того, чтобы повысить конкурентоспособность институтов-разработчиков и интенсивнее эксплуатировать природу. Людям, живущим за счет органической жизни нашей планеты, и тем, кто намеревается беречь ресурсы и землю, не нужны спутники для вычерчивания залежей полезных ископаемых. Люди, живущие рядом с "ресурсами", рады оставить их в покое.

ФАНТАСТЫ ЛЮБЯТ КОСМИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Настраивая публику на космические полеты, фантасты играют критически важную роль. Вот уже два поколения проходят психологическую подготовку (начиная со все-

мирных выставок и Бака Роджерса до "Стар Трек" и *Звездных войн*) под руководством фантастов, рекламирующих интеллектуальные и духовные "прелести" освоения космоса. Такова профессия фантастов — постоянно находить новые места и темы для фантазии, подобно тому как корпорации находят новые материалы и сырье. Если бы они писали, скажем, об эволюции аграрных сообществ или нехватке ресурсов, это не приносило бы таких дивидендов. Поэтому фантасты любят космические полеты. Они серьезно обставляют их соответствующими аргументами и ищут новые художественные образы.

В первых рядах космического футуризма оказались Джерард О'Нил и Герман Кан. Оба написали серьезные книги (Кан написал *Следующие 200 лет*, О'Нил *Небесный фронтир*), высоко оцененные корпоративно-технологическим обществом; будущее в книгах основано на расширении добычи ресурсов для растущей индустриальной и корпоративной систем.

Для Кана освоение космоса — неизбежный шаг в эволюции техники и продвижении человечества к изобилию. Он считает, что мы находимся на пороге замечательных достижений, гарантирующих светлое технологическое будущее. В книге *Следующие 200 лет* Кан пишет:

> Двести лет назад люди в своей массе были бедными и полностью зависели от сил природы; сегодня человеческих существ стало неизмеримо больше, они богаты и контролируют силы природы. Последние 400 лет оказались для человечества такими же драматическими и важными, как весь предыдущий период развития цивилизации, насчитывающий 10 000 лет. Человечество перешло от Аграрной к Промышленной революции. На этом пути, в наиболее развитых странах уже стали заметны элементы сверхпромышленной экономики с невероятными, всеохватывающими технологиями....На смену существующей экономике вскоре придет постиндустриальная экономика, для которой задача производства средств существования становится тривиально простой ввиду совершенных технологий.

Я до сих пор поражаюсь, когда довольно разумные люди описывают доиндустриальную эпоху как грязную, несчастную, бедную и подверженную природным катаклизмам. Им следовало бы знать, что в умеренных климатических зонах планеты — задолго до варварства Европы шестнадцатого-семнадцатого веков — у коренных народов была довольно приятная и относительно легкая жизнь (см. главу 14). Но Кан не признает этот факт.

Кан также лукавит, когда говорит, что промышленное производство сделало производство средств существования "тривиально простым". Если так, тогда почему столько людей голодают и почему планета подвергается разрушению? Кан говорит, что технология решит все проблемы. Он предсказывает будущее, когда все будут жить как американцы. Освоение космоса, говорит Кан, обеспечит необходимые для роста ресурсы и перенесет самые грязные производства в космос.

По мнению Германа Кана, у колонизации космоса есть еще и другая важная роль. Она служит запасным выходом в случае, если на Земле все пойдет очень плохо — если

у нас разразится ядерная война или наступит экологический армагеддон из-за загрязнения среды или изменения климата. Если это произойдет, говорит Кан, космические колонисты смогут обосноваться в своих искусственных городах и возвратиться позже на Землю, когда она очистится. Для Кана космос представляет собой еще один "континент", который можно эксплуатировать; место, где можно получать больше ресурсов, экспериментировать с образом жизни, создавать новые направления в науке, выполнять производственные процессы, невозможне на Земле, создавать новые чистые технологии и поддерживать рост экономики. Корпорациям нравится такая точка зрения.

Джерард О'Нил разделяет позицию Кана и понимает, что мы не можем расширяться экономически, пока ограничены пребыванием на Земле. Ресурсы будут истощаться, рынки усыхать, население будет вынуждено сдерживать свой рост, а для машин не хватит места на стоянках. Поэтому космос — единственное решение. После того, как эта планета будет использована, можно искать другую.

О'Нил так аргументирует необходимость роста, фантастически описывая доиндустриальную эпоху, еще более мрачно, чем Кан:

> На протяжении тысячелетий малочисленные и слабые человеческие существа влачили жалкое существование. Войны, голод и болезни уничтожали целые народы. Должны были пройти столетия, прежде чем население начало расти. Качество жизни для большинства людей в доиндустриальную эпоху оставалось низким даже в мирное время. Хотя и существовали небольшие, сравнительно богатые, привилегированные классы, большинство было вынуждено тяжело работать, многие были рабами.

По-видимому, О'Нил полагает, что рост населения — это хорошо. Что же касается низкого "качества жизни" доиндустриального общества, то о каком обществе идет речь? О странах Ближнего Востока во времена Христа или же о Европе? О Китае или Японии ? Из описания видно, насколько невежественен О'Нил в отношении коренных народов, живших на протяжении многих тысячелетий *без* привилегированных классов, *без* рабства, с относительным комфортом, особенно в сравнении со многими районами индустриального мира.

Обычно полагают, что до прихода индустриализации все было плохо — бедность, рабство, зависимость от природы и т.п. Но такое мнение прекрасно работает на индустриальный капитализм и оправдывает завоевание "угнетенных" народов. При этом капитализм представляется эдаким доброхотом, с альтруистическими намерениями. Завоевание космоса, в свою очередь, выставляется как продолжение альтруистической политики на Земле, в то время как на самом деле это попытка избежать ответственности за хаос, возникший на Земле по вине индустриально-корпоративного общества.

(Более подробное обсуждение и анализ работ Кана, О'Нила и других фантастов можно найти в прекрасном эссе Гари Коутса "Образы будущего, возможности настоящего: исследование природы, человека, общества", в книге *Переселение Америки* (см. библиографию).

ЗВЕЗДНЫЙ ПОСЕВ: ОТПРАВКА "ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ" В КОСМОС

Третий "визионер", о котором я должен рассказать, это гуру 60-х, д-р Тимоти Лири. Он все еще популярен, окружен поклонниками среднего возраста, и его мессидж достаточно важен [39]. У него отличная от других фантастов миссия: провести технико-религиозное обоснование колонизации космоса в духе Нью-Эйдж. Этот мессидж можно определить так: "Космическая колонизация как эволюция сознания".

Наша планета — своего рода живое существо, и все его части взаимодействуют между собой. Это существо носит имя "Гея". (Пока все хорошо и совпадает с представлениями аборигенных народов. Эта сторона "Геи" мне нравится. Но не остальное).

По задуманному природой эволюционному сценарию роль человеческих существ состоит в осознании целостной планетарной экосистемы. *Мы* являемся мозгом этого планетарного существа. *Мы* даже, может быть, причина эволюции, ее цель. Мы как семена, из которых должны вырасти новые цветы на далеких лугах.

По мнению Лири, которое очень популярно среди определенных кругов Нью-Эйдж, все до сих пор происходящие события были подготовкой того, чтобы наш вид занял положения лидера, мыслителя и своего рода, президента всех существ и всей планеты. На нас лежит ответственность за мудрое правление и дальнейшую эволюцию.

Мое знакомство с идеями Лири о космических путешествиях произошло в конце 1960-х, когда он еще находился в тюрьме. Именно тогда я встретился с женой Тима, Джоанной, которая разъезжала по всей Америке, пропагандируя идеи Лири о "звездном посеве". Смысл его идей сводился к тому, что поскольку человеческие существа — это сознание не только этой планеты, но и всей вселенной, наше предназначение состоит в "заселении" остальной вселенной высшим разумом.

Меньше всего мне нравилось в "звездном посеве" то, что мы должны быстро найти и подготовить "5 000 людей с наиболее развитым сознанием", чтобы запустить их в космос, как только будет подготовлена соответствующая космическая база. С этой базы "5 000 лучших людей" будут с помощью своего высшего сознания формировать утопические сообщества и заниматься дальнейшим исследованием вселенной. Мы, на Земле, должны будем обеспечивать эти высшие существа всеми необходимыми техническими инструментами, на которые только способны наши недостойные умы.

Помню, спросил одного из последователей Лири: а как будут выбираться 5000 высокосознательных людей? И кто будет выбирать? По каким критериям? Должны ли они хорошо разбираться в технике? (Разумеется). Сколько будет художников? ("Самые выдающиеся художники"). Будут ли среди них индейцы? (Будут индейцы с "самым высоким уровнем сознания"). Мужчины? Женщины? Гомосексуалисты? Коммунисты? Единственно, что мне стало ясно после этих вопросов, что я не попадаю в эти 5 000. "Впрочем, это хорошо, — подумал я. — Я не собираюсь никуда уезжать".

Утопическая мечта Лири притягательна для многих прежде всего тем, что не основана на капиталистической выгоде. Она кажется довольно возвышенной — продви-

[39] Тимоти Франсис Лири (1920 —1996) — американский психолог и пионер в области исследования LSD, один из первых людей, останки которых были отправлены в космос. — *Прим. перев.*

нуть дальше эволюцию. В сравнении с ней утопия Германа Кана, например, похожа на своего рода индустриальный Феникс в Аризоне. Утопия Джерарда О'Нила похожа на город Пало Альто под куполом, где все заняты переработкой отходов и садоводством. Но мечта Лири имеет почти естественно-научное звучание. И она находит отклик у приверженцев Нью-Эйдж, которые рассматривают себя в роли пионеров будущего. Многим из Нью-Эйдж *нравится* идея оставить планету и стать астронавтами для продолжения эволюции в космосе. Перспектива личного участия в задуманном природой проекте эволюции настолько волнующая, что ее приверженцы не видят (или не хотят видеть) ее связи с идеей Проявления судьбы[40], с той же концовкой.

Утверждение, что наш биологический вид является конечным продуктом эволюции, так сказать, сознанием планеты, и что некоторые люди — в частности, технологически ориентированные западные люди — находятся на переднем фронте эволюции, выдается за философское обоснование освоения космоса (хотя, на самом деле, это "бизнес как всегда"). Мы продолжаем расширять свое присутствие; продолжаем считать себя лучшими и важнейшими существами, продолжаем рассматривать наши цели как более высокие по сравнению с "отсталыми" коренными народами; продолжаем искать новые ресурсы для утоления своих аппетитов; продолжаем захламлять Землю отходами. Нет никакого сомнения: мы способны захламить и другие планеты точно так же, как Землю.

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

На протяжении многих лет я размышлял насчет притягательности космических полетов. Я могу понять, почему корпорации, военные и правительства заинтересованы в полетах, я вижу тягу к неземному со стороны приверженцев Нью-Эйдж. Но почему эта идея притягивает других, мне было непонятно. Наконец, до меня дошло, что космические путешествия — это конечная стадия давно начавшегося процесса "ухода". Наше общество "покинуло свой дом" в тот момент, когда мы провели границу между собой и землей, когда сообща двинулись к совершенно искусственным, "опосредованным" мирам — громадным городам из бетона — и когда начали агрессивно грабить и переделывать природу. Сегодня природа буквально ушла из нашего поля зрения и съежилась. Мы потеряли всякую связь со своими биологическими корнями. Мы забыли, откуда пришли, не чувствуем никакой связи с остальным миром, поглощены только самими собой. Нам трудно обнаружить места, где еще идут природные процессы.

В особенности это относится к американцам, поскольку наша страна в значительной степени состоит из иммигрантов, порвавших отношения со своей родиной и не имеющих особой привязанности к земле, на которой живут. Коренные американцы [т.е. индейцы — *Прим. перев.*], у которых здесь глубокие корни, напротив, совсем не настроены на то, чтобы покидать свою землю.

---

[40] См. сноску на стр. 122. — *Прим. перев.*

Корпоративная культура также приложила руку к этому процессу, поскольку заинтересована в том, чтобы ее слуги заботились об абстрактной корпорации, а не о реальных сообществах, в которых живут и работают. Корпорации регулярно предают сообщества, часто обкрадывают и бросают их; кроме того, они заставляют сотрудников переезжать на новые места.

Совершенно ясно, что такое отчуждение от мест, в которых мы живем и работаем, подрывает всякую идею о внимательном и бережливом отношении к земле, что представляет собой серьезный отход от прошлого. Будучи воспитанными корпоративной культурой, мы не отличаем одно место от другого; для нас ничего не стоит заменить одно место на другое, даже если это новое место не на Земле. В итоге, мы оказываемся в положении миллионов бездомных, на улице. И в самом деле, мы все бездомные, жаждущие возвратиться домой.

Мой друг Гари Коутс, профессор архитектуры Канзасского университета, о котором я уже упоминал как авторе *Переселения Америки,* считает, что наш интерес к космосу, возможно, является искаженным стремлением возвратиться *домой в рай*, место из которого нас выгнали. Он рассматривает всю нашу культуру, как пересказ библейской истории об Адаме и Еве.

Недавно при встрече Коутс рассказал мне следующее:

"Как и все мифы о сотворении, история о райском саде — не выдумка, более того, это то, что происходит с нами каждую минуту... После убийства Авеля, который олицетворял наше единство с землей, Каин отправился на поиски утерянного рая. В нашем искусственном окружении на Земле (которое мы хотим перенести на небо) мы также ищем возможности вступить в рай. В частности, все эти лежер-уорлдс, дисней-уорлдс, мегамолс, мобильные дома эйрстрим, кондоминиумы, генная инженерия, освоение космоса и терраформинг планет представляют собой ничто иное, как обновленные попытки Каина возвратиться домой, в первоначальный рай. Трагедия в том, что, стремясь восстановить рай, мы только ускоренно разрушаем природу. И снова повторяется история с Каином и Авелем — еще одно проявление главного мифа западной цивилизации".

Коутс взволнованно описывает роль, которую сегодня играют всевозможные лунапарки, мегамолы подобно канадскому Уэст Эдмонтон, и такие места развлечения как Дисней-уорлд, Си-уорлд и ЭПКОТ-центр. Он уверен, что именно в этих лунапарках и мегамолах нас психологически подготавливают к будущей жизни в космосе. В этих местах, добавляет он, "можно подготовиться к существованию в неких заранее спроектированных фантазиях".

Если не каждый сможет жить внутри пластиковых утопических пузырей на Марсе, каждый *сможет* ощутить искусственную жизнь на Земле.

"Подобно храмам в Египте и Греции, — говорит Коутс, — Дисней-уорлд и другие искусственные миры позволяют приобщиться к новым таинствам. Пространство и время воссоздаются заново словно программы по телевидению. Мир творится с помощью новой мифологии Прогресса... Находясь в очередном лунапарке или погружаясь в мир телевидения, трудно сказать, что реально, а что нет. Точно так же в сообществах будущего образ жизни конструируется наподобие телевизионных фантазий. Мы достигаем бес-

смертия, будучи растворенными в наших телевизорах, чтобы уже никогда не выйти наружу. Такая ситуация подготавливает нас к жизни в удаленных космических колониях, к робототехнике, к генной инженерии и Звездным войнам, которые выдаются за "настоящее" будущее. Все вместе взятые лунапарки демонстрируют логику и архитектуру гиперреальности — мир, который Умберто Эко называет "абсолютно лживым".

Коутс убедил меня в том, что я должен посетить некоторые из упомянутых мест и посмотреть на них как на тренировочные площадки для будущего отрыва от Земли. "Они оказывают такое же мощное влияние, как и Всемирная выставка 1940 года, — говорит Коутс, — и направляют туда же". По его совету я посетил Уэст Эдмонтон и ЭПКОТ-центр. Самым откровенным в смысле пропаганды технологического будущего оказался ЭПКОТ-центр. Его *задачей* является подготовка людей к восприятию определенного типа будущего. Уэст Эдмонтон, с другой стороны, только торговый центр и парк развлечения. Самый большой в мире. Эдакий прообраз марсианской жизни под куполом.

УЭСТ ЭДМОНТОН МОЛ, ЭДМОНТОН, КАНАДА

Эдмонтон решительно не похож на марсианский город. Город расположен в окружении живописных зеленых лугов, диких рек, высоких Скалистых Гор. Он служит воротами в непокоренную северную территорию Канады. Но на краю города расположен потусторонний мир, вставленный в живой ландшафт. Это Уэст Эдмонтон Мол, торговый центр, рекламирующий искусственную среду, которой нет и в помине. Сразу же знакомлюсь с тем, какую жизнь нам запланировали. В одной из брошюр, например, написано: "Самые лучшие и восхитительные чудеса на Земле находятся в наших 889 магазинах". В брошюре торговый центр называется "Восьмым чудом света". И это правда.

Моим любимым "природным окружением" в торговом центре был Уорлд Уотерпарк. Шестнадцать этажей, покрытых стеклянным куполом, размером с шесть футбольных полей. Там же, гигантский бетонный пляж с реальными достигающими восьми футов волнами, которые управлялись компьютером. К сожалению, серфинг не разрешался, хотя я увидел с десяток людей, имитирующих серфинг.

Температура воздуха за пределами мола 20 градусов по Фаренгейту (минус 7^0С), но внутри Уорлд Уотерпарка поддерживается постоянная температура 86 градусов (28^0С). Тут же лампы для загара и двадцать две водные горки, а также Бурная Река, симулирующая горную речку. На резиновых лодках можно прокатиться по речке в любое время года.

Если вам по душе океанские берега, Уэст Эдмонтон предлагает "Приключения под водой". Можно совершить подводный круиз на 33-футовой подводной лодке, которая погружается на глубину 15 футов. Или же можно погладить четырех атлантических дельфинов, плавающих в том же мини-океане, что и подлодка.

В центре более тридцати аквариумов, в которых, согласно брошюре, собраны "более 1000 видов, найденных на Гавайских островах, Филиппинах, в Австралии, Карибском регионе, Южной Америке, Японии, Канаде и США".

Если же вы предпочитаете птиц и животных, то в Уэст Эдмонтоне их в особенности много. В расположенных между магазинами стеклянных помещениях содержится более 250 экзотических птиц, включая знаменитых фламинго из Южной Америки, несколько видов "умных и талантливых попугаев", гигантские антилопы из Южной Америки и много другого. "Все птицы живут в больших вольерах, — говорят разработчики, — которые представляют естественную среду обитания".

Из животных там есть горные львы, тигры, паукообразные обезьяны, бурые медведи, ягуары, а ваш ребенок может погладить "большой диапазон домашних животных по всему комплексу". Вы найдете в центре 28 000 видов растений, прекрасно вписавшихся в торговый центр, многие из которых "представляют собой редкие и экзотические виды".

Кроме "чудес природы" в Уэст Эдмонтоне вам предлагают провести несколько самых романтических путешествий. Хотите побывать в Риме? В Фэнтазилэнд-отеле есть римские комнаты, с римскими статуями и колонами из белого мрамора, и настоящая римская баня с зеркальными стенами. А как насчет Аравии? Ваши кровати будут в окружении песчаных дюн. Комнаты в полинезийском духе помещены на "военном катамаране под всеми парусами", здесь же картины вулканических извержений. Посетитель Уэст Эдмонтона может также зайти на копию Бурбон-стрит в Новом Орлеане или на Европейский бульвар в Париже.

В других местах расположены ледяной каток, парк развлечений с американской горкой высотой с шестнадцатиэтажный дом, полуторакилометровая беговая дорожка, миниатюрный гольф по имени Пеббл Бич, уменьшенная копия корабля Христофора Колумба *Санта Мария*, 210 магазинов модной женской одежды, 35 магазинов мужской одежды, 55 обувных магазинов, 55 ювелирных магазинов, 11 больших универмагов, 19 кинотеатров, 110 ресторанов, 2 автомобильных салона и 350 других магазинов, центров обслуживания и прочих чудес. Послушайте, если можно сотворить целый мир под колпаком в канадском Эдмонтоне, почему его нельзя воссоздать на Марсе?

ЭПКОТ-центр, ОРЛАНДО, ФЛОРИДА

Май 1988. Моя сестра Анита Розенсток звонит из Нью-Йорка. Она говорит, что ее сын Роб Уоринг, известный музыкант, скоро приедет из Норвегии в ЭПКОТ-центр, расположенный на территории Дисней-уорлда во Флориде. Роб участвует в музыкальном ансамбле, представляющим норвежские народные песни на открытии норвежского павильона. Поскольку наша мать живет во Флориде, моя сестра и я решаем собрать всю семью и ехать во Флориду.

Я никогда не был в Дисней-уорлде, и поэтому стараюсь узнать о нем как можно больше. Из книги *Мир Уолта Диснея,* выпущенной Disney Company, узнаю, что его цель — "исполнение мечты". Я также узнаю, что это место в десять раз больше южнокалифорнийского Диснейлэнда и покрывает 27 000 акров [41]; что это целая вселенная, разделенная на четыре зоны: Царство отдыха, в котором все виды отелей, гольф-кур-

[41] Прибл. 17280 га (1 акр = 0,64 га).

сы, искусственные озера, водные развлечения и искусственные пляжи; Царство магии, ЭПКОТ-центр, и внутри него, Витрина мира.

Самый крупный аттракцион — Царство магии, разделенное в свою очередь на шесть "тематических парков": Мэйн-стрит, USA; Фэнтази-лэнд; Эдвенчур-лэнд; Фронтир-лэнд; Либерти-сквэр; и Туморроу-лэнд. Каждый из этих "тематических парков" представляет собой беззастенчивую попытку воплощения наших фантазий об американской жизни, американских приключениях и путешествиях. Каждый парк восстанавливает в памяти образы детских фильмов и книг, и воплощает их в "реальные" шоу.

Мэйн-стрит, USA весьма показательный пример. Согласно брошюре, Мэйн-стрит "притягивает нас с невероятной силой, поскольку демонстрирует самое лучшее, что было у 'старой доброй Америки', это Америка 1890 — 1910 гг.". Мы попадаем в мир кондитерских магазинов, очаровательных, запряженных лошадками повозок, уживающимися рядом со "старинными" автомобилями, кварталов из парикмахерских, железных дорог с паровозиками и пассажей. Никаких профсоюзов, никаких надписей вроде "только для белых" или "только для черных". Никаких индейцев, никаких нищих. Кажется, все это пришло их голливудских фильмов или порождено воображением Рональда Рейгана.

Если Мэйн-стрит, USA делает из реальности фикцию, Фэнтази-лэнд делает из фантазии реальность, а именно оживляет диснеевские образы. Тут и Синдерелла с Питером Пэном, Пиноккио и Белоснежкой, гномы и все мультипликационные замки, разводные мосты, лес и феи.

По поводу Эдвенчур-лэнд в официальном диснеевском проспекте сказано следующее: "Диснеевские имажинеры сделали все возможное, чтобы воссоздать удивительную страну, задуманную природой". И действительно: это выдерживается во всех деталях. Так, например, собраны почти все растения, представляющие тропические регионы мира.

Слово ЭПКОТ — аббревиатура названия Experimental Prototype Community of Tomorrow (Экспериментальный прототип общества будущего). "Власть Будущих Миров не знает пределов", — говорится в официальном диснеевском документе (что, конечно, хорошо отражает философию бесконечного роста корпоративного общества). ЭПКОТ-центр был задуман с целью приучить нас к этому будущему "беспределу". На одном плакате очень ясно выражены цели ЭПКОТа: "Помочь людям, неуверенным в переменах или чувствующим страх перед будущими сложными системами [среды обитания]... привыкнуть к компьютерам и другим высокотехнологичным устройствам".

• • •

Когда мы приехали во Флориду, Боб уже был там, вместе с норвежской делегацией из 400 человек.

"Сегодня в 6.45 утра у нас была первая репетиция, — сказал Роб, — ее нужно было закончить к открытию парка в 9.00. У них такое правило: публика не должна видеть репетиции или закулисные приготовления. Нельзя разрушать иллюзию. Люди должны оставаться в некоем состоянии фантазии. По той же причине нельзя называть ни

музыкантов, ни исполнителей, а на демонстрируемых фильмах нет имен режиссеров. ЭПКОТ хочет, чтобы все представления были бессознательной картиной, без следов работы. Это должно способствовать выходу фантазии".

Роб и его коллеги должны были играть на следующий день, поэтому у нас было время пройтись по павильонам ЭПКОТ. Сначала мы заглянули в Энергетическую Вселенную компании *Exxon*. Зал построен по типу огромного театра. Мы были ошарашены, когда увидели, что ряды в театре двигаются как один гигантский автомобиль. Записанный на пленку голос рассказал, что мы отправляемся в "путешествие во времени", чтобы получить представление об истории энергетики. На диораме "мир динозавров" видны были двигающиеся и угрожающие друг другу существа; при этом ощущались довольно крепкие запахи. Этот период истории, по-видимому, должен был вызывать ужас. Когда наш гигантский автомобиль закончил свое путешествие во времени, автоматический голос сказал: "Добро пожаловать, ребята, в двадцать первый век". Мы облегченно вздохнули. Затем неожиданно зазвучали темы из *Звездных войн* — и мы погрузились в видения завтрашнего дня с "неограниченной электрической энергией", приводящей в действие наши мечты о лучшем мире.

Следующим был павильон Горизонты, созданный компанией *Дженерал Электрик*. Там мы попали на космический челнок, летевший к будущему. При этом игралась музыка очень похожая на ту, которую играли в павильйоне *Exxon* (неужели один и тот же композитор?). Мы увидели диорамы с огромными подводными городами и городами, плавающими на поверхности океана. Мы увидели хайтековские колонии в космосе. В разделе о Земле мы увидели самую поразительную экспозицию: огромную ферму, протянувшуюся до горизонта. Сегодня, объяснили нам, компьютеризированные фермы производят генетически модифицированную продукцию без рабочих. Голос *Дженерал Электрик* все время повторял девиз: "То, что мы можем вообразить, мы можем воплотить".

Затем мы посетили "страну, сотворенную корпорацией Крафтс Фуд". Нас посадили в небольшие лодки, которые понесли нас по реке "в место, которые многие позабыли, в страну, где выращивают продукты". Нам показали семейную ферму — с соответствующими ароматами сена и навоза — прекрасную реликвию прошлого. "Каждый год, — вещал голос из громкоговорителя, — на смену семейным фермам приходит бизнес, и фермерство становится точной наукой. Совершенствуя семена, пестициды и технику, мы движемся в новую эпоху". Вскоре, наша лодка заплыла в современную лабораторию, своего рода парник. "Сейчас это называется "Управление окружающей средой"... Природа сама по себе не всегда бывает достаточно производительной", — вещал голос компании Крафт. Затем мы поплыли мимо выставочных экспонатов полностью механизированного сельского хозяйства. Мы увидели новые виды растений, которым не нужны такие лишние элементы, как ветки или ствол; мы увидели, как можно выращивать фрукты непосредственно в пластиковых трубках. Для многих новых видов растений почвы не требовалось; они висели в лаборатории и подпитывались с помощью автоматизированного, компьютеризированного распыления.

На протяжении всей поездки был слышен детский хор, поющий мелодию на мотив песни Вуди Гатри: " Послушаем землю, которую любим..."

Вот таким мы увидели ЭПКОТ. Корпорации и новые технологии сделают все, чтобы улучшить нашу жизнь. Будущее будет во сто крат лучше, чем настоящее. Нам не надо будет придерживаться этого милого, но никому ненужного атавизма — любви к земле, семейным фермам (или вообще фермам), или общине, или природной среде. Все, что нам следует делать, это расслабиться, плыть в наших маленьких автомобилях и удивляться мастерству, мудрости и воображению корпораций-провидцев, с их потрясающими новыми изобретениями. Все мы должны ждать прихода будущего, в котором будет минимум работы, максимум комфорта и полный технологический контроль окружающей среды, погоды и нас с вами. А какова наша роль? Доверять нашим лидерам и их видению. Радоваться ему, жить с ним и смотреть на него, как мы смотрим кино.

• • •

Технологические видения ЭПКОТ-центра меня особенно не волновали. Я видел подобное и раньше, начиная со Всемирной выставки 1940 года. То, что меня действительно поразило, это состояние земли в ЭПКОТе. Как и в Дисней-уорлде, на землю был наведен надлежащий лоск. Она была настолько наманикюрена, что казалась частью декораций (чем она, собственно, и была). Идея состояла в том, чтобы показать насколько совершенным может быть технический контроль над окружающей средой. Я нигде не увидел ни кусочка бумаги, ни сухой травки. Реки, которые плыли через ЭПКОТ, были заключены в бетонные трубопроводы, ограничивающие всякое свободное движение воды — за исключением небольшого озера с мелкой рыбешкой. Меня этот факт поразил, но затем я понял, что эта реальность сохранена для кормежки группы розовых фламинго. Розовые фламинго! Фантастические птицы.

В соответствии с "природной средой" ЭПКОТа, доведенной "до совершенства" и упакованой для устранения любых непредвиденных обстоятельств, также выглядели и сотрудники. На каждом из них был зеленый с белым костюм, напоминающий одежду команды из фильма "Стар Трек". Каждый был тщательно вымыт и причесан. (Сотрудница ЭПКОТ, сопровождающая норвежских музыкантов, пожаловалась им, что недавно получила выговор от руководства за слишком длинные ногти, превышающие одну шестнадцатую дюйма).

Каждый в ЭПКОТе улыбался. На вопросы давались безукоризненные ответы, как будто заранее подготовленные. Каждый строго придерживался правил. И стало понятно, что нам *тоже* следует их строго придерживаться.

Один раз мы решили выпить пиво в баре у Мексиканского павильона. Взяв пиво, мы собрались было продолжить путь, но неожиданно появилась девушка, твердым (но вежливым) голосом заявившая, что мы не можем выходить из бара с пивом.

Другой раз мой двадцатилетний сын Яри и я зашли на несколько футов за белую черту, вблизи одного из выставочных экспонатов, чтобы отдохнуть от напирающей толпы. Это нарушение правил было замечено в доли секунды дежурным, который твердым (но вежливым) тоном сказал: "Будьте любезны зайти за белую линию и следующий раз не переступать ее". Яри в ответ огрызнулся: "Следующего раза не будет".

Вскоре у нас начался параноидальный страх, как если бы за нами началась слежка. У нас было такое чувство, что "охрана" была повсюду. Стало ясно, что мы ходим по враждебному нам миру, чуждому человеческим существам. Было бы наивно думать, что "чужие" из ЭПКОТа не заметили, насколько неадекватно мы себя ведем. Если бы можно было одним словом определить ЭПКОТ-центр, я бы сказал: *контроль*.

Все это место представляет собой воображаемую футуристическую проекцию утопического, компьютеризированного, технологического полицейского государства, в котором человеческое поведение также предопределено, как рост травы на аккуратных лужайках. Это логическое продолжение корпоративного мышления, которое развивалось на протяжении десятилетий. Нам показали будущее, в котором каждой травинке отводилось определенное место, а все разнообразие птиц сводилось к идеальным фламинго; это было будущее с заранее определенными человеческими эмоциями, генами и опытом. Дивный новый мир. Или следуйте его правилам, или извольте выйти вон. Какова цель этого мира? Эффективное производство и добропорядочное, размеренное, потребительское, фантастическое, запрограммированное, фиктивное, диснеевское "счастье".

• • •

Наконец пришел день, когда должны были выступать Роб и норвежские музыканты, но к тому времени моя пожилая мать сильно утомилась. Она не могла выдержать длительный поход на 40-градусной жаре к норвежскому павильону. Роб спросил у персонала ЭПКОТа, может ли его бабушка поехать прямо с музыкантами из отеля до сцены. Ответ был: нет, не может.

Роб объяснил, что его пожилая бабушка с трудом ходит и не представляет никакой угрозы для ЭПКОТа, но этот аргумент не подействовал. Очевидно, необходимо было подавать прошение за неделю.

Поэтому нам пришлось привести бабушку своим ходом. Я решился на отчаянный шаг, попросить охрану разрешить нам подъехать ко входу ЭПКОТа, а не парковаться за полмили на раскаленном асфальте. Я думал, что получу стандартный ответ: нет. К моему удивлению, охранник в совершенно стартрековой униформе заглянул в автомобиль, и увидев пожилую женщину, сказал: "О'кэй, поезжайте". Я был так удивлен, что даже забыл его поблагодарить. Я просто уставился на него. "Пожалуйста", — сказал охранник. Потом в машине мы обсуждали, не было ли "пожалуйста" грубостью за то, что я не поблагодарил его. Или, может быть, он ответил так автоматически. Если первое, то тогда мы были свидетелями первого случая нарушения правил ЭПКОТа, что давало некоторую надежду.

Наконец мы добрались до норвежского павильона. Выступление было замечательным. Группа пела старинные песни о любви, о сельской жизни, о ферме, животных, одиночестве. К сожалению, выступление проходило на открытой сцене, мимо которой проезжали диснеевские машины и проходили тысячи туристов, останавливаясь лишь на минутку, чтобы взглянуть на "экзотических" норвежцев. Я заметил, что выступление само по себе совершенно не соответствовало планам ЭПКОТа; по идее оно должно было

входить в фантастический дримпарк, удерживающим "лучшее из того, что было в прошлом". В мире, который рисует ЭПКОТ, однако, увы, не будет Норвегии, поскольку все страны будут практически неразличимы.

Пока подъезжали туристы, автобусы и автомобили, Роб пытался просигналить ответственным за звук инженерам о том, что в громкоговорителях стоит нестерпимый шум. Инженеры из ЭПКОТа так и не смогли как следует настроить микрофоны на протяжении всего представления. Такова была техноутопия сегодняшнего дня.

Можно себе представить, какой будет техноутопия космоса! — подумал я. После того, как все деньги будут потрачены на космическую программу, и все люди в мире отдадут силы на ее воплощение, и будет создана идеально управляемая окружающая среда, и будут воплощены все корпоративные идеи, все чертова система в конце концов будет работать не лучше, чем, скажем, метрополитен или телефонная компания. Трава всегда будет прорастать через щели. Природа переживет людей. Тотальный контроль никогда людям не удавался.

САН-ФРАНЦИСКО, ЛУНА-ПАРК

Уэст Эдмонтон Мол и ЭПКОТ-центр представляют собой специальные площадки для подготовки нас к улету с планеты. Кроме этого, постоянно ощущается стремление подготовить нас к восприятию искусственной среды. В городе Сан-Франциско, например, где я живу, начался процесс, который охватил многие американские города, а именно инвентаризация уникальных черт города и упаковка их в угоду голодным туристам, жаждущим показного, искусственно-аутентичного опыта. Какой бы уникальностью не располагал город, она быстро исчезает по мере того, как его оригинальные черты преобразуются в товар. Здесь та же логика, которую используют в Уэст Эдмонтоне, восстанавливая под куполом Бурбон-стрит или Полинезию. Поскольку мы все вырваны из родного окружения и не принадлежим ни к одному конкретному месту, нам везде хорошо, и любое место может стать парком для развлечений.

Когда я впервые переехал в Сан-Франциско в 1960 году, единственным транспортом в городе были трамваи. Мои дети платили по 25 центов и ездили на них в школу. Сейчас трамваи убраны. Большинство линий разобрано, за исключением тех, которые идут от центральных отелей к Рыбачьей пристани. Сейчас проезд на трамвае стоит 2,5 доллара, и на нем редко можно увидеть местного жителя. Сама Рыбачья пристань, ранее служившая местом работы рыбаков, теперь служит лишь приманкой для туристов, а ее флот стал бутафорским. Город быстро превращается в свою копию, а жизнь все больше напоминает жизнь внутри Дисней-уорлда. Сан-Франциско превращается в "Сан-Франциско, лунапарк".

Гари Коутс так описывает эту тенденцию: "Мне кажется, что вскоре какая-нибудь страна с рухнувшей экономикой, например, Англия, изменит свое имя на Старая Англия и будет брать с туристов взнос на границе, и вручать им набор билетов на различные аттракционы: Двухэтажные автобусы! Очаровательный шекспировский театр! На-

стоящие волнения футбольных болельщиков! Настоящее сражение 300-летней войны между Старой Англией и Старой Ирландией!"

Переделывание оригинальной среды обитания в товарную форму, создание чуждой среды, лунапарков и искусственных поселений, освоение и колонизация космоса — все это симптомы одной и той же болезни: отчуждения от места на Земле, которое мы называем "Дом". Убрав из нашей жизни мир природы — наш истинный дом, — мы построили на асфальте новый мир, новый рай, мир мечты. Затем начали жить внутри искусственных миров, внутри нашего воображения. Мы плывем по тротуарам точно так же, как астронавты плывут в космосе.

Растворение нашей культуры в таких искусственных мирах представляет собой большой риск, поскольку логическим следствием будут потеря ориентации и сумасшествие; или, как говорит Коутс, навязчивое стремление заново воссоздать природу и жизнь.

ПРОТИВОЯДИЕ: РЕАБИЛИТАЦИЯ ЗЕМЛИ

В 1967 году Дэвид Брауэр, тогдашний исполнительный директор Сьерра-Клуба, обратился к нашему рекламному агентству с просьбой подготовить проспект под названием "НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК ЗЕМЛЯ". В проспекте указывалось, что, ввиду угрозы завоевания космоса технологически-развитыми странами и серьезных нарушений в космосе, мы, земляне, должны понять, что у нас только один дом — Земля.

Известно, что вид *Гомо сапиенс* появился из химического бульона, составляющего основу нашей Земли. Мы входим в сложную паутину жизни, которая существует только здесь, на этой планете. Нигде более во вселенной, возможно, мы не найдем такого же "дома", как здесь, и при всем нашем умении, не сможем воссоздать в космосе среду, подобную Земле. С учетом этой реальности, Брауэр считает, что нужно хорошенько подумать, прежде чем отправляться в космос. Следует подумать прежде всего о нашем доме на Земле как о незаменимом и неповторимом месте, которое необходимо сохранить при всех обстоятельствах. Брауэр говорит, что нашу планету следует рассматривать как заповедник в масштабах вселенной, как парк или природный заповедник. После нашего пребывания в других галактиках, после того, как мы добудем все минералы и построим космические станции и родим детей вне пределов Земли, должно все-таки остаться место, куда могут возвратиться эти дети и почувствовать свои родные корни.

Этот проспект опередил свое время. Мало кто серьезно воспринял идею о Национальном парке Земля. Спор шел даже внутри Сьерра-Клуба о том, следует ли Брауэру рекламировать космические полеты. (В конце концов, Брауэр перешел к *Друзьям Земли* (Friends of the Earth) а затем основал Earth Island Institute. Позже Брауэр вернулся в Сьерра-Клуб и вошел в совет директоров. Возможно, моя книга поможет заново возродить идею создания Национального парка Земля. Сегодня проспект Брауэра должен вновь зазвучать).

Вместе с Брауэром, настаивавшем на том, чтобы всю Землю рассматривали как дом, стали появляться и другие подобные движения. В 1960-х многие говорили о том, что людям надо заново "обживать" планету, в особенности следует взять шефство над тем местом, где они живут. Эти движения включали новые городские экологические движения, расцветавшие по всей стране. У них были одни и те же проблемы, связанные с интенсивным строительством, загрязнением среды и неуловимыми властями города. Некоторые из этих движений — такие как программа Грин Сити в Сан-Франциско — предоставляли жителям города информацию о растениях и животных, изначально принадлежащих данной местности.

В 1970-х появилось биорегиональное движение, задачей которого было улучшение жизни людей за счет возрождения природных регионов, в которых они проживали; это могли быть районы вблизи берегов или дельты реки. Необходимо было захватить шефство над этим местом и защитить его от сил, стремящихся изменить окружающую среду, доминировать в ней или нанести экологический урон. Настроенные более радикально, чем традиционные группы защитников окружающей среды, биорегионалисты противостоят национальным государствам, не имеющим никакого экологического смысла, а также отстаивают права природы. (К настоящему времени существует 300 биорегиональных организаций в Соединенных Штатах, хотя они остаются практически неизвестны из-за своего локального характера).

В этот же период появилось движение "зеленых" в Европе. Несмотря на *менее тесную* связь с местностью, чем биорегионалисты или городские экологические движения, "зеленые" выступают за приостановку экономического роста и изменение характера бизнеса на планете, сознавая ограничения, налагаемые природой.

Все эти движения выражают отдельные аспекты глобального движения, охватившего коренные народы мира. На протяжении веков коренное население говорило о своей связи с землей, но на них не обращали внимания. Сегодня движение коренных народов диаметрально противостоит хайтековой, корпоративной, экспансионистской философии, отрывающей их от своих корней.

Любое движение, которое пытается восстановить отношения между человеком и местом его проживания на земле, становится противоядием космическому сумасшествию.

9

СОТВОРЕНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПУСТЫНИ

Наше общество характеризуется постоянным стремлением вмешиваться в природу. Каждый кусочек земли, каждое существо, каждый минерал в океанах, каждое растение, каждая гора, каждый дюйм пустыни исследуется на предмет его потенциального использования для коммерческого производства и эксплуатации.

Даже основополагающие строительные блоки природы — атом, протон, электрон — подвергаются изучению на предмет коммерческого использования. Там, где наука может вмешаться, она вмешивается; затем корпорации упаковывают результат и продают его.

В предыдущей главе я высказал предположение, что последними двумя границами этой экспансии, двумя относительно нетронутыми пустынями, будут космос и генная структура жизни. Их чистота сохранялась до сегодняшнего дня не благодаря осознанию их особой неприкосновенности, а просто потому что не существовало достаточно совершенных машин, могущих проникнуть в эти неизведанные области. Сегодня все изменяется с огромной скоростью. В то же время многие группы защитников окружающей среды плохо понимают, что космос и генетика — та же дикая природа.

Космос легко представить себе как неизведанную пустыню. Все человеческие существа воспринимают космос, сознательно или бессознательно. Мы смотрим на небо и видим, что это огромное пространство практически не изменилось с первобытных времен (за исключением спутников и рукотворного космического хлама). Созвездия и планеты продолжают двигаться согласно собственным орбитам, а небо по-прежнему сохраняет естественный вид. Кроме чисто эстетического аспекта возникают, конечно, проблемы загрязнения, уменьшения озонового слоя, космических войн, ядерной опасности и т.д.

Проблема генетики, однако, более тонкая вещь. Защитники окружающей среды до сих пор не рассматривали генетические структуры как дикую природу или космос, поскольку большинство из нас не может физически увидеть эту пустыню. Эта пустыня существует глубоко в наших клетках, куда люди не могут добраться без микроскопа. Но ученые и корпорации, на которые они работают, очень воодушевлены такой перспективой. Они решили, что у них есть право на изменение и перепроектирование

этого мира и получение прибыли — с генными структурами они ведут себя так, как будто сооружают новую плотину на реке или выращивают монокультуру.

Генная инженерия исходит из того постулата, что жизнь не отличается от какого-либо другого неодушевленного материала. С помощью биотехнологии и компьютеров технологические акулы полны энтузиазма начать эксплуатировать и этот заповедник. При молчаливом согласии населения техническая элита посчитала, что вправе распоряжаться жизнью по своему усмотрению. Но *ни я, ни вы* не давали им на это разрешения. Тем не менее, предполагается, что разрешение получено, поскольку нет никакой оппозиции; а изобретатели, корпорации и правительство согласились, что это для них хорошо. Затем они начали доказывать, почему это хорошо для остальных.

• • •

17 февраля, 1988 года. В *Нью-Йорк Таймс* на первой полосе появляется жуткая фотография: три генетически модифицированные теленка, произведенные хьюстоновской Гранада Корпорейшнс. Они так похожи друг на друга, что сначала кажется, будто я смотрю на одно и то же изображение. Фотографии сопровождаются статьей, в которой говорится, что занимающиеся разведением скота компании могут теперь клонировать животных из одного эмбриона и что эта техника уже широко применяется в США и Канаде. Вот выдержка из *Таймс*:

> Технология клонирования — самая последняя из технологий выведения животных, позволяющая ученым-животноводам контролировать процесс воспроизводства и отделить его от природного спаривания путем контроля наследственных черт крупного рогатого скота, свиней и овец. До сих пор у животноводов не было достаточно надежного метода для воспроизводства самых лучших пород и получения одинаково высокого качества при производстве животных (ранее считалось, что такое качество можно достичь только при производстве товаров).

Далее в статье говорится, что такие разработки создают непосредственную возможность применения данной технологии по отношению к людям. Предыдущие эксперименты с животными, как, например, искусственное (in-vitro) оплодотворение и суррогатное материнство, были успешными и для людей, поэтому, не исключено, что технология клонирования будет также применена для людей. В журнале далее читаем: "Вероятность того, что в результате манипулирования с зародышем можно будет выращивать множество генетически однородных младенцев в матке суррогатной матери скорее всего вызовет горячие споры в отношении законности массового производства идентичных 'запрограммированных младенцев'".

К сожалению, это последнее достижение в биотехнологии не привело к "горячим спорам". За исключением нескольких судовых исков, поданных группкой убежденных оппонентов (а именно Джереми Рифкиным из вашингтонской организации *Economic Trends*, автором нескольких замечательных критических книг по данному предмету), исследования в области биотехнологии не встретили достойного сопротивления и прово-

дятся с максимальной скоростью. Единственные ограничения на их пути — их собственные возможности и сложность получения прибыли.

УЧЕНЫЙ КАК БИЗНЕСМЕН

Безвыходное положение, в котором оказалось население с приходом биотехнологии, отсутствие сколько-нибудь значительного публичного обсуждения предмета не удивительны. Как я уже говорил, все новые технологии приходят к нам в розовой упаковке. Их темная сторона проявится лишь в будущем для последующих поколений, когда уже отказаться от технологии невозможно. Как правило, обсуждение полезности и недостатков той или иной технологии проводится людьми, заинтересованными в положительном решении и скорейших прибылях. Но в данном случае дистанция между университетскими учеными, занятыми изобретениями, и корпорациями, занятыми внедрением, была сокращена до минимума. Следуя "закону Рейгана", ученые, как и все остальные, должны "стремиться быть первыми". Сегодня ученые *сами* организуют корпорации и зарабатывают на этом миллионы. По крайней мере два нобелевских лауреата уже конвертировали свои открытия в рыночную стоимость, за ними потянулись другие. Поэтому традиция академической объективности, ранее уже серьезно подпорченная участием ученых в военных разработках, сейчас полностью разрушена, поскольку университетские ученые сегодня и есть корпорации. В наше время ученые ведут себя так же, как директора, скажем, табачных компаний. Они говорят только о положительном, замалчивают отрицательное, и называют своих критиков (таких, как Рифкин) "троглодитами".

Отсутствие критического и объективного отношения ученых к научным разработкам — и, следовательно, отсутствие дискуссий — становится правилом. Целые университеты сегодня зависят от финансирования со стороны биокорпораций, образуя при этом крепкую смычку между корпорациями, академией и наукой. И в этом участвуют не один и не два старых колледжа; за соответствующее вознаграждение в области генной инженерии согласны работать такие гиганты, как МТИ, Стэнфорд, Гарвард и Беркли.

Согласно газете *Сан-Франциско Кроникл*, опубликовавшей на редкость обстоятельную статью о генной инженерии (5 частей, начиная от 28 сентября по 2 октября 1987 г.), такие фармацевтические гиганты как *Smith, Kline, Beckman* вложили 7,8 млн долларов в Стэнфордский университетский центр молекулярной и генной медицины и "в обмен получили лицензионные права на будущие продукты". А медицинский факультет Гарвардского университета получил 70 млн долларов от западногерманской фармацевтической фирмы Hoechst AG "на создание нового отдела по молекулярной биологии. Ученые фирмы Hoechst проходят стажировку в гарвардской больнице, а компания получает патенты в результате исследований, которые сама же и финансирует".

Нобелевский лауреат из Гарвардского университета д-р Уолтер Гилберт не видит никакой проблемы в смычке бизнеса и науки: "В университете приветствуют тех, кто

зарабатывает миллионы и поддерживает обучение", — заявил он газете *Кроникл*. Он мог бы добавить, что биотехнология будет еще успешнее развивается, если университету и корпоративному миру удастся сообща нейтрализовать критику в их адрес.

К 1990 году разработками новых генетически модифицированных продуктов уже занимались 500 компаний, тративших на исследования свыше 4 млрд долларов. Эта цифра может вскоре удвоиться. Две трети этих денег поступает от правительства США, представляющего четвертую сторону в альянсе "корпорации—университеты—наука". (Правительство считает, что биотехнология, одна из нескольких областей, в которых Соединенные Штаты имеют преимущества над другими странами и которая повышает конкурентоспособность США на мировых рынках).

Тем временем население получает информацию о новых разработках почти исключительно от этих институтов. Мы постоянно слышим о том, как генетика пойдет на пользу человечеству; перед нами разворачивают картины наподобие ЭПКОТ-центра, о них непрерывно сообщают в новостях. Но генная инженерия — не преходящие новости. Она представляет собой кульминацию всех научных разработок с целью изменения жизни на Земле. На этот раз ученые не просто заинтересованы в перетасовке или убийстве определенных форм жизни. На этот раз они хотят переделать жизнь по своему усмотрению, отобрать характеристики, которые будут пользоваться наибольшим рыночным спросом и отдать процессы создания жизни в руки частных корпораций.

НАИЛУЧШИЙ СЦЕНАРИЙ

Конечно, мало кто из ученых признает вредность своих разработок. Совсем наоборот. Они верят в то, что приносят пользу. В области биотехнологий типичный энтузиазм демонстрирует д-р Мартин Эглитис из Национального института здоровья. Вот его цитата из *Кроникл*: "Несомненно, для меня это самое волнительное время... Я чувствую, что если буду работать дополнительно два часа в неделю, то спасу жизнь безнадежно больных. Практическая польза от того, что я делаю, очевидна. Она выходит за рамки просто "хорошей" науки. То, что я делаю сегодня, может непосредственно пойти на пользу всему человечеству. От этого кружится голова".

Я читал подобные откровения ученых из многих областей науки: физиков Ливерморской ядерной лаборатории, разрабатывающих новое оружие для спасения "свободного мира"; компьютерщиков, полагающих, что более быстрые вычисления помогут освободиться от тяжелого труда и болезней; картографов, жаждущих вычертить с помощью спутников карты новых залежей полезных ископаемых, и т.д. Все стараются найти себе оправдание. И это вполне естественно. Проблема состоит в том, что масс-медиа не дают возможности выступить критикам с альтернативным мнением. В редких случаях масс-медиа представляют противоположные взгляды, но отсутствует общественный механизм, способный разрешить возникающие споры.

Язык генной инженерии исполнен большого оптимизма и надежд. Проекты, над которыми работают ученые, охватывают целый ряд новых препаратов для борьбы с инфарктом, раком, тромбозами; врожденными заболеваниями, такими, как наносо-

мия, анемия, гемофилия, гипертония, пороки сердца, ожоги, кожные болезни и даже СПИД. Новые генетически модифицированные растения не будут восприимчивы к болезням и насекомым, что увеличит производство пищевых продуктов; невосприимчивые к гербицидам растения позволят распылять химикаты на *другие* растения, препятствующие выращиванию полезных *для человека* растений. Ученые работают над проектированием растений, которые способны продуцировать свои собственные удобрения и пестициды, что исключает использование химических пестицидов. (Мы ничего об этом пока не слышали от химической промышленности). Разрабатываются новые растения и микробы, которые, возможно, заменят нефть. Можно ожидать появления растений, у которых намного быстрее происходит фотосинтез, которые крупнее и растут быстрее. Уже просматривается будущее, когда появятся крупные и одинаковые животные, приносящие больше мяса и меньше жира, а также новые виды, сопротивляющиеся болезням и потребляющие меньше ресурсов.

Наконец, существуют замечательные возможности устранения генетических заболеваний у людей. По крайней мере теоретически 3 000 болезней, от которых мы страдаем в настоящее время, могут быть устранены путем реорганизации генетического кода.

Как можно против этого выступать? Какой может быть от этого вред? Все звучит настолько потрясающе, что я сам мог бы проголосовать за эти разработки, если бы только не занимался на протяжении последних двадцати лет исследованием последствий от применения новых технологий. Как только вы разрушите стереотипы, связанные с новыми технологиями — что я советую вам сделать — вы сразу же увидите скрытые отрицательные стороны. Возникнут вопросы, которые до сих пор не рассматривались: А что думают по этому поводу экологи? Фермеры? Как эти технологии повлияют на распределение власти и богатства в обществе? Как они повлияют на экологический баланс Земли? Есть ли какая-нибудь скрытая опасность катастроф? Кто выиграет, а кто проиграет? Как эти технологии связаны с духовными и психологическими аспектами жизни человека? Экономикой и политикой? Наконец, знаем ли мы, что делаем?

ШЕСТЬ ОПАСНЫХ МОМЕНТОВ, СВЯЗАННЫХ С ГЕНЕТИКОЙ

Приводя ниже шесть опасных моментов, связанных с генетикой, замечу, что биотехнология, к несчастью, не вызывает широкой дискуссии ни в прессе, ни среди ученых, не рассматривается в Конгрессе, не присутствует в качестве предмета споров на выборах. Наше общество тихо стоит на платформе, ожидая погрузки в очень опасный поезд с неизвестной станцией назначения. Возможно, когда все проблемы высветятся одновременно, станет видна общая, ужасающая картина.

1. "Штамм Андромеды"

Данный термин связан с популярным романом Майкла Кричтона, в котором генетические исследования приводят к новому виду бактерии, неподдающейся уничтожению. Случайно выпущенная за пределы лаборатории, бактерия уничтожает на Земле

всё живое. Из всех возможных опасностей генной инженерии только эта получила достаточное освещение, частично благодаря сенсационному характеру книги, частично благодаря судовым искам Джереми Рифкина.

Согласно Рифкину, проблема состоит не в том, что бактерии могут случайно выйти за пределы лаборатории, а в том, что многие генетически модифицированные продукты сознательно выпускают из лабораторий, например, разбрызгивают вирусы над картофелем или клубникой с целью защитить их от мороза. Опасность состоит в том, что эти вирусы, обладающие большой выживаемостью, могут переноситься ветром и транспортом на другие экосистемы, где вызывают серьезные нарушения, возможно даже во всемирном масштабе, как это описано в романе Кричтона.

На протяжении нескольких лет биотехнологию связывали с апокалипсической опасностью. Пока, слава Богу, первые несколько выпущенных в окружающую среду вирусов не привели к катастрофе. Это дало повод промышленности заявить: "Вот видите, мы вам говорили, что бояться нечего". Рифкина и других отнесли к разряду "луддитов". Мы, американцы, весьма легкомысленны, и если катаклизмы не наступают сразу же после предупреждения, мы быстро забываем о них и возвращаемся к своему телевизору. Забегая вперед, скажу, что критикам биотехнологий нельзя было ставить эту проблему выше остальных.

Хотя катастрофа не произошла, это не значит, что ее не может быть в принципе. Когда критики ядерной энергии предсказывали катастрофу, над ними смеялись и называли "луддитами"; через двадцать лет произошел Чернобыль. То же было с выбросом токсичных отходов на Лав-Канале и хлорфторуглеводородами (CFC), разрушившими озоновый слой. Обе эти катастрофы предупреждали о возможности более значительной, глобальной катастрофы.

Проблема критики отдельных технологий в том, что риск от одного эксперимента невелик. Но риск возрастает по мере роста числа экспериментов. Сейчас, когда дебаты приостановлены, научные лаборатории, правительственные органы и корпорации практически не контролируются. Ученые и корпорации заявляют, что их лаборатории безопасны; например, что бактерии спроектированы таким образом, что при случайном выходе за пределы лаборатории мгновенно умирают. Успокоят ли нас такие заверения?

При отсутствии строгих стандартов безопасности (замечу, что нет таких стандартов, в которых были бы учтены *все* возможные ситуации) уровень безопасности в корпорации устанавливается лишь по экономическим соображениям. Надеяться на то, что корпорация пожертвует своими доходами ради безопасности, глупо; она живет по другим законам. Будь я спорщиком, я бы заключил пари о том, что через несколько десятилетий бактерии все же выйдут за стены лабораторий и вызовут массу, если не катастрофических, то весьма неприятных проблем.

2. Обязательное генетическое просвечивание

Многие склоняются к тому, что при рождении следует проверять генетические характеристики всех детей. Мотивы, как всегда, альтруистические: предупредить поздние

заболевания, уменьшить риск передачи генов. Например, людям с определенным набором генов не рекомендуется работать в окружении химических веществ, способствующих данному заболеванию. В других случаях "просвечивание" генов может помочь избежать союза, при котором у обоих супругов имеются опасные наследственные черты. Существуют также и расовые ограничения: негры, например, чаще могут иметь гены, приводящие к серповидноклеточной анемии (sickle-cell anemia).

"Просвечивание" генов у всего населения многим кажется хорошей идеей, поскольку может способствовать уменьшению или устранению заболеваний у будущих поколений. Но опять же, есть и обратная сторона. Например, страховые компании могут использовать такую информацию, чтобы не выплачивать страховку, работодатели могут отказывать в приеме на работу, правительство вмешиваться в личную жизнь людей, и т.д.

В настоящее время идут бурные дискуссии о том, надо ли изолировать, например, больных СПИДом. Легко вообразить новый уровень дискриминации, основанной на расовой генетической информации. Боюсь, что значительный процент населения может посчитать такую дискриминацию приемлемой с точки зрения морали.

3. Сотворение новых патентованных особей

Экспериментирование с генетической структурой животных развивается ускоренными темпами, несмотря на противодействие со стороны защитников прав животных и других общественных групп. Такая практика осуждается по двум причинам: во-первых, из-за боли, причиняемой животным в экспериментах; во-вторых, из-за нарушения "неприкосновенности вида". Существует противодействие также со стороны мелких фермеров, вступивших в неравную схватку с агробизнесом. Они приходят к выводу, что выведенные животные — еще одно оружие в арсенале корпораций. Запатентованные корпорациями новые животные будут предоставляться только тем фермерам, которые, заплатят монопольную цену, что еще больше подорвет семейное фермерство.

(Верховный суд разрешил патентование новых форм жизни и выведение новых пород животных с помощью биотехнологии. Первое такое решение было вынесено в отношении новой мыши, выведенной в Гарвардском университете и генетически запрограммированной на особую восприимчивость к раку груди; это было плохо для мыши, но помогало исследовать рак. Патентное бюро США выдало патент и Верховный суд его утвердил. В настоящее время подобные патенты для генетически модифицированных свиней, крупного рогатого скота и овец — если их можно еще так называть — а также новых водоплавающих особей, ждут своего утверждения Верховным судом. Политика патентования новых видов проводится без всякого обсуждения этических, моральных и экологических аспектов. Протест по этому поводу заявили 20 членов Конгресса).

Кроме создания новых пород животных, генная инженерия рассматривает возможность смешения генов различных видов для создания животных с большим коммерческим потенциалом. Создание новых видов животных, вообще говоря, не является чем-то новым — например, в результате гибридизации лошадей и ослов получились

мулы — новизна состоит в том то, что выведение животных проводится с целью их размножения (в то время, как мулы бесплодны).

Согласно некоторым приверженцам генной инженерии в один прекрасный день мы сможем скрестить гены животных и человека. (Мы, к несчастью, тоже животные, и можем подвергаться таким же унижениям). Это покажется чересчур неправдоподобным, но представьте, что ученые создали гуманоида, соединив силу и размеры гориллы со способностью учить английский язык. Какой рынок тогда смогут предложить компании! И если бы такой рынок нашелся, неужели вы думаете, что производителей остановят какие-то моральные соображения? Все зависит от уровня активности населения в обсуждении этих проблем. В настоящее время активность весьма слабая.

Приведу высказывания нескольких противников произвольного изменения генетических структур животных. Д-р Майкл Фокс, научный директор Гуманитарного общества США, в газете *Сан-Франциско Кроникл* пишет:

> Очень опасно рассматривать животных как простой набор генов, которыми можно манипулировать. Я глубоко верю в то, что мы должны уважать внутреннюю природу животных... Смешение генов различных животных ... совершенно недопустимо с моральной точки зрения ... это нарушение неприкосновенности существ. Патентование жизни — большая этическая проблема. Мы против превращения живых существ в предметы потребления. Животные имеют не только ценность для нас, они имеют свою внутреннюю ценность.

Джереми Рифкинс выразил это так: "Мы сводим жизнь к продукту, неотличимому от других товаров... Это осквернение жизни".

4. Генная терапия и "спроектированные дети"

Возможность реконструкции генов "низших" форм жизни означает, что мы можем реконструировать человеческие существа. Вопрос "где грань?" вызывает споры. Большинство ученых не видит никакой проблемы с генетическим манипулированием растительных форм, однако против изменения генетического кода животных. Другие считают, что экспериментирование допустимо с растениями и животными, но не с людьми. Третьи допускают, что "генная терапия" подходит и для людей, хотя и признают ее проблематичность с точки зрения морали и этики.

"Генная терапия" представляет собой манипулирование основным генетическим кодом человека. Сперма и/или яйцеклетки переделываются с целью фундаментальной замены всей репродуктивной линии последующих поколений. Изменению подлежат определенные генетические структуры, вызывающие такие генетические заболевания, как синдром Дауна, болезнь Тай-Сака или серповидноклеточная анемия. Эксперименты с генетической структурой будущих поколений, которым отказано в определении своей судьбы, вызывают наибольшие споры. Кто, например, определяет, при каких обстоятельствах позволительно изменять генную структуру будущего поколения? Речь идет не только об исключении той или иной врожденной болезни, но и экс-

периментах в целях достижения косметического эффекта или изменения расовых или половых признаков.

Значительное число ученых-генетиков не возражают против генной терапии, но весьма обеспокоены возможностью получения новых рас (евгеникой), или "улучшением" расы, например, выведению высоких блондинов с голубыми глазами. Многие рассуждают так: если рынок этого хочет, то почему бы и нет? (Представьте себе такое объявление: "ТОЛЬКО У НАС ВЫ СМОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ ДВА АЛЬФА-ПЛЮС ЭМБРИОНА ПО ЦЕНЕ ОДНОГО — ЕЩЕ БОЛЕЕ БЛОНДИНИСТЫХ, ВЫСОКОРОСЛЫХ И СИМПАТИЧНЫХ, ЧЕМ РАНЕЕ").

Этические, философские и политические проблемы генной инженерии настолько тонки и сложны, что даже ученые, называющие себя "специалистами по медицинской этике" не могут провести разграничительную черту. Один ведущий "специалист по этике", профессор Лерой Уолтерс из Джорджтаунского университета заявил *Сан-Франциско Кроникл*, что генетические усовершенствования абсолютно уместны. Он прежде всего хочет, чтобы генетика помогла спроектировать детей с лучшей памятью, необходимой для учебы. "Если такое решение будет приниматься в семье, — говорит д-р Уолтерс, — и если родители будут согласны с изменением генов ребенка, тогда это вполне согласуется с нормами демократического общества".

А что будет с теми семьями, которые не смогут или не захотят покупать "детей с лучшей памятью"? Не будут ли они подвергнуты дискриминации? На это д-р Уолтерс отвечает следующее: изменение генов должно быть доступно всем семьям. Он сравнивает это с государственным образованием; каждая семья должна иметь доступ к данной технологии. (Равный доступ к технологиям не достигнут в современном обществе. Почему генная инженерия будет отличаться от остальных?)

Д-р Шелдон Крымски, возглавляющий Комитет за ответственную генетику, высказывает серьезные опасения:

> Генная терапия с помощью зародышевых клеток прямо ведет нас к изменению человеческой эволюции и к прототипам новых человеческих существ... Можно начать с роста или цвета кожи или даже с последовательности генов, определяющей интеллект или продолжительность жизни... Это очень опасные эксперименты, которые могут разделить общество и создать своего рода генетическую аристократию. Конечно, мы хотим улучшить жизнь наших детей и улучшить их способность выживания в этом мире... но контроль над генами приведет к еще большей власти одних людей над другими, чем это мы видим сегодня.

Профессор медицинского права Бостонского университета д-р Джордж Аннас добавляет: "У нас уже имеются клиники по оплодотворению, в которых отбирают студентов медицинских школ с превосходной спермой... Суррогатных матерей отбирают также. Все хотят иметь симпатичных суррогатных матерей... в агентствах уже имеются каталоги [фотографий] суррогатных матерей". Подобная предпринимательская деятельность, говорит Аннас, может привести к непредвиденным сценариям:

> В будущем можно будет выбирать отца или мать, комбинировать сперму и яйцеклетку, затем брать получившийся зародыш, расщеплять или клонировать его. Скажем, вы клонируете его сто раз. Вы замораживаете девяносто девять из них, а один выращиваете. ... Вы растите его один или два года, затем испытываете и фотографируете. [Затем выставляете на продажу]. Остальные дети должны получиться в точности такими же, как на фотографии. ... Таков процесс проектирования детей.

Это может показаться сюжетом второсортной фантастики 50-х годов или больной фантазией нацистского ученого. Но это недалеко от реальности. Профессор биохимии медицинского факультета Колумбийского университета д-р Эдвин Чаргофф пишет в журнале *Nature*: "Началась новая эра... когда наука превращается в ремесло, с помощью которого можно манипулировать, модифицировать и подавлять силы природы...возникает человеководство". Предчувствуя массовое производство человеческих эмбрионов в экспериментальных целях, он предупреждает: "На горизонте я вижу гигантскую бойню, так сказать, молекулярный Аушвиц, в котором ценные энзимы, гормоны и другие материалы извлекаются подобно золотым зубам".

До сих пор попытки воздействовать на Национальный институт здравоохранения с целью запрета генной инженерии или по крайней мере наложения на нее разумных ограничений ни к чему не привели. Существуют лишь немногие (сомнительные) правила, созданные самими корпоративными и университетскими лабораториями. Я не сомневаюсь, что в один прекрасный день безопасность исследований будет принесена в жертву профиту, на который рассчитывают ученые-генетики. И если мы позволим генетикам вмешиваться в будущие поколения без нашего строгого контроля, тогда только рынок будет определять цвет, размеры, характер и способности людей.

5. Монокультура в генетической пустыне

По мере того, как люди будут становиться объектом планирования и проектирования, коммерчески непривлекательные характеристики выпадут из генетического "пула" и человеческий мир будет испытывать снижение генетического разнообразия. Это сродни снижению биоразнообразия вследствие селекции семян, монополизации культур и превращения разнообразных экосистем в монолитные пригородные и городские формы. Конечно, и до прихода генной инженерии "пул" подвергался изменениям со стороны природных сил; но коммерческие силы, по крайней мере теоретически, можно контролировать. Мы видим, как коммерческие интересы не учитывают необходимость болот, пустынь или лесов. В результате жизнь на Земле обедняется. Животные исчезают сразу же после исчезновения среды обитания. То же можно сказать о растениях, миллионах микроорганизмов и насекомых. Как хорошо знают экологи, уменьшение биоразнообразия на планете приводит к оскудению генетического "пула" — источника новой жизни. Чрезмерное оскудение "пула" вызывает снижение взаимодействий видов (исчисляемых миллиардами и триллионами), необходимых для поддержания здоровой экосистемы.

6. Генетические войны

В книге *Генетические войны* Чарльз Пиллар и д-р Кит Р. Ямамото рисуют еще более жуткую картину.. Обычно наихудший сценарий, вызванный генетическими экспериментами, ведет к одной из двух катастроф: либо смертоносный организм случайно выходит за пределы лаборатории, либо преднамеренно выпускают предположительно доброкачественный организм (который впоследствии выходит из-под контроля). В *Генетических войнах* авторы предусмотрели сценарий, в котором известные своей вирулентностью новые бактерии *специально* выпускают в окружающую среду.

В отличие от случайного выхода смертельных бактерий, данный сценарий совсем не гипотетический. Пиллар и Ямамото называют 1980-е годы "декадой военной биологии", которая продолжилась в 1990-е. Они указывают на то, что темпы расходов США на химическое и биологическое оружие превысили темпы расходов на другие виды вооружений. Причем этот рост на самом деле выше, чем указывалось в официальных документах, т.к. не учитывались исследования в смежных науках, имеющих, по мнению авторов, "очевидные приложения к разработке биологического оружия".

Министерство обороны США (МОС) выступило с заявлениями, в которых указывалось, что в отличие от Советского Союза, эти разработки носят оборонительный характер. Но Пиллар и Ямамото резонно замечают, что "поскольку военным разработкам присуща секретность, проверить эти утверждения невозможно".

Что касается различий между наступательным и оборонительным характером биологического и химического оружия, авторы утверждают: вне зависимости от типа оружия в лабораториях создаются одни и те же бактерии, разрабатываются одни и те же сценарии и проектируется оружие с максимальным убойным потенциалом. "Даже МОС признает, что различия между наступательным и оборонительным оружием зависят исключительно от намерения, — отмечают Пиллар и Ямамото. — При создании, производстве и испытаниях биологического оборонительного оружия существенно то, что оно должно иметь те же характеристики, что и оружие нападения, хотя практически может оказаться бесполезным против бесконечно большого набора генетически модифицированных видов биологического оружия. 'Оборонная' программа США включает в себя почти все аспекты процесса производства такого оружия. Оборона и нападение не просто имеют схожие характеристики, они требуют идентичных компонентов".

Поэтому защита людей и других форм жизни на нашей планете зависит прежде всего не от способов хранения бактерий, а от намерений военных иерархов. Важно также отметить, что производство химического и биологического оружия не такое сложное и дорогое удовольствие как разработка систем "Звездных войн" или межконтинентальных ракет. Поэтому небольшие страны могут легко разрабатывать такое оружие. Ирак и Ливия уже использовали подобное оружие, причем с жуткими последствиями. Химическое и биологическое оружие стало своего рода "атомной бомбой бедных", что вызывает протест со стороны США и Советского Союза, не согласных с его разработкой за пределами своих границ.

Вот неполный список главных военных приложений новых биотехнологий (по данным Пиллар и Ямамото):

- *Бактерии, противостоящие всем антибиотикам.* Совершенно очевиден нападающий характер такой разработки. Но оборона требует разработки таких же бактерий для их преодоления. В будущем, конечно, оборона может перейти в нападение.

- *Увеличение биологической стойкости.* Многие вредные организмы, приспособленные к жизни внутри человека, умирают от прямых контактов с солнечными лучами или воздухом. В результате, их нельзя разбрызгивать с самолета или из канистры. Военные разработчики стараются сделать так, чтобы эти смертельные организмы выживали на воздухе, и, следовательно, люди могли их вдыхать.

- *Новые организмы, невосприимчивые к вакцине или природным компонентам.* Одно из направлений исследований — создание камуфлирующих организмов, не позволяющих их диагностировать и найти соответствующее противодействие.

- *Новые вакцины.* Разработка вакцины, теоретически защищающая собственных граждан от биологической атаки.

- *Повышенная вирулентность.* Разработка бактерий, которые, по выражению Пиллара и Ямамото, обладают "большим проникающим и заражающим действием".

- *Превращение безобидных организмов в оружие.* Превращение обычно обитающих в кишечнике человека бактерий (напр., *E.*coli), в бактерий-убийц.

- *Этническое оружие.* Ученые считают, что определенные бактерии и химикаты можно сделать чувствительными к расе или заданному региону. Авторы *Генетических войн* так описывают свойства долинной лихорадки: "Некоторые исследования показывают, что негры более восприимчивы к долинной лихорадке, чем белые. Благодаря комбинированию генетических факторов эти бактерии могут поражать определенные этнические или расовые группы".

- *Гормональное оружие.* Разработка бактерий (веществ) способных нарушать гормональный баланс у человека и приводить к смерти.

Большинство людей ошибочно считают, что Женевский протокол 1925 года и Конвенция по биологическому оружию 1972 года представляют собой надежную защиту от этого оружия. Эти соглашения касаются лишь наступающих вооружений. Они не предохраняют страну от исследований в области обороны, которые, увы, имеют те же приложения и несут ту же опасность, что и наступательное оружие.

Кроме того, как отмечают Пиллар и Ямамото: "Исторические данные о разработках в США химического и биологического оружия свидетельствуют об уловках и рискованном экспериментировании, противоречащих как внутренней политике, так и международному праву и моральным нормам. Сегодня положение не лучше". И если такие нарушения отмечаются в США, стране, где проводятся журналистские рассле-

дования и существует относительно высокая общественная свобода, то что можно говорить о странах, где отсутствует общественный контроль?

Вполне возможно, что в США подобные исследования действительно имеют оборонительный характер. Возможно также, что и советские разработки оборонительные. Но что произойдет, если в какой либо стране разработают организм, не поддающийся обнаружению и уничтожению современными средствами защиты? Что если с помощью этого оружия можно получить контроль над всем миром, так как это было возможно с помощью атомной бомбы в 1940-х годах? Останутся ли намерения страны, сделавшей такое открытие, оборонительными? Это будет зависеть от того, кто будет у власти в данной стране и какова будет ситуация в мире. От этой небольшой кучки людей будет зависеть судьба мира[42].

ВИНОВЕН, ПОКА НЕ ДОКАЖЕШЬ ОБРАТНОЕ

Когда в Конгрессе Соединенных Штатов заинтересовались генной инженерией, биотехнологическая промышленность и ее апологеты сразу же подняли крик о нарушении их законных прав на изобретательство. Один из представителей промышленности выразил это так: "Вы говорите "Мы боимся". Но ничего плохого в биотехнологии не выявлено... Неужели Конгресс будет запрещать новую технологию, руководствуясь лишь принципом "*виновен, пока не докажешь обратное*"?

Как хотелось бы, чтобы Конгресс руководствовался этим принципом! Дело в том, что мы имеем новый, особо опасный вид технологии, развивающийся быстрыми темпами без всяких мер предосторожности, без контроля его воздействия на окружающую среду, без анализа его социальных, духовных, философских и военных аспектов. Это классический случай новой корпоративной технологии, вносимой в общество без какого-либо обсуждения ее последствий. Генная инженерия противится любому контролю и отвечает на любую критику одинаково: "*Все зависит от того, как ее использовать*".

Либеральная позиция биотехнологии отражена в книге *Управлять эволюцией* писателя и эколога из Калифорнии Уолтера Труэтта Андерсона. Андерсон чувствует, что необходимо соблюдать осторожность, но, тем не менее, выступает за биотехнологию. Он говорит, что мы изменяли природу на протяжении тысячелетий, с самого начала земледелия, и что биотехнология — лишь последний пример. Он считает, что соблюдая баланс между потенциально полезным и потенциально опасным, мы в итоге получим пользу от генной инженерии. Признавая существование риска, но склонен его принять. "Ни одно исследование в любой области науки невозможно, если потребовать от нее абсолютной надежности", — пишет Андерсон.

Андерсон интересуется критериями: "Мы должны задать себе очень серьезные вопросы... о том, что следует и чего не следует делать. По мере наращивания нашей спо-

[42] Существуют опасения по поводу искусственного происхождения вируса СПИДа, случайно (преднамеренно?) выпущенного за пределы лаборатории. См., например, http://www.apfn.org/apfn/aids.htm — *Прим перев.*

собности проникать в природу — и управлять эволюцией — нам необходима реалистическая этическая основа.

Отменить биотехнологию можно только посадив в каждую лабораторию по полицейскому. Но она уже здесь, с нами, и никуда не уйдет. Нам надо учиться, как жить с ней. Нельзя позволить ей развиваться только по законам рынка".

Андерсон выступает как либерал, говоря об опасностях полицейского государства и вреде рынка как руководящего принципа. Во всех других отношениях взгляды Андерсона консервативны.

Моя личная точка зрения отличается от андерсоновской по большинству пунктов. Мы давно вмешиваемся в природу, и этот факт указывает на нашу неразумность. Еще менее разумно, когда масштаб и качество такого вмешательства возрастают, как в данном случае. Биотехнология может быть полезна людям, но эта польза, скорее всего, кратковременна и ограничивается избранными. В любом случае, "польза людям" не может быть более критерием оценки технологий — для выживания планеты требуется не антропоцентрическое мировоззрение.

Я согласен с Андерсоном, что существует риск, но не согласен, что с ним можно мириться. Более того, я считаю, что у нас гораздо больше шансов создать полицейское государство с генной инженерией, чем без нее, поскольку последняя как раз помогает осуществлять социальный контроль.

Я согласен с тем, что следует контролировать рынок, но не думаю, что это возможно в капиталистическом обществе.

Но самое большое мое несогласие с Андерсоном в том, что "[эта технология] уже здесь с нами и никуда не уйдет. Нам надо учиться, как жить с ней". Под этим утверждением скрывается главное оправдание нашей пассивности перед лицом технологического Молоха.

Ясно, что биотехнология способна полностью изменить всю жизнь на Земле, включая и человеческую. Непредвиденные ошибки могут вызвать нарушения таких масштабов, какие соизмеримы, разве что со СПИДом. В результате целенаправленных экспериментов ученых-генетиков возможно возникновение нового расизма и дискриминации. Биотехнология уже занимается созданием форм жизни для коммерческого использования; она также разрушает уклад жизни малых фермеров, уменьшает генетический "пул" и способна в конце концов изменить человеческие существа в соответствии с новой иерархией генных структур. "Запроектированные дети", коммерциализация генетического производства уже с нами. Игра с человеческими чертами характера также набирает силу. Отбор генов и построение новых человеческих существ из кубиков — следующий этап. Характер войн также изменится: здания и машины останутся неприкосновенными, разрушится только биологический базис.

Не разумнее ли, прежде чем погрузиться в пропасть, приостановить процесс и спросить себя: так ли безвредны все последствия биотехнологии? Разве не следует немедленно развернуть дискуссии по этой проблеме? Разве не это самая неотложная задача? Если мы придем к выводу, что биотехнология скорее разрушительна, чем полезна, то не следует ли попытаться ее остановить? Вместо того чтобы смириться с навязываемой нам мыслью о том, что "она уже здесь и никуда не уйдет".

10

КОГДА НЕ ОСТАЕТСЯ НИЧЕГО СВЯТОГО

В мае 1990 года газета *Вашингтон Пост* сообщила, что Национальный исследовательский совет, главный орган Национальной академии наук, поддерживает разработку технической схемы для борьбы с парниковым эффектом, или глобальном потеплением; последний, как известно, вызывается чрезмерным содержанием двуокиси углерода в атмосфере.

Защитники окружающей среды уже на протяжении полувека говорят о том, что решение достаточно просто: необходимо радикально сократить использование ископаемого топлива и остановить вырубку лесов, поглощающих двуокись углерода. Но предложения защитников окружающей среды были признаны нецелесообразными, поскольку они мешают росту промышленного производства и уменьшают прибыль, и, кроме того, требуют изменения образа жизни западных людей. С тех пор научное сообщество ищет технические средства, которые не прерывали бы рост промышленного производства.

План, поддержанный Национальным исследовательским советом (выступающим от имени ученых в Конгрессе), предусматривает массовое "ожелезивание" океанов, то есть разбрызгивание сотен тысяч тон железной пудры над морями. Это должно стимулировать рост морского планктона, который подобно деревьям будет поглощать двуокись углерода. Совет называет план "концептуально пригодным" и предлагает потратить от 50 до 150 млн долларов на исследования, предположительно на побережьях Аляски или Антарктики.

Научное сообщество очень воодушевилось этой идеей. *Вашингтон Пост* цитирует Роджера Ревела, сотрудника Океанографического института Скриппс: "Я не вижу причин, почему это не сработает... Я не вижу никаких отрицательных последствий".

Профессор химии Техасского университета Адам Хеллер заявил, что "план экономически оправдан и вполне разумный".

Более осторожно высказался Энтони Майклс, ученый из Бермудской биологической станции. "Идея привлекательна, — сказал он. — Но если вы начнете играть с экосистемой, плохо понимая ее работу, результат непредсказуем. Вся пищевая цепь может измениться".

Майклс имеет в виду, что планктон формирует основу для океанической пищевой цепи. Он питает криль, который поглощается рыбой, тюленями, пингвинами и китами. Как только человеческие существа начнут активно изменять равновесие, тем более в указанных масштабах, последствия трудно предсказать. Научный обозреватель *Вашингтон Пост* Уильям Бут говорит, что после разбрызгивания железистых питательных веществ по поверхности моря "морские растения начнут катастрофически быстро расти наподобие подкармливаемых домашних растений... Исследователи, впрочем, считают, что их эксперимент не выйдет из-под контроля, потому что морские водоросли растут только, пока существует приток фосфора и азота".

"Ожелезивание" — лишь одно из последних технологических решений, предлагаемых наукой. Ниже привожу список других решений, опубликованных в *Нью-Йорк Таймс* в августе 1988 года:

- Покрыть океаны кусочками полистирена, а крыши домов выкрасить в белый цвет. Это приведет к большей отражающей способности Земли.
- Запустить на орбиту спутники из тонкого легкого материала, покрывающего 2% земной поверхности, который будет блокировать солнечное излучение и отбрасывать тень на планету, понижая тем самым температуру. (Такая схема также предложена для охлаждения Венеры с целью последующей ее колонизации).
- Загрузить несколько сотен больших реактивных лайнеров двуокисью серы и выпустить на больших высотах. (Предложение профессора геохимии Колумбийского университета Уоллеса Брокера). Это создаст эффект подобный извержению большого вулкана, закроет Землю от солнечных лучей и охладит ее поверхность. Отрицательная сторона этого плана, по мнению Брокера, заключается в увеличении кислотных дождей и изменении голубого цвета неба на белый. "Это не очень большая плата, — замечает он, — если сравнить ее с перестройкой в промышленности после исчерпания ископаемого топлива".

• • •

Вторая важная проблема заключается в том, что ученые пытаются остановить разрушение озонового слоя в атмосфере, вызванное чрезмерным выбросом хлорфлуороуглеводородов (CFC). Экологи в который раз предложили простое решение: остановить использование этих углеводородов в производстве полистирена, аэрозолей и холодильного оборудования. Но опять это может "негативно отразиться на промышленном производстве". И здесь наука ищет альтернативы.

Газета *Нью-Йорк Таймс* цитирует физика Томаса Х. Стикса из Принстонского центра, выдвинувшего идею "обработки атмосферы". Он предлагает направить гигантские лазеры на углеводороды и разрушать их, пока они поднимаются с поверхности Земли. Единственное, что беспокоит физика, это вероятность разрушение других молекул наравне с газами CFC.

Еще одно предложение — выстреливание в стратосферу озоновыми пулями, где они должны растворяться и пополнять содержание озона. Леон И. Сэдлер, инженер-химик из Алабамского университета, предлагает направить ряд нагруженных озоном больших реактивных самолетов в стратосферу и "спустить" там весь озон.

Эта идея пришлась по душе промышленности. Во-первых, озон теперь можно отнести к категории "возобновляемых источников", как и лес. (Следуя логике промышленности, продукты из спиленного леса можно, по крайней мере, использовать для чего-либо, в то время как озон разрушается без пользы). План д-ра Сэдлера состоял в том, чтобы заменить истощившийся озон в атмосфере новым озоном, изготавливаемым на земле, тем самым обеспечивая дополнительные рабочие места, доходы и экономический рост.

Таймс цитирует некоторых ученых, называющих эти идеи всего лишь "теорией". Тем не менее, ученые считают, что публикация этих идей будет способствовать повышению научного творчества.

Таймс и ученые умалчивают лишь о том, что эти опасные для жизни планеты проблемы имеют простые решения (не рубите деревья, не используете хлорфтороуглеводороды, экономьте энергию и не считайте "экономический рост" главный критерием жизни). Отказ от простых решений означает дальнейшее использование все более сложных и масштабных технологий для решения все более сложных и масштабных проблем. На мой взгляд, в этом есть что-то ненормальное и болезненное; наше общество не способно понять порочность техники и с уважением отнестись к хрупкости природной среды.

МОЛЕКУЛЯРНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ

Октябрь, 1988 года. Звонит мой друг Марк Доуи. Он бывший редактор журнала *Mother Jones,* в настоящее время свободный журналист, пишущий о технологических перекосах. В своей книге *Наши доноры* Марк заостряет проблему индустрии пересадки органов. Доуи спрашивает у меня совета по поводу последнего технологического прорыва: нанотехнологии.

"Эта проблема выходит за рамки генетики, — говорит Марк. — Теперь они намерены перепрофилировать не только генную структуру организмов, а переделать молекулярную структуру буквально всего и вся. Это новая "граница", Джерри, работа с бесконечно малыми единицами вещества. Гуру этого движения был физик Ричард Фейнман [умерший в 1988 году]. Идея состоит в том, чтобы опуститься до атомной структуры и перестроить молекулы с целью получения новых форм, материалов и существ. При этом особого различия не проводится между "органическим" и "неорганическим" материалом, поскольку как только вы спустились до молекулярного уровня, это одно и то же. На мой взгляд, это похоже на "путешествие" после приема наркоты, — говорит Доуи. — Это самая настоящая "новая физика", "здесь и сейчас". Как только они смогут перестроить атомы и спроектировать новые молекулярные цепи — а они уже этим занимаются — они смогут перестроить весь мир, одна молекула за другой, именно в этом их цель. Это технологическое решение всех проблем. Нанотехнологи заявляют, что смогут создать новую пищу и покончить с голодом. Они уже спроектировали миниатюрные полуорганические машины, называемые наномашинами; последние могут запускаться в систему кровообращения и программироваться на раз-

рушение раковой опухоли, или жировых отложений, или вызывать любое другое изменение в клетках. Они говорят о наномашинах, называемых "ассемблерами", которые обладают сверхсознанием и способны создавать все, что создается в настоящее время рабочими на предприятиях. Эти ассемблеры будут просто опускаться в чан со специально подобранными молекулами и способствовать росту заданного объекта в этом молекулярном супе. В конце концов, из чана появится космическая капсула, или лазерное оружие, или сушилка для волос. Если они правы, то с проблемой ресурсов на Земле покончено. Нам более не понадобятся ресурсы, поскольку ими станут сами молекулы, из которых можно будет делать все, что угодно: деревья, дома, животных, оружие, людей. Наконец, они обещают покончить со смертью. Джерри, по сравнению с нанотехнологией Промышленная Революция — детский лепет".

Но я был уверен, что Марк разыгрывает меня. Он знает, что я скептически настроен по отношению к новым технологиям. Все это звучит как научная фантастика. Но, к сожалению, он не шутит. Я говорю ему, что не знаю что хуже: если у них получится или если не получится. И что история технологических открытий свидетельствует: наилучший сценарий никогда не достигается. Я спрашиваю Марка, кто эти люди.

"Я брал интервью у них по всей стране, — говорит Марк. — Самый главный у них сейчас — преподаватель из Стэнфордского университета Эрик Дрекслер, написавший библию о нанотехнологии под названием *Машины Творения*. Он очень большой энтузиаст. Но Дрекслер не одинок. Есть еще Грант Фьермедал, написавший книгу *Творцы завтрашнего дня*, и еще много других ребят из IBM. Всем им около сорока, и они очень умные. Они твердо уверены в том, что делают что-то замечательное. Рассуждают примерно так: "Послушайте, мир находится в таком беспорядке. Техника вышла из-под контроля. Мы движемся к катастрофе. Давайте сотрем все с доски и начнем все заново. Но на этот раз будем делать все правильно, и давайте не будем ограничивать себя законами, которые наложила на нас природа".

"Но, Джерри, этим людям чего-то не хватает. Не знаю точно, чего. Они законченные технари. От них веет холодом и грубостью. Возможно потому, что они родились и выросли в мире хайтека. В самом деле, они больше верят машинам, чем людям или природе. Для них человеческие существа — нечто устаревшее. Единственно, чем они озабочены, это поиском путей для сохранения своего мозга. Они постоянно говорят о *загрузке* своего сознания в компьютеры. Мне кажется, что они не возражали бы, если бы их мозг сохранился, а оставшееся тело — и вообще *все* человеческие тела — были выброшены на свалку истории. Они рассматривают свой мозг как совершенную вычислительную машину, расположенную на неуклюжем биологическом теле. Образ, пришедший к нам из научной фантастики. Сначала я подумал, что их никто всерьез не будет воспринимать, однако я ошибся. Их работы финансируются. В эту работу вовлечены большие университеты, и они быстро движутся в этом направлении, Джерри; меня это очень беспокоит. Мы должны писать о них".

И Доуи продолжал писать. Его статья, появившаяся в журнале *Калифорния*, называлась "Этот дивный новый микромир".

ПОСЛЕ БИОЛОГИИ

После разговора с Доуи я начал читать книгу Ганса Моравца *Дети разума*. Моравец — директор лаборатории *Мобильный робот* при университете Карнеги Меллон, описывает будущий разум человека-робота. Перефразируя Марка Доуи, можно сказать, что в сравнении с его идеями "промышленная революция и нанотехнология выглядят как детская забава".

Автор предлагает аргументы в пользу "постбиологического" будущего: "Это мир без биологии, в котором человеческая раса уничтожается потоком культурных перемен, вызванных ее собственными искусственными потомками".

Моравец спокойно объясняет, что уже лет через тридцать мы превзойдем существующие ограничения на искусственный интеллект и дойдем до уровня, при котором сможем "загрузить" все содержание нашего мозга — который сегодня, к сожалению, зависит от разлагающихся биологических соединений — в компьютеры, спрятанные в движущихся роботах, чем обеспечим себе бессмертие. Машины будут "развиваться" по своей программе; и все накопленное великими мыслителями планеты, освобожденное от ограничений биологического тела, приведет к идеям, намного превосходящим человеческий разум: "Такие машины понесут дальше на своих плечах нашу культурную эволюцию и будут самосовершенствоваться уже без нас и без создавших нас генов. Когда это произойдет, нашим ДНК придется найти себе новую работу, поскольку они проиграли эволюционную гонку... Новая генная структура займет их место. Наша культура получит возможность развиваться независимо от биологии и ее ограничений, передаваясь непосредственно от одного поколения машин к другому, еще более разумному".

Моравец основывает свои предсказания на расчетах, показывающих, что человеческий мозг способен "производить 10 триллионов (10^{13}) вычислений в секунду". Он продолжает: "Это приблизительно в миллион раз быстрее, чем средние машины, приводящие в действие моих роботов, и в 1000 раз быстрее, чем суперкомпьютеры". Поэтому, согласно Моравецу, для того, чтобы приблизиться к вычислительной способности "биологического" человека, необходимо поднять производительность сегодняшних суперкомпьютеров всего в 1000 раз.

Признавая, что его расчеты могут быть предметом критики, Моравец убежден, что компьютер вскоре будет обладать мощностью и скоростью человеческого мозга; кроме того, он будет включать и другие элементы мозга, например, механические эквиваленты сенсорного восприятия и эмоций. По его мнению, этого можно достичь в ближайшие тридцать-пятьдесят лет. Моравец указывает, что только за последние восемьдесят лет "стоимость вычислений упала в *триллион* раз", поэтому есть все основания верить в возможность такого прогресса. Особенно если учесть темпы развития нанотехнологии". "Создание машин размером с атом — прекрасная идея, и выведет нас далеко за пределы компьютеров, поскольку позволит создавать многие миллионы процессоров на одном чипе. Каким быстродействием может обладать один такой нанокомпьютер? Один нанокомпьютер может работать со скоростью триллион операций в секунду. Если миллион таких компьютеров расположить на одном миниатюр-

ном чипе размером с ноготь, человеческие вычислительные способности будут превзойдены в миллион раз!"

Моравец опасается, что две другие технологии — генетика и замещение органов — не достаточно революционны для осуществления его замыслов. Генетика, с помощью которой предположительно можно полностью перепроектировать человека и сделать его более интеллектуальным и эффективным, хотя, возможно, и однотипным, ограничивается наличием крови и плоти; кроме того, жизнь возможна в определенных климатических и атмосферных условиях. В отношении трансплантов и искусственных органов Моравец говорит следующее:

> Многие люди продолжают сегодня жить благодаря все большему арсеналу искусственных органов и других частей тела. Со временем, когда усовершенствуется робототехника, некоторые из замещающих частей будут лучше оригинальных. Поэтому возникает идея заменить всего человека. Почему бы не пересадить человеческий мозг в специально спроектированное тело робота? Однако такое решение позволит обойти лишь физические ограничения; самый большой наш недостаток — ограниченные и фиксированные умственные способности — останется. По задуманному сценарию наш мозг должен быть извлечен из нашего тела. А как извлечь наш ум из нашего мозга?

Вот здесь-то и понадобится "загрузка". Моравец начинает детально описывать различные способы осуществления такой "загрузки". Чтобы вы получили представление о его идеях, привожу один из способов добровольной "загрузки" сознания в компьютер:

> Вас ввозят в операционную, где вас обслужит хирург-робот по операциям на мозге. Рядом находится компьютер, готовый стать вашим эквивалентом, однако пока без программы. Ваш череп, но не мозг, анестизируют. Вы находитесь в полном сознании. Робот-хирург открывает вашу черепную коробку и кладет руку на поверхность мозга. Это необычная рука и состоит из микроскопических устройств, подсоединенных кабелем к стоящему рядом компьютеру. Приборы на руке сканируют первые несколько миллиметров поверхности мозга. С помощью высокоточных измерений на основе магнитного резонанса строится трехмерная химическая карта; в это же время магнитные и электрические антенны собирают приходящие сигналы и быстро их расшифровывают по мере прохождения импульсов по нейронам. Эти измерения, а также знание нейронной архитектуры, помогают хирургу написать программу, моделирующую поведение самого верхнего отсканированного слоя мозга. Данная программа загружается в компьютер и запускается. Измерительные приборы на руке получают теперь сигналы от компьютера и сравнивают с сигналами, генерируемыми оригинальной тканью мозга. Вы и хирург проверяете точность моделирования путем сравнения сигналов программы и мозга. Любые отклонения регистрируются на экране. Хирург настраивает симуляционную программу, пока не будет достигнуто полное совпадение сигналов.
>
> Для дополнительной проверки правильности моделирования вам предоставляют кнопку, которая позволяет "тестировать" процесс моделирования и сравнивать его с функциональностью оригинальной ткани. При нажатии активируются электроды на

руке хирурга. Путем точной инъекции токовых и электромагнитных импульсов электроды могут перекрыть нормальную активность ближайших нейронов. Они запрограммированы на то, чтобы ввести симуляционные сигналы в другие точки ткани. Пока вы держите кнопку нажатой, некоторая часть вашей нервной системы замещается симуляционной программой. Вы нажимаете на кнопку, отпускаете, потом опять нажимаете. Вы не ощущаете никакой разницы. Когда вы полностью удовлетворены действием программы, она устанавливается постоянно. Ткань мозга теперь пассивна — она получает входные сигналы и реагирует на них как прежде, но выходные сигналы игнорируются. Микроскопические манипуляторы, расположенные на поверхности руки робота, удаляют лишние клетки мозговой ткани и передают их в аспиратор, где они уничтожаются.

Рука хирурга проникает глубже на какую—то долю миллиметра, одновременно компенсируя сигналы, вызванные изменением положения. Этот процесс повторяется для другого слоя мозга, который также замещает симулирующая программа компьютера, находясь в контакте с первой программой и остальной оригинальной тканью мозга. Так, слой за слоем мозг замещается симуляционной программой, затем извлекается. Наконец, ваш череп пустой, и рука хирурга достигает ствола мозга. Однако, вы не потеряли сознание, или даже направление мысли, ваше сознание извлечено из мозга и передано машине. Хирург вынимает свою руку из черепной коробки, и ваше тело умирает в судорогах. В течении некоторого времени вы находитесь в темноте и покое. Затем открываете глаза. Ракурс вашего зрения изменился. Симуляционная программа отсоединяется от кабеля, ранее ведущего к руке хирурга и подсоединяется к сверкающему новому телу, стиль, цвет и материал которого вы выбрали заранее по своему вкусу. Ваша метаморфоза закончилась.

Моравец признает, что могут возникнуть споры по поводу редуцирования человека к его сознанию. Он считает, что наша привычка жить с телом, или "идентифицировать себя с телом", безнадежно устарела. Он указывает на то, что в нашем теле идет постоянный процесс смены старых клеток на новые и что каждые семь лет все наши клетки обновляются. Он говорит, что глупо верить в какую-либо связь с телом (плотью): "Вы — только ваш ум, или ваш `паттерн, передаваемый машине". Фактически, он может передаваться одновременно двум, трем или большему числу машин, подобно передаче по факсу или телепортации на "бим-машине" в Стар-треке. Другими словами, *вас* можно размножать бесконечное число раз, как и сознание ("паттерны") других разумных существ, таких как киты, дельфины, слоны и гигантские кальмары. Моравец хочет сделать из всех живых существ машины, которые будут "жить" вечно и приведут к невообразимо более богатому и лучшему новому миру, который заполнит всю вселенную, не будучи ограниченный плотью. Тем временем, с органической жизнью будет навсегда покончено. Наше коллективное самоубийство приведет к рождению новых высших существ.

БЕЗУМИЕ АСТРОНАВТА

Я не достаточно подготовлен в науке, чтобы судить о практической реализации идей Ганса Моравца в робототехнике, Дрекслера в нанотехнологии или идей Брокера,

Стикса и Садлера по исправлению атмосферы. Но я знаю, что самые большие университеты в нашей стране — Стэнфордский, МТИ, Гарвардский, Беркли, Принстон — выполняют данные проекты, имея финансирование, экспериментальные площади и возможности рекламы. Военные США — в особенности военно-морской флот— поддерживают многих ученых, выдавая им многомиллионные гранты. Гигантские корпорации жаждут запатентовать новые принципы и выйти на рынок с новыми продуктами. Крупные издатели выпускают массу книг, пропагандирующих эти идеи. В серьезных газетах и журналах публикуются хвалебные обзоры и статьи о последних технических новинках.

Все указанные выше институты весьма заинтересованы в новых технологических прорывах, поскольку эти идеи хорошо вписываются в логику и представления, по которым функционирует наше общество.

Те же самые представления доминировали на Всемирной выставке 1930-х годов, в рекламных агентствах 50-х и 60-х, в диснеевских "имажинерах" ЭПКОТ-центра, и в головах тех, кто строил утопические проекты по заселению других планет. Сегодняшние технологические пионеры считают себя оригинальными мыслителями, но они представляют лишь последнее звено в длинной цепи сторонников неограниченной свободы изменять природный мир. Самомнение технологического человека дошло до того, что он посчитал себя вправе переделывать все и вся, включая структуру человеческой жизни, животных и саму жизнь.

Технопионеры продолжают действовать по принципу: *если это можно сделать, это надо сделать*. Нет больше границ, нет правил, нет критериев, по которым можно было бы судить о результатах. Нет критериев добра и зла, нет табу; есть только критерий "успеха на рынке". (Возможно, идея по замене человеческой биологии не будет *продаваться* — и это будет нашей последней надеждой.)

Указанные представления набирали силу на протяжении тысячелетий, подпитываясь иудео-христианскими доктринами — последние привели к десакрализации Земли и водружению человека на ее вершине. Обладая очевидной силой, технологии помогли нам укрепиться в господстве над природой, якобы выполняя Божественную волю. Мы забыли о других ценностях, существовавших во всех предыдущих цивилизациях и продолжающих существовать сегодня; мы утратили чувство святости мира. Новые технологии не принимают этого чувства; более того, они считают его глупым.

То, что справедливо для новых технологий, стало, к несчастью, справедливым для большинства людей западного мира. Поддавшись искушению решать все проблемы с помощью техники, не думая об альтернативном знании, могущим составлять ей определенную конкуренцию, и даже не подозревая о существовании такого знания, мы очутились в пространстве, защищенном от знания бетонными стенами и машинами. Каждый новый уровень технического изобретательства уводил нас все дальше от наших истоков. Каждое изобретение порождало множество других, наше сознание все более погружалось в техницизмы; теперь оно до такой степени отдалилось от органической реальности, что мы всерьез начали рассматривать возможность покинуть нашу планету или наши тела. Обсуждение нашими интеллектуалами таких идей считается вполне нормальным.

Все наше общество подвергнуто сумасшествию астронавта, очутившегося в космосе, без корней, в металлической коробке, подчиненного машинной логике, отсоединенного от всей органической реальности, лишенного богатства биологического мира и не способного видеть себя в другой перспективе. Мы оказывается отчужденными друг от друга и от Земли в *n*-ной степени. Как и астронавт, мы не можем отличить верх и низ. Внешнее от внутреннего. Наш мир и наши мыслительные процессы определяются теперь техническими границами. В таком состоянии многие сумасшедшие идеи и решения кажутся логичными, поскольку отсутствуют другие критерии их оценки. Всякое изобретение становится вероятным, если не желательным, поскольку к нему сводится наше безумное видение — будь то реорганизация наших генов, наших деревьев или наших небес, а возможно, и самой жизни.

МЕГАТЕХНОЛОГИЯ

Учитывая масштаб экологических проблем, вызванных применением технологий, а также тяжелые последствия от применения самых новейших технологических форм, можно было бы предположить, что в обществе развернутся горячие дискуссии. Но, как мы видим, этого не происходит. Технологические решения продолжают пропагандировать техноутописты и те, кто ожидает больших выгод от их применения. Общественность в этом не участвует. Отсутствуют какие-либо форумы, на которых можно было бы услышать мнение различных людей. Нет мнений ни за, ни против. Никаких референдумов. Кандидаты в президенты только вскользь касаются данных проблем, говоря о кислотных дождях или нефтяных скважинах. Но когда проблема с той или иной технологией выходит на поверхность, она обычно уже глубоко укоренилась в системе и ничего нельзя сделать для изменения ситуации. Только сейчас, спустя сорок лет после введения компьютеров, появляется недовольное ворчание, осознание побочных эффектов компьютеризации. К тому времени, когда опасность становится очевидной, технологии настолько переплетены друг с другом, что распутать этот клубок уже невозможно (даже если появляется такое желание).

По мере взаимного переплетения и размножения новых технологий сеть затягивается все туже; отделить одну технологию от другой все труднее. Например, без компьютеров было бы невозможно создать спутники, ядерную энергетику, биотехнологии, космические технологии, военные лазеры, информационные технологии или нанотехнологию. И благодаря все тем же компьютерам эти технологии тесно переплетены. Мы же продолжаем рассматривать их как отдельные, не связанные между собой системы. Именно компьютеры лежат в основе этих систем и позволяют им подключаться друг к другу, а также осуществлять масштабный централизованный и институциональный контроль. Фактически всю эту сложную технологическую паутину следовало бы рассматривать как *одну* опутавшую Землю технологию. Все части этой паутины имеют возможность мгновенно взаимодействовать. Вместо биосферы у нас теперь есть техносфера. Я называю ее "мегатехнологией".

• • •

Во всем этом нет никакого заговора, по крайней мере, в обычном смысле. С самого начала ни у кого не было идеи создать всемирную, технологическую паутину. Но на каждом этапе своей истории человеческие существа следовали за логикой технической эволюции, добиваясь все большей власти над природой, совершенствуя технологические формы и их взаимодействие.

Следует признать, что в настоящее время есть люди, сидящие в самом центре этой паутины, договаривающиеся друг с другом и пропагандирующие расширение паутины (например, в таких местах как ЭПКОТ-центр). Они рассчитывают получить от этого процесса определенные финансовые выгоды. Но они не несут ответственности за происходящее. Технологическая эволюция неизбежно ведет дальше, к следующим этапам, на которые можно оказать лишь незначительное влияние. Так, изобретение компьютера неизбежно привело к изобретению суперкомпьютера и возможности размножать тысячи других высоких технологий, оказавших существенное влияние на социальные и политические процессы. И неважно, кто финансировал ускорение этих процессов. Люди и машины находятся *внутри* техносферы, они делают одно дело. Если здесь и был заговор, то только лишь в элюлиевском смысле[43]; заговор *de facto*, заговор технических форм.

В любом случае, мы имеем глобального технического монстра, функционирование которого зависит от нас с вами: от нашего мировоззрения, от способности воспринимать альтернативу, от нашего представления о добре и зле. Мы вступаем во вселенную, которую изменили машины; мы превратились в особей, живущих среди механических вещей; наша окружающая среда — продукт нашего сознания. Замкнутые внутри наших городов, пригородов и офисов, контролируя и рассматривая природу как сырье для продуктов потребления, а теперь и самих себя как некий материал для переработки, мы стали неотъемлемой частью технологического процесса.

Нервной системой всемирного технического монстра являются компьютеры. Телевидение способствует тому, чтобы человеческое сознание было совместимо с системой и чтобы сознание многих людей было идентичным; этому помогают система коммерции и аудиовизуальные механизмы тренировки. Генетике отводится роль перестройки биологических структур для максимального увеличения экономического потенциала. Нанотехнология и робототехника предпринимают попытки выйти за пределы биологии.

Все эти технологии берут свое начало из утопического мировоззрения и служат ему верой и правдой. Здесь все просчитано и распланировано. Внешняя цель мировой машины очевидна: устранить человеческие недостатки и сделать людей счастливыми (при условии, конечно, что мы останемся людьми), расширить человеческий потенциал и создать мир изобилия на радость человеку. Но скрытой целью остается удовлетворение потребностей технологического общества, его расширение и доминирование над Землей и космосом.

И это плохая новость.

Хорошая новость состоит в том, что даже самые "совершенные" технологические структуры подвержены "утечке" и ошибкам. Технологическое общество за последние

[43] Жак Элюль (Jacques Ellul) — французский теолог, социальный критик технологий (1912 — 1994). — *Прим перев.*

полвека так и не смогло достичь тех вершин, которые им провозглашались. Мир, безопасность, здоровье населения и планеты, разум, счастье, цели человечества стали еще более недостижимыми, чем прежде. От планеты потребовались ужасные жертвы, чтобы насытить технологического монстра: нефтяные пятна, глобальное потепление, озоновые дыры, загрязнение токсическими веществами, исчезновение лесов.

Наше общество слишком медленно усваивало ошибки, но сейчас все большее число людей начинают понимать: нас завели далеко в мир фантазии. Вопрос состоит в следующем: дадут ли сторонникам альтернативных путей развития шанс для того, чтобы создать критическую массу в общественном мнении? Посмотрим. В настоящий момент ситуация не очень обнадеживающая. До сих пор нет настоящего языка, с помощью которого можно было бы критиковать ситуацию. Став частью машины, мы не можем сформулировать альтернативное направление своего развития. Но если нам трудно сформулировать такое видение, на планете еще сохранились народы, у которых оно не умерло.

ОБРАЩЕНИЕ ИРОКЕЗОВ К СОВРЕМЕННОМУ МИРУ

Миллионы людей по всему миру все еще отказываются быть частью мегамашины, и во многих случаях это им удается. Я говорю о народах, живущих на обочине технического мира. Они остались вне нашего [технического] сознания, то ли потому что живут в недоступных местах, то ли потому что их ресурсы не были востребованы технологическим обществом, то ли потому, что многих уничтожили или заставили замолчать. Но они по-прежнему хранят фундаментальные истины, самая важная из которых требует глубокого уважения к Земле. Известно, что именно эта идея подрывает основы западного общества и его технологическое развитие на протяжении последнего столетия.

Это люди, предки которых с самого начала указывали нам на трагическую ошибочность наших подходов, на потерю чувства святости, на то, что мы обречены на несчастливый исход. Они повторяли это многократно. И повторяют до сих пор.

Ниже я привожу выдержку из обращения ирокезского народа *Главный призыв к сознанию* (*Hau de no sau nee*): *Обращение к Западному миру*, на заседании ООН в 1977 году от имени коренных народов (опубликовано в *Akwesasne Notes*).

> В самом начале нам было сказано, что живущие на Земле человеческие существа обеспечены всем необходимым для жизни. Нам было предписано любить друг друга и проявлять большое уважение ко всем существам на Земле. Нам было сказано, что наша жизнь неотъемлема от жизни деревьев, что наше благосостояние зависит от благосостояния Растительной Жизни, что мы являемся братьями четвероногих.
>
> В первоначальных указаниях нам было сказано, что люди должны проявлять большое уважение и почтение ко всем духам, которые сотворили и поддерживают Жизнь... Когда люди прекращают проявлять уважение и почтение к этим вещам, тогда жизнь разрушается и человеческая жизнь на планете заканчивается.
>
> ...До сегодняшнего дня территории, на которых мы проживаем, все еще заполнены деревьями, животными и другими дарами. В этих местах нас до сих пор кормит Мать-Земля...

Индоевропейские народы, которые колонизировали наши земли продемонстрировали очень мало уважения к тому, что создает и поддерживает Жизнь. Мы считаем, что эти народы давно потеряли уважение к миру. Много тысяч лет назад все люди на земле верили в один и тот же Путь Жизни, в гармонию со Вселенной. Все жили согласно Законам Природы.

Сегодня человеческие особи стоят перед проблемой собственного выживания... Путь жизни, известный как Западная Цивилизация, — это путь смерти, на который вступила их культура. Столкнувшись с реальностью своего собственного разрушения, они еще глубже затягиваются в ловушку.

Воздух отравлен, реки отравлены, деревья умирают, животные исчезают. Изменяются даже погодные условия. Наши древние учителя предупреждали: если Человек нарушает Законы Природы, он обязательно столкнется с опасными последствиями. Когда будет нарушен последний Закон Жизни, пропадет надежда на выживание человека. И наш Путь Жизни исчезнет, став жертвой разрушительных процессов.

Убивая животную и растительную жизнь, техника сегодня приводит на грань уничтожения коренные народы... Мы знаем, что на свете есть много людей, которые быстро поймут смысл нашего послания. Но наш опыт учит нас, что лишь немногие стремятся найти способ для продвижения реальных перемен.

Большинство мира не находит корней в западной культуре или традициях. Большинство мира находит свои корни в Мире Природы, и именно Мир Природы и его традиции подлежат сохранению.

Мы должны осознанно и постоянно проверять каждую модель, каждую программу, каждый процесс, которые нам пытается навязать Запад... Живущие на нашей планете люди должны порвать с узким пониманием человеческой свободы и увидеть освобождение как нечто, расширенное до понятия Мира Природы. Требуется освобождение всего, что поддерживает Жизнь — воздуха, воды, деревьев — всего, что поддерживает священную Паутину Жизни.

Коренные народы Западного полушария могут внести большой вклад в дело выживания человеческого рода. Большинство нашего народа все еще живет в согласии с традициями, корни которых уходят к Матери-Земле. Но коренным народам нужен форум, на котором будет услышан их голос. И нам необходимо объединиться с другими людьми, чтобы сообща бороться за возвращение земли наших предков и защищать наш Путь Жизни.

У коренных народов есть ключик к обращению процессов Западной Цивилизации, которые обрекают миллионы на страдание и разрушение. Духовность — это высшая форма политического сознания. И мы, коренные народы Западного полушария, среди немногих, кто сохранил этот тип сознания... Наша культура — одна из самых старых культур на земле. Мы духовные защитники земли. Мы здесь для того, чтобы передать это послание.

часть III

ПОДАВЛЕНИЕ ИНДЕЙСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Сопротивление технологическому Молоху оказывали лишь уходящие корнями в землю (коренные) народы. Индейцы, островитяне и народы Севера остаются самыми большими критиками техноцивилизации. Они же ее непосредственные жертвы. Технологическое общество игнорировало и подавляло голос этих народов, что вполне понятно; в противном случае, пришлось бы к нему прислушиваться, и, возможно, радикально изменить западный образ жизни. Напротив, мы требовали, чтобы они изменили свой. Они отказались.

11

ЧЕГО АМЕРИКАНЦЫ НЕ ЗНАЮТ ОБ ИНДЕЙЦАХ

В 1981 году, когда мои сыновья Яри и Кай посещали Ловелловскую среднюю школу в Сан-Франциско, они пожаловались на то, что учитель начинал американскую историю с прибытия белых на континент и ничего не говорил о тех, кто жил задолго до прихода европейцев. Учитель рассказал о том, что Колумб "открыл" Америку и что отсчет американской истории начинается с этого момента.

В этот же год Рональд Рейган произнес свою первую инаугурационную речь, в которой приветствовал "смелых пионеров, усмиривших дикую пустыню". Я был очень удивлен, что о "дикой пустыне" говорят также в Ловелловской школе, обычно считавшейся одной из лучших в стране.

Когда учитель истории спросил моих ребят, почему их так интересуют индейцы — они упомянули о моей книге. Это в свою очередь обернулось тем, что меня попросили выступить перед классом. В конце концов, я рассказал школьникам об индейском мировоззрении.

Раньше ученикам никогда не рассказывали о индейских народах, об отношениях между индейцами и англосаксами (за исключением войн), или о современных проблемах индейцев в США и в других странах. Подростки ничего об этом не знали, так же, как и я в их возрасте, как и их учитель, о чем он мне с грустью признался. В американской образовательной программе почти отсутствует информация об индейцах, в отличие, например, о Германии, где каждый ребенок читает книги, приобщающие его к индейским ценностям и традициям. Не удивительно, поэтому, что в европейской прессе появляется гораздо больше материалов об индейцах.

За шестьдесят минут, предоставленных мне для выступления, я постарался раскрыть перед школьниками пять главных положений: 1) в Америке было много индейцев до прихода белых; 2) они не были "дикарями", а жили в хорошо организованных, стабильных обществах на протяжении тысячелетий; 3) белые европейские поселенцы убили большую часть индейцев, а остальных ограбили; 4) в Соединенных Штатах проживает еще достаточно большое количество индейцев, испытывающих такие же проблемы, как их предки; и 5) во всем мире насчитываются миллионы индейцев (и других коренных народов).

Я развернул большую карту, подготовленную Министерством по делам индейцев (Bureau of Indian Affairs), с указанием территории, принадлежащей индейцам до прибытия белых. Ученики были шокированы, когда узнали, что практически вся территория современных Соединенных Штатов когда-то принадлежала индейским племенам. Я отметил, что некоторые индейские племена проживали здесь в течение тысячелетий. Вот вам и "дикая пустыня".

Известно, что некоторые ирокезские племена жили на северных территориях Соединенных Штатов по крайней мере в течение 5 000 лет. На юго-западе индейцы хопи проживали в районе, известном сегодня как Фор Корнерс (место, где встречаются Колорадо, Нью-Мексико, Аризона и Юта), на протяжении, по крайней мере, 10 000 лет. (По данным археологов хопи пришли в эти места около 40 000 лет назад. По рассказам самих хопи, как и других индейцев, они вообще ниоткуда не "приходили", а родились от Большого Каньона).

Индейцы уже были на этом континенте задолго до того, как евреи пришли на Ближний Восток, задолго до Христа, задолго до образования европейских наций, задолго до самого Колумба.

К 1776 году, когда Соединенные Штаты уже были государством, от двух до пяти миллионов индейцев проживали в "нижних сорока восьми" штатах, говоря на более чем 750 языках. В одной только Калифорнии — где климат и условия особенно привлекательны — проживало более 200 000 индейцев. По некоторым самым консервативным оценкам, в 1776 году на Гавайях проживали по крайней мере 300 000 коренных островитян. К 1830 году их число сократилось до 80 000 из-за войн и болезней, завезенных капитаном Куком. Когда я дошел до этого момента в своей лекции, один из учеников спросил: "Что вы имеете в виду под словом "народ", применяя его к индейским племенам?"

Определение "народ", или "нация", такими международными организациями как ООН и Мировой Суд, включает в себя следующие положения: общая культура и наследие, общий язык, устойчивое географическое положение на протяжении значительного периода времени, внутренние поведенческие законы, принимаемые членами сообщества, границы, признаваемые другими народами, и формальные соглашения (договоры) с другими народами (государствами). По всем этим критериям индейские "народы" были и есть. Более того, колониальные державы на этом континенте — Британия, Франция и Испания — открыто признавали индейские народы и заключали с ними договоры о границах, о мире и дружбе, об обмене землями и концессиями. Индейские народы также заключали тысячи договоров между собой.

Начиная с конца восемнадцатого до конца девятнадцатого столетия, Соединенные Штаты заключили 370 формальных договоров с индейскими народами, следуя той же процедуре их утверждения Конгрессом и президентом, что и с Францией и Великобританией. Причем не делалось никакого различия между договорами с индейцами и какими-либо другими нациями; все они подчинялись "закона земли", как того требовала Конституция. Нарушение практически всех договоров с индейцами вытекает из нашей безнаказанности за нарушения, из равнодушия со стороны европейско-

го сообщества и отсутствия какой-либо критики. Ясно, что индейцев считали ниже, скажем, англичан или испанцев, и поэтому дела с ними можно было вести не так честно.

Происхождение индейцев интересовало европейцев, начиная с кровавого похода Фердинанда Кортеса в шестнадцатом веке в Центральную Америку и Мексику. Судьба индейцев стала предметом серьезных разногласий в католической церкви. Исторический спор возник между испанским ученым Хуаном Гинесем де Сепульведа и доминиканским монахом Бартоломеем де лас Касас по поводу того, есть ли у индейцев душа, надо ли их спасать для Церкви, уничтожать либо превращать в рабов. Сепульведа высказывал аристотелевскую точку зрения на то, что некоторые люди рождаются рабами. Путешествующий с Кортесом монах де лас Касас был шокирован зверством со стороны европейских пришельцев. Он говорил, что убийство и рабство противоречит святому писанию. В конце концов Папа Пий V принял сторону де лас Касаса и в 1566 году заявил, что индейцев следует обращать в христианскую веру, а не убивать. Ясно, что вопрос о разрешении индейцам жить как они жили до прихода испанских завоевателей, не поднимался.

К восемнадцатому столетию вопрос о неполноценности индейцев обсуждался уже не на уровне отсутствия или наличия у них "души", а с точки зрения отсутствия у них понятия частной собственности. Религия индейцев основывалась на поклонении природе, экономика на самодостаточности (subsistence economics), и они верили, что скалы, деревья и сама земля были живыми. Европейцы воспринимали такие верования как свидетельство неразвитого сознания и исторической отсталости. Этот взгляд на индейцев мало изменился за последние триста лет.

Кроме того, я намеревался рассказать школьникам о структуре индейского правительства. Как и большинство американцев, учащиеся полагали, что у индейцев или аборигенных народов нет никаких форм правления кроме авторитарных старейшин, вроде тех, которых показывают по телевидению (например, Шака Зулу[44]). Недостаток информации об индейском правительстве, их демократизме и гибкости, представляет собой еще одно трагическое упущение в американском образовании. Некоторые формы правления, в частности у ирокезов, были впоследствии использованы при разработке принципов Конфедерации и конституции Соединенных Штатов. Система проверок и равновесие интересов, участие народа в принятии решений, прямое представительство, права отдельных штатов и двухпалатная законодательная система — все это части Большого закона Ирокезской конфедерации, принятого еще в 1400-х годах, о чем я буду говорить далее. Но американцы практически не знакомы с этим фактом.

Другим неизвестным фактом для большинства остается степень экспроприации индейских земель. За период 1776 — 1880 гг. индейские земли сократились на 95%, от трех миллионов до 200 000 кв. миль. Индейцы потеряли свои земли в результате насилия или обмана со стороны белых. В договорах с белыми предусматривался обмен земли на гарантии безопасности и постоянного поселения, но эти договора вскоре были нарушены. Обычно индейцев сгоняли, чтобы искать золото и полезные ископаемые,

[44] Вождь и основатель народа зулу в Южной Африке (1787 — 1828), отличавшийся особой агрессивностью. — *Прим перев.*

строить железные дороги и фермы. Когда индейцы оказывали сопротивление, белые применяли жестокие меры, чтобы добиться уступок. Все это происходило под лозунгом "Так угодно Богу!".

Время моего выступления подходило к концу. Мне оставалось только сказать, что хотя прошлое прискорбно, игнорирование настоящего положения еще более прискорбно. В нашей стране остается полтора миллиона индейцев, половина из которых проживает на земле своих предков. Некоторые племена поддерживают тысячелетние традиции. Но правительство США и корпорации по-прежнему ведут себя нагло, когда речь идет о добыче нефти, угля или меди на индейских землях. Правда, вместо прямого насилия сегодня применяются методы "легального" отлучения индейцев от земли. Я привел школьникам три небольших примера:

- *Акт Доуса* (*The Dowes Act, 1887*), по которому каждый индеец может владеть земельным участком. Представленный вначале в качестве либеральной реформы, на самом деле этот акт должен был послужить механизмом для разрушения коллективного владения землей. Племена редко, если вообще когда-нибудь, выражали намерение продавать свою землю. Но отдельных людей можно было вынудить продавать свои земли за деньги, оружие или спиртное. В результате миллионы акров, принадлежащих индейцам, перешли во владение белых.

- *Акт реорганизации индейцев* (*The Indian Reorganization Act, 1934*). Еще одна либеральная реформа, направленная на преобразование индейского правления в "современные демократические системы". Как и принятый столетие назад Акт Доуса, данный закон был направлен на разрушение традиционного индейского правления, основанного на неспешном процессе нахождения консенсуса, поскольку такой процесс препятствовал получению лизинга на добычу нефти, газа и полезных ископаемых. Данный акт не имеет ничего общего с "демократией". Напротив, после замены индейских правительств правительствами американского типа, большинство индейцев отказалось от голосования. Это позволило Министерству по делам индейцев подготавливать кандидатов, которые были готовы идти на компромиссы и избираться небольшой кучкой индейцев. В результате корпорации получили неожиданный доступ к ресурсам индейцев, а новые индейские советы, по сути, стали частью американской бюрократии. По сей день индейские советы остаются во власти бюрократии, хотя во многих резервациях им оказывают ощутимое сопротивление.

- *Акт о земельных исках индейцев* (*The Indian Claims Act, 1946*). Теоретически этот закон был направлен на рассмотрение исков индейцев по поводу украденных у них земель. На практике же закон оказался обманом. Комиссия по рассмотрению претензий отказывает всем требованиям индейцев о возврате земель, предлагая лишь денежную компенсацию за потерю земель (и по ценам столетней давности). Поэтому многие индейцы считают, что принимая компенсацию, они отказываются от своего законного права на владение землей, то есть достигают противоположного результата.

Я закончил свое выступление, указав на то, что сотни миллионов аборигенов во всем мире продолжают жить на землях своих предков и испытывать различную степень давления со стороны колониальных властей. Многие из них страдают еще больше, чем американские индейцы. Как и в прошлом, принимаемые по отношению к ним законы построены на допущении о культурном и духовном превосходстве колониальных народов и на убеждении, что индейцы препятствуют экономическому прогрессу.

Звонок. Школьники бросились к двери. Пришло время обедать.

МАСС-МЕДИА: ИНДЕЙЦЫ НЕ ПОПАДАЮТ В НОВОСТИ

Тот факт, что ученики Ловелловской средней школы ничего не знают об индейцах — не их вина. Это всего лишь один из показателей всеобщего равнодушия к судьбе индейцев в США. Об их ежедневных заботах и борьбе не рассказывают в школах, о них редко пишут в газетах, их не показывают по телевидению. Американцы вообще о них не думают.

Если в масс-медиа и проскакивают репортажи об индейцах, все они построены на стереотипах и известны как "истории-формулы".

Мой друг Дагмар Торп, индеец племени Сэкэндфокс [45], выполняющий обязанности директора Фонда "Седьмое поколение", однажды поинтересовался у знакомого телепродюсера (который с симпатией относился к индейцам): в чем причина отсутствия интереса к исследованию жизни индейцев? Продюсер назвал три причины. Во-первых, чувство вины. Нельзя создавать программы, вызывающие у зрителей чувство вины. Американцы не любят смотреть шоу, напоминающие об исторических ошибках.

Во-вторых, вопрос: "А что это даст мне лично?" Американцы не видят, какое отношение индейцы имеют к их личной жизни. Американская культура приучила нас к тому, что надо обгонять других; в результате полностью атрофировалось чувство альтруизма.

В-третьих, требования индейцев кажутся американцам нелепыми. Большинство индейцев хотят, чтобы им вернули землю, а договора уважались. Американцы же рассматривают эти договора как "устаревшие", хотя многим нет еще и ста лет — то есть некоторые договора были установлены позже, чем многие земельные законы, почитаемые белым населением. Правительство и масс-медиа относятся к договорам с индейскими народами пренебрежительно, не как к договорам с другими народами.

• • •

Справедливости ради надо заметить, что репортеры и продюсеры воспитывались, не имея представления об индейской истории. Более того, люди из масс-медиа практически не контактируют с индейцами, поскольку те живут в удаленных частях страны, куда не ступает нога репортеров. Индейцы живут в сельской местности, в пустынях, в горах и тундре, менее всего подверженных влиянию западного общества, по крайней

[45] Народ Сэкэндфокс — современное политическое образование взамен исторических коренных племен Сэк и Фокс, говорящих на алгонкинских (Algonquian) наречиях. — *Прим перев.*

мере, так было до последнего времени. Они живут там, где мы жить не хотим. Они не являются частью американского "мейнстрима" и не стремятся им стать.

Когда же наше общество протягивает свои щупальца — обычно для того, чтобы найти новые земли или залежи полезных ископаемых, или построить военные базы — масс-медиа отворачиваются от проблемы. Борьба, которую ведут индейцы — в пустынях ли Аризоны, в скалистых ли горах Северо-Запада, на крошечных островах Тихого океана или на покрытых льдом северных территориях Аляски — оказывается неинтересной. *Нью-Йорк Таймс* не содержит там корреспондентских пунктов; нет их у Си-Би-Эс. Корреспонденты не выезжают в австралийскую пустыню или джунгли Бразилии, Гватемалы и Борнео.

В результате чудовищные покушения на жизнь коренных народов в этих местах не получают огласки. Если же репортажи и появляются, они приходят от корпоративных или военных "паблик рилейшнс" и, конечно, дают извращенную картину.

Если корреспонденты прилетают в индейские поселения в поисках новостей, они как правило плохо подготовлены и не знают особенностей местной жизни. Без знания индейского языка и образа мыслей народа любое интервью бесполезно. Кроме того, корреспонденты часто воспитаны в той же среде "мейнстрима", где отсутствуют какие-либо сведения об индейцах.

Дело осложняется еще и тем (как я указывал в книге о телевидении), что современные масс-медиа неизбежно искажают любую информацию об индейцах, поскольку последняя слишком тонкая, сенсорная, сложная и духовная, чтобы уложиться в грубые рамки поверхностных репортажей. Корреспондент должен провести достаточно долгое время с индейцами, чтобы понять, почему добыча полезных ископаемых из-под земли это святотатство, почему отвод реки может разрушить культуру, почему вырубка леса лишает народ религиозных и человеческих прав или почему переселение индейцев из пустыни в чудесную новую деревню из частных домиков это, по сути, их убийство. Даже если корреспондент и понимает эти вещи, для успешной передачи контекста и преодоления всех редакторских правок и коммерческих директоров (имеющих свой взгляд на ситуацию) у него мало шансов.

Поэтому у большинства корреспондентов нет выбора: они вынуждены либо принимать официальную точку зрения, либо сочинять стереотипные истории-формулы из отрывочных репортажей для тех, кто привык видеть борьбу индейцев как аномалию современного мира.

СТЕРЕОТИПНЫЕ ИСТОРИИ-ФОРМУЛЫ

В западных масс-медиа индейцев чаще всего представляют как этаких дикарей, против которых Джон Уэйн ведет священную войну от имени американского народа. Сегодня этот стереотип заменен образом *благородного дикаря*, т.е. индейцы рассматриваются как часть когда-то великой, но теперь вымирающей культуры. Когда-то эта культура позволяла разговаривать с деревьями и животными и защищать природу. Конечно, грустно, но в наше динамичное время эта культура оказывается неконкурентоспособной.

Такой стереотип можно увидеть во многих рекламных роликах. Гордо сидящий на лошади индеец, охраняющий свою землю... Затем следует быстрый переход к рабочим нефтяной компании, идущим вдоль трубопровода на Аляске. Рабочие нужны там для защиты трубопровода от утечек нефти, а, значит, для охраны окружающей среды и животных. Мы видим карибу и волков, и понимаем, что нефтяная компания берет сегодня на себя всю ответственность за сохранение земли, которую когда-то несли индейцы.

Проблема заключается лишь в том, что заказавший эту рекламу корпоративный спонсор лжет. Корпорация не несет ответственности за природу; если бы это было так, ей не надо было бы создавать дорогостоящие рекламные ролики, истина была бы на поверхности. Представляя индейцев как некую реликвию, реклама наносит большой вред делу освобождения индейцев.

Еще один стереотип, который мы видим сегодня в рекламных роликах, это *индеец, выступающий в качестве гуру*. В недавней передаче по телевидению показывали шамана, вызывающего дождь для своего племени. Затем его пригласила какая-то организация фермеров для той же цели. Его показали молящегося рядом с магическими объектами. Вот он протягивает руки к небу. Затем показали дождь. Рукопожатия с бизнесменами. Наконец, старый умудренный индеец, удовлетворенный своей работой, летит на самолете компании Юнайтед Эйрлайн.

В более изощренных репортажах показывают истории-формулы о том, как индейцы непрерывно воюют между собой из-за земельных участков. Данная формула хорошо вписывается в западную парадигму, согласно которой аграрные народы не способны собой управлять, поскольку всегда живут либо в состоянии анархии, либо в деспотизме. Например, "спор" между племенами хопи и навахо (см. главу 15) состоял в том, что вмешательство США в дела обоих племен привело к образованию двух марионеточных правительств, оспаривающих права на строительство, которого не хотели члены обоих племен. Но историческая правда данного эпизода, так и большинства других, незнакома масс-медиа и поэтому не обнародуется.

Еще одна очень популярная история-формула гласит: ИНДЕЙЦЫ СТОЯТ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ, например, в Новой Гвинее, на Борнео или в бассейне Амазонки. В таких историях обычно рассказывается о сопротивлении индейцев строительству дорог или плотин, или вырубке леса, или стремлении сохранить свои земли в неприкосновенности.

Проблема в этих историях-формулах не в том, что они не точны — индейские племена по всему миру действительно стоят на пути современного развития. Проблема в интерпретации. Корреспонденты утрируют ситуацию, представляя ее как тщетные попытки "людей каменного века" остановить победное шествие прогресса. По их мнению, проигрыш индейцев — лишь вопрос времени, и леса *будут* вырублены, и земля *будет* заселена пришельцами. Невзирая на агрессию со стороны белых, несмотря на правоту индейцев, несмотря на незаконность мер в отношении индейцев, несмотря на удивительную культуру индейцев, корреспонденты неизменно будут говорить о безнадежности борьбы индейцев и невозможности обратить историю вспять. Такая позиция, конечно, наносит больший вред. Лучше бы они вообще ничего не рассказывали.

Наконец, самая возмутительная история-формула о *богатом индейце*. Несмотря на минимальный средний доход индейцев по сравнению с любой другой этнической группой в Соединенных Штатах, самый высокий уровень заболеваемости и самый низкий доступ к медицинскому обслуживанию, пресса любит рассказывать о редких случаях обогащения какого-нибудь индейца. Иногда это истории об открытии нефтяного месторождения на индейской территории или о выигрыше в лотерее, но чаще речь идет о коррупции (напр., о Питере Макдональде, бывшем председателе племени навахо). Данная история-формула приводится с двоякой целью: во-первых, она должна еще раз подтвердить величие Америки, где *каждый* может стать богатым, даже индеец, и, во-вторых, подтвердить коррупцию и деспотизм среди индейских лидеров.

Вывод из этой истории якобы должен быть следующий: некоторые индейские племена стали богатыми вследствие своих притязаний на землю; так, например, коренные народы Аляски стали богатыми благодаря *Акту о предоставлении земли коренным народам Аляски* [46]. Но если глубже проанализировать эту историю, мы увидим, что право на поселение — чистейший обман и на самом деле лишает коренные народы Аляски *как земли, так и денег.*

Неспособность (и нежелание) прессы дать полную картину нищеты индейского населения, и в то же время эпизодическая публикация историй о внезапном обогащении создает у публики ложные представления о жизни индейцев. Ситуация еще больше усугубляется ложью со стороны национальных лидеров. Так, например, Рональд Рейган, выступая в 1987 году в Москве, заявил, что в стране нет дискриминации, и в качестве доказательств привел случаи обогащения отдельных индейцев за счет нефтяных месторождений вблизи Палм Спрингс.

ИНДЕЙЦЫ И НЬЮ-ЭЙДЖ

Среди американцев, однако, есть одна группа, которая стремиться как можно больше узнать об индейцах и относится к ним с почтением.

Я вспомнил об этом недавно во время посещения дантиста в графстве Марин, в зажиточном районе к северу от Сан-Франциско. Дантист оказался дружелюбно настроенным стильным молодым человеком, словно сошедшим с рекламной картинки. Занимаясь моими деснами, он мило расспрашивал меня о работе. Когда, наконец, он вынул инструменты из моего рта, я рассказал ему, что пишу об индейцах. Это вызвало у него большое волнение. "Индейцы! Это здорово! Я люблю индейцев. Индейцы — мое хобби. У меня по всему дому развешены постеры и индейские ковры. А в последнее время я брал уроки у одного классного индейского проводника. Я научился замечать малейшие изменения на местности, мелочи, которых не замечал раньше".

Энтузиазм этого молодого человека напомнил мне о тысячах других поклонников экзотики в таких местах, как Марин или Беверли Хиллс, где у людей достаточно свободного времени, чтобы заниматься "внутренними поисками". Среди этой

[46] Alaska Native Claims Settlement Act.

группы людей, которых можно отнести к категории Нью-Эйдж[47], или к "Движению за человеческий потенциал", отмечается особый интерес к индейским практикам, способствующим духовному пробуждению.

Обычно этот интерес проявляется в организации вечеринки с приглашением знакомого индейца-целителя. Шаман проведет гостей через лабиринт ритуалов, чтобы вызвать у них просветление. Эти ритуалы могут закончиться так называемыми потовыми ритуалами (sweat ceremony) или даже хождением по горящим углям. В семидесятых почти на каждой вечеринке гости должны были решиться пройти по горячим углям под руководством полинезийского шамана.

После соответствующих упражнений и хождения по углям вы могли перейти на уровень "визуальных путешествий". Может показаться, что я иронически отношусь к исследованию "человеческого потенциала". На самом деле, я нахожу в этом нечто замечательное. Стремление вырваться за пределы современного образа жизни, по-моему, похвально, но может оказаться и серьезной проблемой. К сожалению, приверженцы Нью-Эйдж всегда избегали прямого вовлечения в жизнь и политическую борьбу тех, кто унаследовал древние традиции и не прекращает попытки сохранить свой уклад жизни.

• • •

Корни современного индейского Нью-Эйдж уходят в 1960-е, в период, когда хиппи экспериментировали с наркотиками. В этот период молодые люди искали новый образ жизни, основанный не на материальных интересах, а на духовных ценностях, с коллективистским, неиерархическим управлением. Общины хиппи имели некоторое представление о политическом характере индейского общества. И сегодня многие из активистов-хиппи, постарев лет на тридцать, продолжают появляться на собраниях, организуемых индейцами. Старая добрая Хог Фарм[48] все еще помогает старейшинам Большой Горы в резервации племени навахо. И по-прежнему на встречах играет Грейтфул Дэд[49].

Именно в шестидесятые Карлос Кастанеда опубликовал книги, в которых предлагался выход в "другую реальность". Я был среди тех, кто был очарован его книгами. Впрочем, Кастанеда не обходил политические реалии. В каждой из его книг Дон Хуан и другие шаманы страстно говорят о предрассудках, с которыми сталкивались в детстве. Но мало кто из обозревателей замечали эти места; книги раскупались по другим причинам.

Кастанеде удалось познакомить миллионы американцев с системой логики, отличной от нашей. Он создал героев, которые пришлись по душе белым, ищущим вы-

---

[47] Движение Нью-Эйдж включает в себя элементы древних духовных и религиозных традиций, многие из которых смешиваются с идеями современной науки, в особенности, психологии и экологии.. Главные духовные корни Нью-Эйджа лежат в основных религиях мира, но более всего в спиритуализме, буддизме, индуизме, шаманизме, суфизме, даосизме и неоязычестве — *Прим. перев.*

[48] Одна из первых сельскохозяйственных общин хиппи в США, сохранившаяся по сей день. — *Прим. перев.*

[49] Greatful Dead — легендарная рок-группа, организованная в 1965 г. в Сан-Франциско. Группа синтезировала т.н. психоделический рок с элементами фолк-рока, блюза, кантри, джаза, госпел и др. — *Прим. перев.*

ход из жестких рамок западной логической модели. Он повел за собой миллионы, погрузив их в неизведанные измерения. Это ему удалось сделать прежде всего благодаря манере изложения, близкой к индейской. Неважно, вымышленными или реальными были герои Кастанеды. Главное, что они представляли собой систему обучения. Они открыли нам другой образ мыслей, они рассказали о другом опыте, других образах, не похожих на наши. В этом отношении книги Кастанеды приближались к образу мыслей индейцев и поэтому имели подрывной политический характер; они были опасны.

Американцы жадно читали книги Кастанеды. И до сих пор читают. Дело в том, что подобно самому Кастанеде, выходцу из индейской среды, подвергшейся вестернизации, мы все сидим на двух стульях. Стремясь к субъективному, природному и чувственному, будучи особенно восприимчивы к мифам и магии, мы оказываемся запертыми в мире из бетона, временных ограничений и механической логики. Образы Кастанеды представляли собой дорогу назад, к нашей вечной природе.

Однако несмотря на все достоинства таких "просветленных духовных путей", они не позволяют увидеть главные беды индейцев. В то время, как мы заняты исследованием "индейского начала" в нас самих, индейцы испытывают давление со стороны нашей культуры. Из книг Кастанеды нам удалось узнать лишь один-два аспекта индейской жизни, кое-что об их искусстве, отделив их от всей остальной жизни и опыта, то есть, сделать то, чего сами индейцы никогда не делают. Для индейцев фундаментальным является неразрывная связь духовного аспекта с экономической и политической жизнью. Почему же мы позволяем себе такое разделение?

Во-первых, это позволяет нам "снимать сливки" — искусство, культуру, духовную мудрость — с индейского опыта. Мы собираем эти "экспонаты" и отправляем их в музей, не задумываясь, насколько индейский опыт противоречит нашему. Мы чувствуем себя хорошо от мысли, что "сохранили" нечто индейское, не понимая, что для живых индейцев это ничего не значит.

Неудивительно, что мы выбрали такой способ приобщения к индейской культуре. Действительно, если бы мы стали пропускать через свое сердце и ум весь тот ужас, который испытывал и продолжает испытывать индейский народ, если бы мы осознали, что причиной разрушенного уклада жизни индейцев являются интересы американских компаний, правительства и военных, а также рынок и наши технологии, мы бы содрогнулись от ужаса и стыда. Поэтому мы гоним от себя эти мысли и стараемся не думать о непреодолимой пропасти, разделяющей наши культуры.

СОЦИАЛ-ДАРВИНИЗМ

Существует глубокая причина, по которой индейцы игнорируются большинством населения. Подсознательно мы считаем, что, несмотря на всю красоту их культуры, трогательные религиозные идеи, художественные творения и украшения, несмотря на всю мудрость их жизни, наше общество в эволюционном отношении находится впереди. *Они* — это "примитивная" ступень человечества, а *мы* превосходим их в своем развитии. Мы — передовая часть человечества. Мы впереди.

Мой приятель, работающий на телевидении, выражается по этому поводу так: "Нельзя отрицать тот факт, индейцы проигрывают нам. Они не поспевают за временем. Они становятся аномалией".

По сути, он обвиняет самих индейцев в том, что они не смогли приспособиться к новому времени. Более того, они не смогли приспособиться к технологическим переменам. Поэтому они не конкурентоспособны.

Это заявление отражает социал-дарвинистский взгляд на выживание, а именно на выживание сильнейшего, причем "сильнейший" в данном случае определяется в терминах технологических возможностей. Если вы используете машину лучше, чем ваш сосед или представитель другой культуры, значит, вы выживете, а он умрет. Это может быть и грустно, но логика подсказывает: ничего не поделаешь, мир так устроен.

С этой точки зрения западное технологическое общество является как бы наивысшим выражением эволюционного процесса, кульминацией всего, что было достигнуто человечеством, так сказать, высший цвет цивилизации. Мы представляет собой прорыв в эволюции, мы — самосознание планеты. Индейцы помогли этому процессу на некотором этапе, но сейчас уступили более развитым, *высшим* формам жизни.

Свое превосходство мы допускаем неслучайно. Нас этому долго учили, этим пропитана западная религия, экономическая система и техника. Всё буквально кричит о наивысших ценностях и преимуществах цивилизации.

Иудео-христианская религия дает нам пример иерархической структуры: один Бог над всеми, некоторые люди выше других, человечество выше природы. Политические и экономические системы организованы подобным образом: они строго иерархичны; все природные процессы рассматриваются только в отношении служения одному богу — богу роста и экспансии. Таким образом, все эти системы имеют *миссионерский характер*. С помощью тайного сговора они формируют плотную паутину вокруг нашей жизни. Они творцы и движители наших верований, и они определяют наше поведение. В свою очередь, мы верим в их жизненность и превосходство, поскольку они эффективно работают. Прежде всего, они дают нам власть.

Но является ли власть главной эволюционной ценностью? Окончательных выводов пока нет. Для подтверждения принципа "выживает сильнейший" может потребоваться промежуток времени превышающий 200 лет существования США или 100 лет Промышленной революции, или 20 лет "хайтека". Даже по Дарвину большинство видов становятся "неконкурентоспособными" через десять-двадцать тысяч лет. В наше время машины приводят к вымиранию биологических видов в течение одного поколения не потому, что эти виды плохо приспосабливаются к новой ситуации, а просто потому, что их к этому вынуждают. Тем не менее, есть основание сомневаться в окончательном успехе нашего вида *Homo sapiens*. Не исключено, что образ жизни, близкий к индейскому, отличающийся осторожным, бережным отношением к планете, соблюдением ее естественных законов, может со временем оказаться более "конкурентоспособным" и позволит выжить нашему виду. До этого момента, впрочем, мы будем использовать дарвиновскую теорию для обоснования своей технологической победы над "примитивными народами" и представлять ее не только как богоугодную, но и как согласующуюся с природой.

12

ИНДЕЙЦЫ НЕ ПОХОЖИ НА АМЕРИКАНЦЕВ

В книге *Смерть природы* Каролин Мерчант из Калифорнийского университета (Беркли) утверждает, что до наступления Эпохи Просвещения и "научной революции" люди рассматривали нашу планету как живое существо. Это представление сохранялось в большинстве культур, независимо от того, имели ли они "западную" ориентацию (шумерская, греческая и римская культуры) или языческие (природные) верования. Все они верили, что Земля — единое существо, с душой и органами. Кожей для нее служила почва, душа содержалась в камнях и костях умерших, органы включали в себя реки (кровообращение) и ветер (легкие). И это не было простой метафорой. Земля была живой; мы жили на ней как живут на человеческой коже миллионы микроскопических организмов.

Согласно Мерчант, большинство предшествующих Эпохе Просвещения культур верили, что Земля женского рода, что она — "мать жизни".

С приходом "научной революции" все изменилось. Впервые была высказана идея о том, что Земля — мертвая материя, машина. С этой идеей возник ряд научных теорий, которые в итоге привели к идее человеческого превосходства над животными и природой. Надо сказать, что семена такого представления были заложены еще иудеохристианской традицией. Быстро разросшаяся по земле техническая машина явилась физическим подтверждением нашей власти над природой и "доказательством" нашего превосходства.

Если бы люди сумели сохранить свое отношение к планете как к живому существу — более того, "матери", — возможно, поведение человека после "научной революции" было бы другим. С другой стороны, авторы-феминистки (например, Сьюзан Гриффин в книге *Женщина и природа*) блестяще показали, что именно из-за женского характера планеты западное патриархально-иерархическое и технологическое общество насилует землю с такой готовностью и страстью.

Следовательно идея мертвой земли — это идея, привнесенная современной цивилизацией. Но такой взгляд не является общепринятым и разделяется лишь теми, кто живет в западной технологической культуре. Неспособность увидеть планету как живое существо освобождает их от морали и этических ограничений, и, разумеется, приносит

экономические дивиденды от эксплуатации природных ресурсов. Но если большинство людей в Соединенных Штатах, Западной Европе и Советском Союзе привыкли рассматривать землю как огромную мертвую скалу, это совершенно не так для индейцев и аборигенных народов, продолжающих жить как жили их предки на протяжении тысячелетий, в тесной связи с планетой.

"МАТЬ-ЗЕМЛЯ"

Если вы общались с американскими индейцами, вы могли заметить, что, стараясь защитить "мать-землю", они выступают против добычи полезных ископаемых. Этот термин известен также народам, населяющим острова Тихого океана, индейцам эквадорских джунглей, инуитам арктической Канады — фактически любой коренной народ называет землю "матерью". Растения, животные, все живое питается от ее груди. Мы зародились в ней, мы — часть ее, мы расцвели на ней, и мы растворимся в ней, чтобы стать новой жизнью.

В каждой коренной культуре имеются запреты на личное обладание землей, добычу полезных ископаемых или продажу земли. Идеи приватизации земли были немыслимы для коренных народов до тех пор, пока они не столкнулись с западной культурой.

Данное фундаментальное различие мировоззрений лежит в основе многих конфликтов. Американцам, например, особенно тяжело привыкнуть к понятию "живая земля". Мы смеемся над этой идеей и над каждым, кто серьезно ее воспринимает. Я видел громко смеющихся белых, когда молодые индейцы-активисты обвиняли на митинге нефтедобывающую компанию в "осквернении матери-земли". Больно видеть, когда такие слова произносятся радикальной индейской молодежью, крутыми ребятами из агрессивной городской среды. Мы полагаем, что они специально хотят разозлить нас, что они не так искренни, как их отцы и деды.

Надо признать, что молодые индейцы не воспитаны на традициях предков. Многие из молодых активистов родились в резервациях, но сбежали в города по той же причине: хотели действовать. Очутившись в городе, они, однако, не вписались в него. Кроме откровенного расизма, они почувствовали, что не могут подстроиться к скорости и абстракции городской жизни. Часто все заканчивалось пьянством. Большое число индейцев, впрочем, возвращаются в резервации, чувствуя гордость за свое происхождение. Они опять начинают считать себя индейцами, и у них растет желание улучшить положение своего народа. Тогда они начинают думать о стариках, и может быть впервые за свою жизнь к ним прислушиваются.

Отношения между дедушками, бабушками и внуками — наиболее важный момент в поддержании индейской культуры. Для молодых людей старики — это окна в их собственную идентичность, это возвращение ко взглядам на Землю и жизнь, существовавшим до современной цивилизации. Передача знания от стариков к молодым необходима для выживание коренной культуры.

Для стариков понятие "мать-земля" неотъемлемо от их существования. И молодые активисты сегодня осознают важность традиционного знания. Поэтому они стараются связать эти знания с современностью, придать им новое звучание, сделать все, чтобы сохранялась преемственность поколений.

Конечно, белые всерьёз не воспринимают молодых индейцев, однако вынуждены к ним прислушиваться, т.к. многим индействим верованиям насчитываются миллионы лет.

Недавно некоторые ученые подтвердили, что Земля — живая система. Согласно биологам Линн Маргулис и Джеймсу Лавлоку, планета и ее атмосфера взаимодействуют как единая биологическая сущность (Теория Геи). Их работа оказалась в центре внимания многих конференций. На одной из таких конференций, организованной Джеймсом Суоном ("Земля живая?", Милл Вэлли, Калифорния, 1986 г.) рассматривались как традиционные, аборигенные, так и "западные", научные, подходы.

Потребуется еще много таких конференций и долгих исследований, прежде чем западное мировоззрение начнет изменяться. Уверен, что любое такое изменение будет рассматриваться как подрыв нашей культуры.

Многие авторы, прежде всего Карл Юнг и Олдос Хаксли, отмечали, что западное общество боится, ненавидит разрушает, и в то же время боготворит индейцев именно потому, что они выражают часть нашего, подавленного цивилизацией, сознания. Разве могла бы существовать современная Америка, если бы люди верили в то, что минералы, деревья, скалы, да и сама земля — живые? Не только живые, но и равные нам? Конечно, нет. Ведь тогда добыча полезных ископаемых, продажа и покупка земли рассматривались бы как святотатство. Кроме того, наше общество не могло бы существовать и в условиях коллективной взаимопомощи, на которой основано большинство индейских обществ. Поэтому следует признать: американцы поступают логически и вполне естественно, когда обороняясь, отвергают философские, политические и экономические модели индейской культуры.

СПИСОК ВАЖНЕЙШИХ ОТЛИЧИЙ

Принцип органичности и женственности Земли присущ большинству коренных народов и лежит в основе главного отличия между аборигенной и технократической культурами. Могут ли тогда сосуществовать два мировоззрения? Для того чтобы глубже разобраться в данном вопросе, я составил таблицу, в которой сравниваются различные аспекты жизни двух типов культур. И чем детальнее проводить сравнение, тем очевиднее становится полярная противоположность индейского и западного общества, буквально во всех аспектах.

В течение нескольких лет я изучал различные характеристики, присущих большинству коренных народов. И хотя список этих характеристик неполный и не претендует на "научность", я думаю, он свидетельствует о невозможности сближения двух мировоззрений. Обе культуры глубоко враждебны друг другу. Попытка соединить их не приведет к мирному сосуществованию или интеграции, но к смерти одной из них, что, по сути, и происходит.

Приводимую ниже таблицу нельзя назвать универсальной для всех типов индейского или западного сообщества. Между индейскими племенами существуют различия, равно как и между западными сообществами. Например, хотя ацтеки и инки были индейцами, они больше напоминают современных американцев. Во многих отношениях они похожи на нас — они создали "государство", у них была строгая иерархическая власть (чего нет у большинства индейских сообществ), их архитектура рассчитана на века; мы говорим о них, как о "развитой цивилизации".

Напротив, большинство индейских племен и аборигенных народов, независимо от того, живут они на дальнем севере или в тропических лесах, похожи друг на друга. Так, инуиты и навахо на юго-западе США и аборигены Австралии имеют очень близкие позиции в отношении природы. Индейские сообщества все еще вовлечены в коллективное производство, имеют общее хозяйство и большие семьи. У них схожие представления об искусстве, архитектуре, времени и многих других аспектах жизни. Для них все западные страны на одно лицо. Несмотря на все различия, мы, "западные" люди, носим галстуки и часы, водим машины, живем с семьями в больших домах и ходим по асфальту. Мы работаем каждый день на человека, которого зовем "босс". Мы используем деньги для покупки вещей. Мы одинаково свысока относимся к природе и людям нетехнической культуры.

Ниже выписаны некоторые определения, позволяющие сравнить технократическую и аборигенную культуру. Такая таблица будет полезной при дальнейшем исследовании и обсуждении данной проблемы. (Некоторые из положений детально рассмотрены в последующих главах).

Технократическая культура	**Аборигенная культура**
ЭКОНОМИКА	
Принцип частной собственности является фундаментальным и распространяется на ресурсы, землю, способность покупать и продавать, а также наследственное право. Преимущественной является корпоративная собственность.	Отсутствует принцип частной собственности на ресурсы, землю, воду, полезные ископаемые или растительную жизнь. Отсутствует принцип продажи земли. Нет права наследственности.
Товары производятся главным образом на продажу, не для личного пользования.	Товары производятся для непосредственного использования.
Перепроизводство, существенный мотив — прибыль. Технология продажи создает "потребности", используя рекламу.	Экономика самодостаточности (subsistence economy); отсутствует мотив прибыли; практически нет перепроизводства.
Необходимость экономического роста, рост производства, увеличение объема использования ресурсов, расширение рынка.	Устойчивая экономика; отсутствует принцип экономического роста.
Валютная система — абстрактные деньги.	Бартерная система — конкретная стоимость продукта.

Технократическая культура	Аборигенная культура
Конкуренция (в капиталистических странах), производство для личной выгоды. Вознаграждение в зависимости от выполненной задачи/зарплата.	Кооперация, коллективное производство.
Средний рабочий день 8—12 ч.	Средний рабочий день 3 — 5 ч.
Природа рассматривается как "ресурс".	Природа рассматривается как "существо"; люди как часть природы.
ПОЛИТИКА И ВЛАСТЬ	
Иерархическая политика и власть.	Большинство форм не иерархические; "вожди" не обладают распорядительной властью.
Решения обычно принимаются директорами, большинством или диктаторами.	Решения обычно принимаются при достижении консенсуса между всеми членами племени
Политический строй — от представительной демократии до авторитарного правления.	Демократия прямого участия; редкие случаи автократии.
Оперативные политические режимы: коммунистический, социалистический, монархический, капиталистический, фашистский.	Оперативные политические режимы: анархистские, коммунистические или теократические.
Централизация; основная власть сосредоточена в центре.	Децентрализация; власть остается в сообществах (исключения — инки, ацтеки и др.)
Законы кодифицированы, записаны. Противостояния в обществе. Антропоцентризм в основе законов. Криминальные случаи рассматриваются судьями, не знакомыми с подсудимыми (в США, Западной Европе, Советском Союзе). Отсутствует табу.	Законы передаются устно. Отсутствует противостояние. Законы интерпретируются для каждого случая отдельно. "Закон природы" лежит в основе законов. Криминальные случаи рассматриваются судьями, знакомыми с подсудимыми. Табу.
Принцип "государства".	Принцип "нации".
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ УСТРОЙСТВО И ДЕМОГРАФИЯ	
Крупные сообщества; большая плотность населения.	Небольшие сообщества, все знакомы друг с другом; низкая плотность населения.
Родословная определяется по линии отца.	Родословная определяется по линии матери, с некоторыми вариациями; права на собственность семьи принадлежат женщинам.
Почитание молодых.	Почитание стариков.

Технократическая культура	Аборигенная культура
История записана в книгах, рассказывается в телевизионных драмах.	История передается устной традицией, сохраняется в памяти.
ОТНОШЕНИЕ К ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ	
Поощряется стиль жизни, выходящий за природные ограничения; природный ландшафт не рассматривается как ограничение; завоевание природы признается как особое достижение; изменение природы признается желательным; ресурсы эксплуатируются.	Жизнь внутри природной экосистемы поощряется; гармония с природой - норма жизни; допускаются незначительные изменения природного окружения для удовлетворения непосредственных нужд: пищи, одежды, укрытия.
Используется мощная технология для изменения окружающей среды. Масштабное строительство; разработка оружия и других опасных технологий.	Маломощная технология; оружие, не наносящее вред окружающей среде.
Люди рассматриваются как высшая форма жизни; земля как "мертвая".	Весь мир считается "живым" — растения, животные, скалы. Люди — не высшая, а равная часть паутины жизни. Уважение ко всем формам жизни.
АРХИТЕКТУРА	
Материалы для строительства привозят издалека.	Материалы для строительства находят на месте.
Строительство рассчитано на срок, превышающий жизнь отдельного человека.	Строительство рассчитано на то, чтобы в конце концов здания переходили обратно в землю (исключение составляют пирамиды, построенные некоторыми индейцами); материалы биодеградируют в течение одной жизни.
Пространство проектируется в расчете на частную жизнь.	Пространство рассчитано на коллективную жизнь.
Резкие формы; земля покрывается бетоном или асфальтом.	Мягкие формы; земля не асфальтируется.
РЕЛИГИЯ И ФИЛОСОФИЯ	
Отделение духовного от мирского в большинстве западных культур (за исключением некоторых мусульманских, индуистских или буддистских государств); церковь и государство разделены; материализм является доминирующей философией.	Духовность является неотъемлемой частью всех аспектов жизни.
Монотеистическая религия (один Бог), либо атеизм.	Политеизм, основанный на природе, мужском и женском началах, анимизм.

Технократическая культура	Аборигенная культура
Футуристическое/линейное время; отрицание прошлого.	Интегрирование прошлого и настоящего.
Мертвые считаются ушедшими.	Мертвые существуют в настоящем.
Большая часть информации приходит из масс-медиа, школ или от авторитетных лиц, внешних по отношению к сообществу или личному опыту.	Люди получают информацию в результате личного опыта.
Время измеряется машинами; выполнение работ ведется по графику.	Время измеряется в результате наблюдений за природой; работа выполняется, когда для этого наступает подходящее время.
Накопление и приобретение.	Коллективная собственность, общее пользование.

Важно отметить, что на каждой стороне характеристики подчиняются внутренне непротиворечивой логике. В экономике, например, иерархическая власть гораздо эффективнее при использовании крупномасштабных технологий, чем, скажем, процесс нахождения коллективного решения, который намного медленнее и не поспевает за машинами, электроникой и расширением. В отношениях с окружающей средой принцип "люди выше природы" более подходит для технократических культур, в частности, капитализма, чем принцип "люди внутри природы", тормозящий технический прогресс.

Прямая противоположность мировоззрений индейского и американского общества самым пагубным образом отражается на выживании индейцев. Традиционная система логики не позволяет им использовать власть или мощные, агрессивные технологии. Напротив, индустриальная система, в особенности в капиталистических странах, требует расширения, роста и развития соответствующих технологий. Когда два мировоззрения сталкиваются, индустриальный мир благодаря своим агрессивным технологиям имеет грубое преимущество; после чего уничтожение коренных культур рассматривается как "победа" и свидетельство нашего эволюционного преимущества.

Понятно, что обе культуры несовместимы. Они не могут подстроиться одна под другую и, вероятно, не могут смешиваться. Они как антиподы, как тень друг друга. Обе культуры представляют собой две ветви человеческой жизни, но растут далеко друг от друга. Писатель Ди Браун[50] считает, что индейцы всегда понимали эту несовместимость мировоззрений и неизбежность конфликтов. Все случаи противостояния между белыми и индейцами свидетельствуют о том, что индейцы не заинтересованы в ассимиляции с белыми.

[50] Доррис Александр "Ди" Браун (1908—2002) — американский писатель и историк. Его самая знаменитая книга *Bury My Heart at Wounded Knee* (1970) повествует о яростном сопротивлении коренных индейцев американской экспансионистсткой политике на "диком Западе". Благодаря этой книге американцы получили правдивое представление о своей истории и индейском мировоззрении. — *Прим. перев.*

Индейцы не хотят быть американцами. На протяжении всей истории они пытались вести с нами переговоры о разделении земли; они никогда не хотели быть частью нас и до сих пор не хотят. По этим причинам они настаивают на политическом разделении и на возрождении индейской идентичности, земли и суверенности. Ассимиляцию они воспринимают как абсурд.

Возможно, это самый важный и трудный для восприятия момент: индейцы отличаются от "униженных" или "отсталых" народов "третьего" мира, стремящихся разделить блага нашего общества. Индейцы, напротив, говорят о себе как о "четвертом" мире. Они не хотят быть похожими на нас. Они стараются избежать ассимиляции, сохранить свою землю и свой образ жизни.

В отличие от распространенного в нашем обществе мнения, согласно которому коренные народы по всему миру желают участвовать в нашей экономике, многие индейцы не считают нас победителями в дарвиновском сценарии. Они уверены, что в конце концов, переживут нас, самонадеянных и плохо понимающих порядок жизни на земле. Они не хотят участвовать в нашем технологическом эксперименте. Не хотят заниматься промышленным производством. Не хотят участвовать в наших делах. Они считают, что мы все стремимся к смерти, и хотят, чтобы их оставили в покое. Видя, как мы бодро шагаем к пропасти, они не желают сопровождать нас.

По всему миру — в пустынях, джунглях, далеко на севере или в самих Соединенных Штатах — миллионы аборигенов уверены в том, что они противостоят единому, вооруженному до зубов врагу — обществу, чьи политические и экономические организации намерены разграбить планету и захватить земли их предков. Тот факт, что этот монстр в конце концов сам себя сожрет, не вызывает сомнения у аборигенов. Они часто обсуждают этот вопрос между собой и стараются наметить стратегию для будущего. Их цель — отойти в сторону и выжить.

"МЫ ПОМОГАЕМ ВАМ"

6 декабря 1986 года в Сан-Франциско собралась группа активистов (не индейцев) для того, чтобы обсудить проблемы индейцев. На собрании присутствовало 60 представителей антиядерного и антиколониального движений, экологических организаций, движений за гражданские права и религиозную свободу, а также около десятка индейцев (из племен хопи и навахо). Индейцы должны были проинформировать собрание о насильственном выселении 10 тыс. индейцев с земель предков под предлогом открытия угольных и урановых шахт.

Первый вопрос, который встал перед присутствующими: почему на их собраниях не обсуждается положение индейцев? Ясно, что борьба индейцев непосредственно связана с каждой из представленных организаций; тем не менее, эта борьба редко фигурирует в повестке дня.

На второй день работы конференции, настроение у присутствующих внезапно изменилось. К тому времени уже прошли дискуссии о роли масс-медиа, законодательной и юридической систем; исторические экскурсы; научный анализ прошлых агрес-

сий против индейцев. Следующим по программе должно было быть выступление о экологических проблемах индейцев. Однако неожиданно встал молодой человек из племени навахо Дэнни Блэкгоут.

Блэкгоут обратился к собравшимся активистам со словами: "Индейский народ тихо слушал выступающих в течение двух дней и ждал, что за этим последует, сможет ли кто-нибудь из вас помочь нам. Мы здесь сидим уже довольно долго, но не имеем никакого представления, чем все закончится. Мы думаем, что будет полезно, если вы послушаете, что по этому поводу думает индейский народ, потому как до сих пор мы выслушивали всех, кроме индейцев".

В этом месте один из защитников окружающей среды попытался было выступить против этого предложения, мотивируя тем, что собрание не уложится в отведенное время. Крики присутствующих сразу же его остановили. А Блэкгоут добавил: "Я думаю, что первое, что нам надо сделать, это снять часы и положить их в карман". Затем он пригласил других индейцев на трибуну.

Настроение собрания мгновенно изменилось. Присутствующие благодетели индейцев, включая и меня самого, осознали свою роль. Наш авторитет отступил на задний план. Мы стали просто аудиторией для восьми индейцев, которые обратились непосредственно к нам. Один за другим они стали рассказывать свои истории, называли свои имена, кланы и то, как понимают свои религиозные учения. Они говорили спокойно, медленно и прямо.

Вглядываясь в их лица, я вспомнил ситуацию двадцатилетней давности, когда в 1965 году впервые столкнулся с индейцами. Совет племени хопи (который сегодня не признается большинством хопи, а считается марионеточным) отдал в аренду часть земли Блэк Мейс (Черная гора) под угольную шахту компании Пибоди. Тем самым Совет племени нарушил заветы вождей, считавших землю Блэк Мейс священной. При этом Совет племени не испытывал никаких угрызений совести, т.к. состоял в основном из американизированных индейцев. Фактически большинство Совета состояло не из хопи, а из мормонов.

На встречу с религиозными лидерами меня пригласил этнограф из Санта Фе Джэк Лоффлер, помогавший в то время выиграть сражение против угольной компании. Там я впервые услышал Джона Ланза, старейшину племени хопи, объяснившего, что лежит в основании сопротивления хопи:

> Природа во всех ее проявлениях важна для хопи. Это земля, живые существа, вода, деревья, скалы. Именно сила или энергия, исходящие из этих существ, поддерживают мир. Это духовный центр земли. Это самое священное место. Прямо здесь, на Черной горе...до того как пришли белые люди, все хопи были счастливы, они пели все время. У хопи нет классовой структуры, нет хозяев, нет полицейских, нет судей — все равны. У нас не было политики... В те дни воздух был чист и можно было далеко видеть. Мы всегда обращались к матери-земле за пропитанием. Мы никогда не брали больше, чем надо. Наша жизнь была наполненной и скромной. Мы жили на земле, как устроил Великий Дух. Когда пришли белые люди, равновесие нарушилось. У белого брата нет духовного знания, только техника... Сейчас на нашем месте большая яма, из которой до-

> бывают уголь, чтобы превратить его в электричество и осветить большие города. Белые люди разрушили наш священный храм, нарушили наши молитвы, посланные по шести направлениям... Угольная компания Пибоди разрывает нашу землю и разрушает священные горы... Это очень плохо. Вы не сможете удержать землю в равновесии, если поступаете таким образом.

Ланза давно умер. Но теперь, много лет спустя, я сидел в комнате в Сан-Франциско и слушал те же самые слова из уст нового поколения индейцев. Я увидел, что они по-прежнему привержены идеалам своих предков. Они бескомпромиссны, открыто говорят о ценностях, неприемлемых для белых. И они продолжают сопротивление.

После выступления Дэнни Блэкгоута поднимался каждый индеец и говорил. Один из них сказал: "Самое главное для нас — религия, а борьба за землю — это религиозная борьба". Другой говорил о важности земли: "Если вы родились на земле, эта земля — ваш дом. Этого у вас никто не отберет. Совет племени, переселение, американское образование — все это направлено на то, чтобы увести нас от родной культуры и образа жизни".

Молодой индеец из племени западных шошонов Джо Санчес говорил о неспособности американцев понять смысл индейской борьбы:

> Для большинства американцев земля мертва, она для них ничего не значит. Для индейцев отделение от земли немыслимо. Это их источник существования. Это место, где живут духи их предков. Это не товар, который можно купить или продать; это не место для шахт и карьеров. Сегодня большинство американцев живет в городах. Они потеряли связь с почвой, с землей. Они не могут понять глубокие чувства, питающие индейские ценности. Поэтому они не воспринимают их серьезно. Когда наши старейшины говорят, что индейский народ умрет, если у него заберут землю, американцы не понимают, о чем идет речь. Школы и масс-медиа не могут ничего объяснить. Население в своем большинстве считает нас вымершими. Мы невидимы для американцев, невидимы и наши страдания. Для них мы — часть прошлого, что-то связанное с пионерами-колонистами.

Затем выступила женщина из племени инуитов, ветеран борьбы за возврат индейских территорий:

> Я наблюдаю, как вынуждают мое поколение отказаться от традиционного образа жизни; это первое поколение, которое вынуждено искать новые поселения из-за нефтяных разработок. Прошло много лет, как я переехала с Севера в Соединенные Штаты, но никому не пожелаю получить такой опыт... Я приезжаю домой каждый год и вижу, как люди все еще радуются жизни... радость от того, что они могут проявлять заботу друг о друге. Но я не думаю, что это надолго сохраниться. В Америке нет справедливости. Индейцы, находящиеся в тюрьме, не имеют возможность даже молиться по-своему. Договора с индейцами игнорируются законодательством США. Я нахожусь здесь чтобы помочь коренным индейцам. Они мужественные люди. Их жизнь естественна, их жизнь правильна.

Наконец, выступила молодая индианка из племени меномини Ингрид Вашинаваток (ее второе индейское имя Опегто Матаемох):

> Мое первое имя означает "Женщина-Летающий орел". Мое второе имя означает "Следящий Дух". Я одна из тех индейских женщин, которые живут между двумя мирами, но я знаю, какой мир мне ближе. Мне постоянно приходится разъезжать между моим домом в резервации [шт. Висконсин] и работой в Нью-Йорке. Когда я лечу на самолете, я вижу большое черное пятно и знаю — это резервация. Деревья вырублены под пастбища, да и просто ради древесины. Но резервация — единственное место, где люди пытаются оставить землю нетронутой... У американцев странные представления о том, кто такие индейцы. Если вы коренной индеец, говорят нам, вы не от сего мира. Если мы носим голубые джинсы и водим пикап, мы не настоящие... Мой ребенок смотрел телевизор и стал спрашивать, что такое сила. Он увидел рекламу, в которой сила ассоциировалась с детским ружьем. Я сказала ему, что это не сила. Я сказала, что когда мы поедем на нашу землю, он увидит, что такое сила... Коренной индейский народ сохраняет то, что важно для каждого человека. Он старается сохранить землю живой, а мир в равновесии. Иногда мне кажется, что вы [обращаясь к аудиторию] не понимаете, о чем идет речь. Не вы помогаете нам, а мы вам.

13

ДАР ДЕМОКРАТИИ

В популярном фильме Джона Бурмана *Изумрудный лес* (1985) хорошо показано нынешнее положение индейцев. Конечно, фильм далек от совершенства. Актеры играют плохо, аутентичное искусство и ритуалы индейцев ксингу выглядят слишком реалистично. Но фильму можно поставить оценку пять с плюсом в другом отношении. Во-первых, показанная в нем ситуация типична: индейское племя прогоняется со своей земли из-за сооружения большой плотины. Подобную картину мы видим повсеместно в Южной Америке и в других частях света. Во-вторых, в фильме подробно показан конфликт между племенами, когда одно племя выталкивается на территорию другого. В-третьих, продемонстрировано разрушающее действие западной техники — бульдозеров, плотин, ружей — на тропический лес и живущих в нем людей.

Изумрудный лес необычен и в том отношении, что показывает белых людей с точки зрения индейцев. Индейцы называют белых "термитным народом", а их бетонную цивилизацию "мертвым миром".

В фильме показана *нынешняя* ситуация, что отличает его от других фильмов, где индейцев обычно представляют как атрибут прошлого. (*Изумрудный лес* так же актуален для индейцев-активистов, как *Китайский синдром* для антиядерных активистов [51]).

Но для меня самым интересным был короткий сюжет, в котором с большой достоверностью рассказывалось о замечательном индейском правлении (о чем не упоминалось ни в одном обзоре). В этом эпизоде происходит разговор между американским инженером, ищущим в джунглях своего пропавшего сына, и вождем племени Невидимых Людей. Инженер настаивает на том, чтобы вождь приказал кому-нибудь из племени заняться поиском (на поиски никто не захотел идти). Вождь уклоняется, объясняя американцу: "Если я буду приказывать человеку сделать то, чего он не хочет, я перестану быть вождем".

• • •

В период работы над книгой самыми неожиданными открытиями для меня стали политические формы правления коренных народов. Как и большинство американцев, я был воспитан на том, что американская демократия представляет собой новую уни-

[51] Фильм "Китайский синдром" (о взрыве ядерного реактора на атомной электростанции) демонстрировался в Советском Союзе за пару лет до чернобыльской аварии, однако не вызвал особого резонанса. — *Прим. перев.*

кальную политическую систему, доказавшую на практике свою жизнеспособность. Я настороженно относился к другим формам правления, в частности, к социализму и марксизму, но никогда не предполагал, что "примитивные" народы могут предложить нечто демократическому обществу. Об этом не упоминалось ни в школе, ни в масс-медиа. Индейские системы правления обычно описывались как "анархия" или "вождизм". Предполагалось, что индейские правительства находятся на ранних этапах политического развития, которые мы, западные люди, давно прошли.

Негативное отношение к индейскому правлению или же его полное игнорирование — обычная история для американцев и вообще западных людей. Это еще один способ оправдать нашу интервенцию (в прошлом и настоящем) — ведь это мы принесли дар демократии! И это не просто чудовищное самомнение, это искажение исторической правды. История свидетельствует об обратном: у многих индейских народов, в особенности, проживающих в Северной Америке, на протяжении тысячелетий существовал весьма высокий уровень партисипативной[52] демократии; и многие коренные нации продолжают ее придерживаться.

Существует достаточно доказательств того, что доколумбовы формы правления — например, *Великий закон* Ирокезской конфедерации — мог послужить моделью и примером для Конфедерации США и самой американской конституции. О такой вероятности даже не заикнулись на официальном праздновании 200-летия конституции в 1987 году, что вопиюще несправедливо по отношению к роли, которую играли индейские народы в создании нашего государства.

Конечно, не каждое индейское правительство было демократичным, и нельзя назвать какой-нибудь один тип правления, который подходил бы всем аборигенным народам. Жаль, однако, что нельзя увидеть сегодня все разнообразие этих традиционных форм; многие племена уже исчезли или разрушены западной цивилизацией. Тем не менее, известно, что у большинства аборигенных народов на американском континенте, а также в Южной Америке, Австралии, Новой Зеландии, арктической зоне и Африке были небольшие, неиерархические, преимущественно матриархальные и демократические сообщества. (Примечательным исключением являются ацтеки, инки и, возможно, цивилизация сапотеков[53], у которых были крупные империалистические теократии). Такой вывод можно распространить как на кочевые племена (например, навахо и сиу в Северной Америке), так и оседлые народы, а также тех, кто живет в пустынях, горах или на Крайнем Севере.

Практически все аборигенные народы придерживаются трех главных политических принципов: 1) вся земля, вода и лес находятся в коллективной собственности племени; частная собственность, выходящая за пределы домашнего хозяйства, немыслима; 2) все решения в племени принимаются путем нахождения консенсуса между всеми членами племени; и 3) вожди — не авторитарные правители, как считают американцы, а учителя или инструкторы; их обязанности ограничены конкретными сферами деятельности (медицина, садоводство, война, отношения, ритуалы).

---

[52] От participatory (англ) — принимающий непосредственное участие в общественной деятельности. — *Прим. перев.*

[53] Доколумбовая цивилизация, существовавшая на территории современной Мексики (начиная с 500 г. до н.э., до прихода испанцев в 16-м веке). — *Прим. перев.*

На североамериканском континенте (как и в других местах) именно эти положения явились источником конфликтов с колонистами, а позже с правительством США, поскольку противоречили американской экспансионистской мечте.

Например, коллективная собственность на землю и консенсусное принятие решений чрезвычайно затрудняли заключение сделок о покупке земли, поскольку надо было получить согласие всех членов племени. Поэтому колонисты прибегали к прямому военному вмешательству. В последнее время были найдены "легитимные" приемы, позволяющие обойти традиционные формы индейского правления.

Кроме того, "размытость" роли вождя была непостижима для западных людей, воспитанных на монархии. У индейцев они не нашли единого правителя, с которым можно было договориться и кто мог бы распространить свою власть на остальных членов племени. У многих племен было по несколько вождей; например, у индейцев прерий были десятки вождей. В определенное время года особенно влиятельными становились ритуальные вожди. В другие периоды преимущество получали те, кто обладал сельскохозяйственным знанием. В военное время появлялись военные вожди, но их особые привилегии сразу же заканчивались, как только наступало мирное время. Никто из вождей не имел пожизненных прав, они выполняли свои задачи до тех пор, пока им доверяли и пока они поддерживали племя (как это показано в *Изумрудном лесе*). Если мудрость или поведение вождя вызывали сомнения, другой человек заменял его.

(Частые контакты с белыми колонистами привели к тому, что "размытость" власти в индейских племенах была нарушена. Обычно военный представитель белых входил в контакт с племенем и принимался, естественно, военным вождем. Для белых пришельцев военный вождь казался царем, и они относились к нему соответственно. Это придавало воинам племени политический вес, которого они раньше не имели. В то же время белые колонисты не признавали других вождей, многие из которых могли быть женщинами; в особенности те, кто был ответственным за медицину, сельское хозяйство и т.д.).

ПРАВИТЬ БЕЗ ПРИНУЖДЕНИЯ

Природу правления индейских вождей хорошо раскрывает французский антрополог Пьер Кластрес в книге *Общество против государства* (на основе изучения некоторых племен Южной Америки). В книге рассказывается также о племенах Северной Америки, Африки, Сибири и тихоокеанских островов, сохранивших традиционный образ жизни и древние формы правления.

Кластрес приходит к выводу, что западное представление о том, что индейский вождь — это мини-царь, совершенно ошибочно:

> Вождь не обладает ни самостоятельной властью, ни правом на принуждение, ни возможностью отдавать приказы. Вождь не является начальником; люди в племени не обязаны ему подчиняться...

> Вождь может опираться только на собственный авторитет, который он имеет в обществе и который позволяет ему поддерживать порядок и гармонию... Вождем он становиться благодаря своим деловым характеристиками, ораторским способностям, искусству охотника, способностям координировать действия остальных...И ни при каких обстоятельствах племя не позволит ему получить политическую власть только благодаря его деловым характеристикам...
>
> ...Исторические данные не позволяют сомневаться: нет ничего более чуждого индейцам, чем идея приказа или подчинения (за исключением особых ситуаций, возникающих во время военного похода).

Описывая обязанности вождя, Кластрес замечает: "Вождь должен отвечать за поддержание мира и гармонии. Он должен разрешать споры и усмирять противоборствующие стороны — но не путем применения власти (которой у него нет), а опираясь исключительно на свой престиж, чувство справедливости и красноречие. Он больше, чем судья, поскольку ищет пути для примирения... Другая важная его характеристика — благородство, состоящее одновременно из долга и привязанности".

Кластрес цитирует Фрэнсиса Хаксли, изучавшего жизнь племени урубу: "Главное занятие вождя — проявлять благородство и давать то, что просят. В некоторых индейских племенах вы всегда можете узнать вождя, т.к. у него меньше всего имущества и носит он самую потрепанную одежду. Остальное он отдал членам племени". Смысл отдавания заключается в том, чтобы поддерживать экономическое равенство между людьми (например, ритуал потлатч[54] племени квакиутль).

В отношении североамериканских индейцев Кластрес замечает: "Мы сталкиваемся с целым созвездием сообществ, в которых обладатели того, что мы называем "власть" [т.е. вожди], по сути, её не имеют; политика в этих сообществах не имеет никакого отношения ни к принуждению, ни к насилию; здесь нет иерархической субординации, нет приказов и подчинения. Это главное отличие индейского мира от западного, что позволяет говорить об американских племенах как о единой вселенной, несмотря на чрезвычайно большое разнообразие культур".

Кластрес не одинок среди антропологов, заметивших отсутствие автократии у индейцев. Однако большинство антропологов придерживаются мнения о "неполноценности примитивного правления". Вместо того чтобы высоко оценивать способность индейцев счастливо жить на протяжении тысячелетий без принуждения, большинство антропологов пренебрежительно называют индейские системы правления "эмбриональными", "начальными" или "малоразвитыми", неспособными создать "государства" и т.п.

Представление о том, что принуждение в некотором отношении "выше", чем системы без него, по меньшей мере, спорно. Так же спорно представление о "государстве" как усовершенствовании неформальных отношений между людьми, хотя бы потому, что государство может включать в себя как демократию, так и монархию и диктатуру всевозможных видов.

---

[54] Сложные церемонии индейцев Северной Америки (и о-вов Тихого океана), заключающиеся в раздаривании своего имущества соседям, с целью поддержания своей бедности. Такие церемонии часто сопровождаются угощением и танцами. Правительства США и Канады запрещали данный праздник вплоть до 1950 г. — *Прим. перев.*

Однако такие представления западных антропологов играют весьма важную роль: они укрепляют стандартные воззрения на наше воображаемое цивилизационное преимущество.

НАШИ ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ, ИРОКЕЗЫ

Одно из самых больших разочарований американских индейцев сегодня — нежелание американского общества признать взаимное влияние наших двух культур на протяжении столетий. Нельзя отрицать того, что *наше* влияние на индейцев было, по большей части, разрушительным. С другой стороны, влияние индейцев на нашу культуру замалчивается. Иногда с большой неохотой признается, что индейцы учили первых поселенцев выживать в неприветливых холодных лесах Севера. Сегодня мы узнаем от индейцев о многих лекарственных травах и о том, что современная фармакология своими корнями уходит в древнюю науку о растениях. Мы только-только начинаем постигать весь громадный объем знаний, накопленный индейцами. И весь этот объем знаний находиться под угрозой уничтожения.

В книге *Наследие индейцев* антрополог Джэк Уезерфорд приводит большой список областей, куда индейцы внесли значительный вклад и который не признается белыми. Это, в частности, сельское хозяйство, питание, архитектура и планирование городов. Но для меня самым большим откровением было их влияние на демократическое правительство. Один из самых охраняемых секретов американской истории состоит в том, что Ирокезская конфедерация в значительной степени повлияла на Бенджамина Франклина, Джеймса Мэдисона и Томаса Джефферсона, когда они пытались создать конфедеративное государство на демократических принципах.

Последние исследования показали, что в середине восемнадцатого века индейцы не только участвовали в обсуждении устройства конфедерации нашими "отцами-основателями", но и что их *Великий закон* Ирокезской конфедерации был взят в качестве единственной модели при разработке плана Союза в 1754 году в г. Олбани — и далее стал основой американской Конфедерации и Конституции. Учитывая с каким благоговением американцы верят в миф о наших великих отцах-основателях, в то, как они собрались дабы выразить "новое видение" государства, неудивительно, что эта информация отсутствует в школьных текстах, в истории и масс-медиа. Если бы обнаружилось, что индейцы сыграли важную роль в образовании США, вообразите, какой это был бы удар для американской психики.

• • •

В середине восемнадцатого века колонисты попытались освободиться от британского владычества. Главные поселения в то время — города Олбани, Филадельфия, Бостон, Нью-Йорк — совсем не походили на сегодняшние. Олбани, столица шт. Нью-Йорк, где происходили важные встречи по поводу устройства конфедерации, насчитывала всего 200 домов. Население составляло менее 3000 человек. Филадельфия, которая должна была стать столицей Соединенных Штатов, была самым крупным горо-

дом колоний, с населением 13 тыс.человек. Это были маленькие города, отделенные друг от друга сотнями миль лесных массивов; чтобы добраться из одного города в другой требовалось несколько дней. Но в лесах жили индейцы! Более того, индейцы в то время имели более сильное общество, уступив белым пришельцам лишь небольшую часть прибрежных территорий. Ирокезская конфедерация (штаты Нью-Йорк, Пенсильвания, Огайо, Теннеси и Онтарио) практически была нетронутой.

В такой ситуации колонисты оказывались весьма уязвимыми. Для них чрезвычайно важно было установить контакт с индейцами. Они часто встречались и обсуждали важные для обеих сторон вопросы: безопасный проход, торговлю, договора о земле и военные союзы. Союз с ирокезами был в особенности важен для английских колоний в споре с французами.

Если бы ирокезы не выступили в конце концов на стороне английских колоний, мы бы сейчас разговаривали по-французски, и, возможно, были бы частью Квебека. Договора с индейцами заключались чуть ли не каждый день, и как отмечают многие исследователи, переговоры велись "на индейский манер", то есть, с соблюдением индейских правил переговоров и контактов. Поэтому колонисты были достаточно хорошо осведомлены об индейском процессе принятия решения и управления, и старались к нему приспособиться. Даже выбор Олбани в качестве места для переговоров был продиктован индейцами.

Справедливым будет заметить, что поддержание хороших отношений с индейцами в тот период было таким же важным для колонистов, как, скажем, поддержание сегодняшних отношения между США и Канадой или Советским Союзом. В 1700-х гг. "иностранная политика" сводилась в основном к отношениям с индейцами.

Кроме вынужденных ежедневных контактов с индейцами в 1700-х и ведения переговоров в индейском духе, колонисты боролись еще с одной большой проблемой: ни одна страна не могла служить им рабочей моделью для конфедерации штатов. Вся Европа в то время находилась под властью монархов, провозгласивших свою власть Божественным правом. Конечно, благодаря Монтескье, Локку и Юму демократические настроения зарождались и в Европе. Кроме того, Греция могла служить примером демократии, которой насчитывалось 2000 лет; однако это была демократия государства, не похожего на конфедерацию, и существовала в совершенно другом геополитическом контексте.

Тем временем, рядом с федералистами находился живой пример успешной демократической конфедерации, руководствующейся не абстрактными теориями, а практическим Великим законом Ирокезской конфедерации.

По мнению западных исследователей *Великий закон* был создан в начале 1400-х гг.; хотя сами ирокезы считают, что он существовал за сотни лет до прихода Колумба. По-видимому, *Великий закон* возник из ситуации, близкой к той, с которой столкнулись отдельные колонии, т.е. необходимо было сформировать мирную федерацию из пяти спорящих между собой индейских народов — онондага, онейда, могавк, сенека и каюга (позже соединившихся с тускарога) — проживавших на огромной территории, от Теннеси до Онтарио. *Великий закон* сформулировал главное правило, по которому народы конфедерации должны были вести дела друг с другом в едином правовом про-

странстве. Он также устанавливал права, сохранявшиеся за отдельными народами (права штатов). В законе описана система, по которой демократическим путем избирались представители в Большой Совет, разделенный на отдельные совещательные органы (многокамерное законодательство). В нем подробно описаны законодательства отдельных племен, процедуры коллективного выбора и отстранение вождя, а также способы участия всего населения в демократическом процессе.

Успех такой модели очевиден хотя бы потому, что она существует уже много столетий. Известно, что долгое время индейские племена мирно сотрудничали, сохраняя свой суверенитет. До сих пор Ирокезская конфедерация объединяет шесть наций, а *Великий закон* остается для них главной системой управления.

Таким образом, нельзя отрицать влияние ирокезов на колонистов. Поддерживающие это мнение историки, однако, столкнулись с сопротивлением в условиях широко распространенного мифа об "отцах-основателях".

Самым независимым среди историков можно назвать профессора Дональда Гринда, мл., из Калифорнийского университета в Риверсайде. В книге *Ирокезы и образование американской нации* Гринд доказывает: да, ирокезы оказали значительное влияние на колониальных лидеров. Он цитирует Джорджа Клинтона, губернатора Нью-Йорка 1747 года, сообщающего, что большинство американских лидеров "не имели понятия о демократических институтах". Гринд продолжает: "Для европейцев аборигенные народы Америки казались свободными от многих пороков [присущих европейским монархиям]... Колонисты увидели широко практиковавшуюся индейцами демократию. Несмотря на большое самомнение и расизм, английские колонисты не могли скрыть своего изумления по поводу свободного и мирного объединения американских индейцев".

Гринд указывает, что Джеймс Мэдисон часто приезжал к ирокезским лидерам, чтобы изучить их опыт. Уильям Ливингстон бегло разговаривал на языке племени могавк, часто их посещал и жил с ними. Джон Адамс с семьей часто беседовал с вождями племени каюга. В личных бумагах Томаса Джефферсона можно найти ссылки на формы правления ирокезов, и, как указывает Гринд, "работы Бенджамина Франклина изобилуют рассказами об индейцах и их идеях о личной свободе и структуре правительства". Проф. Брюс Джохансен из университета шт. Небраска добавляет, что Франклин, занимавшийся в то время печатным делом, был особенно хорошо знаком с философией индейцев, поскольку "не только печатал договора с индейцами, но и сам их составлял". Франклин также присутствовал на встрече с ирокезскими вождями и колониальными губернаторами в Ланкастере (шт. Пенсильвания) в 1744 году, на которой вожди рекомендовали колонистам прекратить междуусобицы и образовать союз.

В 1754 году колонисты собрались для разработки проекта Союза в г. Олбани. Это была первая попытке образования конфедерации; на конгресс пригласили сорок два члена ирокезского Большого Совета в качестве советников. Бенджамин Франклин открыто признает свой интерес к системе правления ирокезов в своей известной речи на конгрессе: "Кажется довольно странным... что шесть неграмотных [sic] наций могли сформировать такой союз и придерживаться его с таким постоянством на протяжении веков, в то время как союз между английскими колониями оказывается недостижимым..."

Согласно Гринду, Франклин собрал ирокезских вождей и делегатов колоний, чтобы "выработать план, который по его мнению должен был быть близким к Ирокезской конфедерации".

В 1989 году в интервью по национальному радио Гринд упомянул о значительном сопротивлении со стороны академического сообщества идее ирокезского участия в американской истории. Тем не менее, в этом отношении наметился определенный прогресс:

> Многие [сейчас] принимают тот факт, что ирокезы участвовали в Континентальном конгрессе на заре принятия Декларации о независимости. Признается также и факт заинтересованности отцов-основателей американской конституции в изучении индейского правления. Но людей было непросто в этом убедить... Индейские общины показали, что демократия не умерла в Греции 2000 лет назад и не перешла в Божественное Право монархии. В Северной Америке и других местах жили люди, обходившиеся без королей и знати, с правительствами, значительно менее репрессивными, чем в Европе... Некоторые по-прежнему это отрицают.... Им трудно признать, что отцы-основатели брали на вооружение идеи цветного населения... Это противоречит общепринятой философии нашего общества.

Есть еще один аспект, вызывающий большие споры. Так, например, можно утверждать, что ирокезская модель оказала влияние и на Европу, в частности, на таких мыслителей как Фридрих Энгельс и Карл Маркс.

Известно, что Маркс и Энгельс совместно занимались разработкой модели эгалитарного, бесклассового общества, которая затем переросла в теорию коммунизма; причем на Энгельса большое влияние оказала работа антрополога восемнадцатого века Льюиса Моргана, в частности его отчет об ирокезах. Энгельс был настолько воодушевлен, что в своей работе *Происхождение семьи, частной собственности и государства* использовал ирокезов как пример построения успешного бесклассового, эгалитарного и ненасильственного общества.

Возникает странная ситуация. Несмотря на широко распространенное мнение о влиянии "развитого" Запада на американских индейцев, оказывается, что две важнейшие политические системы в мире [55], по крайней мере, частично, основаны на *Великом законе* Ирокезской конфедерации. Если это действительно так, то США и СССР должны внимательно изучить эту связь и оригинальный документ, и серьезно задуматься, что же у них пошло не так, и есть ли возможность исправить ситуацию.

ВЕЛИКИЙ ЗАКОН ИРОКЕЗСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ

Согласно ирокезской истории, создание *Великого закона* приписывается двум людям: Гайавате (могавк) и Деканавиде (онондага). Оба провели в походах десятки лет, путе-

[55] Имеется в виду демократическая "западная" и марксистская (социалистическая) системы. — *Прим. перев.*

шествуя по восточной части американского континента за сотни лет до Колумба, с целью объединить племена могавк, онеида, каюга, онондага и сенека. (Шестое племя тускарога присоединилось к ним позднее, в 1715 году).

Великий закон передавался устно из поколения в поколение, принципы записывались на разукрашенных поясах и кожаных веревочках. Многие из этих поясов с тех пор утеряны, а оставшиеся экземпляры стали предметом острых споров между ирокезами и государственным нью-йоркским университетом, где они сохранялись. Университет, наконец, возвратил их индейцам в 1989 году.

Первые переводы ирокезской конституции были сделаны в начале века антропологом Артуром Х. Паркером и вошли в книгу *Паркер об ирокезах* (изданную Уильямом Фентоном). Кроме паркеровских комментариев, касающихся жизни ирокезов, в книге есть перевод всей конституции — все 115 страниц.

В комментариях Паркера мы читаем, что "Великий закон, как система правления, был почти идеален для культуры [*sic*], с которой он должен был иметь дело... С помощью этого Закона пять наций стали доминировать на пространстве к востоку от Миссисипи и в колониальные времена оказали огромное влияние на судьбу английской цивилизации на континенте". Ирокезы относятся сегодня к *Великому закону* как основе своей жизни, позволяющей успешно противодействовать белому обществу.

• • •

Как пишет Паркер, некоторые черты *Великого закона* легко узнаются в конституции США: учреждение федерации с отделением федерального правления и правления штатов; общая оборона; представительная демократия на федеральном и местном уровнях; отдельные законодательные ветви для рассмотрения проблем и нахождения решений в спорных вопросах; контроль и устранение превышений власти; права на выдвижение кандидатов и их отзыв; всеобщее избирательное право (хотя для принятия последнего положения американцам потребовалось 150 лет).

Положения, которые колонисты отказались принять, вызывают не меньший интерес, чем те, что вошли в конституцию. Любопытно, например, что, в то время, как у ирокезов не было ни исполнительного органа, ни правителей, ни президентов, колонисты не могли и шагу ступить без своих монархов. Многими полномочиями назначать или отстранять вождей у ирокезов обладали женщины — еще одна статья, которая не воспринималась Соединенными Штатами, равно как и нахождение консенсуса на каждом уровне и в каждой законодательной ветви.

Как писал Паркер, Большой совет Ирокезской конфедерации, главный законодательный орган федерации, состоял из 50 *родиянеров* (гражданских вождей, в противовес военным вождям), разделенных на три различных "дома" в зависимости от принадлежности к племени. Каждый из "домов" отдельно обсуждал проблемы, а затем докладывал о своих решениях онондага, не входившим в другие законодательные органы, а служившим в качестве "хранителей огня". Онондага определяли, достигнут ли консенсус между домами. Если консенсус не был достигнут, они возвращали вопрос "домам" на повторное рассмотрение и требовали достижения соглашения для дальнейших действий.

Единственным исполнителем был временный "спикер", выбираемый с одобрения собравшихся; он избирался только на один день.

Право назначать вождей передавалось по наследству и удерживалось только матерями определенных кланов из каждого племени. После назначения кандидат поэтапно проходил ратификацию всем кланом, национальным советом, Большим Советом конфедерации и, наконец, всем народом. Женщины также имели право отстранять вождя от обязанностей, если он "не заботился о благополучии народа", как гласит Закон. Они могли отстранить вождя, который "стремился установить свою власть, выходящую за рамки *Великого закона*". Если женщины устраняли вождя, они также должны были номинировать его приемника.

Процедура устранения вождя от власти была прописана до малейших деталей, как и все правила *Великого закона*, включая слова, произносимые как предупреждение провинившемуся вождю, затем повторные предупреждения и, наконец, отстранение.

Кроме номинирования вождей женщинами, Закон разрешал признание "вождей сосен", которые спонтанно появлялись в сообществе. В соответствии с Великим Законом, эти люди должны были "проявлять особые способности и большой интерес в делах нации, а также быть мудрыми, честными и достойными доверия". Они присутствовали на всех заседаниях Совета.

Обязанности вождей были выписаны до мельчайших подробностей:

> Вожди должны быть наставниками людей на протяжении всего времени своего правления. Толщина кожи их должна быть семикратной, чтобы защититься от злобы, оскорблений и критики. Их сердца должны быть наполнены миром и доброй волей, а мысли — желанием принести благополучие людям конфедерации. С бесконечным терпением они должны выполнять свои обязанности, а их твердость должна смягчаться нежностью к своему народу. В их сознание не должны проникать ни злость, ни волнение, а все слова и действия должны отличаться спокойной рассудительностью... Они должны быть честными во всем... корысть должна быть забыта. Они должны следить за благополучием всего народа и всегда иметь ввиду не только настоящее, но и последующие поколения, даже те, чьи лица находятся еще под покровом земли — неродившийся будущий Народ.

Медленные решения

Великий закон содержит одно правило, которое мне показалось особенно необычным для демократического правления. В законе говорится, что когда "перед Советом стоит особенно важное и неотложное дело и природа этого дела затрагивает все Пять Наций, тогда Совету не разрешается принимать решение без предварительного обращения ко всем членам конфедерации. Вожди Конфедерации должны представить дело на суд народа — и решение народа должно повлиять на решение Совета. Это решение должно быть подтверждено голосом народа".

Замечательно, что это правило предписывает способ принятия решений прямо противоположный нашему. В Соединенных Штатах большинство жизненно важных решений, особенно связанных с войной, всегда принимается правительством быстро

— и часто тайно — без согласия народа. Такая поспешность и секретность оправдываются важностью и необходимостью быстрого действия. Часто эта спешка вызвана технологическим "опережением".

В Соединенных Штатах президент принимает все решения в отношении войны. Конституционный принцип, согласно которому только Конгресс может объявлять войну, является фарсом, что недавно было продемонстрировано на примере с Ираком. Хотя Конгресс в конце концов дал согласие на войну, сначала президент Буш подвел 450 тыс. человек к границе *без согласия* Конгресса, выступив с резким заявлением в адрес Ирана, после чего война стала неизбежной. И в прошлом мы видели, как президенты США бомбили (Вьетнам, Камбоджа, Лаос), вторгались на территории других стран (Гренада, Ливан, Панама) и предпринимали военные действия (Никарагуа), и все это без одобрения Конгресса, не говоря уже об игнорировании мнения всего народа.

Я не знаю ни одного аборигенного народа, вождь которого принял бы решение о военных действиях без длительного обсуждения со всем племенем, на что иногда уходит много дней или даже недель. Даже когда военное решение одобрялось, войско собиралось на добровольных началах. Если же число воинов оказывалось недостаточным, война просто отменялась; в противном случае военный вождь должен был идти на войну один, что временами и происходило. Благодаря этому правилу решения о войне принимались Конфедерацией ирокезов медленно, а значит, более взвешенно.

Права штатов

Несколько положений *Великого закона* обеспечивают суверенитет каждого народа — члена конфедерации. Например, в одном из разделов говорится: "...Пять Костров Совета должны непрерывно гореть и не гаснуть. Вожди каждой нации в будущем должны разрешать дела свои вокруг костра Совета, [в то же время] всегда следовать законам и правилам Совета конфедерации и Великого мира".

Знакомая формулировка? Действительно, она очень близка модели, принятой Франклином и Джефферсоном для конституции Соединенных Штатов.

Как отмечает Паркер, в дополнение к гарантиям суверенитета для каждой нации существовали также правила, обеспечивающие равенство полов, а также права местных общин:

> Люди каждого клана Пяти Наций должны иметь постоянно горящий Костер Совета. Когда возникает необходимость обсудить благосостояние клана, люди могут собираться вокруг костра. Этот совет должен иметь те же права, что и совет женщин.
>
> Женщины каждого клана Пяти Наций должны иметь постоянно горящий Костер Совета. Когда по их мнению возникает необходимость в собрании, они должны собрать совет, на который вынести решения и рекомендации...
>
> Все Костры кланов, или Пяти Наций, могут объединяться в один общий Костер Совета; другими словами, делегаты от всех Костров Совета кланов могут выдвигаться для объединения в общий совет для обсуждения интересов народа. Люди должны иметь права для выдвижения своих кандидатов и делегировать свою власть другим.

Когда их совет придет к решению по какому-либо вопросу, их решение будет доложено в Совет Наций или Совет Конфедерации, если это будет необходимо.

Великий закон также содержал специальные статьи, определяющие права и обязанности военных вождей, права родственности, официальную символику племени, законы усыновления/удочерения, законы эмиграции и иммиграции (включая политическое убежище). Указывались также права иностранных граждан; многие положения содержали точные слова и процедуры для "воспитания" вождей, похоронных речей, песней при возведении в должность и других церемоний. Например, на церемонии открытия перед каждым советом от онондага требовалось "принести благодарность Земле, на которой живут люди, рекам, озерам, источникам, маису и фруктам, лекарственным травам и деревьям, лесным деревьям за их полезность, животным, которые дают пищу и шкуру для одежды, великому ветру и малому ветру, Грому, Солнцу, могучему воину, луне, и посланникам Творца, и Великому Творцу, который живет в небесах и который все дает людям, кто источник всего сущего и правитель над здоровьем и жизнью".

НАЦИЯ ИРОКЕЗОВ, 1991 год

С момента образования Соединенных Штатов Ирокезская конфедерация остается одним из немногих объединений американских индейцев, успешно противостоящих стремлению США разрушить традиционные правительства и заменить их новыми (в соответствии с т.н. "Актом по индейской реорганизации"[56]). Сохранению традиционного правления и прав на землю помогает прежде всего ясность и непротиворечивость Великого Закона Шести Наций.

Племя онондага, "хранители огня" ирокезов, в особенности привержены суверенитету. Проживающие в настоящее время на небольшой территории в окрестностях г. Сиракузы (шт. Нью-Йорк), онондага постоянно заявляют о том, что ни штат Нью-Йорк, ни Соединенные Штаты не имеют никакого законного права на их территорию. Вождей онондага часто приглашают на собрания других племен, стремящихся возвратить традиционные правительства. Сегодня большинству американских индейцев ясно, что назначенные Актом реорганизации правительства не могут защитить культурные и духовные ценности индейцев и служат интересам США. Именно они заключают сделки со строительными компаниями и теми, кто занимается добычей полезных ископаемых.

Боевое руководство онодага возглавляет Орен Лионс, Хранитель клана Черепахи. Несколько раз я встречался с ним, чтобы выяснить некоторые подробности, касающиеся *Великого закона*.

В свои шестьдесят с небольшим, прекрасный как кинозвезда, Лионс живет один в небольшом деревянном домике в резервации. В молодости Лионс жил вполне благо-

[56] Indian Reorganization Act.

получно, вдали от индейского общества. У него была успешная карьера директора издательства Норкросс Гритинг Кардс и иллюстратора рекламных проспектов в Нью-Йорке. Этот опыт позволил ему приобрести уникальное качество: говорить с легкостью с представителями белой элиты.

Лионс рассказал мне, как в 1967 году он оставил карьеру рекламодателя и возвратился в резервацию после того, как его "позвали матери клана Черепахи, чтобы заменить умершего вождя". Он также представляет племя онондага на Великом Совете ирокезов.

Вождям не платят, поэтому Лионс частично поддерживает себя тем, что ведет обучение по программе индейских исследований в университете шт. Нью-Йорк, в г. Буффало. Он также неплохо рисует и тренирует команду ирокезской конфедерации по хоккею (лакроссу). (В Сиракузском университете Лионс был известной фигурой. Мечта Лионса — подготовить отдельную национальную сборную ирокезов. И действительно, команда ирокезов участвовала на всемирных играх 1990 г., организованных федерацией хоккея).

В 1977 году Лионс был избран одним из представителей индейцев Западного полушария на конференцию ООН по аборигенным народам; кроме того, он входит в руководящий комитет Глобального форума духовных и парламентских лидеров по глобальному выживанию — международную экуменическую организацию религиозных и политических лидеров.

Во время моих встреч с Лионсом и последующей переписки я старался больше узнать об истории *Великого закона*, а также его современном использовании ирокезами.

Лионс предупредил меня о том, что *Великой закон* — [прежде всего] это устный закон и остается таковым. В 1974 году Большой совет *Хау де но сау нее* отверг все письменные версии закона, включая и версию Артура Паркера. Хотя многие пассажи Паркера не вызывают возражений, нумерация его статей не имеет ничего общего с устной версией, а использование таких слов, как "хозяева" просто оскорбительны для индейцев. Лионс рассказал мне, что индейцы постоянно занимаются изучением, обсуждением и интерпретацией всех нюансов *Великого закона*; в то же время они считают, что в английском переводе утеряно много нюансов, присутствующих в устной версии. У начальной благодарственной молитвы, например, о которой я говорил ранее, есть, по крайней мере, три разные устные версии; согласно Лионсу, "самая короткая версия занимает от пятнадцати до двадцати минут, самая длинная — до полутора часов".

"Думаю, справедливым будет сказать, что совет вождей *Хау де но сау нее* последний из традиционных правительств в Северной Америке, — говорит Лионс. — Из шести наций конфедерации только племя могавк заменили свою традиционную систему на американизированную форму правления, что привело к разрушительным последствиям для резервации Аквесасне в шт. Нью-Йорк. (Правительство здесь ввело азартные игры без согласия народа, и с тех пор не прекращаются стычки)".

Лионс уверен, что главная сила традиционного правления ирокезов состоит в доверии к нему всех людей и их участии в выборах. "*Вождь* — это английское слово, — говорит Лионс. — Индейское слово *хойаунах* означает "добрый ум", миротворец. Мы

[вожди] служим людям. В наших племенах лидеры непосредственно доступны всем людям. В таких государствах, как Соединенные Штаты, вы создаете орган, отделенный от людей и начиненный властными структурами — например, исполнительными или центральными комитетами. В нашем правительстве главное значение имеет национальное согласие. У нас нет процесса голосования. У нас система обсуждения и совет, который требует соглашения всех сторон, присутствующих на Костре Совета; все должны в конце концов придти к согласию по рассматриваемому вопросу. Все встречи публичны. У нас нет закрытых встреч в домах. Нет также и исполнительной [президентской] власти".

На всех встречах Совета "каждому взрослому члену племени разрешается говорить столько, сколько он или она пожелает, при условии, что они не будут слишком повышать свой голос. Есть ограничения, препятствующие попыткам доминировать на встрече или использовать какую-либо силу, даже за счет голоса. Идея состоит в том, что дается свобода говорить каждому и свобода говорить то, что каждый пожелает.

"Обсуждение продолжается до тех пор, пока не будет достигнут консенсус, — продолжает Лионс. — Это очень медленный процесс. Иногда он занимает несколько дней или недель, но если вопрос важный, мы торопимся". Лионс добавляет, что только в машинно-ориентированных сообществах существует давление на людей, чтобы они ускорили свое решение, поскольку общество движется со скоростью машины.

"Если каждый высказался, но решение по-прежнему не принято, тогда вопрос откладывается на повторную встречу. Если вопрос обсуждался на трех встречах и опять не было принято решение, тогда все соглашаются на том, что не должно быть никакого решения. Обсуждение прекращается. Мы считаем, что через некоторое время, вопрос может опять возникнуть".

Сначала я удивился, услышав, что вопрос можно просто так оставить, если по нему не достигнуто соглашение. Но впоследствии понял, что индейская система принятия решения основана на идее, согласно которой вещи не обязательно должны изменяться. Они могут оставаться такими, как есть. Если действительно нужно сделать некоторый шаг — скажем, в результате какого-либо нападения — тогда консенсус *необходим*, и такой шаг будет сделан. У американцев существует похожий принцип: "Не чини то, что работает".

Нельзя сказать, что решения индейцами не принимаются. Во время моего пребывания в племени, например, было решено выселить несколько белых семей, которые под разными предлогами вселились в дома на территории резервации. Такое вторжение было нарушением договоренностей со шт. Нью-Йорк, и обращение к правительству оказалось безрезультатным. После трех месяцев обсуждений было решено, что индейцы сами сделают выселение. Что они и сделали.

Лионс рассказал, что в отличие от других индейских наций, в особенности управляемых на американский лад, онондага "до сегодняшнего дня не имеют ни полиции, ни армии. Поэтому естественно, что люди стремятся договориться, прежде чем предпринять какие-либо шаги; ведь именно им придется их выполнять". Полиции штата Нью-Йорк и федеральным агентам не разрешается вести какие-либо действия на тер-

ритории онондага без приглашения со стороны Совета онондага. (Благодаря этому правилу скрывающийся лидер племени сиу Денис Бэнкс смог укрыться на земле онондага, хотя ФБР знало о его местонахождении. "Он находился под защитой Большого Совета, — рассказывал Лионс. — Нью-йоркская полиция и ФБР попытались договориться с вождями о выдаче Бэнкса, но безуспешно". В конце концов, Бэнкс решил возвратиться в Южную Дакоту и завершить свой тюремный срок.)

Я стал расспрашивать Лионса о том, как принимаются решения в племени. Что происходит, например, если в резервации произошел акт насилия одного индейца по отношению к другому? Лионс рассказал, что вопросы, затрагивающие интересы всей Конфедерации, обсуждаются на Большом Совете. Что же касается местных проблем, то "каждая ситуация рассматривается отдельно. У нас нет общих законов или правил как у вас. Ничего не записано. Конечно, некоторые правила имеются. Если вы изнасилуете или убьете кого-либо, вас изгоняют из племени на всю жизнь. Но у нас был только один такой случай за 30 лет [в отличие от других племен]. Если правила записаны, тогда приходится иметь дело с правилом, а не с тем, что справедливо. Нас интересуют принципы. Принципы должны быть справедливыми. Мы знаем всех людей, мы знаем их семьи, что они любят, чего не любят, что их беспокоит, что может произойти с их детьми. У нас те же проблемы, что и в каждой общине. Если один из членов нападает на другого, мы встречаемся и обсуждаем ситуацию, пока она не становится очевидной и обе стороны не согласятся с решением".

Я попросил побольше рассказать о роли вождей. Лионс заметил, что они функционируют не так, как думают западные люди. Решение принимается только после того, как весь народ обсудил проблему и пришел к согласию. Вожди только подтверждают то, что очевидно. Вождь — своего рода менеджер по нахождению решения. Если людям не нравится, как вождь справляется со своими обязанностями, его отстраняют. Говоря техническим языком, вождей "назначают пожизненно", но в племени онандага существуют критерии поведения вождей. Если они не придерживаются этих критериев, их немедленно отстраняют матери клана.

"Вождь может снять с себя рога [символ авторитета являются оленьи рога] вследствие совершения определенных преступлений, таких как убийство, изнасилование, поджог или преступление против детей", а также других преступлений, описанных в *Великом законе*. "Матери клана имеют право отстранить вождя, — говорит Лионс. — Для этого используется тщательно прописанный трехступенчатый процесс, который вначале предполагает предупреждение со стороны женщин, а затем другие действия".

В переводе Паркера сказано, что вождь, который отказывается покинуть свой пост, может быть убит, но Лионс с этим категорически не согласен. "Это очень будоражит воображение , — говорит он, — но это не так. Процесс отстранения вождя достаточно длительный и болезненный... В законе говорится, что в случае, если лидер не подчиняется принципам, он изгоняется из народа и должен взять с собой своих последователей. Это не относится к личным качествам вождя, а только к его поведению, несовместимому с законом". Лионс добавляет, что ошибочный перевод этого положения Паркером "самый лучший пример того, почему вожди отказываются от английских переводов, [предпочитая сохранять Закон] на своем родном языке".

Я спросил Лионса, какими особыми человеческими качествами должны обладать вожди? "Они все выписаны в *Великом законе*, — ответил он. — Я бы сказал, что это сострадание, терпение, приверженность закону, приверженность процессу, а не конечной цели, мужество, справедливость, благородство, любовь к седьмому поколению еще неродившихся и верность [духовному пути]. Вожди не могут быть христианами или исповедовать какую-либо другую веру. Еще одно качество — природная доброжелательность. И не быть слишком настойчивым".

Я спросил о качестве, связанном с уровнем агрессивности, или силой голоса вождя. "Его трудно определить, — был ответ. — Вы можете обладать большой властью и убеждать людей. Упорядоченные мысли, логика — это инструменты, способные убеждать людей. [Но в равной степени важно] уважать другие точки зрения и мнения, и иметь силу и терпение выслушивать и понимать других".

Наконец, я понял эту тонкость. Хорошие ораторы имеют влияние, но само умение хорошо говорить не может использоваться для победы или для ограничения других точек зрения.

Обдумывая эту тему впоследствии, я вспомнил встречу в конце 1960-х с несколькими *кикмонгвис*, религиозными лидерами народа хопи из Аризоны. Я пришел попросить разрешение снять фильм о проведении горных разработок в священных местах хопи, поэтому полагал, что легко объясню свои намерения и быстро получу разрешение. Однако мне пришлось участвовать на необычной встрече. На протяжении всего утра *кикмонгвис* (десять человек) сидели в кругу и вели медленную беседу на языке хопи. Мой переводчик, не объясняя детали разговора, в общих чертах объяснил, что они обсуждали предыдущий опыт общения с белыми, приходивших с подобными проектами, и как данная проблема соотносится с учениями хопи. До полудня у меня не было возможности говорить. Я энергично изложил свои предложения за двадцать минут. В течение нескольких последующих часов старейшины хопи продолжали обсуждать этот вопрос на своем языке. Меня поразила именно *манера* рассмотрения — больше чем затраченное время. Каждый выступающий говорил в спокойном, уравновешенном тоне, с весьма долгими паузами. Тем временем остальные сидели с закрытыми глазами. Иногда они казались спящими, но я знал, что в устных культурах существует необычный способ "вслушивания в тишину". Они не спали; напротив, находились в состоянии обостренного восприятия, которое мне казалось непостижимым. Более всего меня поразило то, что ни один из выступающих не оказывал никакого давления на остальных, каждый пытался выразить свое понимание учения хопи в отношении рассматриваемого дела. Это был процесс постепенного очищения сознания с целью прихода к очевидному согласию. И они были совершенно равными в этом процессе.

В конце концов, *кикмонгвис* обратились ко мне, выразив надежду, что я могу снова встретиться с ними, когда буду глубже понимать свой проект. Они не сказали ни да, ни нет, и я так и не сделал фильм, хотя и рассказал (от их имени) о готовящихся горных разработках на Черной Горе (Black Mesa).

Процесс принятия решения ирокезами не совпадает с таковым у хопи, но консенсус лежит в центре принятия решения, и это справедливо для всех индейских племен Америки. Согласно Орену Лионсу, сила консенсуса в том, что с его помощью достига-

ется единое мнение. В отличие от процесса принятия решения большинством, при котором всегда остается неудовлетворенное враждебное меньшинство, при достижении консенсуса возникает солидарность между членами племени.

Например, онондага приняли твердое решение о том, что они никогда не отдадут свои земли. "Земля — это самое ценное, что есть у индейцев — сказал Лионс. — Они настроены на то, чтобы возвратить себе украденные участки".

Несколько лет назад они отказались от нескольких сот тысяч долларов, предлагаемых энергетической компанией за то, чтобы протянуть линии электропередачи через резервацию. Линия должна была занимать полосу, шириной 50 футов. "С места поднимается старая женщина, — вспоминает Лионс, — и заявляет: 'Ни одного фута, никогда —и ее сразу же поддерживают единогласно. Для принятия решения не понадобилось много времени."

Онондага отказались от больших денег за аренду небольшого участка земли в шт. Нью-Йорк, предназначенного для строительства развязки на скоростном шоссе. И они отказались от денег за строительство мусороперерабатывающего завода на их земле.

Онондага также отказались предоставить имена и адреса живущих в резервации детей для Министерства образования шт. Нью-Йорка. "В нашем договоре с Нью-Йорком говорится, что за предоставление земли 80 лет назад Нью-Йорк должен обеспечить нас школами и деньгами на бессрочной основе. Так они получили часть нашей земли. Но затем они попросили нас предоставить имена детей. Мы не собираемся предоставлять им эти имена", — сказал Лионс.

Для Орена Лионса и вождей онондага сохранение силы коренного правительства и суверенитета — ключевой вопрос. "На протяжении всей своей истории ирокезы сохраняли независимость как народ. Мы не проиграли ни одной войны. Наше правительство все еще в силе. Мы отказались от предложения США провести у нас реорганизацию. Мы сохранили наш язык и традиции, и когда мы летим в Женеву на заседания ООН, мы берем с собой паспорта *Хау де но сау нее*. В прошлом мы заключили договора, по которым потеряли часть земли, но которые подтверждают наш независимый статус. И неважно, признают это США или нет".

14

УРОКИ ЭКОНОМИКИ КАМЕННОГО ВЕКА

С самого начала западная агрессия проводилась под жульническим лозунгом "Мы несем вам дар демократии"; затем не менее жульническим стал лозунг "Мы освободим вас от тяжелого труда".

Вся наша мифология построена на убеждении, что коренные народы живут в условиях "выживания" — термин, который по одному своему звучанию должен пробудить чувство жалости и вызвать в воображении картины нищеты. Наши машины, технологии и передовая система экономического управления освобождают от тяжелого труда, дают возможность отдыхать и защищают от произвола природы. Дотехнологические люди, живущие в непрерывном поиске еды и защиты от природной стихии, нуждаются в том, что им предлагает западное общество. Такова мифология.

Учитывая эту логику, многие на Западе шокированы тем, что большинство аборигенов не хотят влезать ни в какую западную экономическую машину. Они говорят, что традиционный уклад жизни им вполне подходит, а вот мы скоро останемся ни с чем. В книге канадского юриста Томаса Р. Бергера *Путешествие в деревню* приводится множество подобных высказываний, подтверждающих неприятие западного образа жизни, в частности среди коренных аляскинцев.

Сьюзи Эрлих из г. Котцебу, Аляска:

> Я выросла в семье, которая жила в условиях самодостаточности. И я очень этим горжусь. Я хочу, чтобы мои дети выросли такими же. Это придает нам, инупиатам, силы. Наша жизнь отличается от хождения по магазинам. Наш бакалейный магазин занимает миллион акров, и мы им гордимся.

Бобби Уэллс из г. Котцебу, Аляска:

> Я помню наших отцов, как они выживали в этом мире, на сильном ветру, при низких температурах... Их учили делиться с другими, их учили помогать другим... Сегодня мы боремся за выживание с людьми западной цивилизации. Что нам может предложить западная цивилизация? Бизнес.

Эллис Соломон из г. Барроу, Аляска:

> Люди счастливы... они поймали кита. Они в восторге, и это чувство охватывает их до глубины души. Входя в их дом, вы переживаете счастье, душевный подъем, слышите радостные крики, потому что люди радуются этому дару.

Западные люди редко слышат подобные высказывания. Бергер пишет, что аборигенов редко спрашивают о том, что они чувствуют, с их "невежественным мнением" никто не считается. Мы настолько уверены в своей правоте, что пытаемся "улучшить" условия жизни индейцев, часто против их воли.

И так на протяжении сотен лет. Сегодня мы поступаем с индейцами так же, как в семнадцатом веке. Чувство нашего превосходства заставляет нас расширяться, выкапывать их ресурсы, рубить их лес, асфальтировать их землю, без зазрения совести. Наша мифология поддерживает такой подход, наши финансовые институты — от местного банка до Мирового — обеспечивают бесперебойное функционирование системы.

Система никогда не задает себе вопросы. Только сравнительно недавно такие группы как Rainforest Action Network и Earth First! стали противодействовать системе. Если бы наше общество серьезно отнеслось к жизнеспособности экономики коренных народов, возможно, всем нам пришлось бы изменить свои взгляды.

КАК МЫ ОТДЫХАЛИ ДО ПРИХОДА ТЕХНОЛОГИЙ

После публикации книги Маршалла Салинса *Экономика каменного века* (1972) развеялось большинство стереотипных представлений о преимуществах западных технологий. Профессор Чикагского университета Салинс в результате исследования жизни индейцев в реальных условиях пришел к выводу, что вопреки распространенному мнению "примитивные" общества (в частности, сообщества охотников-собирателей на Аляске) имели достаточно времени для досуга, удовлетворяли свои материальные потребности и не испытывали больших проблем с пропитанием, не изнуряли себя работой и сознательно выбирали "экономику самодостаточности": они *сознательно* не создавали запасов.

Салинс пишет: "Почти повсеместно в наших учебниках рассказывается о том, насколько тяжелой была жизнь в эпоху палеолита. Спрашивается: каким же образом они вообще выжили, и вообще, что это была за жизнь?" Салинс приводит целый список стереотипных "аргументов": "примитивная экономика выживания", "ограниченный досуг", "отсутствие экономического накопления", "необходимость прикладывать максимальные усилия". Салинс называет такие подходы "неолитическими предрассудками", созданными специально для того, чтобы представить "тяжелую жизнь" охотника как "оправдание для последующего его ограбления".

Салинс уверен, что люди каменного века не были обречены на тяжелый труд. Напротив, "можно доказать, что охотники и собиратели работали меньше, чем мы с ва-

ми, больше отдыхали, часто перекусывали, дольше спали, чем любой человек в нашем обществе".

РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ

В книге Маршалла Салинса цитируется исследование 1960 года, проведенное Фредериком Д. Маккарти и Маргарет Макартур в Западной Стране Арнхем (Австралия). Исследователи рассчитали время, затраченное на экономическую деятельность аборигенов — сбор растений, приготовление еды и починка оружия — и пришли к выводу, что мужчина в среднем работал около трех часов сорока четырех минут в день, в то время как женщина работала три часа и пятьдесят минут. "Самый очевидный вывод из этого исследования, — говорит Салинс, — это то, что люди не изнуряли себя работой... Более того, они не работали постоянно".

Как пишут Маккарти и Макартур: "Кроме времени, затраченного на социализацию, разговоры и т.д., несколько часов было отведено для дневного отдыха и сна. Если люди жили в лагере, они обычно спали после обеда от одного до полутора часов, а иногда и больше. Кроме того, после рыбной ловли или охоты они также спали... Женщины занимались сбором трав и кореньев в лесу и отдыхали, по-видимому, чаще, чем мужчины. Если же они работали в лагере, то укладывались спать на достаточно длительное время".

Еще один пример — бушмены добе из Южной Африки. Салинс цитирует результаты исследования Ричарда Ли, который показал, что средняя трудовая неделя для бушмена добе составляла приблизительно 15 часов, рабочий день — два часа и девять минут в день. Более того, работой были заняты только 65% населения.

По этому поводу Салинс замечает: "Труд одного бушмена поддерживал четырех или пятерых человек. В этом отношении сбор пищи бушменами оказывается не менее продуктивным, чем работа французского фермера до Второй мировой войны, когда в сельском хозяйстве было занято 20% всего населения. Честно говоря, такое сравнение несколько некорректно, однако полученные цифры поражают воображение". Если провести такое же сравнение для нашего общества, то получим, что только 5% населения (американские фермеры) кормят всю страну. Здесь надо учесть, что в примитивных сообществах эффективность экономики достигалась за счет соответствующей коллективной организации — смены периодов работы и еды — что позволяло остальным членам общества не работать. В нашем обществе, где практически отсутствует коллективный труд, 95% населения не освобождаются от работы; напротив, они прочно прикреплены к экономической машине для производства денег, на которые должны существовать.

Согласно Ричарду Ли, "Женщина-абориген собирает в день достаточно еды, чтобы прокормить свою семью в течение трех дней; свободное от работы время она проводит в лагере, занимаясь вышивкой, посещает другие лагеря или развлекает посетителей. Ежедневная работа на кухне, приготовление пищи, чистка орехов, сбор хвороста и хождение за водой занимают у нее от одного до трех часов. Такой ритм че-

редования работы и отдыха сохраняется круглый год. Мужчины-охотники работают больше женщин, но их график не такой упорядоченный. Обычно мужчина активно охотиться всю неделю, а затем отдыхает в течение одной-трех недель. Во время отдыха развлечения — и в особенности танцы — главное занятие мужчин".

ПОЛЕЗНАЯ ПИЩА

Обычно полагают, что примитивные общества голодают и находятся под угрозой вымирания. Исследования, напротив, доказывают обратное. Охотники Земли Арнхем, например, не любят однообразную диету; они обеспечивают ее разнообразие, далеко выходя за пределы простого "выживания". Согласно исследованиям Маккарти и Макартур, состав пищи охотников вполне достаточный по сегодняшним стандартам Национального Научного совета Америки [57]. Среднее ежедневное потребление пищи в нескольких аборигенных сообществах оказалось равным 2130 кал, что превышает уровень потребления 15% населения США.

Интересно, что бушмены добе ежедневно добывают еды на 2100 кал, в то время как, учитывая их средний вес, для них было бы достаточно 1900 кал. "Отсюда можно сделать вывод, — заключает Ричард Ли, — что бушмены не находятся на грани вымирания, как предполагалось".

Маршалл Салинс приходит к похожему выводу: "Охотники работают значительно меньше, чем современные промышленные рабочие; несмотря на это, их пища разнообразна и питательна. Они едят как для удовольствия, так и для выживания".

СОЗНАТЕЛЬНОЕ НЕДОПРОИЗВОДСТВО

В примитивных сообществах, в отличие от современного промышленного общества, люди не стремятся к максимальному производству. Как это ни покажется невероятным для современного западного человека, они, как считает Салинс, "сознательно и постоянно отвергают и принцип "максимальных затрат". Салинс: "Рабочая сила недоиспользуется, технологические средства не применяются во всей полноте, природные ресурсы остаются нетронутыми... производство низкое, несмотря на имеющиеся возможности для его развития. Рабочий день короткий. Число нерабочих дней превышает число рабочих дней. Танцы, рыбная ловля, игры, сон и ритуалы занимают большую часть времени".

Поскольку рабочая сила недоиспользуется, природные ресурсы "пропадают" — факт, который приводит западного человека в негодование. Окружающая среда может с легкостью прокормить втрое большее население, однако сознательный контроль над ростом населения, сознательное недоиспользование экономической мощи природной среды позволяют сохранить отношение "население/ресурсы" очень малым. Вместо того чтобы полностью использовать производственный потенциал среды, прими-

[57] National Research Council of America.

тивные сообщества каменного века позволяли фруктам спокойно падать на землю, а животным мирно разгуливать по лесу. Люди, тем временем, могли спать, танцевать и выполнять ритуалы, наполненные глубоким смыслом. Это и был их "максимальный экономический эффект".

ЭКОНОМИКА САМОДОСТАТОЧНОСТИ

На Западе считают, что кочевые охотники-собиратели (а сегодня их десятки миллионов) хотели бы поскорее освободиться от своей "экономики самодостаточности" и перейти к западному типу экономики. Но Салинс приводит доказательства того, что эти люди сознательно придерживается своего образа жизни. Даже когда племена превращаются из охотников-собирателей в оседлые сельскохозяйственные общины, иногда с использованием "современных технологических орудий", многие охотники-собиратели отказываются от такого перехода на том основании, что это приводит к более тяжелому труду. Ричард Ли цитирует бушменов: "Зачем нам надо высаживать растения, когда в мире так много орехов монго-монго?"

Охотников-собирателей часто называют "культурно отсталыми" из-за неспособности производить добавочный продукт, который якобы может защитить их от капризов природы. Салинс приводит четыре причины, по которым они отказываются от "добавочного продукта". Во-первых, они оптимисты. Когда есть пища, они стремятся съесть ее всю, даже переедая. Такое отношение к еде, возможно, вызвано ощущением того, что запасать еду не имеет смысла, поскольку в природе ее избыток; природа сама запасает еду в растениях и животных, надо только знать, где искать. Поэтому даже если бури или другие природные катаклизмы лишают сообщество еды на несколько дней или недель, всегда можно перейти в другое место.

Во-вторых, охотники-собиратели сами избрали кочевой образ жизни. Если бы они запасали и носили с собой еду, они были бы привязаны к конкретному месту и их перемещения были бы сильно ограничены. "Для кочевного охотника-собирателя, его богатство — его ноша, — говорит Салинс. — Необходимость передвижения быстро обесценивает любое желание к накоплению".

В книге *Затерянный мир Калахари* автор Лоренс ван дер Пост писал о том, что ему не удалось принести подарки бушменам: "Почти все, что я хотел им подарить, усложняло их жизнь и только добавляло мусор и вес к их дневному походу. Сами они практически не имели имущества: набедренная повязка, шерстяное одеяло и кожаный бурдюк. Все их имущество можно было собрать за минуту, завернуть в одеяло и отправиться в путешествие за тысячу миль. У них не было чувства обладания вещами." (В современном обществе "обладание вещами", конечно, является главной страстью)".

В-третьих, экономика, основанная на запасах, увеличила бы влияние бушменов на окружающую среду, что выходит за рамки их этики самодостаточности. Избыток продуктов привел бы к росту племени,что поставило бы под угрозу мобильность сообщества и увеличило их уязвимость перед природными катастрофами.

В-четвертых, самооценка охотника основана на охоте. Накопление запасов уменьшило бы культурную и психологическую значимость охотника. Кроме того, это могло бы обесценить подготовку молодых охотников, привести к ленивому обществу и утрате навыков.

Салинс не спорит о том, что культура каменного века подвержена опасности дефицита продуктов, но говорит, что охотники-собиратели не более уязвимы в этом отношении, чем любое другое общество. "А как сегодня поживает остальной мир? — спрашивает он. — От одной трети до половины человечества ложатся спать голодными. В одних только Соединенных Штатах их двадцать миллионов. В каменном веке эта пропорция была гораздо меньше. Мы живем в эпоху беспрецедентного голода. Сегодня, несмотря на громадную техническую мощь, люди голодают. Переверните еще одну стереотипную формулу и у вас получится: голодных становиться больше по мере роста культуры".

СОТВОРЕНИЕ "БЕДНОСТИ"

Дефицит материального богатства у бушменов, который мы называем "бедностью", Салинс представляет совсем в другом свете:

> Инструменты находятся в общем пользовании, знание требуемых навыков доступно для всех... Добавьте к этому обычай делиться всем, который принес славу охотникам, и вы поймете, что все люди могут участвовать в общем благосостоянии... Но, конечно, это благосостояние зависит от объективно низкого уровня жизни... от минимального количества потребительских товаров... поэтому в них нет потребности и нет недостатка.
>
> Бедность — это не определенное количество товаров, не недостаток средств или возможностей; прежде всего это отношение между людьми. Бедность — это социальный статус... ее не было до того, как культура достигла материальных высот, до того, как она воздвигла храм Недостижимому и назвала его: Бесконечные Потребности.

В этом отношении я напомню точку зрения народа юпик (эскимосы Аляски). В публикации Ассоциации юпик *Умереть или сменить образ жизни*? (под ред. Арта Дэвидсона) предлагается следующий комментарий по поводу связи между современной экономической системой и бедностью:

> Бедность только недавно появилась в аборигенных сообществах... Тысячелетиями люди жили за счет земли и океана вдоль западного побережья Аляски. Это была тяжелая жизнь, но в ней не было места отчаянию и бедности, потому как люди не были бедными. Жизнь на земле позволяла развивать культуру юпик — культуру, в которой богатство было общим, поскольку принадлежало земле. И неважно, была ли еда в изобилии или нет. Общее богатство теснее связывало людей и облегчало совместное выживание. Жизнь была тяжела, но люди были ею довольны. Сегодня жизнь становится легче, но людей она не устраивает.

> ... С приходом первых русских торговцев появилась идея о богатстве и бедности [58]. Эти новые люди принесли с собой принцип накопления и изменили процесс жизни. Были ли это меха, деньги, земля или души новообращенных — между людьми стали возникать барьеры в зависимости от того, сколько каждый накопил... Новая экономическая система... стала замещать еду и мех деньгами, сотрудничество — конкуренцией, коллективное пользование — личным накоплением.

Народ юпик дает нам самый свежий пример того, что произошло с коренным населением в Бристоль Бэй (Аляска), когда "экономика самодостаточности" была заменена "экономикой денег":

> Первоначально люди зависели от земли и моря; большие скопления лосося служили им надежным источником пищи. [Затем] началась коммерческая ловля рыбы и люди изменили свое отношение, теперь каждый старался выловить как можно больше. Исчезновение лосося было только вопросом времени. Так местное население было доведено до бедности. После этого правительство заволновалось. Провели исследования запасов рыбы и ввели "ограничения на улов". Людям, занимавшимся рыбной ловлей, раздали продуктовые карточки. Коренному народу пришлось приспосабливать свой традиционный образ жизни к западной экономической системе...
>
> Белые люди принесли с собой такие болезни как корь и сифилис, погубившие тысячи... Влияние западной экономики не менее разрушительно; она уничтожила как благосостояние, так и дух коренного населения... Новые экономические отношения словно инфекция отравили жизнь и культуру целого народа. К счастью, от кори было найдено лекарство. От "бедности" лекарства пока не найдено... Попытки "вылечить" бедность вызвали еще больший приток "доз" западного образа жизни.

СКОРОСТНАЯ ПЕРЕМОТКА: ДОСУГ В ТЕХНОУТОПИИ

Согласно данным Луиса Харриса и Ассошиейтс, средняя рабочая неделя в США составляет 47 часов. Это больше, чем десять лет назад (40 часов). Более трети мужского занятого населения работает еще больше. Согласно Министерству труда США, около 6 млн мужчин и более одного миллиона женщин работают свыше 60 часов в неделю. (Эта цифра не включает неоплачиваемую работу по дому большинства женщин.)

Для некоторых категорий занятости (фермеры, бизнесмены и служащие) типичная рабочая неделя составляет 60 часов. Руководство корпораций в среднем работает более 60 часов в неделю.

• • •

Приведенные выше цифры показывают, насколько улучшилась ситуация по сравнению с прошлым веком. В то время средняя рабочая неделя составляла 70 часов, усло-

[58] Этот интересный тезис, по-видимому, требует проверки. — *Прим. перев.*

вия работы были гораздо хуже, а уровень жизни ниже. По сравнению с прошлым веком мы находимся в лучшем положении. Но справедливо ли такое сопоставление? Именно тогда возникла индустриализация, тяжелые условия работы и новый класс — городская беднота. По сравнению с 1850 годом мы вроде бы выглядим лучше.

Но по данным французского социолога Алена Кайе, в средние века средний рабочий день составлял 8,5 — 16 часов, в зависимости от времени года. Кроме того, городские рабочие имели также 130 *нерабочих* дней: святые дни и посты, плюс воскресенье и некоторые субботы. "В сельской местности, — говорит Кайе, — работали только 180 дней в году". А уровень жизни крестьян был не ниже, чем у городских рабочих. Что касается римского периода, то в год насчитывалось 150—200 общественных праздников. (О каменном веке см. исследования Салинса).

Так можно ли считать, что дела действительно улучшились? Те из нас, кто пожинает плоды технологического рая, приобретают больше вещей. Мы стали чище и живем дольше. Но если сравнить с доиндустриальным обществом, то определенно можно доказать, что работаем мы больше. Кроме того, наша страсть к накопительству привела к невероятному парадоксу: у нас стало меньше времени, *меньше* досуга. С другой стороны, возрос стресс среди видимого достатка и изобилия. И как следствие — *ухудшение* качества жизни и обеднение жизненного опыта.

• • •

Этот парадокс изучался в ряде провокационных статей Кента Макдугала в газете *Лос Анжелес Таймс* под названием "Разоренное общество". Автор доказывает, что в наше время досуг не только не увеличился — напротив, стал меньше. Вот, что он пишет:

> В 1609 году, когда индейское племя алгонкинов наткнулось на плывущего по реке Генри Гудзона, их жизнь была как никогда благополучной. Они жили так хорошо, а работали так мало, что предприимчивые голландцы посчитали их ленивыми дикарями. Вскоре, к несчастью, их свободное и безбедное существование сменилось феодализмом. Сегодня вдоль гудзоновской реки в Нью-Йорке, предположительно свободные граждане самой богатой в мире страны работают больше и тяжелее, чем любой из индейцев-агонкинов в прошлом; люди вовлечены в настоящие крысиные бега, бесконечный поток машин, грузовиков, автобусов, толпы людей. Все это напоминает дьявольский танец, приводящий к преждевременной смерти в результате стресса и физического перенапряжения... Что случилось? Как в погоне за материальным достатком американцы потеряли свой досуг?

Макдугал цитирует антрополога Питера Фарба: "Люди высокоразвитой цивилизации ведут беспокойный образ жизни, в то время как примитивные охотники и собиратели ...оказываются самыми спокойными людьми на Земле". Кроме того, добавляет Фарб, "у них всегда достаточно здоровой пищи, поэтому они представляют здоровую нацию".

Макдугал продолжает: "Работа занимает сейчас столько же времени, как и в прошлом [на самом деле, больше]; однако поездки на работу стали более продолжительными. Парадоксальным образом высокий материальный уровень сильно усложняет

американцам жизнь, они стали больше времени тратить на покупки, ремонт, домашнюю работу, отказывая себе в досуге ... В эпоху высокого темпа жизни и забитых до отказа супермаркетов американцы чувствуют себя как никогда опустошенными".

ПРЕСЛОВУТАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСУРСАМИ

14 августа 1987 года в резервации индейцев-семинолов Биг Сайпресс (Флорида) началось судебное слушание по делу вождя семинолов Джеймса Билли. Его обвиняли в ночном убийстве пантеры. По законам Соединенных Штатов убийство пантеры является нарушением закона 1973 года о видах, находящихся под угрозой вымирания, и наказывается одним годом тюрьмы и 10 000 долларов штрафа. Племя семинолов на это возразило, что поскольку они являются суверенной нацией, что признается законами США, они самостоятельно устанавливают правила в отношении диких животных. Во-вторых, согласно договорам, семинолы имеют право вести традиционный образ жизни по своему усмотрению. (В сотнях договоров между американскими индейцами и правительством США говорилось о том, что индейская охота и рыбная ловля не подлежат рассмотрению законами США. Это было главное условие при передаче земли американскому правительству, поскольку гарантировало продолжение традиционной экономики. В настоящее время, однако, большинство таких гарантий нарушается ввиду коммерческой рыбной ловли и фермерства. К этому можно добавить прессинг со стороны американских агентств, выступающих за отмену прошлых договоров якобы из-за их устарелости. Тот факт, что законы о недвижимости принятые американцами в начале 1800-х, т.е. предшествующие договорам с индейцами, ревностно соблюдаются, не смущает агентства. Договоры с индейцами не пользуются таким уважением).

В настоящее время Соединенные Штаты настаивают на том, что законы США имеют приоритет в отношении законов семинолов (как, впрочем, и других индейцев), поэтому США должны контролировать охоту и рыбную ловлю, а также защищать дикую природу в заповедниках. Однако в интервью национальному общественному радио (NPR) вождь Билли заметил: "Законы нашего племени существовали сотни лет, задолго до образования США. Мы суверенная нация; Соединенные Штаты признают этот факт [в договорах и других актах]". Билли говорит, что когда он убил животное, он стрелял просто в два горящих глаза. Он добавляет, что в любом случае Акт о вымирающих животных для индейцев кажется абсурдом: "Индейцы — лучшие хранители природных ресурсов, т.к. занимались этим тысячи лет... Правительство пытается сейчас обвинить семинолов в уничтожении редких видов животных, но реальная причина уничтожения флоридской пантеры — в перенаселении южной Флориды. Причина в кондоминиумах и сооружении скоростного шоссе I-95 через болото и заповедник Эверглэйдс. Уничтожение пантер никак не связано с нашей охотой. Они умирают прежде всего из-за вас".

• • •

Кажется совершенно очевидным — почти самоочевидным — что аборигенные культуры выработали успешные экономические практики, в том числе методы сохранения дикой природы и ее ресурсов. Но если послушать наших ученых и чиновников, может показаться, что аборигенные народы никак не могут прожить без компьютеров, импортных товаров, спутникового картографирования и анализа "максимально устойчивых урожаев". Как же объяснить выживание индейцев на протяжении тысячелетий?

Современная система управления дикой природой и ресурсами считается более эффективной по сравнению с опытым народов, населявших эту землю задолго до нас.

В главе 4 говорилось об активном внедрении компьютерных моделей для управления ресурсами арктического Севера. Большой процент "помощи" индейцам и инуитам арктических регионов со стороны американского и канадского правительства приходит сейчас в виде компьютерной подготовки. Тот факт, что такой способ управления дикой природой и ресурсами оказывает негативное воздействие на отношения между аборигенными народами и животными, редко принимается в расчет.

В прошлом, знание природы базировалось на внимательном наблюдении и традиционных верованиях, сегодня оно базируются на компьютерных распечатках и превратилось в скоростное, абстрактное, количественное знание. Еще немного и это новое знание полностью заменит тысячелетний опыт. Но вот что интересно: последние данные говорят о том, что объективно-научные, количественные компьютерные системы редко превосходят по эффективности аборигенные системы управления и сохранения дикой природы. В действительности же, современные системы управления часто менее эффективны.

Антрополог Мильтон Фримен из университета провинции Альберта один из немногих, кто выступает против внедрения нашей системы экономического управления в аборигенные сообщества.

Фримена в особенности раздражают биологи, занимающиеся дикой природой. Выступая на собрании Западной региональной научной ассоциации в 1984 году (Монтерей, Калифорния), Фримен сказал следующее: "Слепая вера в правоту научного метода настолько глубока у биологов, что необходимы годы и знакомство с опытом коренных народов, чтобы почувствовать ограниченность научного подхода". Фримен приводит случаи, когда биологи игнорируют традиционные практики только потому, что они оказываются эффективнее в поддержании жизнеспособности животных.

Один из таких примеров связан с охотой на карибу на Эллесмирских (Ellesmere) островах в арктической зоне Канады. Канадские природоохранники посоветовали инуитам охотиться либо на крупных карибу, либо на самцов-карибу, и убивать лишь несколько особей из стада. Инуиты заявили, что эта практика противоречит их традиционным взаимоотношениям с животными и ведет к разрушению популяции, но их заявление осталось неуслышанным. В результате произошло то, что и предсказывали инуиты. Несмотря на установленую квоту на отстрел — всего двадцать-шесть оленей, т.е. намного меньше, чем у инуитов — вся ранее многочисленная популяция резко сократилась. Почему?

Фримен объясняет: "По представлениям инуитов каждая небольшая группа пири-карибу — это социальная группа, и у нее есть определенные причины находиться

вместе. Охотники-инуты говорят, что в условиях ограниченности ресурсов для травоядных, старые/крупные животные оказываются важными для выживания группы. Эти старые животные обладают опытом и достаточной физической силой, чтобы находить пищу под снегом. Кроме того, старые животные ведут себя спокойнее, чем нервные молодые животные или беременные самки, и их поведение производит успокаивающий эффект на молодняк".

Второй пример относится к предложению разрешить спортивную охоту на арктического овцебыка. И здесь было разрешено отстреливать только самцов. Поскольку лучшими "трофейными животными" были признаны старые, биологически "излишние" быки, менеджеры посчитали, что охота не отразиться отрицательно на популяции овцебыка. Инуиты говорили другое. Они доказывали, что овцебык весьма социальное животное. Старые самцы совсем не "лишние". Они играют важную социальную роль в определенный период года, когда необходимо собирать стадо после спаривания. По мнению инуитов, старые особи ведут себя как "старейшины" племени. И опять инуиты оказались правы. Правительственную политику в конце концов пришлось изменить.

Фримен отмечает, что "аборигенная политика 'управления ресурсами' основана в значительной степени на эзотерическом знании", на прямом наблюдении и традиционных верованиях, так как инуиты обычно не используют мясо овцебыка. Живя бок о бок с этими животными на протяжении тысячелетий, инуиты многое узнали об их повадках и социальной структуре:

> Чтобы понять отношение инуитов к животным, достаточно видеть, что внимательное наблюдение за поведением животных является для них главным в отличие от чисто количественного подхода, предлагаемого менеджерами природоохранных служб... И аборигенная, и западная система основываются на одном и том же — эмпирическом знании. В обеих системах используется систематическое накопление данных наблюдений и производится сравнение с нормальной ситуацией. В этом месте, однако, системы расходятся. Традиционная система оценивает отклонение от нормы в качественном смысле: например, животных становится меньше или они толстеют, или становятся более возбужденными, или приносят меньше потомства, или больше больных, больше бесплодных и т.п. .. Вся качественная информация, полученная на основе эмпирических данных, по своей глубине и разнообразию значительно превосходит информацию от усредненных количественных данных, полученных научным методом.

Аборигенные системы управления дикой природой своими корнями глубоко уходят в культурные традиции, передаваемые из поколения в поколение. Выше я цитировал книгу д-ра Г.А. Фейта о методах управления дикой природой, используемых племенем кри в северном Онтарио. Такое управление включает в себя назначение "охранителей" и тщательное изучение и разделение охотничьих регионов.

Некоторые из тонких методов управления связаны с особыми ритуалами при убийстве и приготовлении животных. Эти ритуалы предназначены для того, чтобы

продемонстрировать "взаимосвязь между человеком и животным... уважение необходимости выживания животных со стороны людей, а также уважение со стороны животных необходимости выживания людей".

Д-р Фейт описывает методы охоты индейцев кри на бобров, как на пример уважительного отношения к животному, а также как идеальную практику сохранения животных. Один из методов охоты на бобров используется днем, с помощью ловушек. Другой метод используется ночью, и заключается в окружении жилища бобров, в котором могут находиться от 50 до 100 особей, и выманивании их на охотников. Первая система менее эффективная с точки зрения количества отлавливаемых бобров. Но, как замечает Фейт, "несмотря на то, что ночной лов оказывается более продуктивным, он используется только в особых случаях и относительно редко... явное указание на то, что охотники ограничивают свой улов и не стремятся выловить как можно больше животных...". Племя кри сознательно недоиспользует свои ресурсы в целях их сохранения и ревностно сохраняет эту культуру охоты.

• • •

Профессор Фримен доказывает, что главной проблемой западных биологов является несоответствие устаревшей экономической модели управления конкретной ситуации. Например, большинство западных биологов (белые выпускники колледжей, не имеющие практических знаний) рассматривают дикую природу как ресурс, а отстрел животных — как экономический процесс. При этом они используют понятие "максимально устойчивый отстрел" (число убитых животных, после которого стадо может резко сократиться). Биолог поступает здесь как менеджер по природным ресурсам или как корпоративный служащий, цель которого — максимально увеличить производство и получить максимальную прибыль.

Аборигенные народы, напротив, никогда не рассматривают животных только в количественном аспекте как "ресурсы"; они понимают, что животные являются частью паутины жизни, в которую входят отношения между животными и человеком. Знания об этих отношениях передаются из поколения в поколение; они проявляются в религиозных ритуалах и проникают в социальную структуру, статус и психологию аборигенных народов. Колебания популяции животных, следовательно, неотделимы от активности людей. Хотя "научно обоснованный максимально устойчивый отстрел" может привести формально к тому же количеству убитых животных, что и охота аборигенов, концептуальное отношение к животным и процесс принятия решений совершенно различны. Более того, западный экономический подход наносит большой урон традиционной культуре, неразрывно связанной с религиозными, социальными и культурными аспектами охоты.

Как только аборигенные сообщества соглашаются с мнением биологов и берут на вооружение западные методики, им сразу же выделяются инвестиции, Мировой банк предлагает деньги для различных проектов. Однако для самих аборигенных народов такой подход, в конечном счете, будет нерациональным.

Как я уже говорил, аборигенные сообщества не стремятся максимизировать свое производство по вполне обоснованным причинам. Они сознательно поддерживают

недопроизводство. По мнению проф. Фримана (а также Маршалла Салинса), когда счастливое стечение обстоятельств приводит к неожиданному избытку ресурсов, они *не запасаются*. Напротив, устраивают общий праздник. "Во всех сообществах, занимающихся охотой и рыбной ловлей, широко распространены коллективные праздники, где все делят между собой добычу, — говорит Фримен. — Более того, в таких сообществах существует запрет против индивидуального накопления или укрывания ресурсов; их развитая система родственных и социальных связей имеет каналы, по которым ресурсы распределяются с максимальной справедливостью во избежание неравенства". В отличие от промышленно-технологических обществ, где главной целью экономической активности является достижение максимальной личной выгоды, "целью экономической активности охотников-собирателей является сохранение социальной группы". Поэтому, в то время, как капиталистические системы управления опираются на цифры и индивидуальный выигрыш, аборигенные системы управления направлены на сохранение отношений между людьми и животными, с верой в то, что эти отношения жизненно важны как для животных, так и людей".

• • •

Для поддержания традиционных экономических практик д-р Мильтон Фримен содействовал организации международной Рабочей Группы по традиционному знанию, охране окружающей среды и сельскому развитию. Эта группа со штаб-квартирой в Женеве — вероятно, первая организация ученых, серьезно изучающая традиционные методы управления дикой природой и ресурсами.

Всего за несколько лет группе удалось выполнить большой список программ; ее исследовательские проекты включают в себя изучение традиционного пользования прибрежными системами, рыбную ловлю на островах Океании, экологические и охотничьи практики народов Севера, управление лесом и охрану дикой природы племенами Новой Гвинеи, управление микроклиматом, сохранение традиционных знаний аборигенами Аляски и использование огня аборигенами Австралии.

На срочную необходимость таких исследований обратил внимание член Рабочей Группы д-р Боб Джоханнес:

> Многое из того, что мы знаем о природе и управлении природными ресурсами можно найти в библиотеках [аборигенных сообществ], однако главная часть этого знания остается в головах стариков и женщин, живущих в деревнях. За последние несколько лет ученым стало ясно, что знания аборигенов о лесе, саде, равнинах и море имеет как энциклопедическое, так и большое научное значение. Но это знание быстро теряется в результате вестернизации, индустриализации, урбанизации и постоянного отчуждения молодежи от своих традиций... Сохранение этого знания чрезвычайно важно. Если мы упустим его, мы выбросим бесценный, накопленный веками опыт.

По мнению члена Рабочей группы Дианы Белл из Австралийского национального университета, в определенных аборигенных сообществах эту информацию часто хранят женщины, которые отказываются раскрывать ее мужчинам.

Наконец, еще одна важная проблема — игнорирование прав аборигенных народов со стороны западных исследователей. Обнаружив какое-либо лекарственное растение, ученые часто продают эту информацию корпорациям, а затем уезжают и больше не возвращаются. Множество подобных примеров можно найти в Амазонии. После получения ценной информации лишь немногие из ученых становятся на защиту вымирающих индейцев.

Игнорируя конкретную политическую ситуацию, в которой находятся индейцы, ученые поступают не менее аморально, чем корпорации. Индейцы, их знания и среда обитания — все подпадает под западное определение "ресурсы" и подвергается эксплуатации. Заявления о том, что западная цивилизация улучшает жизнь аборигенного населения, скорее самообман, не позволяющий увидеть весь ужас ситуации.

часть IV

МИР ПРОТИВ ИНДЕЙЦЕВ

На последних этапах мирового, поистине эпического сражения, силы Запада обрушиваются на аборигенные народы, стоящие на пути прогресса. В некоторых странах эта борьба отличается особой жестокостью; в других странах, например, в Соединенных Штатах, она легализована. Учитывая, что население в целом плохо осведомлено об этой борьбе и постоянно вводится в заблуждение средствами массовой информации, "окончательное решение" этой проблемы маловероятно. Исход этого сражения будет зависеть от того, примем ли мы альтернативный взгляд на будущее, глубоко укорененный в нашем прошлом, или же будем продолжать безумный и убийственный западный технологический проект.

15

КАК РАЗРУШИТЬ ТРАДИЦИОННЫЕ ИНДЕЙСКИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Судьба индейцев хопи и навахо

Широко распространено мнение о том, что аборигенные народы слишком отсталые, чтобы создавать демократические правительства. Это остается главным аргументом для оправдания западными странами своей агрессии. Причем целью такой агрессии объявляется подъем "примитивных народов" до нашего уровня.

Однако (см. главу 13) факты свидетельствуют об обратном: большинство систем правления индейских народов Северной Америки изначально имели неимперскую, неиерархическую, демократическую структуру. Это в равной степени справедливо как для кочевных народов, так и оседлых сельскохозяйственных племен. Внешняя агрессия в эти демократические системы не только не помогла им — она их разрушила.

С точки зрения американцев все традиционные индейские правительства имели следующие недостатки: 1) коллективную собственность на землю и религиозные запреты на ее продажу; 2) принятие решений в результате достижения консенсуса; и 3) отсутствие центральной иерархической власти, с которой можно заключать договора. Войдя в контакт с индейцами, американцы сразу же захотели заключить договоры на землю и ресурсы. И немедленно. Однако препятствием оказались традиционные формы индейского правления. Они были медленными, демократическими и защищали землю. Поэтому их следовало разрушить.

В отдельные периоды своей истории мы использовали военную силу, чтобы захватить земли индейцев. Позже мы преуспели в том, чтобы заключить с ними договоры, которые затем сами и нарушили. Совсем недавно, под видом помощи, нам удалось свергнуть традиционные индейские правительства с помощью манипуляций. Все, о чем рассказывается в этой книге, так или иначе связано с попытками отобрать у индейцев их землю и суверенитет. В данной главе эта проблема подробно исследуется на примере проживающих на американском юго-западе индейцев хопи и навахо. Я выбрал эти два народа здесь по следующим трем причинам:

- Во-первых, они представляют собой разные традиционные системы правления и, соответственно, разный образ жизни. Навахо традиционно кочевой народ, и их система правительства типична для кочевых сообществ всего мира. Хопи, с другой стороны, были и остаются деревенскими жителями, занимаются сельским хозяйством и живут в независимых поселениях.

- Во-вторых, вмешательство белых спровоцировало разногласия между этими двумя сообществами, которые были представлены прессой как конфликт между племенами.

- В-третьих, навахо и хопи в настоящее время испытывают жестокое давление со стороны белого населения — 10 тыс. семей должны быть насильно выселены из домов предков. Такое беззаконие ведет к катастрофическим последствиям для этих народов и происходит сегодня, спустя сто лет после генерала Кустера и Эндрю Джексона. Агрессивная политика Америки в отношении индейцев продолжается.

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

29 октября 1979 года индейцы навахо, живущие в районе Биг Маунтин, на севере Аризоны, выступили с декларацией о независимости от Соединенных Штатов и штата Аризона. Игнорирование этой декларации американской прессой (в сравнении, скажем, с похожими декларациями Латвии, Литвы, Эстонии и других восточно-европейских стран) подтверждает нежелание прессы публиковать материалы об индейцах.

Толчком к этому стал закон США № 93-531, в котором выдвигалось требование переселить 10 тыс. индейцев навахо и хопи с земель их предков, которые они занимали на протяжении всей своей жизни. Новый закон изменяет статус области Бил Маунтин, где до сих пор совместно проживали племена навахо и хопи. По новому закону половина области становится резерваций хопи, половина — навахо. Оказавшиеся на чужой стороне вынуждены переселиться в пограничные города Уинслоу, Голлап и Тьюба-сити.

Область Биг Маунтин представляет собой одно из самых крупных и самодостаточных индейских сообществ внутри границ США. Веками индейцы жили в условиях "экономики самодостаточности" — разводили овец и выращивали необходимые продукты. Многие из них уже пожилые люди; многие никогда не нанимались на работу и плохо разбираются в монетарной экономике.

Среди переселенных индейцев отмечается невероятно высокий уровень смертности, заболеваемости, алкоголизма, депрессии, самоубийств и бедности. Они скучают по своим домам в пустыне. Они никогда не жили в городах, не платили за бензин и страховку. Некоторые уже потеряли свои дома из-за махинаций арендодателей. Другие просто оставили город и возвратились в пустыню, однако их дома уже разрушили бульдозеры.

Правительство Соединенных Штатов выставляет себя в качестве миротворца, а вину за проблемы индейцев сваливает на "старый земельный спор между хопи и нава-

хо". Если и появляется случайная публикация, она принимает официальную точку зрения, часто под броским названием, вроде "Индейцы выходят на тропу войны", при этом цитируются взаимные обвинения вождей хопи и навахо.

Однако добравшись до пустыни, вы не обнаружите никакой вражды между хопи и навахо. На самом деле разногласия существуют между сформированными США Советами племен.

Для хопи и навахо эти "советы" настолько же чужды, как Джордж Буш для жителя Микронезии. В традиционных системах правления хопи и навахо отсутствовали такие понятия как "совет племени" или "центральное правительство". Индейцы не признают властных полномочий этих советов; они говорят, что советы созданы как результат интервенционистской политики США. Они уверены: США и марионеточные "советы" хотят выбросить людей с земли и открыть доступ для крупных сельскохозяйственных ферм, добытчиков угля и урана.

"Между навахо и хопи нет никакого спора, — говорит старейшина племени хопи Томас Баньясья. — В разногласиях заинтересованы "советы племени", большие энергетические компании и правительство США, стремяющиеся получить землю. Великий Дух не хочет, чтобы землю раскапывали и делали атомное оружие. Если вы родились на этой земле, тогда эта земля — ваша... В пророчествах [хопи] говорится, что навахо наше родственное племя и будет торговать с нами, и мы вместе будем обладать землей".

Декларация независимости была подписана 64 старейшинами Независимой нации дин в районе Биг Маунтин. Председателем была избрана Роберта Блэкгоут. Вот выдержка из декларации:

> Правительство США и Совет племени навахо нарушили священные законы народа дин [навахо]... разделив коренной народ границами политики, образования и религии. США отрицают наше право на существование как независимого народа... Наши святыни разрушаются. Нашу мать-землю насилуют добывающие компании... Мы говорим от имени крылатых существ, от четвероногих, от тех, кто идет за нами и от будущих поколений. Мы не хотим перемен в нашей жизни, потому что только естественный образ жизни поможет нам выжить, и это наш священный закон.

ПЕРВЫМИ ПРИШЛИ ХОПИ

Американские антропологи любят делать акцент на культурном различии между навахо и хопи. Один широко известный антрополог однажды заявил: "Между навахо и хопи больше различия, чем между индейцами и жителем Нью-Йорка". Он говорил так безапелляционно, что я принял это на веру. Но пробыв некоторое время в пустыне, я понял, что колонизаторы любят находить разногласия у колонизированных народов. Это в какой-то степени должно оправдывать военную интервенцию и делать нас *хорошими*.

Я не хочу сказать, что различий не существует. Самым главным из них является то, что хопи на протяжении тысячелетий жили оседлой жизнью и занимались сель-

ским хозяйством, а навахо были кочевниками и разводили скот. Но, как мы увидим далее, сходства между ними больше, чем различий.

Народ хопи непосредственно произошел от обитателей скал Аназази в районе плато Меза-Верде (юго-запад шт. Колорадо); более ранние их предки (пуэблос) родом из Каньона Чако (шт. Нью-Мексико), жившие там по данным археологов около 10 тыс. лет назад. Они строили великолепные многоэтажные деревни, некоторые из которых еще сохранились. По невыясненным причинам (возможно, из-за жары) народ аназази оставил плато Меза-Верде и направился на юго-запад, где основал 20 индейских поселений (на месте современных штатов Аризона и Нью-Мексико). Группа, которая впоследствии стала племенем хопи, проживала в районе центральной Аризоны, по крайней мере, с 1000 года до н.э. Деревня хопи Олд Арайби, построенная в 1100 году до н.э., считается самым старым поселением в Северной Америке. Другие деревни хопи разбросаны в районе 50 миль на трех высоких плато в пустыне; красота и удобство традиционных индейских домов до сих пор поражает воображение посетителей.

Фермерские участки хопи окружают деревни в радиусе 5 — 10 миль. Большинство фермеров добираются до полей в традиционной манере индейцев: они бегут.

Хопи часто называют "самыми успешными фермерами без воды", поскольку на протяжении веков им удавалось успешно выращивать кукурузу, бобовые и кабачки в пустыне, где выпадает менее 25 см осадков в год. Хопи относят свои удивительные успехи в сельском хозяйстве за счет духовных практик, основанных на принципе вхождения всех жизненные процессов в единый земной круговорот. Это позволяет им точно знать, когда сажать деревья, как засевать почву и где зерна могут получить наибольшую влагу из подземных источников. Ритуалы, по их мнению, не только помогают получать большие урожаи, но и "поддерживают весь мир в равновесии".

Традиционно, у хопи минимальное количество животных для поддержания семьи. Одно из различий между традиционными и новыми "прогрессивными" хопи состоит в том, что последние занимаются крупномасштабным животноводством и проживают на частных землях. Еще одно различие: большинство новых фермеров приняли религию мормонов и оставили традиционные индейские культурные и религиозные практики.

Деревни-государства хопи

Как уже говорилось, в традиционной системе хопи не было "советов племени". Не было и централизованного правительства, объединяющего весь народ. По крайней мере с десятого столетия каждая деревня хопи представляла собой совершенно автономную единицу. Связи между деревнями культурные и духовные, но не "политические" в современном смысле. Деревни связаны друг с другом по неизвестным нам каналам.

В каждой деревне проживает от одного до четырех кланов, и каждый клан имеет *кикмонгви*, что-то вроде лидера или вождя. *Кикмонгви* выбирается в результате частично тайного процесса, исходя из его религиозной подготовки, знания ритуалов, наследственности, обладания определенными объектами и согласия всех жителей деревни. И хотя права собственности и родословная у хопи ведутся по материнской линии, *кик-*

монгви, как правило, имеет отцовскую линию. *Кикмонгви* не обладает никакой особой властью; его почитают как уважаемого учителя, мудрого человека и надежный источник традиционного знания. Он не может ничего и никому приказать. Все решения принимаются на встречах сообщества, причем кикмонгви играет роль фасилитатора[59].

Кланы хопи часто собираются на религиозные праздники. У каждого клана есть особая роль для каждого события; это значит, что для проведения полного религиозного цикла требуются все кланы хопи, причем все кланы независимы. Поэтому народ хопи — это, по сути, объединение или собрание независимых кланов для проведения религиозной, культурной и политической деятельности.

Кикмонгви собираются, когда возникают особо важные дела, затрагивающие весь народ хопи. В этом процессе нет главных. Кикмонгви обмениваются информацией и вырабатывают общее понимание ситуации; они не предпринимают никаких совместных действий, лишь иногда выступая с совместным заявлением.

Что касается законов, то единственными законами для хопи являются "законы природы", которые они обязуются соблюдать от имени всех людей планеты. Эти законы не могут быть изменены. Один из таких законов — землю нельзя продавать. Другой закон — землю нельзя открывать и забирать то, что в ней скрыто. Эти законы представляют собой наибольшую угрозу для Соединенных Штатов. Близкие законы существуют у племени навахо.

ПРИХОД НАВАХО

Племя навахо принадлежит к атабаскскому народу, непосредственно связанному с апачами и динами; их родина — Северная Канада. Апачи и дины пришли из Канады в 1400 году до н.э. В то время как апачи пошли далее на юг, навахо (дины) освоили область к северо-западу от штата Нью-Мексико.

Будучи кочевным народом, навахо занимались набегами. В течение первого столетия они враждовали с некоторыми племенами южных индейцев (пуэблос), но, по-видимому, не с хопи.

В 1500 году появились испанцы, завоевавшие пуэблос под предлогом защиты их от "набегов атабасков" и выступили в роли "миротворцев".

"Такие объяснения часто используются для оправдания завоеваний испанцев, — говорит Роксанна Ортиц, автор книги *Корни сопротивления*. — Известно, что народ пуэбло часто жил вместе с навахо во время кризисов, они вместе зимовали...Есть убедительные доказательства того, что оба народа не враждовали".

Напротив, все ненавидели испанцев. В 1690 году навахо провели ряд секретных встреч с пуэбло и хопи, и сообща сбросили правление испанцев. И хотя через два десятилетия испанцы восстановили свое владычество, отношения между племенами оставались мирными.

[59] Здесь: организатор, проводящий собрание. — *Прим. перев.*

Испанцы, в конце концов, были отброшены в результате испано-американской войны и подписания договора Гуадалупе Хидальго [60]. Примечательным в этом договоре является то, что пуэбло и хопи были официально признаны независимыми нациями (этому не учат в школе). Но как только подписавшие стороны разошлись по домам, белые поселенцы, большинство из которых были мормонами, принялись занимать суверенные земли хопи. Это привело к серьезным трениям между хопи и белыми. Обычно хопи выражают свое сопротивление пассивно. Но не навахо. Отряды навахо постоянно нападали на белых поселенцев до тех пор, пока генерал Кит Карсон не повел на них большую конную бригаду. После нескольких ожесточенных сражений Карсону удалось запереть в каньоне 8500 навахо и довести их до голодной смерти. Тысячи умерли с голоду; после чего выжившие сдались и в 1864 году под конвоем проследовали т.н. "длинным маршем" по всему штату Нью-Мексико в лагерь заключенных, в Форт Самнер.

Большинство навахо оставались пленниками в течение четырех лет. Некоторым, однако, удалось бежать на запад в страну хопи, и впервые за несколько столетий между племенами начались стычки.

Когда остальные навахо, наконец, освободились из плена, им вручили по две овцы и приказали оставить кочевный образ жизни. После чего они были направлены в самую бесплодную и засушливую пустыню юго-запада, в маленькую резервацию. Не сумев выжить на этой земле, навахо отправились к родственным кланам, проживавшим вблизи хопи и потеснили их.

Несмотря на все трения, *кикмонгви* меньше беспокоили навахо, с которыми они находили общий язык, чем усилившееся вмешательство правительства США. Хопи настаивали на том, что их статус как независимой нации гарантирован договором Гуадалупе Хидальго и что Соединенные Штаты должны сдержать слово и выставить всех белых с их территории. Но это уже была эпоха "Manifest Destiny", агрессивного подчинения всей территории интересам США. Вместо выселения белых пришельцев с территории хопи, правительство создало резервацию для хопи. Так был проигнорирован договор Гуадалупе Хидальго, хопи лишены своего суверенного статуса, а их территория уменьшилась на 60%. Более того, *часть земли, которую Соединенные Штаты объявили резервацией для хопи, была фактически землей навахо.* Много лет спустя на этой земле была образована Джойнт-Юз Эриа — "зона общего использования" — к недовольству хопи. Именно эта земля и является сегодня причиной разногласий. С тех пор США ничего не сделали для возвращения хопи незаконно присвоенных земель.

СИМБИОЗ ХОПИ И НАВАХО

Отношения между навахо и хопи, вынужденных жить в неудобном соседстве, на удивление оставались хорошими. В наиболее полном и обстоятельном исследовании этих

[61] Мирный договор, положивший конец испано-американской войне (1846-1848). В результате договора Мексика уступила 1.36 млн. кв. км Соединенным Штатам за 15 млн долл. Территория включала в себя части современных штатов Колорадо, Аризона, Нью-Мексико и Вайоминг, а также целиком Калифорнию, Неваду и Юта. — *Прим. перев.*

отношений (*Отчет кикмонгви за 1978 г.*) говорится, что уже в 1884 году агент Бюро по делам индейцев (Bureau of Indian Affairs) писал в Вашингтон: "...Между членами двух племен возникают небольшие ссоры; их причиной обычно служит невнимательный выпас скота молодыми навахо на огородах хопи... но между племенами в целом существует взаимопонимание; они часто проводят общие праздники, танцы и т.п. Хопи меняют излишек своих дынь на овец и шерсть".

Различия между навахо и хопи на деле лишь дополняют друг друга, способствуя сближению племен. Традиционная жизнь хопи связана с земледелием, в то время как духовная и экономическая жизнь навахо связана с животными, их здоровьем и благополучием — лошадьми, козами, и в особенности, овцами. Это создает органический симбиоз между двумя племенами: мясо и шерсть обмениваются на кукурузу, кабачки, дыни и глиняную утварь. Это не только деловое, но и социальное сотрудничество. Затем появляются общие семьи.

Кочевные навахо избегают соседства с расположенными на возвышенностях деревнями хопи, поскольку кочуют со своими семьями и стадами через пустыню от одного стратегического места (*хогана*, традиционного укрытия из дерева и глины) к другому по маршрутам, проходящим через множество священных мест: колодцев, скал и мест, где произрастают лекарственные и священные травы.

Несмотря на различие экономик хопи и навахо, в более тонких сферах их культуры очень схожи. Например, у хопи и навахо религиозные практики находятся в центре жизни. Оба племени направляют духовную энергию для поддержания земли и считают ее живым существом. Для обоих племен "раскрытие" земли для получения минералов, обезображивание ее раскопками или использование в личных целях немыслимо. (В этом отношении все американские индейские племена похожи).

У политических структур хопи и навахо также много общего. Как и у хопи, у навахо никогда не было ничего даже отдаленно напоминающего "совет племени". Как и у хопи, политическая власть навахо имеет локальный, децентрализованный, коллективный характер.

Главная политическая единица — автономная расширенная семья, в которой насчитывается от 20 до 300 человек, сотрудничающих по всем экономическим и духовным аспектам жизни. У каждой расширенной семьи есть "глава", роль которого, практически всегда выполняет женщина. Как и у хопи, у навахо родословная ведется по материнской линии. Домашнее хозяйство, уход за овцами и общее благосостояние семьи возлагается на женщин-навахо. Даже сегодня женщины следят за стадом. Неудивительно, что самое отчаянное сопротивление агентам Соединенных Штатов, пытавшихся навязать различные схемы переселения, оказали три вооруженные шестидесятилетние женщины-навахо.

Как и у хопи, у навахо нет централизованной власти. Существуют тесные родственные связи, их единство обусловлено общими корнями, языком, культурой, ритуалами, географией и экономикой. Племя часто собирается для совместного проведения праздников, торговли или выработки общей стратегии, однако принятие решения всегда децентрализовано и распределяется среди всех семей. По крайней мере, так было до 1923 года, пока правительство Соединенных Штатов не вмешалось в традицион-

ный процесс правления, создав искусственный "совет племени". Совет был нужен прежде всего Соединенным Штатам для "легального" одобрения нефтяных разработок и добычи полезных ископаемых компанией Стэндард Ойл — то, чего никогда не допустила бы индейская система правления.

АМЕРИКАНИЗАЦИЯ ИНДЕЙСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Стремление Соединенных Штатов добраться до золота, угля, нефти, меди, олова, минералов и земли на территории индейцев натолкнулось на непредвиденные сложности. Трудно договариваться с народом, у которого нет центральной власти, никто не принимает решений, обязательных для всего населения. Трудно установить, где собираются все люди и кто несет за это ответственность. Кто должен подписывать документы сверху пунктирной линии? Традиционные формы правления у индейцев (если вообще таковые имелись) работали слишком медленно и руководствовались неизменно "природными законами"; земля рассматривалась как Существо или Дух, а значит, ее нельзя было продавать или обменивать на что-либо. Ясно, что ситуацию надо было менять, и мы стали искать для этого разные пути. Начали с детей.

Шаг 1. Убрать детей

Соединенные Штаты стали насильно отбирать индейских детей и помещать их в отдаленные интернаты "чтобы помочь индейцам". Объяснение было следующим: таким образом дети смогут вырваться из культурных ограничений и интегрироваться в американское общество. В разных регионах страны эта политика проводилась по-разному. Среди индейцев хопи она началась в 1880-х годах, когда детей перевезли в школы в районе Кимс Кэньон, в Аризоне. Там детям хопи запретили разговаривать на родном языке, носить одежду хопи, носить традиционные длинноволосые прически. Им дали английские имена и запретили все обычаи хопи. Всем детям было предписано религиозное воспитание, проводимое главным образом мормонами. (Мормонизм в настоящее время — преобладающая религия среди "прогрессивных" [нетрадиционных] хопи).

Учителя-мормоны, кроме всего прочего, говорят, что темная кожа — это наказание от Бога. В *Книге мормонов* говорится: "... Пока они [индейцы] жили в своем неверии, они стали темными, отталкивающими, грязными, ленивыми и полными всякой гадости". Если индейцы примут церковь мормонов, то тогда, " многие поколения не пропадут, а станут белым замечательным народом". Другими словами, примите религию мормонов — и вы сразу побелеете.

Когда родители стали сопротивлялись тому, чтобы их детей отдавали в школу, кавалерия силой отбирала детей, а родителей арестовывала. Такая политика продолжалась до 1930-х годов.

Насильственное отделение детей от родителей было очень успешным с точки зрения Соединенных Штатов. Это позволило создать целое поколение индейцев, научив-

шееся ненавидеть свою "индейскость" и приученное к американским ценностям. Из этих детей потом Соединенные Штаты набирали "лидеров племени".

Шаг 2. Разделить землю

Вторым ударом был так называемый закон об "отводе земли", принятый 1887 году. Этот закон также носит название "Закона Доуэса", по имени конгрессмена, который не скрывал своей цели: "разделить обширные индейские земли".

По закону Доуэса, индейские земли следовало разделить на части по 160 акров. Затем эти части передать индейским семьям, которые получали право на личное владение, а также продажу земли. Избыточная земля, т.е. оставшаяся после разделения на части, должна была соответственно передаваться правительству США в аренду или продаваться.

Поразительно, что Закон Доуэса, как и отправка детей в интернаты и большинство других последующих актов, рассматривался как либеральная реформа, направленная на улучшение жизни индейцев. В конце девятнадцатого века решение "индейской проблемы" проводилось через ассимиляцию, что требовало развития индивидуализма и экономической конкуренции среди индейцев. Такая политика широко пропагандировалась движением "Друзья индейцев", где Доуэс был одним из главных идеологов.

Другим лидером этого движения был д-р Мерил Э. Гейтс, президент колледжа г. Амхерст. В книге *Индеец белого человека* Роберта Беркхофера цитируется речь Гейтса о достоинствах частной собственности для индейцев:

> Для того чтобы вывести [индейца] из дикости и сделать цивилизованным... мы должны пробудить в нем потребности. В его темной дикости он должен дотронуться до крыльев божественного ангела неудовлетворенности... Неудовлетворенность своим жилищем и лагерем... необходима для того, чтобы снять с индейца одеяло и одеть на него брюки — брюки с карманами, жаждущими наполнить себя долларами!
>
> Мы предлагаем большой моральный урок, который вытекает из использования частной собственности. Подобно малому ребенку, который учится получать истинное наслаждение от подарков только после того, как заработает свои первые деньги и купит на них что-либо для себя, так и индеец должен понять: у него нет прав дарить то, что он не заработал, и что у него нет права есть, пока он не заработал на хлеб. Наши учителя в резервациях знают, как часто их уроки... пропадают из-за противодействия со стороны [индейских] коллективных инстинктов и традиций... Мы посчитали необходимым в качестве первых шагов по развитию в индейце сильной личности сделать так, чтобы он почувствовал ответственность за свою собственность. Даже если он потеряет собственность, он должен почувствовать ее значение, и в этом будет наш урок.

По мнению сенатора Доуэса, главное — развить чувство эгоизма у индейцев. Его цитирует Рекс Вейлер в книге *Кровь земли*:

> Главный вождь племени чероки рассказал нам, что во всем народе не было бездомных. Не было и бедняков, хотя у народа не было долларов... Однако недостатки системы

> очевидны. Они [индейцы] могли зайти так далеко, потому как земля у них была была общая... У них не было возможности сделать дом лучше, чем у соседа. У них отсутствует эгоизм, который лежит в основе цивилизации. Пока люди не согласятся отдать свою общую землю и разделить ее между гражданами, чтобы каждый мог владеть землей и обрабатывать ее, они не достигнут прогресса.

"Прогресс", достигнутый в результате принятия закона Доуэса, был действительно значительный. В результате махинаций белых, индейцы потеряли до 60% своей общей земли. Слабо разбираясь в экономических вопросах, когда речь шла о продаже земли или покрытии долгов, индейцы были совершенно беззащитны перед чуждой для них системой. Если к этому добавить аренду белым, общая потеря земли индейцами достигает 90%.

Закон "отвода земли", возможно, был самым тяжелым ударом по индейскому суверенитету, поскольку поразил самое сердце коллективной экономической и политической жизни. Как только разрушилось традиционное коллективное начало, манипулировать индивидуальным индейцем стало намного легче. Этот процесс повторяется сейчас на Аляске; об этом я расскажу познее.

Любопытно, что закон об "отводе земли" не так сильно повлиял на хопи и навахо, как на другие индейские нации. Коллективная собственность на землю была настолько укоренена в сознании хопи, что они ночью тайно убирали все отметки и ограждения "наделов земли". Что касается навахо, то после их освобождения из концентрационного лагеря Кита Карсона, им выделили такие бесплодные участки в пустыне, что ни один белый на них не позарился. Но другие процессы оказались не менее разрушительными.

Шаг 3. Создать марионеточные правительства

Следующим этапом покушения на индейцев было прямое давление на их структуры правления. Для навахо ключевой датой стал 1921 год, когда компания Стэндард Ойл обнаружила в их землях большие запасы нефти. До этого момента добыча полезных ископаемых и нефти велась в ограниченном объеме. Закон 1880-х годов все еще был в силе и требовал, чтобы все разработки полезных ископаемых проводились с разрешения "властей, говорящих от имени всех индейцев". Но у навахо с их непостоянным, неуловимым, клановым правлением не было такой центральной власти, которая могла бы готовить соглашения. Поэтому Бюро по делам индейцев специально создало фиктивные советы для оформления таких сделок.

Этот период хорошо описан историком Лоренсом Келли в книге *Индейцы навахо и политика федерального правительства*. Келли пишет: "Созыв совета навахо в начале 20-го века был довольно обычным явлением. Местный агент оповещал всех взрослых мужчин о собрании в помещении агента... Как только Совет заканчивался, индейцы расходились".

Бюро четко не объясняло смысл данного процесса. В публикации 1915 года говорилось, что "...пока совет в силе и действует, он должен приносить большую пользу индейцам". Навахо, впрочем, так не думали. Еще в одном документе Бюро читаем: "С

большим трудом нам удалось сдержать яростное выступление индейцев против нефтедобытчиков".

Поэтому, когда Стэндард Ойл в 1921 году захотела получить согласие на разработку нефтяных месторождений, Бюро по делам индейцев принялось разыскивать навахо, которые могли бы собраться и обеспечить "официальное" согласие. В конце концов, 75 мужчин навахо действительно собрались, но неожиданно выступили с протестом, проголосовав как один против запроса Стэндард Ойл. Тогда был создан новый совет, который, впрочем, также отверг просьбу об аренде. И только третий совет, наконец, согласился на аренду.

К тому времени для Бюро и нефтяных компаний стало ясно: данный процесс слишком творческий, неформальный и непредсказуемый, поэтому следует создать постоянный совет "обладающий широкими полномочиями". Через два года агенту Бюро, наконец, удалось сформировать новый совет навахо, получиваший статус постоянного. Фактически это был праобраз сегодняшнего Совета Племени".

Согласно Лоренсу Келли, первыми актами Совета в 1923 году стала передача всех прав на аренду земли Бюро по делам индейцев, которое с тех пор заключает все сделки без согласия племени: "Одной из причин того, что навахо согласились на передачу своих прав, возможно, было заверение Бюро в правительственной помощи... Комиссионер из Бюро привел убедительный аргумент: "Навахо, — объяснил он, — весьма сильно пострадают, если не согласятся". Поэтому они согласились. И они действительно получили новые земли, которые были отобраны — угадайте у кого? У хопи.

Именно эту часть и хочет возвратить себе Совет Племени хопи (тоже создание Бюро).

Совет Племени навахо, как орган американской бюрократии, образован шестьдесят лет назад. С точки зрения правительства США, это большое достижение. Сейчас в резервации навахо насчитывается 4 угольные шахты и 5 гигантских угольных электростанций. Кроме того, есть 38 урановых шахт и 6 урановых заводов.

Для народа навахо, однако, это большая трагедия. Их регион, воздух которого считался ранее самым чистым в Соединенных Штатах, сейчас пропитан тяжелым черным смогом. Шахтеры, работающие на урановых шахтах, заболевают раком легких в несколько раз чаще, чем в среднем по стране. Уровень грунтовых вод за последнее время резко понизился из-за того, что воду начали откачивать для удаления угольного шлама; это в свою очередь, сильно усложнило выращивание кукурузы в пустыне. Кроме того, грунтовые воды заражены урановыми отходами; отмечаются случаи, когда лошади и овцы погибали после водопоя. Отходы урановых шахт часто остаются лежать в огромных непокрытых кучах. Некоторые навахо строили себе дома из этих отходов. Дети играют вблизи этих куч.

Более того, финансовое руководство Бюро по делам индейцев было настолько плохим, что племя навахо получало всего по 15 центов с одной тонны угля — одну десятую того, что выплачивают компании на других территориях ($1.50 за тонну).

А что же Совет Племени? До последнего времени он оставался лишь названием на резиновой печати Бюро, для чего, собственно, и был создан.

• • •

Если с навахо приходилось действовать с применением силы, с хопи было достаточно простого обмана. Для этого в 1934 году был принят Акт о реорганизации индейцев [61] (Уиллера-Говарда). Как и закон "отвода земли", принятый 50 годами ранее, Акт реорганизации был преподнесен как еще одна великая реформа. Акт обещал предоставление федеральной помощи тем племенам, которые откажутся от традиционных структур правления и заменят их американскими. Этот акт назывался "либеральным", потому как должен был принести демократию индейцам, которые, теоретически, ее не имели.

Для "новых демократических" правительств были написаны конституции — но не индейцами, а чиновниками из Министерства внутренних дел США, которые затем наблюдали за прохождением референдума среди индейцев в их поддержку. В конституции говорилось, что решения племени должны будут получать одобрение официальных властей США. Таким образом, предоставление "самоуправления" на самом деле оказалось фикцией. Племенам была обещана большая экономическая помощь, если только они проголосуют за новые правительства. Кроме того, Советы племен поддержало новое поколение "прогрессивных" индейцев в надежде получать кусочки от американского пирога. 67% всех индейских племен проголосовало "за", после чего 172 племени приняли новые правительства.

Среди индейцев хопи, однако, возникло сильное сопротивление. С самого начала вожди *кикмонгви* были против новых правительств. В письме, направленном в Бюро, говорится: "Мы не заинтересованы в формировании самостоятельного правительства, оно у нас уже есть и переходит из поколения в поколение". Поэтому *кикмонгви* объявили бойкот референдуму, к которому присоединилось большинство хопи.

Правительство Соединенных Штатов хорошо понимало, что неучастие в голосовании индейцев является выражением их несогласия. Оливер Лафарж, агент хопи в Бюро, объяснял своим вашингтонским хозяевам:

> Хопи не привыкли решать вопросы путем голосования. Такое голосование оставляет после себя недовольное меньшинство, которое вызывает напряжение в сообществе. Более естественно для них вести длительное обсуждение и постепенно достигать согласия во всех группах в одном вопросе... На практике такая система демократична, но отличается от нашей. Несогласие выражается в неучастии. Те, кто настроен против чего-либо, не посещают собрания, на которых ведется обсуждение, и не голосуют.

В день проведения референдума, 519 хопи (21%) проголосовали "за", 305 (12%) проголосовали "против". В то же время 1714 хопи (67%) вообще отказались голосовать. Лафарж доложил Вашингтону, что этот результат "должен рассматриваться как выражение сильного несогласия". Однако суперинтендант Бюро заявил, что, насколько ему известно, неучастие в голосовании рассматривается как "за".

Так, после десяти столетий децентрализованного самоуправления хопи стали управляться единым авторитарным Советом Племени, облаченным властью исполнять

[61] Indian Reorganization Act.

законы и заключать сделки от имени всех хопи под наблюдением правительства США. Во многих отношениях создание этих марионеточных правительств можно назвать "неоколониализмом".

Несмотря на то, что *кикмонгви* считали идею продажи или аренды земли для добычи ископаемых святотатством, новый Совет племени, состоящий теперь преимущественно из мормонов-хопи, думал по-другому. По предложению Бюро, Совет назначил своим представителем Джона С. Бойдена, бывшего священника мормоновской церкви из Солт-Лейк Сити, для ведения переговоров между хопи и корпорациями. Не долго думая, Бойден заключил сделки с Керр-Макги, Тенеко и рядом других компаний.

Кикмонгви незамедлительно выразили свой протест. Они обратились в окружной суд штата Аризона с иском о том, что Совет племен не имеет полномочий заключать договоры об аренде земли. Иск был отклонен на том основании, что Совет племени хопи представляет, дескать, суверенное государство и поэтому не может быть подвержен судебному иску. На самом же деле, новые индейские правительства знаменовали собой *утрату* суверенитета.

Писатель и историк Элвин Джозефи в работе *Когда ушел бизон* подводит итог тому, что произошло с индейцами после насильственного принятия ими Акта о реорганизации:

> Вместо того, чтобы предоставить каждому племени возможность выбирать свою форму правления, с принятием Акта о реорганизации индейцам навязали единое правительство, контролируемое белыми... У [новых] правительств фактически не было власти. Все вопросы, подлежащие рассмотрению Советами, были строго регламентированы, а их решения должны были согласовываться с Бюро по делам индейцев.

Джозефи указывает, что суперинтендант резервации (служащий Бюро, своего рода колониальный губернатор) "по прежнему осуществлял полный контроль над собственностью и финансовыми делами племени, а также следил почти за каждым их шагом; он же мог отменить все, что принимало правительство или члены племени".

Вот как Джозефи описывает ситуацию с индейцами оглала-сиу:

> Результаты можно было предвидеть.... Вошедшие в правление индейцы получили финансовые преимущества, почет и возможности построить вокруг себя политическое окружение из друзей и родственников; все они согласились служить целям Бюро... в то же время, их связь с племенем ослабла. Оставшиеся члены племени отнеслись к избранным с презрением и продолжали бойкотировать выборы...
>
> По мере того, как росла пропасть между политиками и простыми людьми, последние все чаще стали обращаться к духовным лидерам за поддержкой и руководством. Возникли трения между традиционалистами, часто составляющими большинство в резервации, и Советом племени...
>
> До 1960-х годов данная система правления эффективно функционировала без участия индейцев. Политика и программы разрабатывались Конгрессом и Министерст-

вом внутренних дел в Вашингтоне, и налагались на индейцев официальными лицами. Большинство программ, в конце концов, провалились.

Проблемы, с которыми столкнулись племена навахо, хопи и сиу после учреждения марионеточных правительств, типичны для других индейских племен. Будучи заинтересованными лишь в экономическом расширении, эти правительства послушно отказались от традиционных духовных практик в пользу нефтеразведки, агробизнеса и других схем, созвучных американским корпоративным интересам.

Тем временем в племени нарастают трения между вождями и рядовыми членами; возникает раскол между хопи и навахо.

Трагедия также в том, что американские масс-медиа не могут разобраться в происходящем и проинформировать публику. Они продолжают настаивать на этнических разногласиях между племенами и не заикаются о марионеточных режимах, лежащих в основе конфликтов.

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ

К моменту, когда моя книга выйдет из печати (июль 1991 г.), около 75% навахо и хопи будут переселены из резерваций. Остаются, по крайней мере, 2500 человек (около 400 семей), которые отказываются переезжать. Это наиболее воинственно настроенные семьи, способные оказать физическое сопротивление. Уже было несколько случаев, когда женщины навахо делали предупредительные выстрелы в сторону правительственных чиновников.

Из семей, решивших переселиться, только 25% получили обещанную государственную компенсацию 5 — 10 тыс. долларов наличными, новые дома и помощь в получении профессии. В настоящий момент они сталкиваются с социальными и экономическими трудностями, типичными для мигрантов: психологической дезориентацией, болезнями, алкоголизмом и наркотиками, самоубийствами.

Правительственная комиссия США по перемещению индейцев была вынуждена изменить свою политику. В газетах стали появляться фотографии, на которых исполнительные чиновники тащат старых индейцев по песку в бетонные дома за сотни миль от родных поселений (редкий случай, когда пресса проявляет интерес к индейцам). Невзирая на ощутимое сопротивление, правительство продолжает политику экономических санкций к тем, кто остается на земле — ограничивая число животных, запрещая новые сельскохозяйственные проекты или строительство — в надежде, что старики в конце концов сдадутся или умрут.

Что касается американизированных Советов племени, то им уже никто не верит. По словам старожилов, оба Совета занимаются в основном разработками полезных ископаемых.

Тем временем в Вашингтоне (окр. Колумбия) никто не заинересован в разрешении проблем индейцев. Предложение сенатора Алана Крэнстона и конгрессмена То-

ма Бэйтса (оба из Калифорнии) о моратории на насильственное переселение навахо и хопи застопорилось после финансовых скандалов 1990 года. В настоящее время мало надежды на какое-нибудь положительное решение Конгресса.

Судебные иски также не дали результата. Самым обнадеживающим стал иск на основе Первой Поправки о правах на религиозную свободу, но, как и другие иски, он получил отпор после одиозного решения Верховного Суда в отношении строительства дороги между городами Гаскет и Орлеан в Сев. Калифорнии[62]. Суд постановил, что религиозные права индейцев не могут служить препятствием для правительственных решений. (Этот случай будет подробно рассмотрен в главе 18.)

Международная пресса уделяет проблеме хопи-навахо гораздо больше внимания, чем США. Международный индейский совет неоднократно выносил проблему индейцев на рассмотрение Подкомитета ООН по правам человека в Женеве, а также на конференции Организации американских государств (ОАГ). Конечная цель такого рассмотрения — осуждение политики США, признание ее как "геноцида" по канонам международного права. В настоящее время вполне вероятно, что ООН и ОАГ осудят политику США и привлекут внимание мировой общественности к проблеме насильственного переселения индейцев. Однако правительство США постоянно игнорирует международные суды и агентства, если они противоречат интересам США.

Тем временем, все сомнения относительно истинных причин насильственного переселения развеялись. В 1989 году, выходящая в шт. Нью-Мексико газета Гэллап Индепендент сообщила о "секретной" встрече между представителями компании Пибоди-коул и Советом племени хопи, на которой компания запросила разрешение на сооружение новой угольной шахты рядом с уже существующими шахтами в районе Блэк Меза. Новые разработки должны включать область Биг Маунтин, и по расчетам компании содержат от 300 до 500 млн. тонн высококачественного угля, что удвоит продукцию компании.

В газете цитировались высказывания компании, настаивавшей на скорейшем перемещении оставшихся жителей, поскольку, дескать, "компания не хочет вмешиваться в конфликт между хопи и навахо". Согласно газете, компания надеется начать добычу угля в 1997 — 1999 гг., а затем отправлять его в Японию.

Компании остается решить только две проблемы:

1) недостаточный объем грунтовых вод в пустыне, не позволяющий соорудить новые производственные линии по удалению угольного шлама (на существующих шахтах Блэк Меза уровень грунтовых вод опасно понизился, что ставит под угрозу жизнь хопи и навахо); и 2) постоянное сопротивление со стороны нескольких сот семей, которые считают, что у них есть право оставаться на земле предков, сохранять свой традиционный уклад жизни и препятствовать осквернению священных мест.

---

[62] В 1970-х гг. Министерство лесного хозяйства США предложило построить дорогу между городами Гаскетом и Орлеаном в Сев. Калифорнии, длинной 400 миль. Дорога должна была проходить через девственные леса и священные для индейцев места, в которых проживали племена толова, карук, юрок и хупа. Судебные слушания продолжались много лет и окончились поражением индейцев. — *Прим. перев.*

16

КРАЖА АЛЯСКИ

Я уже говорил, что корпорация по своей сущности это машина. В данной главе я попытаюсь проанализировать разрушительное влияние корпораций на традиционное общество, имеющее совершенно другую организацию. Для алеутов, юпик, инупиатов, атабасков и других коренных народов Аляски приход корпораций представляет собой такой же фатальный "подарок", как и автоматическое ружье, подаренное индейцам сто лет назад.

Чуждая корпоративная форма была навязана коренному населению прежде всего *Актом о компенсации земельных исков коренного населения Аляски* [63] в 1973 году. Этот акт был преподнесен как новая эра в отношениях между США и индейцами, как новый справедливый договор, обеспечивающий защиту традиционной культуры и окружающей среды. Но, как и закон "об отводе земли" и Акт о реорганизации индейских поселений, он оказался обманом — концептуально и на деле. И это не удивительно — ведь он разработан Конгрессом, который фактически представляет интересы нефтяных, угольных и рыболовных компаний. Его принятие говорит о том, что американцы ничему не научились у прошлого и планируют вести себя так же агрессивно. Это плохая новость. Хорошая новость состоит в том, что поскольку ситуация сравнительно "свежая", ее можно попытаться как-то исправить.

ОТ КОЛЛЕКТИВНОГО К КОРПОРАТИВНОМУ

Мало кто из американцев знает, что до принятия Акта ANSCA коренной народ Аляски имел законное право на владение практически всей территорией штата. Судебные иски подтвердили это право. По закону США коренное население сохраняет за собой право на владение землей за исключением особых ситуаций: 1) население побеждено в войне; 2) земля арендуется по договору и 3) в результате отмены "прав коренного населения" Конгрессом.

[63] Alaska Native Claims Settlement Act, ANSCA.

Кроме того, коренное население может потерять свое "право", если более не проживает на своей земле или не использует ее, а, значит, не может защитить ее от захватчиков. В каждом таком случае определение "закона" спорно. Можно ли утверждать, что сообщества индейцев, живущие за счет охоты и собирания, "не используют" землю? Обязаны ли они, например, физически проживать на земле и ее обрабатывать?

В подавляющем большинстве спорных случаев между Соединенными Штатами и индейцами землю у индейцев отбирали по одному из трех вышеозначенных "легальных" актов. Но в случаях, когда земля не признавалась ценной и на нее не находилось желающих, эти акты не действовали. (Примером такого случая может служить случай с индейцами-шошонами из пустыни Невады.)

• • •

Коренное население Аляски считает, что Соединенные Штаты владеют Аляской незаконно. США, со своей стороны, уверены, что они на законных основаниях выкупили землю у России. Сами русские практически никогда не были на Аляске —за исключением небольших групп, торговавших пушниной на Алеутских островах и вдоль южного побережья Аляски. Коренное население никогда не встречалось с русскими и понятия не имело о том, что эта земля принадлежит чужому государству. Несмотря на этот факт, Соединенные Штаты заплатили 7,2 млн долларов русским в 1867 году, а затем объявили, что Аляска принадлежит нам. Никто не спросил у тех, кто жил на этой земле 4000 лет.

До обнаружения золота в начале века коренному населению Аляски ничего не угрожало. Вслед за золотой лихорадкой на побережье пришел рыбный промысел, на юге стали рубить лес. Однако до 1960-х годов серьезных проблем у коренного населения не возникало. Сотни общин жили в небольших деревнях, занимаясь охотой и рыбной ловлей. Племена юпик и инупиат проживали на побережье; племена атабасков селились в горных районах.

Исключением стали алеуты на Алеутских островах. Русские вынудили алеутов оставить свой традиционный уклад жизни и заняться ловлей котиков. Многие алеуты оставили дома и переехали на север, на острова Прибилова, где расположены лежбища котиков (между прочим, до сих пор). Когда США завладели этой территорией, они поддерживали этот каторжный труд местного населения вплоть до Второй мировой войны. Затем, когда японцы попытались захватить алеутские острова, алеутов переместили в лагерь для интернированных. После войны они возвратились домой и обнаружили, что дома их разрушены, а группы защиты животных выступают против единственной экономики, которую они знают. "Нам запрещают ловить тюленей для еды, — говорит алеутский лидер. — Они хотят, чтобы мы покупали мясо из Чикаго". Только недавно алеутам было вновь разрешено заниматься охотой на морских млекопитающих.

Большинство коренного населения впервые ощутило присутствие США во время Второй мировой войны. Американским базам на Аляске были необходимы ресурсы, добыча которых потребовала создания инфраструктуры. Разногласия возникли, когда правительство и корпорации захотели приписать аляскинские земли Национальному

лесному хозяйству США (чтобы заготавливать древесину). Но суды неизменно оставляли законное право на землю за коренными жителями. Когда же в 1968 году в заливе Прудхоу была обнаружена нефть, США решили, что пришло время "выяснить" отношение коренного населения к собственности на землю. Нефтяные компании жаждали поскорее инвестировать в сооружение нефтяных вышек и нефтепроводов. Для проведения переговоров с индейцами был привлечен Конгресс США.

Неожиданно к нефтяным компаниям присоединились многие экологические группы и штат Аляска. Все захотели, наконец, выяснить, кто чем владеет. Штат Аляска и нефтяные компании выступали за экономическое развитие; защитники среды хотели превратить край в национальный парк или получить статус охраняемой территории. К концу 1960-х экономическая активность и давление природоохранных групп привели к тому, что коренное население также начало задумываться о своем статусе. Большинство людей посчитали, что им удастся сохранить право на землю, по крайней мере, на ее *большую часть*, а также право на традиционную культуру и экономику. Они ошиблись.

Некоторые нюансы Акта ANSCA

Подробное изучение всех последствий Акта ANSCA было проведено известным канадским юристом Томасом Р. Бергером.

Бергер сообщает, что в переговорах не участвовал ни один из лидеров 200 племен Аляски. Не участвовали и правительства племен; напротив, они были специально исключены. В общинах вообще не проводилось никаких слушаний, не было свидетельских показаний, никакого голосования "за" или "против". Не велись переговоры и с Федерацией коренного населения Аляски, единственной организацией, представляющей интересы местного населения. Вместо этого переговоры проводились с лидерами программ, финансируемых федеральными структурами, т.е. с чиновниками, получающими зарплату из федеральных источников.

После шести лет таких "переговоров" было объявлено о достижении соглашения. Поскольку соглашение предусматривало большие долларовые инвестиции и защиту крупных арендаторов, оно приветствовалось Конгрессом, нефтяными компаниями и природоохранниками как "новый прорыв".

В новом соглашении было несколько важных пунктов:

1. "Право коренных жителей на землю" отменялось. (Конечно же, это была основная причина для заключения договора.)

2. Право на ведение охоты и рыбной ловли коренными жителями также отменялось. (Не беспокойтесь, эти права охраняются теперь по-другому, см. ниже.)

3. Коренным жителям отводится до 10% (44 млн акров) земли Аляски. (Это один из "либеральных моментов": коренным жителям отводился большой участок земли, который они могли контролировать, т.е. 10% по сравнению с раннее принадлежавшими 100% . Как оказалось, это "право" было серьезно обосновано.)

4. Федеральное правительство получило 60% (197 млн акров) Аляски. Эта земля должна теперь распределяться между следующими департаментами: Национальной службой парков, Лесным хозяйством, военными, Бюро по управлению земельными ресурсами, Управлением дикой природой и т.д.; часть земли предполагалось охранять, часть отвести под строительство. (С тех пор судьба каждого участка земли остается предметом ожесточенных споров и выносится на судебные разбирательства между природоохранниками, корпорациями и правительством, особенно, в отношении нефтяных разработок в "охраняемой" зоне арктического заповедника.)

5. Штат Аляска получил 30% (124 млн акров) земли. Эта земля сразу же была отдана под строительство.

6. Коренному населению предполагалась компенсация за потерю 90% земли (321 млн акров) по цене 3 долл. за акр, или всего 962, 5 млн долл. Эта цифра выдавалась за "громадное" денежное вознаграждение для коренных жителей. Но...

7. Ни один доллар, ни один акр не остались фактически в распоряжении коренных жителей. Напротив, их земли разделили на 12 регионов, причем каждый регион теперь находился в руках корпорации, собственником которой был кто-либо из коренных жителей; корпорациям давалось право добывать полезные ископаемые или вести другую экономическую деятельность, приносящую доход. Коренные жители получали часть доходов данной корпорации от разработок. В целом, коренной народ потерял право на землю. Контроль над землей теперь осуществлялся только через корпорации — институты, работающие по совершенно другим, отличным от традиционных правилам и имеющие совершенно иные цели.

8. В дополнение к 12 региональным корпорациям, каждая деревня становилась отдельной "корпорацией". Деревни-корпорации условно сохраняли за собой права на землю, но фактически права имели региональные корпорации, владеющие землей вокруг деревень.

9. Акционерная собственность новых корпораций была поделена между каждым племенем Аляски, все получили равные части. Однако те, кто не жил в деревнях, получил акции только региональных корпораций. О будущих поколениях никто не позаботился.

10. Сначала акции новых корпораций, принадлежащие коренному населению, не могли передаваться некоренным жителям. Начиная с 1991 года, землю уже можно было покупать каждому. Это было повторением "закона об отводе земли", принятом полвека назад. (Правительство втайне надеялось, что произойдет отчуждение коренных жителей от природного окружения и древних традиций. Однако коренное население успешно внесло изменения в закон. Сейчас акции можно продать только при согласии 50% акционеров, что делает передачу собственности в руки некоренных жителей более сложным.)

ТРЕБОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ПРИБЫЛИ

Передав корпорациям право контролировать землю и денежные средства индейцев, Акт ANCSA привел ко вполне предсказуемым результатам. Во-первых, корпоративные менеджеры отобрали у племени возможность контролировать будущее своего народа. Хотя менеджеры компаний и сами были аборигенами — по крайней мере, на первых порах — они отличались от духовных лидеров племени. Цели менеджеров расходились с желанием их собственных общин, а именно — с сохранением традиционного образа жизни.

Во-вторых, акт ANCSA обеспечил настроенным на прибыль корпорациям возможность оценивать землю в долларовом эквиваленте. Если новая корпорация не приносила прибыль, это означало, что стоимость акций уменьшалась. Индейцы-акционеры в конце концов предпочли продать акции хотя бы для того, чтобы возместить часть стоимости земли. При этом традиционные земли навсегда были утеряны теми, кто жил на них в течение тысячелетий.

В-третьих, требование прибыли означает, что новое руководство должно успешно справляться со сложным предприятием в условиях конкуренции. Коренные жители практически не обладали таким умением, особенно те, кто проживал в изолированных от западного мира регионах. Поэтому неопытные менеджеры-индейцы были вынуждены обратиться за помощью к белым консультантам — юристам, бухгалтерам, банкирам и менеджерам — чтобы вести бизнес. В настоящий момент более 50% руководства корпораций коренных индейцев (и 50% сотрудников) — некоренные жители.

Не имея опыта, новые менеджеры-индейцы были вынуждены решать проблемы, связанные с нехваткой стартового капитала, подготовленных сотрудников, инфраструктуры для ведения бизнеса, враждебностью белого населения и нереалистичными ожиданиями акционеров-индейцев.

В-четвертых, новое руководство корпораций должно было придерживаться корпоративных ценностей. Прибыль, рост, расширение и преобразование природных ресурсов в долларовый эквивалент — все это стало целью новых менеджеров. Новые индейцы-бизнесмены сразу же сообразили, что традиционная экономика не дает прибыль в отличие от рубки леса, добычи ископаемых, продажи земли нефтяному или туристическому бизнесу. Поэтому отошедшее от китобоев и трапперов поколение легко усвоило корпоративную идеологию. В статье "Перспективы ANCSA" профессор Монро Прайс пишет: " В некотором смысле евангелие капитализма преподносилось лидерам корпораций точно так же, как [христианское] евангелие вводилось в школах... Страсть к прибыли вскоре стала мощной движущей силой. Менеджерами [новых] корпораций могли стать только те, кто отказался от традиционной экономики, захотел участвовать в собраниях директоров вместо ловли лосося, и проводить время с юристами, финансистами и банкирами вместо своих соплеменников в деревне" [64].

В-пятых, необходимость иметь прибыль приводила к тому, что местные корпорации входили в жестокое противостояние со многими деревенскими общинами. Хотя

[64] Нечто подобное произошло с приходом к нам капиталистической экономики: социалистические (псевдо-христианские) ценности отступили, а на их место пришла страсть к прибыли. — *Прим. перев.*

деревни сами стали рассматриваться как корпорации, люди все еще могли выбирать свой образ жизни. Большинство жителей не хотели никакого экономического развития, но поскольку землей и ресурсами владели большие региональные корпорации, развернулись беспрецедентные сражения. Для того чтобы соответствовать корпоративному и налоговому законодательству Аляски и Соединенных Штатов, жители деревень должны были тратить по 60 — 80 тыс. долларов в год на бухгалтеров и юристов. Корпоративная структура требовала, чтобы индейцы искали возможности для получения прибыли, уходили от банкротства и потерь.

Поэтому Акт ANCSA, обещающий индейцам контроль над их исконными землями путем их выкупа, оказался обманом. Владение землей превратилось в весьма ненадежный бизнес. Кроме того, акт разрушил традиционную экономику и политические структуры. Он мгновенно измененил уклад жизни. И главное: он открыл корпорациям — наиболее агрессивным организациям в мире — доступ к ранее недоступным ресурсам. И всё без единого выстрела. С помощью одного лишь "паблик рилейшнс" корпорации прекрасно справились со своей задачей.

"СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ"

Наше отношение к земле изменилось. Ранее мы определяли себя как народ, имеющий тесные отношения с землей и морем. Это духовные, священные отношения. Теперь, с корпоративной точки зрения, мы должны стремиться к прибыли и росту, и поэтому должны... эксплуатировать наши ресурсы. Это прямо противоречит нашему отношению к земле. — *Мари Миллер, г. Ноум*.

Корпоративные чиновники... плохо разбираются в экономике самодостаточности и сохранении ресурсов, и это вызывает наибольшее беспокойство у коренных жителей. Нам не следует ожидать того, что чиновники будут представлять наши интересы. — *Натали Сузук, г. Нью-Стуяхок*.

В прошлом коренное население Аляски могло убивать или умирать ради своей земли... Сегодня, землю забирают в результате судебного постановления. И убивать их нельзя, т.к. это уже не акт войны, а простой криминал. Это значит, что нет ясного способа защищать свою землю. — *Пол Онгтугук, г. Котцебу.*

Эти высказывания — лишь некоторые среди тысяч подобных, опубликованных Томасом Р. Бергером в докладе Комиссии по делам аборигенов Аляски.

Слушания, которые Бергер провел в деревнях, разъезжая по всей Аляске, впервые дали возможность индейцам выразить свою точку зрения в отношении Акта ANCSA.

Бергер цитирует одного из помощников сенатора Генри Джексона, главного архитектора ANCSA, называющего этот Акт "радикальной попыткой социальной инженерии с дальним прицелом". Поразительно, насколько они были горды и воодушевлены этим термином.

Бергер пишет в своем исследовании: "Конгресс призывал коренных жителей заниматься бизнесом и активно участвовать в экономическом развитии Аляски для

улучшения своего социально-экономического положения". Но результат оказался плачевным:

> Коренные жители по-прежнему бедны... Там, где была безработица, по прежнему нет работы... Навязывание корпоративных структур было неудачным выбором, учитывая реалии жизни на Аляске. Серьезные нарушения естественного уклада жизни после введения акта ANCSA стали еще очевиднее со временем. Акт ANCSA повлиял буквально на все: семейные отношения, традиционные представления о лидерах и принятие решений, традиции коллективного труда и образ жизни. Деревня потеряла свою политическую и социальную автономию.
>
> Акт ANCSA — это приложение теорий экономического развития, ранее применяемых к странам третьего мира, к Аляске... это попытка воссоздать Мэйн Стрит в тундре.

ПОСЛЕДСТВИЯ АКТА ANCSA ДЛЯ ЭСКИМОСОВ ПЛЕМЕНИ ЮПИК

Тяжелейшим ударом для аборигенов оказалось новое правило охоты и рыбной ловли. США и штат Аляска десятилетиями искали возможность провести это правило через суд, но каждый раз этому мешали права коренных жителей. Сейчас прав у аборигенов уже нет. Федеральное и штатное правительства сами решают, кто может охотиться и ловить рыбу, и в каком количестве. (Квоты устанавливаются даже на 10% аляскинской земли, принадлежащих аборигенам.)

Такое изменение статуса аляскинских земель нанесло колоссальный удар по традиционной экономике. Аборигены-рыболовы внезапно столкнулись с необходимостью конкурировать с коммерческими фирмами, что привело к ускоренному истощению ресурсов. Кроме того, традиционная экономика постоянно критикуется защитниками животных, выступающих против какой бы то ни было охоты.

Одной из наиболее пострадавших групп стали эскимосы племени юпик, проживающие в районе дельты реки Юкон-Кускоквим. Ощутив неожиданный удар со стороны Акта ANCSA, племя юпик стало искать способы затормозить процесс, справедливо считая, что их стиль жизни ценен сам по себе. В публикации *Надо ли убивать один образ жизни во имя другого?* (под ред. Арта Дэвидсона) лидеры юпик говорят о том, как их отстранили от принятия решений:

> Когда Россия объявила Аляску своей территорией, народ юпик был проигнорирован. Когда Соединенные Штаты купили Аляску, о народе юпик забыли. Когда организовывались заповедники дикой природы в дельте, народ юпик не спрашивали. Даже когда принимали Акт о правах на землю коренного населения Аляски, к нам не обращались ...
>
> Пожалуйста, поймите: мы хотим выжить и сохранить свой образ жизни, отличный от вашего... Если США запрещает охоту... люди все равно будут охотиться и нарушать закон... Мы будем продолжать питаться, как питались наши предки [в противовес супермаркетам]. Иначе мы погибнем.

Народ юпик доказывает, что их "экономика самодостаточности" никогда не угрожала дикой природе. Культура юпик основана на взаимном уважении людей и животных, и эти отношения сохраняются вот уже 4 000 лет. Проблемы, по мнению юпик, начали возникать из-за привнесения американским правительством безудержного коммерциализма, приведшего к резкому сокращению популяции лосося и вымиранию морских млекопитающих.

Борьба правительства с экологическим кризисом заключалась в разработке "системы ограниченной рыбной ловли и охоты". Это привело к тому, что традиционная охота и рыболовство стали такими же дорогими, как и коммерческая рыбная ловля. Тем временем, правительство приказывает юпик "выйти из каменного века" и принять участие в корпоративной монетарной экономике. Но на это юпик отвечают, что их экономическую систему нельзя отделить от других аспектов жизни: религии, семейных традиций, политической структуры, коллективной взаимопомощи, общего труда, использования земли, сохранения дикой природы, образования. Для них традиционная "экономика самодостаточности" — это их образ жизни. Вот еще цитата из отчета *Надо ли убивать один образ жизни во имя другого?*:

> Культура юпик, как и другие культуры коренных народов, зависит от ресурсной базы, которую нельзя ничем заменить. Отношения в ней весьма просты. Если рыба и тюлени, бобры и птицы умрут, мы не сможем более охотиться. Наша культура умрет. Наш образ жизни и народ исчезнут. Все ведет к этому...
>
> Сегодня все решения правительства принимаются на том основании, что мы должны влиться в культуру мейнстрима и стать как все. Эти решения принимаются... вопреки желанию большинства народа.

Старейшина юпик Алена Николас объясняет:

> Когда я была маленькой, мы не видели белых людей, а всю еду получали от земли. Мы выходили на каноэ ловить рыбу и не ловили лишнего. Все для охоты и рыбной ловли делали сами люди. Женщины собирали ягоды в корзины, сделанные из коры деревьев... Не было комиссий по планированию использования земли. Никто не приходил и не говорил: это моя земля, а это твоя земля. Земля принадлежала всем. Никто не приходил со стороны и не говорил: вы используйте землю для этого, а вы — речку для этого. Земля не разделялась на кусочки. Люди жили счастливо.

Из отчета *Надо ли убивать один образ жизни во имя другого*?:

> Аборигенный житель деревни не может разделить землю на кусочки... реки текут через участки приватизированный земли единым потоком. Рыба и дичь мигрируют из одной области в другую. Гуси и утки, лосось и лось не знают границ. Они не обращаются в земельный офис в Анкоридже, чтобы выяснить, на чьей земле они находятся. Так же, как рыба и дичь, охотник должен иметь возможность двигаться по всей земле...

Уильям Тайсон, давший показания перед Государственной комиссией по планированию земли, так охарактеризовал традиционное отношение юпик к земле (из отчета):

> Я не знаю никакого другого способа зарабатывать на жизнь, кроме как жить и работать со своими соседями на земле. Если мы видим, что кому-то надо помочь, мы идем и помогаем... Бывало, к нашему дому подходила женщина и собирала ягоды. Тогда моя жена открывала дверь и говорила: "Эй, я только что сварила кофе, может быть, зайдете и выпьете со мной?" Тогда женщина, собирающая ягоды около нашего дома, заходила и пила кофе с моей женой. Это было до того, как мы стали бояться незнакомых людей.

Затем нам сказали, что нашу собственность надо обнести забором, а тех, кто вторгается в наши владения, следует прогонять. Но не так надо защищать землю.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МОНЕТАРНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Одно из самых впечатляющих мест в отчете — описание мощного сопротивления юпик монетарной экономике. По данным исследований аляскинского университета, половина племени юпик все еще живут за счет традиционной экономики. Из 38 опрошенных семей половина живет за счет охоты и рыбной ловли, изготовления одежды и работы на земле. (Ранее 75% семей полностью полагались на традиционную экономику, только 15% получали заработную плату.)

В еще одном исследовании сделана попытка оценить стоимость некоторых объектов традиционной экономики — животных, птиц, растений — если бы люди покупали их в магазине. В долларовом эквиваленте только на еду в год уходит более 3000 долл на человека или 15000 на семью из пяти человек. (Большинство семей состоит из пяти и более человек).

Поскольку средний доход коренных жителей составляет всего 800 долларов в год, ясно, что оставив традиционную экономику, коренные жители должны будут искать заработок, который в настоящее время для них недостижим. Даже с учетом массовой индустриализации Аляски найти такую работу нелегко.

Но денежный заработок не сможет заменить традиционную экономику, имеющую много скрытых преимуществ. Охотник-индеец не знает инфляции, он не боится перебоев с поставками импортных продуктов. У традиционных продуктов нет ни пестицидов, ни добавок в отличие от продуктов в супермаркетах. Наконец, некоторые продукты, как, например, мясо тюленя или лося, невозможно купить в магазине.

Д-р Брэдфорд Так, экономист, замечает: "Долларовый эквивалент не может рассматриваться как точный эквивалент стоимости традиционного продукта. Стоимость будет одна и та же, если потребление магазинного мяса приносит такое же удовлетворение, как и потребление такого же количества мяса лося. Если же мясо лося предпочтительнее, тогда долларовый эквивалент занижен".

Маргарет Кук (юпик) выражается еще определеннее: "...Поверьте, мой организм требует тюленьего жира, я его ем почти каждый день.... Меня никогда не арестовывали и не помещали в тюрьму, но если этот закон будет принят [запрещающий охоту на тюленей], я стану преступницей. Мой организм привык к тюленьему жиру, и я буду его добывать во чтобы то ни стало".

Гай Манн (юпик) ее поддерживает: "Мы, эскимосы, используем масло тюленей следующим образом. Весной мы охотимся на тюленей. Затем высушиваем шкуры. Затем помещаем масло в тюленевые шкуры и запасаем на зиму. Выловленную рыбу сушим, затем коптим. После этого кладем высушенную рыбу в тюленевые шкуры, в масло и запасаем на зиму. Все лето мы не охотимся на тюленей. В сентябре снова начинаем охоту, потому что мы любим всякую еду из океана. Мы не хотим прекращать охоту на тюленей. А когда мы едим что-либо без тюленьего жира, мы заболеваем".

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРЕННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Воровство коренных земель и продажа их индустриально-корпоративному обществу была и остается главной целью колониальной политики США. Для этого прежде всего надо "изменить" коренное население. Корпорации были и есть главным орудием такой трансформации. Исполнительные органы уже пристально следят за ходом "социальной инженерии".

Сегодня джин уже выпущен из бутылки. Что дальше? Цель коренного народа противоположна — восстановить контроль над землей, свое правительство и свою экономику.

Вот "свидетельства", которых не слышит Конгресс:

Данный акт создан якобы для нашего будущего, но он ранит нас, наших детей и внуков и тех, кто еще не родился. Если мы ничего не сделаем по этому поводу, у нас нет будущего. — *Майк Элберт, г. Тунунак.*

Традиционный образ жизни для нас важнее всего. Мы отчаянно будем его отстаивать. — *Пол Джон, г. Тунунак.*

Прибыль для белых означает деньги. Прибыль для коренных жителей означает хорошую жизнь, которую дают земля и море... Земля, которой мы доверяем, — наше богатство. Это единственное богатство, которое можно передать детям... без нее они станут нищими. — *Антуанетта Хелмер, г. Крэйг.*

Наше коренное правительство существовало и считалось законным еще во времена Колумба... Сейчас нам необходимо его воссоздать. То правительство, которое существует в настоящее время, а именно федеральное и правительство штата, не наше. Старейшины говорят нам: восстанавливайте свое коренное правительство. Создавайте

свои законы, придерживайтесь самоопределения, которое было у ваших предков. — *Уилли Касаюли, г. Акиачак.*

Многие коренные жители понимают, что первый и главный шаг — забрать землю (10% территории Аляски) у корпораций. Если земля останется в собственности корпораций, жители могут со временем потерять права даже на корпоративное владение землей — через продажу акций — и остаться без земли, акций и денег.

Второй важный шаг — уменьшение власти американских агентств над аборигенными землями. Коренные жители должны получить, по крайней мере, равные права со штатом и федеральными властями на использование земель. Утверждения о том, что у коренных жителей нет навыков управления природными ресурсами и поэтому, дескать, им не по силам выполнение такой задачи, не выдерживают критики. Спад Уильямс, президент ассоциации вождей танана, объясняет: "Мы нужны штату также, как штат нужен нам. Единственная сила, которая в состоянии проводить контроль за ресурсами — это народ, и мы, возможно, даже окажемся более строгими, чем государство, поскольку для нас это не просто "рыба или дичь, но *еда*."

Судья Бергер заканчивает свой отчет следующим замечанием:

Посетив 60 деревень, я понял всю глубину озабоченности людей... На каждом слушании выступающие говорили о корпорациях, акциях, доходах, но, в конце концов, заговорили о будущем... Коренное население Аляски сейчас пытается укрепить традиционную экономику и восстановить свои правительства... Народ глубоко заинтересован в том, чтобы остаться самими собой, сохранить свои ценности и независимости духа.

17

КРАЖА НЕВАДЫ

Судьба западных шошонов

В 1979 году Комиссия США по земельным искам индейцев [65] объявила о передаче 26145189 долларов западным шошонам в Неваде. Масс-медиа сразу же поспешили представить это как одну из самых крупных "земельных сделок" в истории. Это была "компенсация" за отобранные в 1872 году 24 млн. акров земли у западных шошонов Невады и Калифорнии (проживающих на этих землях не менее 10000 лет).

Индейцы отказались принять деньги. Они заявили, что землю никто не отбирал. Утверждение о том, что земля отобрана, по их мнению, исходит от адвоката, которого они уволили, а также от Соединенных Штатов, весьма заинтересованных в том, чтобы индейцы более не владели землей.

"В 1872 году земля не "отбиралась" правительством. Это придуманная дата, — утверждает Гленн Холей, официальный представитель западных шошонов на слушаниях по земельным искам. — Мы никогда не теряли землю и не уходили с нее. Мы ее не продаем. Наша религия запрещает брать деньги за нее. Сейчас правительство США с помощью Комиссии по искам хочет украсть нашу землю".

За пять лет до получения "компенсации" индейцы пытались приостановить "слушания", организованные обманным путем от их имени. Несмотря на увольнение нанятого адвоката Баркера, он отказался покинуть "слушания", а Комиссия по земельным искам настояла на том, чтобы он остался. Индейцы обратились к Президенту Соединенных Штатов и в Верховный суд США с просьбой о прекращении дела.

Шошоны настаивали на том, что Договор Рубиновой Долины 1863 года остается в силе. Это был договор между Соединенными Штатами и западными шошонами о "мире и дружбе", в котором не было и речи об уступке земли. Напротив, договор заключался с целью подтвердить право индейцев на свою территорию, и в то же время обеспечить "безопасный проход" по территории западных шошонов в Калифорнию. Договор также позволял проводить небольшие работы по добыче полезных ископаемых и устраивать ранчо. Территория западных шошонов включала в себя большую

[65] The U.S. Indian Claims Commission.

часть современной центральной и южной Невады, а также небольшую часть Калифорнии (Долину Смерти).

Один из адвокатов шошонов, Джон О'Коннелл, рассказал мне во время слушаний, что ни в одном акте Соединенных Штатов не отбиралось право индейцев на землю и не говорилось о преимущественном праве американцев.

"Мы снова и снова обращаемся в суд за доказательством того, что правительство имеет какие-либо права на землю шошонов,— говорит О'Коннелл. — Начинается возня, но никто не может найти доказательств. Выясняется, что пустыня в Неваде была не нужна США до самого последнего времени. Я не сомневаюсь, что западные шошоны по-прежнему обладают законным правом на большую часть своей территории. Большинство шошонов живет на своей земле и не хочет брать за нее деньги. Они любят свою пустыню. Но если Комиссии удастся провести свое решение, Соединенные Штаты 'легально' украдут у них землю".

В прошлом западные шошоны предложили правительству компромисс. Они хотели, чтобы Сесил Андрус, тогдашний министр внутренних дел, подтвердил условия Договора Рубиновой Долины (напомню: по договору индейцы соглашались "оставить свой кочевой образ жизни" и поселиться в резервации, размером 3 млн акров, примерно 1/10 часть их бывшей территории). В этом случае от правительства требовалась меньшая денежная компенсация. Этот компромисс был встречен с большим энтузиазмом государственными чиновниками. Но ко всеобщему изумлению Андрус неожиданно прервал все переговоры. Единственное объяснение, которое он дал: "Это не отвечает интересам индейцев".

Две недели спустя президент Картер объявил, что наилучшее место для размещения противоракетной системы МХ — "общественные земли" в пустыне шт. Невада. Кроме того, эти "общественные земли" хорошо подходили для программ подземных ядерных испытаний и для хранения радиоактивных отходов. Все эти мероприятия на "общественных землях" в точности укладывались в границы резервации по Договору Рубиновой Долины и были категорически отвергнуты индейцами.

ЗЕМЛЯ ИЛИ ДЕНЬГИ

Отказ индейцев от огромных денег за бесплодные земли в пустыне казался немыслимым, учитывая, например, что средний доход семьи равен приблизительно 3000 долл в год. "Трава там такая редкая, что коровы должны пастись со скоростью сорок миль в час, чтобы наесться", — сказал мне один чиновник из Министерства иностранных дел.

Проезжая по пустыне Невады (шоссе Интерстейт-80), я каждый раз наблюдал неизменно унылую каменистую землю от Рено до Элко. Затем однажды выйдя из машины, я зашел далеко, в заросли можжевельника и полыни, и увидел странные, голые, складчатые горы. Свет в них совершенно живой, непохожий на другие места, напомнивший мне участки пустыни Нью-Мексико. Настроение и цвет резко изменяются от часа к часу. Сила земли постепенно начинает брать вверх над городскими предрассудками. Как сказала одна старая женщина-шошон: "Вся эта земля и все, что в ней есть — лекарство".

Шошоны хорошо понимают нюансы пустыни. Эта "бесплодная земля" поддерживала их на протяжении 400 поколений, когда они бродили по ней небольшими группами. Глубоко в долинах и на верхушках гор прячутся большие сосновые леса — источник основных продуктов для шошонов, а также укрытие для оленей и мелких животных.

Когда пришли белые, все изменилось. Главные перемены произошли двадцать лет назад. Бюро по управлению земельными ресурсами[66] самым зверским способом разрушило более одного миллиона акров сосновых деревьев: их вытаскивали гигантскими железными цепями, прикрепленными к бульдозерам. После расчистки земли, Бюро посадило траву в надежде привлечь белых хозяев ранчо.

Разрушение экономической основы вынудило шошонов искать помощи у белых. Мало кто из шошонов смог выжить в данной местности, многие переехали в "колонии", расположенные рядом с белыми. Теперь они работают в шахтах или на ранчо, если есть работа. Женщин нанимают как домработниц или официанток. Безработица среди шошонов достигает 30—50%. Многие получают социальное пособие (велфер). Гленн Холей сам работал ранее на медном прииске, сейчас живет за счет пособия, полученного по случаю травмы. Несмотря на бедность, индейцы отказываются принять деньги за свою пустыню, которая, по их мнению, обеспечивает им культурную, экономическую и духовную идентичность.

КОМИССИЯ США ПО ЗЕМЕЛЬНЫМ ИСКАМ — ЗАГОВОР ПРОТИВ ИНДЕЙЦЕВ

Акт комиссии по земельным искам индейцев (1946 г.) преподносился как либеральная реформа. По крайней мере, все посчитали, что, наконец, есть механизм "для окончательного выполнения всех юридических, земельных и моральных обязательств США перед индейцами". Звучит хорошо, но, как всегда, на практике оказалось, что закон порочный.

Во-первых, закон удовлетворял требованиям индейцев лишь в отношении денежной выплаты за земли. Вместо того, чтобы помочь индейскому народу возвратить незаконно присвоенные земли, закон всего лишь разрешал индейцам просить деньги, подтверждая при этом факт потери земли. Как только они получали деньги, все права на землю окончательно терялись, как и возможность дальнейшей компенсации.

Во-вторых, по закону любой член племени мог подавать иски от имени всего племени. Например, нанятый адвокат. В результате те, кто отказывался от денежного вознаграждения и хотел продолжать борьбу за права, не имел никаких возможностей влиять на судебный процесс.

Третья, и, возможно, самая худшая сторона закона, заключается в том, что адвокат, ходатайствующий перед комиссией, получал вознаграждение, равное 10% от общей суммы выплат. Эта часть закона сразу же породила массу новых адвокатов, которые искали индейцев и подавали от их имени иски. Адвокаты, понятно, стремились

[66] Bureau of Land Management..

доказать индейцам, что наилучший способ компенсации — требование денежного вознаграждения.

Индейские племена плохо разбирались в тонкостях судебного процесса и в роли своих адвокатов. Часто денежные компенсации широко рекламировались в американской прессе — как например, судебные постановления о выплатах индейцам штата Мэйн — и сбивали их с толку.

Сегодня, однако, многие индейцы разобрались, наконец, что собой представляет эта Комиссия. Кроме западных шошонов, по крайней мере еще двадцать две индейские нации отказались от заключения сделок с помощью адвокатов, поскольку последние действовали как рука правительства.

Самыми значительными отказниками были племена оглала и роузбад (из народа сиу), отказавшиеся от двух денежных компенсаций (соответственно 103 млн и 40 млн долларов) за пресловутый "захват" правительством Черных Холмов в 1877 году. Сиу говорят, что землю у них не отбирали и что они ее никогда не продадут. Но комиссия проталкивает сделки, и вот уже двадцать семь корпораций подали исковое заявление на право добычи урана в районе Черных Холмов.

Энергетические ресурсы индейских земель — главная причина многих сражений между индейцами и США на слушаниях Комиссии. 65% разведанных запасов урана в США находятся на территории индейских резерваций или на ранее принадлежавших индейцам землях; там же более 35% угольных залежей и 5% природного газа. Бывший министр энергетики Джеймс Шлезингер однажды назвал индейские земли "козырем в рукаве"; но индейцы *не* согласны на сделку.

Как отметил Дан Бомберри из Фонда Седьмое Поколение: "США навязали племенам Закон по реорганизации индейских поселений и ввели марионеточные правительства для незаконного захвата ресурсов. Иногда это уголь или уран; иногда просто открытое пространство для размещения ракет МХ или проведения ядерных испытаний".

"МЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПРИСЛУШИВАТЬСЯ К НАШИМ СТАРИКАМ"

История конфликта с западными шошонами началась еще в 1910 году, когда они выступили с протестом по поводу объявления их земли "общественной собственностью США". Их протесты постоянно игнорировались, и в конце концов, им пришлось обратиться в суд. В 1930 году шошоны наняли юриста Эрнеста Уилкинсона из вашингтонской юридической фирмы Уилкинсон, Краген и Баркер. Уилкинсон решил с помощью шошонов провести новый закон через Конгресс, по которому индейцы могли бы получать денежную компенсацию за утерянные земли. (Этот закон позже получил название Акт комиссии по земельным искам индейцев). Шошоны отказались участвовать, заявив, что они никогда не теряли свои земли и хотели бы только подтвердить этот факт. После принятия закона адвокат Роберт У. Баркер посоветовал индейцам согласиться на денежную компенсацию. Группа шошонов, включая Совет племени темоак, согласилась на продвижение дела в суде.

В 1951 году Баркер подал судебный иск, в котором утверждал, что западные шошоны потеряли не только принадлежащие по ранним договорам земли, но и свои исконные территории, простирающиеся до Долины Смерти в Калифорнии. Потеря земли, по его утверждению, произошла в 1872 году (через девять лет после договора Рубиновой Долины). Министерство юстиции США приняло точку зрения Баркера. Поскольку Уилкинсон и Баркер согласились друг с другом, комиссия не стала разбирать другие точки зрения. Суд постановил выплатить шошонам 26 млн долл., ориентируясь на стоимость земли в 1872 году, т.е. 1,05 долл. за акр, плюс некоторое вознаграждениое за полезные ископаемые. (Средняя стоимость одного акра в Неваде сейчас стоит около 250 долл.) Когда эта сумма была наконец выплачена, Уилкинсон, Краген и Баркер получили 2,5 млн долларов.

"Мы должны были прислушиваться к своим старейшинам, — сказал Рэймонд Йовелл, член совета тамоак, который ранее поддержал иск. — Они говорили, что Баркер продает наши земли. Понадобились годы, чтобы я понял это".

Сэгги Уильямс, еще одна представительница шошонов из Бэттл Маунтин, замечает: "Все, чего мы хотели от белых людей — это уважать наш [ранний] договор. Я считала, что юристы наняты для того, чтобы работать на нас и выполнять наш наказ. Однако они действовали по-своему усмотрению".

В газете *Native Nevadian* (1978) Йовелл попытался рассказать о том, как Баркер сочинил документ от имени племени. По его словам, на собрании 1965 года "Большинство выступило против Баркера и покинуло собрание в знак несогласия. Баркер настаивал на том, что у шошонов нет выбора, кроме как принять деньги. После того, как большая часть индейцев ушла, осталось двадцать пять-тридцать человек; и мы утвердили денежный иск Баркера. (К несчастью, несогласие у индейцев традиционно выражается в виде бойкота собраний и отказе голосовать. Сами индейцы воспринимают бойкот как отрицательный ответ на голосовании. Но в юридической системе белых, результат голосования зависит от тех, кто остался, т.е. тех, кто заинтересован в сделке.)

Работая над этой историей для журнала *Village Voice* в 1979 году, я позвонил Баркеру и попросил его высказаться по этой ситуации. "С самого начала слушания дела, — сказал Баркер, — я пытался объяснить индейцам, что если они хотят каким-то образом вернуть себе землю, мы не будем стоять у них на пути. Мы долго ждали их решения. Эта задержка обошлась нам 5,5 млн долл. Мы сказали индейцам, что, по нашему мнению, право на владение землей перешло к правительству. Тогда они попытались провести через Конгресс закон, гарантирующий их земельные права. Мы даже подготовили для них такой закон в пятидесятых, но они не смогли найти конгрессмена из Невады, который взялся бы за дело". Я спросил Баркера, кто еще из правительства согласился с тем, что индейцы потеряли право на землю. Он назвал Министерство юстиции и собственно Комиссию по земельным искам.

Документы судебного разбирательства, однако, дают основание сомневаться в том, что Баркер отстаивал права индейцев.

В 1974 году Гленн Холей образовал Юридическую ассоциацию по защите западных шошонов и нанял в качестве адвоката Джона О'Коннелла. О'Коннелл подал встречную петицию Комиссии по земельным искам, обвинив Баркера в тайном сгово-

ре с правительством. Баркер на это ответил, что обвинение в сговоре — это просто технический прием для непризнания решения суда.

Подписавший ранее фактическое соглашение с Баркером старейшина шошонов Кларенс Блоссом из г. Элко (шт. Невада) согласен с Гленном Холей. По словам Блоссома: "Смысл земельного иска не был толком объяснен людям. Пожилые люди даже не знают английского языка. Только спустя годы я понял, что принимая деньги, ты теряешь землю. Правительство "замылило" нам глаза. Если бы я понимал, что происходит, я никогда бы не подписал контракт". Баркер продолжал утверждать, что не сделал ничего предосудительного.

"Я всегда старался стоять в стороне от внутренних конфликтов в племени, — сказал Баркер, — но должен был придерживаться решений, принятых в тридцатых, сороковых и пятидесятых. Я всегда стремился к тому, чтобы решение шошонов было обдуманным, и обсуждал с ними альтернативы. Группа Холей всего лишь небольшая часть народа".

Когда петиция была отклонена, О'Коннелл обратился в суд с иском; Баркер подал встречный иск. В результате суд признал иск Бартера, составшись на то, что племя темоак давно согласилось отдать землю за деньги и что "поздно отбирать повозку с яблоками, когда все яблоки съедены".

В 1976 году у людей темоак произошел настоящий переворот в сознании, и они потребовали остановить процесс до тех пор, пока не будет решен вопрос о правах на землю. Баркер снова выступил с иском. Суд отклонил требование группы темоак. Наконец группа темоак уволила Баркера. Баркер отчаянно сопротивлялся. Суд продолжал признавать его как поверенного в делах индейцев; в конце концов, он получил экономическое вознаграждение от тридцатилетнего консультирования индейцев.

В 1977 году новые адвокаты предложили компромисс — поселение в резервации размером 3 млн акров[67]. Компромисс, несмотря на энтузиазм многих правительственных чиновников, был загадочным образом отклонен министром внутренних дел Сесилом Андрусом. В апелляции, поданной в Верховный Суд говорилось, что на каждом этапе шошонам было отказано в праве на обладание землей. Как и на всех ранее состоявшихся судах, Верховный Суд отказался принимать во внимание представленные аргументы. Тем временем, еще один судебный процесс в отношении земельных прав шошонов набирал силу.

ИСТОРИЯ СЕСТЕР ДАНН

Сестры Мэри и Кэрри Данн из племени шошон проживали с братом и детьми на ранчо в Долине Кресент (шт. Невада). В 1974 году, когда сестры Данн пасли скот вблизи своего дома, их остановил офицер из Бюро по земельным ресурсам и потребовал документы, разрешающие выпас скота. Сестры ответили, что не нуждаются в таком разрешении, поскольку земля принадлежит не США, а западным шошонам. Их объявили нарушителями. "Я пасла скот и лошадей на этой земле всю жизнь, — рассказывала Кэрри Данн, — и моя мать поступала также, и моя бабушка. Наш народ живет на этой земле тысячи лет. И нам не нужно никакого разрешения".

[67] Прибл. 1,7 млн га.

Этот случай рассматривался в районном суде г. Рено. Сестры Данн убедили адвоката Джона О'Коннелла подать иск о нарушении своих прав. О'Коннелл обратился в Министерство юстиции с просьбой предоставить доказательства того, как и когда США обрели права на землю шошонов. Министерство не смогло предоставить никаких документов. Вместо них, использовалась типичная уловка, т.е. правительство США направило в суд решение Комиссии по земельным искам, согласно которому земля была "отобрана" правительством в 1872 году. Однако никаких документов у Комиссии на самом деле не было. Тем не менее, этого было достаточно для судьи из Рено, который вынес решение против сестер Данн, присудив им штраф 500 долл. и потребовав освободить землю.

О'Коннелл обратился в Апелляционный суд, настаивая на отсутствии каких-либо доказательств о том, что индейцы потеряли право на землю. Неожиданно западные шошоны одержали победу — Апелляционный суд согласился с иском сестер Данн и направил дело на повторное слушание.

Но протяжении полутора лет сестры Данн несколько раз пытались возобновить процесс, но суд откладывал рассмотрение дела. "Судья был против повторного рассмотрения, — сказал О'Коннелл. — поскольку ожидал официального решения о выплате компенсационных денег".

О'Коннелл оказался прав. Как только Комиссия по земельным искам объявила о выплате 26 млн долл. индейцам и о помещении этих денег на счет доверенного лица (индейцы не принимали деньги), судья Томпсон принял решение. В духе еще одной "Уловки-22", Томсон объявил, что сестры Данн действительно имели аборигенные права на землю — но до того момента, как им выплатели вознаграждение за землю. Теперь шошоны не имеют права на землю.

Другими словами, 26 млн долларов были заплачены индейцам, которые не требовали денег и не желали их принимать.

РАКЕТЫ МХ

Октябрь 1979 года. На встрече, организованной в г. Элко (шт. Невада) Глен Холей и Рэймонд Йовелл решили рассказать о планах правительства по размещению ракет МХ на земле шошонов. На встрече присутствуют 100 представителей шошонов. Кроме того, присутствуют представители нескольких экологических и антивоенных групп, включая SANE, Clergy и Laity Concerned.

Холей и Йовелл объясняют на перемежающихся шошонском наречии и английском: МХ — это крупнейший проект в истории США, и для его осуществления понадобиться 20 000 человек. Правительство планирует заасфальтировать дорогу через пустыню длиною в 10 000 миль. Для строительства потребуется 3,15 млрд галлонов воды, что поставит под угрозу и так достаточно низкий уровень грунтовых вод. Двести ядерных боеголовок будут перевозится на грузовиках. Речь Холей становится страстной и отражает весь ужас индейцев в ожидании прихода технического чудовища:

Вода — это жизнь. Вода нужна нам не только для питья; она нужна для духовного очищения, например, для потовых церемоний [68]. Кроме того, МХ разрушат природную среду: травы, такие как бабеда, доза, полынь, чапарель, индейский чай. Все эти растения исчезнут. Исчезнут не только травы, но и южные ящерицы, которых мы используем для лечения психических расстройств и артрита. Появятся ограждения под напряжением, нервнопаралитический газ, охрана. Среда обитания для орлов, коршунов, каменной утки, сусликов, кроликов, косуль, куропаток и гремучих змей будет нарушена. Ракеты МХ означают погибель для народа шошонов, наших верований и нашего образа жизни. Они разрушат наши отношения по пяти направлениям : 1) вселенная — небеса; 2) юг, откуда дуют теплые ветры; 3) восток, откуда появляется солнце; 4) запад, куда садиться солнце, и 5) север, откуда приходит влажный воздух и приносит влагу растениям. Всякий, кто ведет духовную жизнь, приносит подношения этим направлениям. Только Великий Дух определяет существование живых существ. МХ разрушают этот принцип. Это нарушение всех естественных законов матери-земли.

Резолюция в отношении МХ принимается единогласно. В ней выражается гнев по поводу того, что правительство "приписывает себе земли индейцев", и осуждаются ракеты МХ как скрытая причина отказа министра внутренних дел Андруса вести переговоры.

ВИЗИТЫ В ПРАВИТЕЛЬСТВО

После встречи с шошонами я подошел к Джону О'Коннеллу, чтобы побольше разузнать о прекращении переговоров с правительством. Считает ли он, что кто-то "нажал" на Андруса из-за ракет МХ? "Сначала я в этом сомневался, — сказал О'Коннелл, — но сейчас не знаю. — Андрус действовал совершенно внезапно и никого не слушал".

Я решил встретиться с некоторыми людьми из правительства. Позвонил майору Арту Форестеру из информационного отдела военно-воздушных сил. "Да, ВВС знают о земельном конфликте с индейцами, но нет, никто не контактировал ни с судьей, ни с Министерством внутренних дел".

Затем я отправился к чиновникам в Министерство внутренних дел и в Министерство юстиции; все они на разных этапах занимались делом шошонов. Никто из них не слышал о ракетах МХ, хотя некто, просивший не называть своего имени, охарактеризовал контакты Андруса с "Советом по национальной безопасности" как "чрезвычайно вероятные".

С самим Андрусом связаться не удалось. Его помощник проинформировал меня о том, что министр "не занимался этим вопросом и мало что о нем знает". — "Кто же тогда принял решение?" — "Лео Крулиц".

[68] Индейцы устраивают т.н. "потовые церемонии" (sweat ceremonies), символизирующие материнское лоно Земли. В церемониях присутствуют нагретые камни — тело Земли, поддерживающие жизнь; Огонь, нагревающий камни, символизирует вечный свет мира и источник жизни и силы; Вода, поднимающаяся в виде пара, создает горячую, влажную атмосферу. Часто в церемонии используются священные травы. (Финская сауна может служить примером подобных церемоний, хотя давно потеряла свой сакральный смысл.) — *Прим. перев.*

В то время Крулиц был главным юристом МВД и считался вторым человеком после министра. Я дозвонился до Крулица по телефону и спросил, почему переговоры по резервации были прекращены.

"Я не мог поддержать индейцев, поскольку плохо разбирался тогда в юридических вопросах, — сказал он, — Они были настолько сложными, что я перевел их в политическую плоскость. Ни при каких обстоятельствах я не мог допустить создание резервации без предварительного слушания в Конгрессе. Но индейцы сами могли обратиться в Конгресс".

Я напомнил ему, что Договор Рубиновой Долины дает право МВД организовывать резервацию и что, честно говоря, у индейцев не было никакихо шансов в Конгрессе, учитывая консервативность конгрессменов Невады.

"Моя задача состояла в том,— ответил Крулиц, — чтобы оценить ресурсные потребности шошонов, но я не мог рекомендовать для них резервацию. Обнищавшим индейцам нужны были прежде всего деньги".

Я хотел было спросить Крулица, обсуждал ли он это дело с кем-нибудь из шошонов (хотя знал, что нет); вместо этого спросил, что он думает о том, что адвокат шошонов искал прежде всего деньги, а не отстаивал права индейцев. — "Я не могу обсуждать действия их адвокатов". — "Что вы знаете о ракетах МХ?" — "Это было гораздо позже".

Но я знал, что это не так. Отказ индейцам в резервации пришел за несколько недель до обнародования планов о размещении ракет МХ, но к тому времени я потерял интерес к секретным ракетам. Я понял, что использование МХ немногим отличается от вырубки соснового леса и что оба преступления всего лишь симптомы общей политики, направленной на уничтожение шошонов. С начала века шошоны заявляют во всеуслышание: "США незаконно отбирают наши земли!", но чиновники министерств их не слышат. Они просто следуют давно установленным нормам и процедурной логике.

• • •

После моих визитов в МВД у меня была еще одна встреча со старым другом, получившим высокий пост в администрации Картера и имеющим некоторое отношение к земельным тяжбам индейцев.

Я хорошо знал этого человека с 1960-х годов, когда он считался одним из ведущих экологических юристов в стране. Он смело сражался с корпорациями, загрязняющими среду, и одержал несколько эпических побед. Я ожидал от него теплого приема и не ошибся. Мы выпили с ним немного в его квартире в Уотергейте, а затем пошли обедать. Мы говорили "о днях минувших" и о новых программах, которые выполняет его офис при Картере. Все было очень мило до тех пор, пока я не коснулся вопроса о западных шошонах, о том, что пишу о них статью для *Village Voice*, а также о других индейских племенах, которые отказались от сделок.

Мой друг сразу помрачнел. "Эти индейские дела меня выводят, — сказал он. — Я не рад уже, что ими занимаюсь. Не могу понять, чего хотят эти люди. Их адвокаты выбили для них классные компенсации — для шошонов 26 млн, для сиу 143 млн, но нет, они воротят свой нос и начинают говорить о земле".

Я удивился резкости его высказываний и попытался объяснить, что многие из адвокатов действовали, не имея на то согласия племен. В любом случае, адвокаты забыли о главном требовании индейцев — сохранении прав на землю. Я попытался объяснить моему другу, что земля для индейцев — это их экономическая, культурная и духовная база. Удержание земли позволяет им оставаться индейцами. Но адвокаты были больше заинтересованы в деньгах.

Мой друг уставился на меня. Затем сказал следующее: "Вот что я тебе скажу, Джерри. Ни при каких обстоятельствах мы не вернем этим людям право на землю. Если они не захотят деньги, они не получат ничего".

ТЕКУЩИЕ СОБЫТИЯ

Сейчас, когда я пишу эту книгу, западные шошоны, оглала и сиу не прекращают борьбу. Они по-прежнему отказываются от денежного вознаграждения, хотя сумма на их трастовом счету уже превысила 60 млн долл.

Сестры Данн и другие индейцы продолжают выпасать скот на спорных участках, охотиться и ловить рыбу, не выплачивая правительству никакой мзды.

Тем временем, система базирования ракет МХ, отвергнутая Конгрессом во времена Рейгана, снова возникла с приходом Джорджа Буша, а заодно с ней и проблема земель западных шошонов. Остро стоит вопрос о захоронении ядерных отходов. Подземные ядерные испытания продолжаются на юге Невады, несмотря на антивоенные протесты.

Многие из антивоенных групп осознают остроту индейской проблемы и запрашивают разрешение на проведение демонстраций на их земле. Индейцы, в свою очередь, предоставляют демонстрантам "безопасный проход" и присоединяются к ралли. Национальный совет западных шошонов назвал испытательный полигон "абсолютным нарушением Договора Рубиновой Долины и законов Соединенных Штатов".

Антивоенных активистов проинструктировали о том, что если власти США арестуют их на земле шошонов, они должны показать разрешение от шошонов на проведение демонстрации. Более того, в случае судебного преследования, они должны заявить о своих легальных правах, имея разрешение от землевладельца.

Что касается судебных исков индейцев, здесь все оказалось не так просто. Индейцы избрали новую стратегию: они подают иск об оплате за разработку полезных ископаемых и нелегального присутствия компаний на территории индейцев с 1872 по 1979 гг. Логика такой стратегии заключалась следующем. Ввиду признания легального права шошонов на свою территорию до его аннулирования (Комиссией по земельным искам) в 1979 году, они должны получить компенсацию за 109 лет. Эта сумма составила миллиарды долларов долга, и шошоны надеялись, что таким образом можно будет возвратить правительство за стол переговоров. Но суд отвергнул это требование на том основании, что нарушение прав индейцев проводили стороны, не участвующие в первоначальном иске. Однако шошоны намерены повторить иск.

В деле сестер Данн за первой судебной победой последовало поражение. Суд Найнт Серкит использовал "Уловку-22", а именно решение Комиссии по земельным

искам 1979 года о выплате денежной компенсации, которое якобы аннулировало исконные права сестер Данн, как и всех остальных шошонов. Верховный Суд согласился с этим решением. Сестры Данн, однако, не сдались. Они обратились в суд с новым иском, основанном на факте "проживания и использования земли" в течение сотен лет до прихода Бюро по земельным ресурсам в 1935 году Они надеются на отмену ранних судебных решений и восстановление своих исконных прав.

Тем временем все больше западных шошонов отказываются от борьбы. Это происходит под постоянным давлением со стороны Министерства юстиции и судебной системы. Бедные люди потратили свои последние средства и энергию на судебные процессы, и у них ничего не осталось. При полнейшем равнодушии масс-медиа оптимизм западных шошонов на исходе.

Один из нынешних адвокатов Совета западных шошонов, Том Льюбен, закаленный в борьбе за права индейцев, так объяснил мне ситуацию: "Ясно, что стратегия правительства — измотать индейцев в борьбе за свои права. У правительства есть неограниченные ресурсы для ведения судебных процессов. Если индейцы добьются победы в одном суде, правительство наймет еще больший штат юристов и мобилизует все средства, чтобы нанести ответный удар. Это похоже на то, чем занималась кавалерия сотни лет назад. Правительство не заинтересовано в справедливом разрешении спора; оно применяет грубые приемы. И правительство может подождать. У индейцев кончатся деньги, они устанут от борьбы, они постареют, и, наконец, после десяти-двадцати лет борьбы, кто-нибудь скажет: 'Черт с ними; давайте возьмем то, что можно'. И скорее всего дело так и закончится, несмотря на всю несправедливость и мерзость ситуации".

Предполагая такой исход, учитель-шошон Глен Уоссон сказал следующее (*Newe Sogobia: The Western Shoshone people and Land*):

> Потерю образа жизни нельзя выразить в долларовом эквиваленте... жизнь не выражается в долларах. Краснокожие — последние люди на Земле, говорящие от имени всего живого. Медведь, олень, полынь — кто еще будет говорить от их имени? Великий Дух принес сюда животных и растения до того, как он принес людей... Старики рассказывали историю о белых людях. Белые ведут себя как дети. Они хотят и то, и это, они хотят все сразу, как-будто впервые пришли на Землю. У белых масса инструментов, но они не знают, как правильно ими пользоваться. Белые люди хотят обеспечить безопасность государства за счет людей. Но нельзя поставить знак равенства между долларом и живым существом — рыбой, птицей, оленем, чистым воздухом, чистой водой. Белые люди не любят эту землю. Если человеческие существа будут продолжать делать то, что делают, они станут настоящей бедой для Матери-земли. Если они не остановятся, что-то должно остановить их. Земля испорчена радиоактивными отходами, на ней ничего не живет. После того, как земля станет непригодной для жизни, мы отправимся на другие планеты. Мы станем сущим проклятием для всей вселенной. Мы завалим целые галактики нашим радиоактивным мусором.

18

ОСКВЕРНЕНИЕ СВЯЩЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ

Судьба коренных гавайцев

Формально Соединенные Штаты должны гарантировать религиозную свободу, но, по-видимому, это не относится к религии коренного народа Гавайских островов. Религия гавайцев, которую исповедуют тысячи людей, отличается от христианства или иудаизма, или буддизма. Как и у американских индейцев, наша религия — это природа. Наши Боги и Богини живы и находятся среди нас. На Биг Айленде богиня Пеле ежедневно появляется во всевозможных формах. Она — это вулкан, лава, пар. В ее семью входят папоротники, различные растения и деревья. Она — сама земля. Мы ежедневно молимся ей. Многие наши песни и танцы посвящены ей. Мы верим в то, что произошли от нее. Нашей религии тысячи лет. Для нас святотатство, когда энергетическая компания приходит и сверлит дыры в теле Пеле, чтобы захватить ее геотермальную энергию; когда разрушается тропический лес ради обогащения горстки людей. Но когда мы обращаемся в суд, нас не принимают всерьез. К нашей религии относятся непочтительно. При этом нарушаются американские законы, охраняющие наше право на религию. Но мы будем продолжать борьбу, чтобы остановить осквернение Пеле.

— *NEW YORK TIMES*, сентябрь 21, 1988 —

ЗАЯВЛЕНИЕ ФОНДА ЗАЩИТЫ ПЕЛЕ, БИГ АЙЛЕНД, ГАВАЙИ

Большинство американцев, наверное, сильно удивятся, узнав, что существует движение коренных гавайцев за сохранение своих традиций. До сих пор у нас не было прямых контактов с коренным гавайским населением, как, впрочем, и с американскими индейцами. Единственные контакты с гавайцами происходили в холлах гостиниц, где они подавали прохладительные напитки, или во время выступлений хула-танцовщиц. Мало кто из американцев осведомлены об истории взаимоотношений между белыми и коренными жителями этих островов. Еще меньше людей знают, что слово *алоха*, громко рекламируемое гавайским Советом и Туристическим Бюро, это искажение коренного понятия *алоха аина*, означающего "любовь, почтение и заботу о земле". Не знают также американцы, что активисты-гавайцы рассматривают экономику туризма — отели, кондиминиумы и поля для гольфа — как прямое нарушение их традиционного землепользования, культуры и религии, и принципа алоха аина.

Современные коренные гавайцы, составляющие менее 20% населения штата — это остатки великой полинезийской нации, процветающей на протяжении 1200 лет и насчитывающей, по крайней мере, 300 тыс. человек. (По некоторым данным, число коренных жителей приближается к миллиону). У древних гавайцев была довольно развитая система законов и религиозных практик; а также процветающее сельское хозяйство и рыболовство. За последнее столетие землю у гавайцев по большей части отобрали, экономическую базу разрушили, культуру заменили и продали туристам в искаженной форме.

Коренные гавайцы страдают сегодня от высокой безработицы, плохого здоровья, алкоголизма и ущемления прав. Время от времени их гнев проявляется в виде покушений на приезжих и туристов. В последнее время, однако, растет число групп активистов, занятых восстановлением земли и традиционной экономики, сопротивляющихся дальнейшему осквернению священных мест. Две крупнейшие группы активистов — это группа Protect Kahoolawe Ohana, выступающая против военных стрельбищ на священном острове Кахулаве, и группа Pele Defense Fund, противостоящая развитию геотермальной энергетики на Биг Айленде (считающая бурение прямым осквернением Богини Пеле и земли).

ЧЕТВЕРТОЕ ИЮЛЯ 1980 года

Мое знакомство с коренными гавайцами началось в День независимости 1980 года, когда меня с семьей встретил в аэропорту острова Молокаи известный гавайский врач д-р Эммет Алули. Директор клиники на о-ве Молокаи, Алули является одним из лидеров Protect Kahoolawe Ohana и Pele Defense Fund. Алули сопровождала учительница Колет Мачадо, строительный рабочий и один из активистов.

После традиционного приветствия с ожерельем из цветов, объятий и поцелуев нас повезли по острову. Остров оказался не таким застроенным как Мауи, Оаху или Кауаи. На Молокаи, большинство населения — коренные жители, а традиционная культура еще жива.

Мачадо объяснила нам, что главные баталии развернулись против сооружения огромного отеля и многоквартирных домов на западном побережье острова, "где белый песок, прибой и солнце" — то, что больше всего любят *хаоле* [69]. Недавно японские инвесторы купили огромную территорию на западном побережье и предложили построить поля для гольфа и десяток отелей "с искусственными лагунами и белым песком, чтобы улучшить сельский пейзаж Молокаи".

Мы узнали также, что центральная часть острова отведена под выращивание монокультур. Когда-то здесь выращивали ананасы, теперь это кофейные плантации. "Первоначально у нас была монархия, — рассказывала Мачадо, — но потом США сбросили королеву и захватили большую часть земли".

В 1920 году федеральное правительство США приняло закон о гавайских поселениях (Hawaiian Homes Commission Act), по которому коренному населению отводи-

[69] Белое население. — *Прим. перев.*

лось 187 000 акров. Это были бросовые земли, отвергнутые крупными сахарными и ананасовыми плантаторами (последним предоставили возможность первыми выбирать земли.) Когда в 1959 году острова получили статус штата, земли перешли в собственность штата с условием, что они будут использоваться коренным населением. Но вышло иначе. "Коренные гавайцы получают участки очень редко, — говорит Мачадо. — В настоящее время 18 000 человек ожидают своей очереди; в среднем приходится ждать до 30 лет". Многие жители умирают, прежде чем дойдет их очередь.

Мачадо уверена, что федеральное правительство и правительство штата препятствуют проведению закона в жизнь, потому что по закону коренные гавайцы имеют 'преимущественные права' на воду. Это положение препятствует строительству большого туристического центра на Молокаи и на других островах, т.к. коренные гавайцы используют воду для традиционного земледелия, в частности, для выращивания таро[70]. После поездки по острову нас привезли в дом д-ра Алули. Это был скромный деревянный дом, совершенно не похожий на дом американского врача: три комнаты, разделенные перегородками, без замков на дверях, в десяти футах от пролива Мауи Ченнел[71], с видом на остров Ланаи. Дом окружали манговые деревья, с которых непрерывно падали фрукты, словно в раю. "Молокаи, возможно, единственное место на земле, где не надо кормить собак, — сказал Алули. — Они едят манго".

Рядом с домом открытая мастерская, покрытая листами волнистого алюминия. Внутри длинная доска, стоящая на шести бочках — обеденный стол. В нескольких шагах пруд, около него каменная печь, рядом ведро с рыбой. "Мы только что поймали рыбу прямо здесь в пруду" — Алули указал на полукруг из камней, уходящий на несколько сотен футов в воду.

"Пруд выкопан, вероятно, около 700 лет назад, — добавляет Мачадо. — Вся юго-восточная оконечность Молокаи в рыбных прудах; их насчитывается около полусотни. В давние времена люди запускали мальков в небольшие расселины в камнях. Как только рыбы подрастали, они уже не могли выбраться. Их можно было доставать рукой, пруды кишели рыбой. Это был образ жизни, не основанный на экономике денег. Но там..., — она показала в сторону о-ва Мауи, — рыбных прудов уже нет. Они высушены для строительства курортных комплексов. То же произошло на островах Оаху и Кона. Поскольку большая часть плодородной земли используется для выращивания кофе, ананасов, сахарного тростника, полей гольфа и курортных комплексов, коренные гавайцы должны защищать свои права на воду и землю. Без земли люди будут вынуждены работать в отелях, или жить на велфере, или просто напиваться и сходить с ума от безделья".

Я спросил Алули, почему он отказался от прибыльной медицинской практики на Мауи или Оаху и переехал на Молокаи? "Я хотел быть сельским врачом, — ответил он, — а Молокаи нужны доктора. Кроме того, именно здесь гавайская культура еще жива. Я захотел быть частью этой культуры".

Алули начал амбициозный проект по сохранению древнего общества и религии, опросив для начала самых старых жителей Молокаи. "Культуру сохраняют старики, и

---

70 Съедобное тропическое растение, распространенное на Гавайях; используются как клубни, так и листья. — *Прим. перев.*

71 Пролив между о-ми Молокаи и Мауи.

молодым надо искать их, — сказал Алули. — Мы делаем упор на кахуну — традиционных отправителей религиозного культа — потому как не отделяем политическую борьбу от религиозных учений. На Гавайях земля есть религия, и море религия. Борьба за земельные права — это религиозная работа; так же, как у американских индейцев".

Тем временем день клонился к вечеру. Подошла Колетт Мачадо и шутливо предложила Эммету заканчивать разговоры и заняться приготовлением рыбы. Начали подходить соседи и друзья. Из сумки вытащили пиво. Эммет познакомил нас с пожилой парой, сопровождаемой молодым этномузыкантом из Чикаго. Алули объяснил, что пожилая пара — это капуна, выдающиеся знатоки старинных гавайских песен. Их вид меня покорил. У мужчины была белая копна волос, на шее поверх белой рубашки висели поразительной красоты бусы из черного коралла. Женщина была внушительных размеров, приблизительно семидесяти пяти лет, часто закатывала голову в экстатической манере.

После того, как мы наелись рыбы, *капуна* достали свои гитары и укулеле, и начали петь песни, обращаясь к волнам, к горам, к манговым деревьям; затем спели несколько провокативных песен о сексе и борьбе. Собравшаяся толпа несколько раз заходилась от смеха. Внезапно до нас донеслись взрывы из-за моря. При полной луне мы хорошо различали очертания острова Мауи через пролив. Мой сын Кай закричал: "Салют!" Действительно, было Четвертое июля. На курортах Мауи устраивали фейерверк в честь Дня независимости Америки. Меня охватило странное чувство. Я сидел с аборигенами-гавайцами вокруг костра, слушая их древние песни, а в это время где-то рядом шумно отмечали День независимости США. Был я в Америке или нет?

ВЕЛИКИЙ МАХЕЛЕ

Предки гавайцев прибыли на острова из южной и западной частей Тихого океана приблизительно в шестом веке н.э. Весь Гавайский архипелаг насчитывает 132 острова, большая часть населения — от 300 тыс. до 1 млн человек — проживает на восьми крупнейших островах: Гавайи (Биг Айленд), Оаху, Мауи, Кауаи, Молокаи, Ланаи, Ниихау и Кахулаве.

После прибытия капитана Кука в 1778 году население стало быстро уменьшаться: за пятьдесят лет оно упало до 80 тыс., затем через еще пятьдесят— до 54 тыс. Кук и прибывшие за ним белые принесли с собой холеру, свинку, грипп и венерические болезни. А также ружья.

До прибытия белых гавайское общество состояло из сотен самодостаточных, автономных общин — маленьких государств-деревень. В отличие от американских индейцев, гавайские деревни имели иерархическое правление. Вожди и жрецы обладали личной властью, которую им передали мириады богов и богинь — в бегущих водах, на холмах, в вулканах, ветре, земле, растениях, облаках, воздухе и лесах. Сложная система законов Капу диктовала правила поведения вождей и их помощников, а также взаимоотношения между людьми. Нарушения правил жестоко карались, включая изгнание и смерть.

Несмотря на то, что жрецы имели большую церемониальную и военную власть, земля в основном принадлежала общинам. Работа выполнялась коллективно, а ее плоды делились между всеми. В этом отношении гавайское общество напоминало американские племена, за исключением, возможно, того факта, что на Гавайях природа особенно роскошна. Все это отмечено капитаном Куком в его дневниках. Впоследствие колонисты принялись разрушать коллективную собственность, а вместе с ней и традиционную гавайскую культуру и экономику.

Я уже отмечал роль ружей. Некоторая часть вождей быстро оценила возможности ружей и закупила их большое количество, обменяв на свиней и другие продукты. После приезда Кука в гавайском обществе возникли разногласия, приведшие в конце концов к кровавым стычкам. В 1810 году один из вождей, Камехамеха I, умело используя лодки с оружием, путем кровавых сражений стал первым вождем и подчинил себе все острова. Затем провозгласил себя царем на западный манер. Его династия правила почти целый век.

Завоевание единоличной власти гавайским царем оказалось выгодным для белых. Торговые компании смогли убедить царя в необходимости покончить с традиционной экономикой. Выступив против своего народа, царь приказал людям оставить фермы и начать вырубать сандаловые леса для экспорта.

После того, как миссионерам удалось обратить жену царя Каахуману в христианство, на островах стали учреждаться миссионерские школы. Миссионеры занялись просвещением коренного населения, испольуя при этом только христианские тексты, наполненные западными идеями о морали и экономике. Они заставили людей носить европейскую одежду, принимать обеты безгрешности и моногамии, аргументируя это необходимостью уменьшить венерические заболевания (широко распространившиеся после прихода белых). Миссионеры также обучали "частной собственности", как более богоугодной. Многим коррумпированным вождям такая новость особенно пришлась по душе.

В период правления Камехамеха III (1840) миссионеры и бизнесмены получили достаточно влияния, чтобы открыто выступить против коллективной системы землепользования. Они вынудили царя изменить систему, заявив, что бизнес никогда не придет на Гавайи, если не будет введена частная собственность на землю. Царь, наконец, согласился и ввел "Великий Махеле" — еще один значительный шаг по отчуждению коренных гавайцев от земли и культуры.

"Великий Махеле" 1848 года разделил королевство на три части: 1,5 млн акров были отведены 245 жрецам и их помощникам; 1 млн акров был объявлен "королевскими землями" и предназначался для короля и его наследников; оставшиеся 1, 5 млн акров оставили гавайскому правительству. Всю эту землю теперь можно было покупать и продавать. Не осталось больше земли в коллективном пользовании, хотя некоторое время эту функцию выполняли "правительственные земли".

Царь установил парламентскую систему, ввел конституцию, оставив за собой право вето. В 1850 году новый парламент принял закон, разрешающий "простым людям" приобретать землю в частную собственность. (Этот закон подобен Акту об отводе земли

или Акту о земельных исках индейцев Аляски, превративших коллективные земли в товар). Менее 30 тыс. акров — около 1% всех земель — были переданы коренному населению, хотя идея индивидуального владения небольшими земельными наделами не укладывалась в их умах (поскольку противоречила традиционному землепользованию).

В то же время, миссионеры лихорадочно приобретали и расширяли свои личные владения. Они покупали и брали в аренду все, что только можно было, не гнушаясь обмана. Когда земля оказалась в руках частных владельцев, традиционная система землепользования уступила место прибыльным плантациям (в основном сахарного тростника и ананасов). К началу девятнадцатого века горстке белых пришельцев принадлежала большая часть земель; значительные участки земли были отведены для "королевского пользования" и вождей.

После разрушения системы коллективного землепользования, не имея частных наделов, коренные гавайцы были вынуждены наниматься батраками за мизерную плату на тех же землях, которые когда-то принадлежали им самим. Некоторые отказывались выполнять такую работу, поэтому плантаторы завезли на острова китайцев, филиппинцев, японцев и корейцев, согласных выполнять любую работу и за низкую плату. Это привело к тому, что коренные жители были вынуждены конкурировать с новым классом иммигрантов за низшую ступень экономической лестницы.

В 1887 году белые плантаторы потребовали заключения т.н. "Взаимного Договора" между гавайским правительством и Соединенными Штатами, отменяющего все ограничения на экспорт гавайского сахара. США, в свою очередь, получили в собственность Перл Харбор. Вскоре поддерживаемая плантаторами армия принудила царя Калакауа принять новую конституцию, в которой права голоса имели только крупные землевладельцы (главным образом, белые); кроме того, у царя отбиралось право вето. Эта конституция получила название "конституции на штыках" за то, что она фактически лишила коренных гавайцев права на самоуправление.

Последним взрывом недовольства была попытка в 1893 году царицы Лилиуокалани восстановить свою власть. В ответ белое население наняло иностранную армию при поддержке войск США, которая силой сместила Лилиуокалани и провозгласила новую Республику Гавайи. В 1898 году все гавайские земли перешли к Соединенным Штатам. Так коренные гавайцы остались без земли, за исключением "королевской семьи", вождей и их слуг. Период отлучения гавайцев от своей земли, начиная от "Великого Махеле", продолжался пятьдесят лет.

Гавайцы попытались возвратить ранее принадлежащие им земли через закон о гавайских поселениях. В законе сказано, что каждый, кто имеет 50% гавайской крови, может подавать иск о приобретении земли. За все время лишь 2000 семей получили участки в аренду сроком на 99 лет. Многие ждут десятилетиями. Сложные правила отбора надежно блокируют заявления островитян на получение участков. Одно из правил, например, гласит: заявители должны иметь достаточные финансовые средства для получения ипотечных кредитов для постройки домов. Поскольку большинство заявителей бедны — и эта основная причина, почему они хотят землю — это правило их успешно отсеивает.

В результате гавайцы остаются практически без земли в своей собственной стране; в то же время, государство продолжает выставлять эту землю как рай, эксплуатируя любовное отношение гавайцев к своим островам.

ВТОРЖЕНИЕ НА КАХУЛАВЕ

В 1976 году жители острова Кахулаве предприняли прямые действия по защите своего острова и прославились среди гавайцев.

"Американские индейцы захватили Алкатрац в 1970-х гг.[72] — у нас был Кахулаве, — сказал мне д-р Алули. — В течение последних тридцати лет этот священный остров [Кахулаве] использовался американским военно-морским флотом (и другими странами тихоокеанского региона) для отработки приемов бомбежки. Это был явный плевок в нашу сторону. Начиная с 1976 года мы проводим кампанию сопротивления и мобилизовали все коренное население".

Немногие из туристов знают о существовании о-ва Кахулаве, несмотря на его близость к о-ву Мауи. Остров Кахулаве, пять миль в длину и три в ширину, поднимается из океана в виде ярко-красного купола; в настоящее время незаселен из-за проводимых там военных испытаний. Впервые остров Кахулаве был заселен в шестом или седьмом веке н.э. Его выдающаяся роль в истории Гавайских островов подтверждена недавними археологическими открытиями, среди них мастерская по обработке камня, рыбные пруды, храмы, каменные скульптуры, комплексы построек и кладбища.

Остров Кахулаве вышел из состава аборигенных земель во времена "Великого Махеле" и использовался белыми поселенцами под ранчо до 1941 года. После атаки японцев на Перл Харбор военно-морской флот реквизировал Кахулаве для военных учений и бомбовых тренировок. В 1953 году президент Эйзенхауэр издал указ, по которому остров переходил в распоряжение военных. (Американские военные владеют 6% гавайской земли, что в процентном отношении намного больше, чем в любом другом штате).

До недавнего времени Кахулаве был главным местом проведения военных учений "Римпак" стран тихоокеанского региона. Это были тренировки в бомбометании армий США, Канады, Австралии, Южной Кореи, Франции, Новой Зеландии, и, по иронии судьбы, Японии. В эти "учения" вовлекались десятки военных кораблей, сотни военных самолетов и 20 тыс. персонала. Бомбометания продолжались на протяжении месяца. Сидя на берегу в Кихеи у вас возникало такое чувство, будто возвратилась Вторая мировая война. Эти учения разрушали лес, подвергали почву эрозии, стирали с лица земли исторические и религиозные памятники — другими словами, каждый раз в дух коренных гавайцев, боготворивших Кахалаве, вонзался нож.

Алули и другие коренные гавайцы были настолько возмущены бомбежкой и отказом в допуске на остров, что в 1976 году предприняли сенсационный акт граждан-

[72] В 1969 г. группа американских индейцев захватили остров Алкатрац в заливе Сан-Франциско (где расположена одна из самых одиозных американских тюрем) с целью создания на нем свободного экологического и культурного центра. Правительство США в конце концов освободило остров от индейцев, однако этот захват знаменовал собой начало политического движения индейцев за свои права. — *Прим. перев.*

ского неповиновения. Несколько десятков гавайцев сели в рыболовные лодки на Мауи и отчалили в направлении Кахулаве с целью остановить бомбометания.

Девять человек, включая Алули, высадились на берег, но береговая охрана сразу же их окружила. Алули и еще одному гавайцу, Уолтеру Ритту удалось в течение двух дней и ночей скрываться, что привело к остановке бомбежки на некоторое время.

Когда слово "десант" попало в прессу больших островов, по коренным сообществам прокатилась волна гордости и надежды. По возвращении Алули и Ритт (первые аборигены, побывавшие на острове за последнее столетие) рассказали о сотнях древних памятников, храмов и усыпальниц. "Военные все время говорили нам, что на острове ничего нет, — рассказывал Алули. — Никаких объектов, представляющих экологическую или историческую ценность. Мы не поверили и доказали, что это ложь. Даже после всех их бомб мы обнаружили множество следов, оставленных нашими предками... Кахулаве — это *пико* для коренных гавайцев — пуповина, связывающая нас с предками, это храм. Военные, не допускающие нас на остров и бросающие на него бомбы, оскверняют наши святыни".

Алули пошел дальше и организовал движение в защиту Кахулаве (Protect Kahoolawe Ohana). По словам Алули, "Мы почувствовали силу в борьбе за Кахулаве, за земли, за доступ к берегу, против строительства отелей. Это была первая успешная попытка достучаться до наших соотечественников. Мы поняли, что у нас есть силы для возрождения нашей культуры. Главное — мы не должны оставаться пассивными".

Эммет Алули обратился с иском в федеральный суд с требованием провести необходимые археологические исследования, а также оценку воздействия бомбометаний на природную среду. После судебного рассмотрения коренные гавайцы добились следующего: 1) доступа *оханы* (т.е. "расширенной семьи") на остров, ежемесячно, с четырехдневным пребыванием, 2) избавления острова от "живых" бомб и амуниции, 3) доступа специалистов для исследования острова и вычерчивания карты религиозных и исторических мест, и 4) прекращения бомбометаний. Кроме того, коренным гавайцам удалось добиться, чтобы Кахулаве был внесен в государственный список важнейших исторических мест — единственную историческую достопримечательность, которую бомбит собственное правительство.

Одновременно через Конгресс *охана* инициировала кампанию за полную отмену бомбометаний. Обращения были направлены иностранным государствам с целью получить их согласие на выход из учений "Римпак". Япония, Новая Зеландия и Австралия вскоре прекратили свое участие. Бомбардировки теперь продолжали только Канада, Южная Корея и Соединенные Штаты.

• • •

Шестое июля 1980 года. Алули пригласил меня с семьей на четыре дня на Кахулаве. В 3 часа утра мы (и еще 125 человек) сели на огромный тримаран и отплыли.

К рассвету очертания Кахулаве стали хорошо видны, напоминая спящего на боку великана. Две горы вставали в том месте, где должны быть плечи и бедра. В лучах утреннего солнца вершины гор горели алым цветом.

Лодка бросила якорь в 300 ярдах от скалистого берега. Мне стало ясно, что до берега нужно будет добираться вплавь по довольно-таки неспокойному морю, хотя для тех, кто не умел плавать, была предусмотрена надувная лодка. Я собрался с духом и бросился в воду, стараясь не отстать от своих ребят.

Лагерь для приезжих разбит в небольшой роще из деревьев киаве, около высохшего русла реки. Рядом довольно длинный дом для церемоний, постройку которого начала предыдущая группа в прошлом месяце. Материалы для дома привезены с Молокаи. Сооружение выполнено в традиционном стиле: бревенчатые стены, скрепленные корой деревьев, пол выложен круглыми морскими камешками. Одна из главных задач нашего приезда — закончить выкладывать пол, а это значит, каждому придется принести с берега несколько десятков корзин с камнями.

В лагере — круглые печки для приготовления пищи, амфитеатр для собраний, центр которого выложен пальмовыми листьями, и несколько маленьких садиков, где растут таро, сладкий картофель и различная зелень. Мы удивлены тем, как все хорошо растет, несмотря на долгое отсутствие людей; известно, что дикие козы на острове едят все подряд. Решаем соорудить достаточно прочный забор вокруг огорода, чтобы животные не смогли проникнуть внутрь. На острове довольно остроумная система капельного орошения, которой хватает ровно на месяц (воду привозят на лодках).

После разгрузки провизии Алули и Мачадо собирают всю группу для молитвы — христианской и гавайской — затем объясняют правила, задачи и программу исследований. Никому не разрешается выходить за границы лагеря (около 300 кв. футов) без проводника, поскольку можно набрести на зарытые в песке мины. Группы до 25 человек ходят на экскурсии под руководством двух минных экспертов, выделенных военной частью — один идет впереди, другой сзади.

Первый поход начинается в 6 часов утра, его возглавляет Алули. Сначала дорога идет через густой лес, затем выходит на красивейшие, поросшие травой горные склоны. Пройдя около мили, мы поднимаемся на холм и видим бесплодные горные плато, покрытые гладкой, твердой и красной землей — продукт многолетних бомбежек. Вокруг на многие мили растянулся всякий военный хлам — остатки снарядов, воронки, исковерканные джипы и "вражеские танки".

На открытом пространстве начинает здорово припекать. Наш путь лежит на вершину 1400-футовой горы. Я быстро устаю, но Алули бодро шагает босиком.

На первой же вершине захватывает дух от красоты о-ва Мауи, вулканов на Биг Айленд, Ланаи, Молокаи и Оаху. Алули объясняет, как этот пик связан с главными гавайскими островами и Таити, расположенном на расстоянии 1500 миль на юг. Для древних мореплавателей, говорит Алули, Кахулаве был важным навигационным и церемониальным центром.

Затем мы спускаемся вниз и обнаруживаем еще одну чудесным образом нетронутую долину. Алули ведет нас дальше мимо древней каменоломни к развалинам *хеиау* (храмов) среди ржавеющего военного хлама. Подъем к другой вершине проходит опять через мрачную местность с выжженной, развороченной землей. Но около самой вершины мы вдруг замечаем плантацию помидоров. Мой сын Яри набирает целую кучу: он удивлен тем, как они смогли выжить в таких условиях.

• • •

В лагере тем временем кипит работа: облагораживают сад, обсуждаются дальнейшие планы, выкладываются камни, идет постоянное приготовление пищи для 125 человек. Еда обильная и роскошная. Гавайские, японские и китайские повара приготовляют традиционную запеченную в земле свинину, цыплят в соусе из кэрри и кокоса, большое количество *пои*[73]. Вся группа затем собирается в амфитеатре вокруг костра. Идут разговоры о генеалогических исследованиях, с помощью которых гавайцы хотят доказать наличие у них 50% аборигенной крови, чтобы получить участок земли; о том, как лучше препятствовать строительству туристических отелей на Кауаи; о переговорах с военными по поводу расширения доступа на остров и лоббировании в Конгрессе прекращения бомбежек на Кахулаве.

На встрече присутствуют несколько археологов, которым разрешили сойти с установленных маршрутов и присоединиться к нам. Они рассказывают о новых важных археологических находках.

Начинается дискуссия по поводу сложностей вовлечения молодых гавайцев в проекты охана. Один из старейшин, Гарри Митчелл, говорит о комплексе неполноценности среди гавайцев: "Я вырос на Гавайях, но не-гавайцы всегда называли меня 'глупым', и первые сорок лет своей жизни я в это верил". (После этого мне стало ясно, что колониальная система на Гавайях ничем не отличается от таковой для американских индейцев.)

Одно из самых вдохновляющих воспоминаний — выступление молодого гавайского адвоката Миллани Траска.

Траск — лидер движения коренных гавайцев, цель которого обрести суверенитет, самоуправление и судебную систему, контроль над исконными землями. Организация Траска *Ка Лахуи Хаваии* выступает за создание коренного гавайского правительства, в которое войдут избранные народом законодатели, исполнители, отдельная судебная система и *Алии нуи*, или традиционные вожди. По мнению организации, в которую входят более 7 тыс. членов, суверенный статус даст коренным гавайцам возможность договариваться с правительствами *хаоле*, а также возвратит гавайцам их исторические корни.

В этот вечер Траск говорил о важности таро для гавайской культуры: "В гавайских историях говорится о том, что только что родившийся первый ребенок от *Вакеа* (Небесного отца) и матери *Хо'охо' Кукалан* был помещен в землю, где превратился в таро. Второй ребенок стал первым человеком. Гавайский принцип расширенной семьи (*охана*) происходит из слова оха и означает "кольцо из клубней, окружающих родительское растение". Таро имеет такое же значение для гавайцев, как кукуруза для индейцев пуэбло. Это наше главное блюдо, но также и духовная пища".

Траск указал, что на протяжении тысячелетий гавайцы выращивали таро, применяя сложные ирригационные и гидравлические системы, некоторые из которые еще сохранились на склонах. Но сегодня "коренные гавайцы теряют свои поля таро; земля и вода уходят к строителям отелей... а это значит, что сохранять гавайскую культуру становится все труднее. Мы пытаемся препятствовать строительству, требуя сохранения

[73] Пои (Poi) - гавайское название полинезийского блюда, которое готовят из клубней растения кало (известного также как таро). — *Прим. перев.*

прогулочных дорог для гавайцев. Права коренных жителей должны включать в себя право жить на своей земле, пользоваться рыбными прудами, иметь доступ к берегу для ловли рыбы. Но если сегодня вы захотите пользоваться всем этим, вас арестуют. "Поэтому запомните все, — сказал Траск, — когда вы идете на берег, чтобы поймать рыбу, вы утверждаете свои древние гавайские права".

ОСКВЕРНЕНИЕ ПЕЛЕ

После поездки на Кахулаве я время от времени встречался с Алули. Бывало он останавливался в Сан-Франциско по дороге в Вашингтон на конференции. Он очень хотел рассказать континентальной Америке о политическом тупике на Гавайях. "Нас игнорируют на Гавайях. Но если мы расскажем об этом на континенте, возможно, власти испугаются и мы сможем поменять атмосферу", — говорил он.

Алули считал, что самое важное, о чем следовало говорить, это геотермальный проект в районе Ист Рифт вблизи вулкана Килауеа, на Биг Айленде. Для коренного населения бурение скважин представляет собой святотатство невиданного масштаба. Это был также один из самых экологически разрушительных проектов в истории Биг Айленда — он приводил к гибели девственные леса, способствовал расширению туристической индустрии, а также новейшему индустриальному комплексу для переработки океанских руд, после чего могли возникнуть серьезные проблемы с токсичными отходами.

Несколько раз Алули сопровождал рыбак с Биг Айленда, Паликапу Дедман, соучредитель Фонда защиты Пеле. Многие годы Дедман пытался предотвратить бурение легальными способами. Он объяснял, что Богиня Пеле все еще жива. "Моя мать и бабушка воспитали меня в религии Пеле. Мы ходили на вулкан и в лес, чтобы помолиться, и до сих пор так поступают многие. Часто говорят, что старая религия умерла, но это не так. Люди не хотят признавать, что придерживаются своей религии, поскольку боятся насмешек миссионеров. Они ходят к подножью вулкана ночью, чтобы их никто не видел. Подойдите ночью к горе, и вы увидите сотни молящихся и оставляющих подношения Богине. Подношения можно видеть по утрам. Наша религия не уступает никаким другим религиям, и ее надо уважать... Белые люди не могут понять, что для нас земля — Богиня. Это вулкан и все, что вокруг него произрастает. Пар, испарения и лава — части ее тела, ее семья — лесные растения и морская жизнь. В ее тело нельзя засовывать буры. Старые люди говорят, что это причиняет боль Пеле и подрывает ее творческие силы. Это также наносит духовную и психологическую травму народу, который ей поклоняется".

"Мы пытались убедить власти, обращались в суды. Но нам даже не дают высказаться. Нам говорят, что никто больше не практикует религию Пеле, но это ерунда. Другой раз нам говорят, что гора — не священный объект, но это также ерунда, потому что все вулканы священны, и весь остров Гавайи произошел из ее лавы. Нельзя бурить в любом месте и осквернять святыню. Я даже не говорю, на какие цели будет использоваться геотермальная энергия. Они построят завод по выплавке металлов, а

ядовитые отходы будут закапывать. В другом священном месте (Саут Пойнт) они хотят соорудить нечто вроде второго Кейп Канаверал[74]. И у нас будет развиваться туристическая индустрия, а гавайцы получат работу в качестве горничных и официантов. Но у нас есть право сохранять свой традиционный образ жизни и не допускать разрушения острова. Мы устали обивать пороги правительственных учреждений. Суды нас игнорируют. Мы готовы идти дальше. Возможно, кто-то обратит на нас внимание на континенте".

• • •

В июне 1987 года мы вернулись на Гавайи, чтобы в последний раз обсудить, как лучше представить жизнь коренных гавайцев "на континенте". Нас встретила в аэропорту Лехуа Лопес из руководства Фонда защиты Пеле. Пока мы ехали в машине, Лопес рассказала о работе организации Rainforest Action Network, непосредственно возглавляющей кампанию против геотермальной энергетики (скважины находятся в непосредственной близости к девственному тропическому лесу).

Мы присоединились к Алули и Дедману на тихом берегу, покрытом черным песком, где жили многие поколения семьи Дедмана. Затем отправились в район Килауеа Рифт, чтобы изучить последствия недавних извержений. Извержения еще проходили на высоте около 2000 футов. С безопасного места мы наблюдали за тем, как лава заполнила огромное серое озеро, по краям которого кипели красные трещины. Некоторая часть кипящей массы вышла из озера и полилась в направлении шоссе и деревни Калапана; другая часть лавы пошла по естественным "лавовым путям" к морю. Там, соприкоснувшись с океаном, она произвела огромные облака пара, поднявшихся высоко над берегом.

Позже мы посетили главный кратер Килауеа, молчащий с 1976 года. Тогда, в течение нескольких недель он посылал в небо огненные языки. Сейчас кратер молчал. Мы решили спуститься. Достигнув дна кратера, мы попали в потусторонний мир: серый океан лавы застыл словно на фотографическом снимке. Место было абсолютно мертвым, но где-то недалеко под нашими ногами кипело расплавленное море и выливалось в океан на расстоянии нескольких миль. Близость к тайной жизни горы позволила нам лучше понять гавайцев.

Следующий день начался в 7 утра, с посещения небольшого тропического леса. Поход возглавил местный биолог Билл Мулл. "99% нашей флоры и фауны нельзя найти нигде на земле, — сказал Мулл. — Уничтожение их такими проектами, как геотермальные станции, не укладывается в сознание".

Из тропического леса мы вышли на Калапана Бич, чтобы полюбоваться традиционными танцами хула. Хотя мы и раньше видели хула-танцовщиц в отелях, на этот раз все было иначе. Лехуа Лопес объяснил нам, что гавайская хула, вообще говоря, не для развлечений; это прежде всего выражение гавайской религии. Женщину, которая стояла во главе танцовщиц, звали Пуалани Канехеле; она была не только одной из

[74] Место для запуска космических ракет во Флориде. — *Прим. перев.*

лучших танцовщиц хула, но также одной из главных знатоков религии Пеле, лектором Гавайского университета и Комьюнити-колледжа на о-ве Мауи.

Лопес рассказала, что Паулани часто приглашали в качестве эксперта на слушания различных комиссий по вопросам "святости" земли — вулкана, лавы и тропического леса. Лопес показала нам текст некоторых великолепных выступлений Пуалани.

На слушаниях Пуалани объясняла, что происходит она из древней традиции *Хула Кахико*, как и ее бабушка. Затем она начинала петь о том, как Богиня Пеле создавала острова:

> Пеле — творческая сущность. Она занималась тем, что творила землю. Она не прекращает творить и сейчас, поэтому у нас есть пар. Пока существует пар, она не оставит свою работу. И мы должны предоставить ей возможность творить. Мы не можем закрыть крышкой ее пар и послать его в другое место. Как только вы закроете крышкой пар, вы закроете гавайскую культуру.
>
> Живя на острове, мы находимся близко к богине... Мы ощущаем ее каждый день, видим, что она делает для нас. Но ей не дают развиваться, ее блокируют скважины... и на вас лежит ответственность за разрушение нашей культуры и Гавайских островов. Для гавайцев, которые останутся, это будет уже новая Калифорния. Мы все станем хаоле, и у нас будет одна цель: делать деньги. Но мы намерены сохранить нашу культуру для детей. Пожалуйста, дайте нам такой шанс.

Канехеле говорила о священных местах, о том, что старинные мелодии хула сохранили эту информацию. В песнях рассказывается, как Пеле переходила от острова к острову до тех пор, пока не пришла на Биг Айленд, вошла в кратер и решила остаться; как ее внутренности перемещаются под земной корой, как она живет повсюду, даже на дне моря.

> Все, о чем поется в песнях, — владения Пеле. В одной песне говорится о движениях воды... но это, собственно, не движение воды, а движение самой богини... Все интимные движения богини описываются как вода, потому что люди тесно связаны с водой... Текущая лава также представляется как вода. В песне поется о красоте текущей лавы. И Пеле сама устанавливает пространство лавы. Насколько нам известно, в ее границы входит Пуна, где собираются проводить геотермальное бурение.

Канехеле пела о красоте Пеле, ее дыме и сере, о моменте, когда лава соприкасается с морем. В одной из песен рассказывалось как Пеле осторожно приглашает:

> Добро пожаловать; приди ко мне,
> Посмотри на мои движения,
> Посмотри на то, что скрыто,
> На мои танцы, как я двигаюсь.
> Но ты не должен забирать то,
> что принадлежит мне.
> Всё, что горячо, — моё,
> Всё, что горячо, — священно.

По словам Лехуа Лопес, члены комиссии были поражены необычностью выступления Пуалани Канехеле. Но когда пришло время голосовать, они "взяли себя в руки" и поступили так, как поступил бы любой другой суд или комиссия, т.е. признали, что гавайская религиозная практика не может служить достаточным основанием для прекращения геотермального бурения.

• • •

Во время нашего пребывания на Гавайях, Алули, Дедман и Лопес пригласили нас на импровизированную вечеринку группы экологических активистов в селении Volcano, в тропическом лесу. Люди из Volcano успешно блокировали попытки геотермального бурения в своем районе, договорившись о переносе скважин на шесть миль к юго-западу от Пуны. Первоначально входивший в коалицию с экологами Фонд защиты Пеле вышел из нее. В Фонде решили, что компромисс со строителями просто переносит проблему в другое место, не может противостоять массивной разработке новых энергетических источников и совершенно нечувствителен к религиозным аспектам. "Я скажу прямо, — заявила Лехуа Лопес, — Эти люди защищали свой двор и палец о палец не ударили, чтобы помочь коренным гавайцам".

Зачем тогда мы шли на встречу? Лехуа на это логически отвечала: некоторые экологи остаются активными помощниками; кроме того, нужны организационные связи, т.к. Фонду защиты Пеле нужны также друзья не-гавайцы.

Встреча была довольно представительной. Присутствовало около 20 человек из Сьерра Клуба (Sierra Club), Одюбоновского общества (Audubon Society), Общества за дикую природу (Wilderness Society) и др. После обеда, Лехуа сделала небольшой доклад, рассказав об истории борьбы против геотермального бурения, упомянув о вкладе многих присутствующих. Она дипломатически умолчала о разногласиях с Фондом защиты Пеле. Напротив, была подчеркнула необходимость совместных действий. Многие с ней согласились.

• • •

Наконец, информация о проблемах коренного гавайского населения попала осенью 1988 года в американскую прессу и вызвала шок. В *Нью-Йорк Таймс* и *Сан-Франциско Кроникл* были помещены следующие заголовки: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ГАВАЙИ, ГДЕ ВЫ МОЖЕТЕ ПОПЛАВАТЬ В ГРЯЗНОЙ ВОДЕ, ПОСЕТИТЬ ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СТАНЦИИ, ПОДЫШАТЬ ТОКСИЧНЫМ ДЫМОМ. Заголовки сопровождались соответствующими рисунками. В статье говорилось также об угрозе тропическим лесам, и конечно, об осквернении Пеле, аборигенной религии. Кроме того, эта же статья была помещена во всех главных газетах шт. Гавайи, но с другим заголовком: БЕЗОБРАЗНО, ТОКСИЧНО, ДОРОГО И КОЩУНСТВЕННО.

Читателей просили направить купоны и письма мэру графства Гавайи, губернатору шт. Гавайи и сенатору Дэниелу Иноуе, который также занимал пост председателя сенатского подкомитета по делам индейцев. (Как сообщила *Вашингтон Пост*, Иноуе был одним из первых, кто поддержал геотермальный проект).

Гавайский совет и Туристическое бюро были возмущены публикацией, как, впрочем, и все ведущие политические деятели; все они в один голос осуждали Фонд защиты Пеле, ставящий под угрозу развитие туризма. Этот скандал мгновенно заинтересовал прессу, и история перешла с последних страниц газет на первые полосы. Редакционные статьи появились в *Лос-Анджелес Таймс*, *Сан-Франциско Кроникл* и *Нью-Йорк Таймс*. Телерепортеры хлынули на Гавайи, чтобы взять интервью у Паликапа Дедмана, заснять как он ловит рыбу вблизи вулкана, а также показать, как коренные гавайцы делают ночные подношения вулкану. Внезапно соотношение сил начало изменяться.

Коренные гавайцы объединились вокруг Алули, Дэдмана и Лопеса и стали на защиту своей религии. Организация Rainforest Action Network — первая негавайская группа, поддержавшая кампанию против геотермального бурения — обратилась к своим 30 тыс. членам за поддержкой. Позже организация предприняла несколько прямых акций и демонстраций в местах бурения.

Впервые столкнувшись с такой массовой оппозицией, финансовые и энергетические эксперты с материковой части США сразу же вылетели на Биг Айленд для изучения ситуации. Они перепровери затраты, и в конце концов пришли к выводу, что проект был несерьезной инициативой нескольких инвесторов. Разъяренный сенатор Иноуе с угрозами обрушился на руководство Фонда защиты Пеле, пообещав, что он больше не потерпит их оппозиции. Мэр графства Гавайи потерпел поражение на выборах 1989 года, и это была первая политическая победа Фонда. Вскоре, губернатор штата выразил готовность к открытой дискуссии, чтобы найти компромиссное решение, но именно *компромисс* никогда не устраивал Фонд защиты Пеле.

ТЕКУЩИЕ СОБЫТИЯ

Результаты борьбы коренных гавайцев можно назвать позитивными. Однако не везде религиозную свободу удавалось использовать как аргумент для прекращения строительства на территории священных мест. В результате обескураживающего решения Верховного Суда США в 1989 году три индейских племени из Северной Калифорнии проиграли процесс и не смогли остановить строительство дороги через заповедник Сикс Риверс. Американская лесная служба (U.S. Forest Service) аргументировала необходимость строительства тем, что дорога якобы должна поддерживать лесозаготовки. Индейцы доказывали, что такой необходимости не было и что дорога проходит через священные места, используемые для медитаций и ритуальных очищений, и, следовательно, находится под защитой Первой Поправки.

Решение Верховного Суда вызвало шок. Даже собственный эксперт лесной службы признал, что дорога разрушит "саму основу" религиозной практики индейцев и высказал свое негативное отношение к строительству. Два низших суда высказались за защиту священных мест. Но Верховный Суд принял решение, которое адвокат Стивен Мур из Фонда прав коренных американцев назвал "смертельным ударом по индейской религии... поскольку разрешает федеральным агентствам управлять землей, а

значит, подчиняет религиозные ценности экономическим интересам: лесозаготовкам, добыче полезных ископаемых и строительству ГЭС". Мур не называл другие аборигенные группы, но решение Верховного Суда в равной мере разрушительно для коренных гавайцев, пытающихся остановить геотермальное бурение, для племени навахо, выступающих против добычи угля, и для тысяч индейцев. насильно депортируемых со своих исконных земель.

Верховный Суд постановил, что использование федеральной земли — это внутреннее дело правительства и что запрещаются только те действия, которые *преднамеренно* ограничивают религиозную практику. Поэтому любой иск должен предоставить доказательства того, что целью строительства является намеренное разрушение религиозной свободы, что, конечно же, невозможно доказать.

Суд также выразил недоверие тому, что индейцы "молятся на природе" и что такое поклонение представляется собой религию. Судья Сандра Дэй О'Коннор, например, отметила, что поскольку не все индейцы молятся в лесу, это не может быть их религией (Но почему все должны одинаково молиться?). Это все равно, что отказать в защите католического собора на том основании, что туда ходят не все католики.

"Какой сигнал посылает Верховный Суд своим решением индейцам? — спрашивает судья Мур. И отвечает: "То, что американская демократия не уважает их уникальную религию и культуру... и лишает их конституционных прав по защите священных мест".

В ответ на несправедливое судебное решение в 1990 года была создана коалиция, в которую вошли Национальный конгресс американских индейцев, Ассоциация американских индейцев, Национальный индейский совет и Фонд прав коренных американцев. Цель коалиции — защитить Закон о предоставлении религиозных свобод американским индейцам от 1978 года и ограничить действия федеральных агентств на священных землях. До сих пор этот закон был лишь на бумаге.

• • •

На других фронтах события выглядят более оптимистично. После широкого обнародования в прессе незаконности геотермального проекта белое население о-вов Мауи и Оаху, наконец, догадалось, какие последствия влечет за собой новый энергетический источник и прокладка подводного кабеля между островами. Учитывая, что о-ва Оаху и Мауи уже испытывают перенасыщение от туристической индустрии, владельцы домов — в особенности те, кто недавно прибыл с материка — жалуются на ухудшение качества жизни. Фонд защиты Пеле приветствовал неожиданную поддержку со стороны этой группы населения.

Тем временем, Гринпис поддержал Rainforest Action Network и Фонд защиты Пеле в их борьбе против против бурения скважин. Проведены полдюжины акций с участием 1500 протестующих, 144 из которых были арестованы за несанкционированное нахождение на месте строительства. Все акции попали на первые полосы гавайских газет.

Кроме того, выделенные 15 млн долларов на геотермальный проект были заморожены комиссией при Палате представителей (ввиду сомнительных результатов).

Главный прорыв достигнут в отношении о-ва Кахулаве. Общественные выступления против бомбометаний получили такой резонанс, что стали главной проблемой на выборах в сенат США в 1990 году. Кандидат от Республиканской партии Патриция Саики убедила Джорджа Буша (который заявил, что ничего не знает о бомбежках) рассмотреть заново эту проблему. И хотя Саики проиграла выборы демократу Дэниелу Акаке, федеральное правительство в конце концов объявило мораторий на бомбометания.

Была создана комиссия для слушаний по проблеме очистки острова и переработки отходов. Один из членов комиссии — Эмметт Алули.

Борьба за будущее острова продолжается. Возможные сценарии таковы: 1) частичное преобразование острова для туризма и паркового хозяйства; 2) возвращение земель коренным гавайцам для проведения культурных мероприятий и поселений; 3) некоторая комбинация 1) и 2), или 4) возвращение острова военным (в зависимости от политической ситуации).

Еще одним многообещающим событием стало создание новой коалиции между экологическими группами на островах и коренными гавайцами. Коалиция получила название Алоха Аина Экшн Конгресс; уникальность ее в том, что она объединяет защиту окружающей среды и права коренного населения. Если этой коалиции удастся сохранить приверженность ценностям аборигенной культуры, возможно резкое изменение настроений среди коренных гавайцев. Паликапу Дедман отмечает возросший оптимизм островитян: "При той поддержке, которую мы получаем, я думаю, мы можем отвоевать Кахулаве у геотермальной энергетики и других проектов. Уже есть много хороших сдвигов. Еще десять лет назад я чувствовал себя очень одиноко, но не теперь".

19

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ (1): БАССЕЙН ТИХОГО ОКЕАНА И АЗИЯ

В предыдущих главах я описывал, как у американских индейцев воруют землю, как навязывают им чуждые политические и экономические структуры, как покушаются на их коренную культуру и религию. Далее я кратко рассмотрю такие же преступные действия по отношению к другим аборигенным народам мира.

Покушения на аборигенные народы происходят во всем мире, однако их характер варьируется от одного региона к другому. В Соединенных Штатах и Канаде, например, атаки приобрели, так сказать, "легальный" характер. Однако цель остается той же: разрушить коллективное владение землей и увести коренных жителей от земли их предков. "Легальные" процедуры воровства характерны и для колониальных американских владений (Микронезия), а также совершаются в Австралии, Новой Зеландии, Японии и частично в Европе. Но в большинстве стран Юго-восточной Азии, Китая, Тибета и частей Африки, Южной и Центральной Америки политические и экономические покушения на аборигенные народы принимают вопиющий характер; там же они встречают наибольшее противодействие.

Вероятно, наиболее бесчеловечную войну против коренного населения в настоящее время ведет Индонезия. Народ Ириан Джайи (Западная Папуа) сражается за свои дома в тропических лесах против огромной милитаристской силы, стремящейся расчистить место для несколько миллионов индонезийцев с острова Ява. При этом новые поселенцы должны будут рубить лес, добывать нефть, медь, серебро, олово, молибден и другие минералы для транснациональных корпораций. Десять тысяч коренных жителей уже погибли в борьбе с колонизаторами и десятки тысяч согнаны со своих земель.

Индонезийский министр по трансмиграции является ответственным за программу заселения аборигенных земель новыми поселенцами. Как говорит Грэхэм Хэнкок в книге *Хозяин бедности*, министр выразился предельно ясно: "Различные этнические группы Индонезии в конце концов исчезнут.... и останется только один вид человека".

Такая позиция, хотя и не высказываемая открыто, проявляется в действиях многих правительств — везде, где коренные жители сталкиваются с западной мегамашиной.

ВОЙНЫ "ЧЕТВЕРТОГО МИРА"

В журнале *Cultural Survival Quarterly*, выходящем в Калифорнийском университете в Беркли, проф. Бернард Ницшман написал, что из 120 военных конфликтов в 1987 году три четверти были связаны с попыткой *коренных наций* (*народов*) освободиться от более крупных национальных государств (пример — сопротивление народа Ириан Джайи вторжению Индонезии). Ницшман полагает, что неспособность масс-медиа понять истинную природу этих войн, по существу, способствует их раздуванию.

Ницшман делает очень важное разграничение между нациями и государствами. Он указывает на то, что в настоящий момент около 3000 наций находятся в границах и под контролем 200 государств. Согласно международному закону, утверждает Ницшман, нация представляет собой народ с общим наследием, языком, географией, культурой, политической системой и стремлением к единству. Ницшман приводит примеры: *карены* в Бирме, *майаны* в Гватемале, *тамилы* в Шри-Ланке, *мискито* в Никарагуа, *палестинцы* в Израиле, *курды* в Сирии, Турции, Иране, Ираке и Советском Союзе, *оромо* в Эфиопии, *баски* в Испании, *саами* в Скандинавии, *латыши*, *литовцы* и *эстонцы* в Советском Союзе, и еще сотни других наций в Соединенных Штатах, Канаде, Латинской Америке, Африке и Тихоокеанском регионе.

"Существует две разные карты мира — одна составлена из народов, другая из государств, — говорит Ницшман. — Первую хорошо знают, т.к. она представляет собой карту [крупных, признанных] государств и подвластных им граждан, ее часто рассматривают как карту "трех миров"; вторая — совершенно отличная от первой и состоит из 3000 народностей и наций... подчиненных государствам. Нации, объединенные рождением и культурным наследием, могут не рассматривать себя гражданами навязанного им государства, в которое входят другие народы"; так, например, поступает большинство американских и канадских индейцев.

Ницшман считает, что одна треть всего мирового населения подпадает под это определение и что конфликты между нациями и государствами представляют собой "скрытую мировую войну...потому что она ведется против народностей и наций, отсутствующих на карте".

Ницшман критикует масс-медиа за то, что они называют эти конфликты "гражданскими войнами" и неправильно трактуют понятие национальных групп:

> Возьмите газету и попробуйте выяснить национальности народов, стреляющих друг в друга в Эфиопии, Судане, Анголе, Афганистане, Индонезии, Бирме, Бангладеш, Никарагуа, Гватемале или в любой другой стране. Национальность редко называется по имени; напротив, их называют повстанцами, сепаратистами, экстремистами, диссидентами, мятежниками, террористами, национальными меньшинствами или этническими группами. Как люди могут быть этнической группой в своем народе?
>
> Автономные карены и их нация называются [прессой] "бирманским горным племенем", в то время как бирманская нация (только одна из дюжины других наций, вошедших в созданное британцами государство Бирма) выбрана в качестве правящей от

имени мифического "бирманского народа"... Нации почти всегда либо ложно представляются как члены государства, против доминирования которого они борются (оромо, например, называют "эфиопскими повстанцами"), либо называются "террористами".

Ни одна из 3000 наций не признается на международном уровне. Их существование, территория, национальность и борьба за достоинство почти невидимы для масс-медиа. Напротив, многонациональные государства признаются во всем мире как "народы" или "нации", хотя они не обладают такой характеристикой.

Если придерживаться логики Ницшмана, ясно, что такое определение как "американский народ" просто абсурдно. Соединенные Штаты — это государство-нация, собравшее под свой флаг сотни народностей и наций, включая две сотни индейских наций. Аналогично, Канада, не допускающая отсоединения Квебека как отдельного народа, редко признает, что в ней проживают более сотни индейских наций со своими границами, языком и культурой; все они желают чтобы их рассматривали как независимые народы. Аналогичная ситуация во многих других государствах: В Бирме проживают одиннадцать коренных народов; в Китае — пятьдесят пять; в Индонезии три сотни; и в Советском Союзе — более сотни.

Не удивительно, говорит Ницшман, что крупные государства-нации неизбежно блокируются друг с другом, не желая предоставлять независимость небольшим, входящим в них, нациям. Даже внутри ООН крупные страны имеют общность интересов. Предоставление независимости небольшим нациям может подорвать всемирную схему развития, которую разрабатывают Международный валютный фонд (IMF) и Мировой банк (WB). Такая схема предусматривает преобразование мира по западного "технологическому образцу". Литва, Латвия и Эстония, в данном случае, не являются исключением, хотя западные страны поддерживают их усилия по обретению независимости. В этих странах антикоммунизм и приверженность "рыночной экономике" гарантируют поддержание доминирующего западного мировоззрения.

Напротив, многие индейские и другие коренные нации не заинтересованы в поддержании западной индустриально-технологической машины и соответствующего образа жизни.

• • •

Отчеты, приводимые ниже, к сожалению, далеко неполные. Мне пришлось опустить описание многих случаев сопротивления аборигенов. И это не потому, что они менее важные; есть ограничения по объему книги, некоторые истории слишком запутаны для краткого изложения. Именно так: эти случаи слишком сложны, т.к. их история насчитывает многие столетия, а события часто сменяют друг друга. Есть также временной фактор — интервал между моими записями, публикацией книги и вашим прочтением. И все-таки, я посчитал интересным и полезным собрать все случаи по всему миру и дать их краткий обзор. Эту лучше, чем ничего не сказать.

БАССЕЙН ТИХОГО ОКЕАНА

Океания

Тихий океан в три раза больше, чем Соединенные Штаты, однако площадь его 3000 островов не превышает шт. Индиана. На островах и коралловых атоллах, возвышающихся всего на один-два фута над уровнем моря, живут 1,5 млн полинезийцев, меланезийцев и микронезийцев. На протяжении тысячелетий острова оставались политически и экономически самодостаточными; благодаря райскому климату население довольно легко выживало за счет рыболовства и небольших огородов.

Сегодня, однако, лишь немногим островам удалось избежать влияния внешних военных и экономических сил. Все островитяне стоят перед лицом одной и той же проблемы: как противостоять желанию западных стран поскорее добраться до их подводных ресурсов. Хищнический туризм, а главное, войны и военные приготовления крупных держав в тихоокеанском регионе, захлестнули маленькие сообщества словно огромная океанская приливная волна.

В шестнадцатом веке Тихий океан был колонизирован Магелланом и испанскими моряками, за которыми последовали Германия, Англия, Франция, Япония и Соединенные Штаты. Но самые глубокие шрамы колониализм оставил после ядерных испытаний США на Маршалловых островах и сражений между американцами и японцами во время Второй мировой войны, опустошивших Гильбертовы, Каролинские, Марианские, Маршалловы, Фиджи и другие острова. Последствия этих сражений еще видны сегодня: тысячи ржавеющих самолетов, танков и застывших барж лежат на песке, напоминая о дикости, с которой вторгнувшиеся страны обращались с хрупкой природой островов и их жителями.

Для островитян война не окончилась в 1945-м; после Японии, это второе место на земле, где ядерное оружие оставило свой чудовищный след. В общей сложности более 200 ядерных бомб взорваны в Тихом океане: Соединенными Штатами проведено около 100 испытаний, Францией более 75 и Англией около 10. Даже сегодня французы продолжают испытывать бомбы около Таити, нанося серьезный урон экологии коралловых рифов, загрязняя воду и подводную жизнь[75].

Программа ядерных испытаний США, а также приготовления к широкомасшабной войне в Тихом океане (для чего США разместили военные базы в западной его части), имели почти апокалипсические последствия для коренных жителей. Многие люди были вынуждены покинуть дома своих предков; а у тех, кто остался, отмечается колоссальный рост случаев заболевания лучевой болезнью и раком; традиционная экономическая и политическая независимость островов разрушена.

Микронезия

Если бы надо было выбрать пример грубого отношения США к аборигенному сообществу, я бы выбрал Микронезию. Переданная США в 1947 году в качестве "стратеги-

[75] Подробно о масштабах разрушений во Французской Полинезии, вызванных испытанием французского ядерного оружия, можно узнать из книги Даниельссон М.-Т., Даниельссон Б. "Отравленный рай" (М.: Прогресс, 1989). — *Прим. перев.*

ческой опекаемой территории ООН", Микронезия включает в себя Марианские, Каролинские и Маршалловы острова — всего около 2000 островов, разбросанных на территории более 3 млн квадратных миль.

По мандату ООН, США должны были обеспечивать здоровье и экономическую самостоятельность жителей островов, регулировать и контролировать использование природных ресурсов, улучшать транспорт и образование, "защищать права и фундаментальные свободы всех слоев населения, не допуская дискриминации". Кроме того, по мандату ООН опека островов со стороны США была рассчитана на 25 лет, после чего разрешалось самоуправление на условиях коренных жителей.

Прошло сорок четыре года, а мы по-прежнему не выполняем условия договора. Учитывая мрачную историю нашего пребывания в Микронезии, никого не удивляет то, что мы не можем отказаться от контроля островов.

Именно в Микронезии, в 1946 году, на атолле Бикини, США начали свою обширную программу ядерных испытаний. Военные убедили островитян "временно" переселиться на атолл Ронгерик, чтобы остров можно было использовать "во имя мира". Однако на атолле Ронгерик рыба ловилась хуже, фруктов и кокосовых пальм было меньше, а от правительства не было помощи. Через шесть месяцев начался голод, и старейшины Бикини потребовали возвращения домой. Но к тому времени их остров стал непригодным для жизни. Мирное, счастливое в прошлом общество превратилось в набор индивидуумов, живущих на велфере. Чудо в том, что традиционная структура племени каким-то образом сохранилась, а вожди продолжают борьбу за очищение своей родины. Их призывы не находят отклика ни у военных, ни у представителей американского Конгресса.

На расстоянии ста миль от Бикини с наветренной стороны лежит атолл Ронгелоп, население которого не переезжало во время испытаний. Жители Ронгелопа в настоящее время страдают от массовых случаев заболевания лучевой болезнью, раком, детскими уродствами — больше чем где-либо на земле, за исключением Японии и индейцев навахо, добывающих уран в Аризоне. Представители Ронгелоп подали иски на США с целью получения медицинской помощи и компенсации. Но поскольку США не хотят признавать свою вину (как не хотят рассматривать иски о возмещении ущерба, нанесенного ядерными испытаниями в штатах Юта и Невада), все судовые позывы остаются без ответа.

В 1947 году, после получения от ООН статуса опекуна островов, США ввели в действие второй ядерный полигон на атолле Эневеток. Мы переселили людей на другие острова, после чего произвели 40 взрывов.

К 1956 году все продукты северной части Маршалловых островов — фрукты, кокосовые орехи и продукты моря — были заражены радиоактивностью. Коренным жителям было рекомендовано есть только американские продукты: консервированные спагетти и тунец. На островах вскоре начался голод, многих охватило отчаяние.

В 1960 году США облюбовали для испытаний атолл Кваджалейн. История Кваджалейн в особенности трагична, поскольку его лагуна — одна из самых больших и прекрасных в Тихом океане, богатая рыбой, крабами и другими обитателями подвод-

ного мира. Как только людей переселили, лагуна стала "целью" для ракет. Расположенные на огромном расстоянии ракеты (военно-воздушная база Ванденбург в Калифорнии) запускаются в это чудесное место.

Тем временем, перемещенные жители Кваджалейн в течение тридцати лет пытаются выжить на крошечном острове Эббейе, размером в семьдесят акров, без лагуны и без земли. В 1978 году население Эббейе насчитывало 7000 человек, т.е. плотность населения была в двадцать раз больше, чем в Вашингтоне. Островитяне резко протестовали, устроив массовую сидячую забастовку на взлетной полосе аэродрома. До сих пор единственной уступкой со стороны США было некоторое увеличение финансовой помощи.

В 1975 году после 100 ядерных испытаний, переселения жителей с десятка островов, чудовищного радиоактивного загрязнения и превращения ранее самодостаточных сообществ в подобие городских трущоб, Соединенные Штаты начали наконец долгожданные переговоры о независимости Микронезии, выставив ряд требований. Одним из требований было принятие Микронезией американской "защиты" от иностранных вторжений; это означало, что мы можем строить крупные военные базы для размещения бомбардировщиков B-52 и ядерных подлодок Трайдент. Микронезийцы всячески сопротивляются этим планам.

Наибольшее сопротивление оказал микронезийский штат Белау, где США предполагают расположить военные базы на одной трети всей территории штата. После шока Второй мировой войны население Белау не хочет никакого военного присутствия, а, в особенности ядерного. 90% населения проголосовали за антиядерную конституцию на референдуме 1979 года. США отвергли результаты голосования и потребовали проведения другого референдума, который дал те же результаты. Они тоже были отвергнуты.

Несколькими годами спустя президент Белау, лидер антиядерного движения, был убит при загадочных обстоятельствах и замещен президентом, поддерживающим ядерное оружие. Люди на Белау убеждены, что это работа ЦРУ — и я тоже так думаю.

Сегодня ситуация зашла в тупик, и стратегия США изменилась. Островитянам предлагают большие взятки, обещают обширную финансовую помощь, дороги, американские дома, рабочие места, экономический рост и медицинское обслуживание. США рассчитывают также на внутренние трения. С течением времени, по мере смены поколений и ослабления власти вождей, а также уничтожения традиционной культуры, сопротивление островитян ослабляется.

С другой стороны, остров Белау получает большую моральную поддержку со стороны Движения за безъядерный Тихий океан. В него входят о-ва Вануату, Кирибати, Северные Марианы, Соломоновы острова, Маршалловы острова и Новая Зеландия, а также движение коренного населения Гавайских островов. Данный неформальный альянс ежегодно уточняет стратегию борьбы против вмешательства мировых держав. В ответ рейгановская администрация разработала своего рода тихоокеанскую доктрину Монро, по которой американцы имеют право вмешиваться во все дела островных республик. Президент Буш поддерживает эту доктрину.

Австралия и Новая Зеландия

Среди аборигенного населения Австралии и Новой Зеландии в настоящее время возрождается движение за сохранение традиционной культуры, возникшее в результате сопротивления добыче полезных ископаемых на аборигенных землях.

Новозеландские маори находятся в лучшем положении, чем аборигены Австралии, т.к. представляют 10% населения страны, хорошо организованы и имеют договоры с провительством, гарантирующие им права на землю. У маори также есть опыт организованного сопротивления, поскольку они отражали нашествие европейцев в 1800-х годах.

Опыт маори подобен опыту американских индейцев. Большая часть земли была ими утеряна в результате "легальных" ухищрений, созданных для отлучения их от коллективной собственности на землю. В 1872 году министр юстиции Новой Зеландии признал, что целью Акта об аборигенных землях было "разрушение принципа коллективизма, который был препятствием на пути вовлечения маори в нашу социальную систему". С 1890 по 1920 гг. владения маори сократились с 11 млн до 2 млн акров.

Активизм маори возродился в 1960-х. В книге Джулиана Берджера *Репортаж с границы* говорится, что "маори боялись, что добыча полезных ископаемых уничтожит рыбные запасы, нарушит их образ жизни, ухудшит экологию и осквернит их святилища. Они хорошо понимали, что добывающие компании заинтересованы только в прибылях". После установления связей с антиядерным и рабочим движением политическая и экономическая ситуация маори стала улучшаться.

• • •

Аборигенов Австралии насчитывается около 200 000 чел (при 10 млн населения). На протяжении всей истории колонизации Австралии они подвергались жестокому обращению со стороны белых и переселялись в самые малопригодные для жизни части австралийской пустыни (резервации, созданные еще миссионерами). До сих пор положение аборигенов остается ужасным. Большая часть их живет на окраине больших городов, без работы, медицинской помощи, в полуголодном, нищенском состоянии.

Обнаружение бокситов, марганца, нефти, газа и урана на аборигенных землях, ранее считавшихся ни к чему не пригодными, дает аборигенам некоторый шанс. Однако по религиозным соображениям они резко отрицательно настроены к любой добыче ископаемых; аборигены говорят, что такая добыча нарушает их древнюю "песенную линию", благодаря которой они устанавливают духовную связь с землей и космосом.

Недавно их поддержали антиядерные группы, а также белые либералы, выступившие против несправедливых условий лизинга аборигенных земель добывающими компаниями. Имея такую поддержку, руководство аборигенов воспрянуло духом и даже стало на путь гражданского неповиновения, в общем, противоречащему их исторической пассивности.

Япония

В 1980 году японское правительство объявило, что "в Японии нет меньшинств", тем самым освободив себя от необходимости соблюдать правила ООН в отношении свободы языка и религии меньшинств. После этого премьер-министр Ясухиро Накасоне добавил, что причина низкого уровня образования в США состоит в том, что негритянское и латиноамериканское население тянет его вниз. Это заявление вызвало большой скандал в Соединенных Штатах, после чего Накасоне пришлось извиниться. Свое возмущение высказали и национальные меньшинства в Японии, существование которых не признается правительством.

Меньшинства в Японии включают обитателей острова Окинава, иммигрантов с Филиппин, китайцев и корейцев — все они подвергаются значительной дискриминации. Существуют также два коренных меньшинства, чувствующих себя не намного лучше, чем иммигранты. Это "каста неприкасаемых", народ бураку. Почти неизвестная за пределами Японии, эта группа составляет 3% населения. Дискриминация в отношении буракуминов началась во времена самураев, когда их нанимали как мясников и кожевенников в обществе с религиозными запретами на использование плоти. Несмотря на новые антидискриминационные законы, буракумины до сих пор не могут жить за пределами своего гетто в Осаке, Киото и Токио, не могут получить высшее образование, устроиться на работу или заключить брак за пределами своей касты.

Особый интерес вызывает аину, коренное население японских островов. Аину насчитывают сейчас около 50 000 человек и проживают в северной части острова Хоккайдо. Их культура и история близки к таковым у американских индейцев: тотемная религия, в которой медведи, совы и другие животные считаются священными; родословная ведется по материнской линии; традиционная экономика основана на охоте, собирательстве и рыбной ловле. Такой образ жизни они вели на протяжении 4000 лет до того момента, как на их острова пришли завоеватели из Центральной Азии. К семнадцатому веку в результате кровавых войн аину были вынуждены покинуть все острова за исключением Хоккайдо, где они в течение нескольких сот лет каким-то чудом сохраняли свой традиционный уклад жизни. В 1899 году, однако, появился Закон о защите аборигенов Хоккайдо. Как и другие подобные законы с похожим названием в США, Канаде, Австралии и других местах, этот закон защищал кого-угодно, только не аборигенов. Принятый без всякого участия аину, закон поставил вне закона традиционную охоту, ловлю лосося и даже собирание хвороста. Он предлагал аину индивидуально отведенные участки — еще один удар по коллективной культуре землепользования — и потребовал, чтобы аину стали фермерами. Если отводимая земля не использовалась для фермерства, она отбиралась.

Поскольку закон полностью разрушил экономику, культуру и религию аину, они разбрелись по всей стране и оказались в полной социальной изоляции, продолжающейся по сей день. "Аину дискриминируют по одному только виду, — говорит активистка аину Миеко Чиккап. — Формально мы — граждане Японии, но у нас нет никаких прав".

Новое поколение молодых аину намерено восстановить свои культурные права и землю, а также потребовать уважения к их народу. В 1988 году Чиккап вызвала боль-

шой резонанс в политике, выиграв судовой иск против известного японского антрополога и издателя. В иске говорилось, что фотографии раскопанных могил аину, предметов быта аину, народа аину и самой Чиккап, были опубликованы без разрешения. "Никто никогда не осмелился бы раскопать японские могилы и сфотографировать их", — сказала мне Чиккап. Она была в особенности возмущена, когда автор назвал аину "мертвой культурой", приравняв современных аину к предметам старины или необычным экспонатам. "Наша жизнь, наши культурные практики, наши ритуалы, танцы, вышивка — все свидетельствует о том, что мы живы. Он подумал, что мое фото можно печатать без моего разрешения, ведь я только аину, а у аину нет прав". Чиккап получила поддержку адвоката, которому за небольшое вознаграждение удалось достичь великолепной договоренности: издатель принес письменное извинение народу аину и выплатил денежную компенсацию, которая пошла на поддержку образовательных и культурных мероприятий аину — довольно необычный жест в Японии.

Информация о победе Чиккап была опубликована на первых полосах газет. Это помогло аину сплотиться для новых совместных действий за свои права. В настоящий момент они хотят подать иски с требованиями возвратить им обещанные в 1899 году земли. Они также против сооружения новой плотины на Хоккайдо, угрожающей затопить земли; против запрета на ловлю лосося.

Чтобы преодолеть дискриминацию, аину стараются ввести образовательные курсы на своем языке в школах и курс по культуре аину в университетах.

Под эгидой Всемирного совета церквей создана новая коалиция, объединившая коренные народы аину, буракуминов, островитян Окинавы и иммигрантов.

Индонезия и Филиппины

Индонезия и Филиппины представляют собой амальгаму из сотен различных аборигенных культур, говорящих на сотнях языков, разбросанных на тысячах островов, и не имеющих никакого резона входить в федерацию, разве что для удобства колониальной администрации. Объединение всех этих разнородных наций в одну политическую единицу оказалось удобным для проведения общей военной и торговой политики.

Обычно "даруя" независимость, колониальные державы выбирали *одну* культурную или национальную группу, руководствуясь некоторыми сомнительными критериями. Например, в Индонезии голландцы выбрали население о-ва Ява в качестве доминирующей политической силы. На Филиппинах американцами был выбран "филиппинский" народ. Сейчас мы имеем т.н. "индонезийский и филиппинский народы", хотя такие "народы" не существовали и впомине.

Результат такого насильственного объединения один: война. И в Индонезии, и на Филиппинах, аборигенные народы, стремящиеся сохранить свою идентичность и автономию, десятилетиями вовлечены в кровавую войну с доминирующим государством-нацией.

• • •

В индонезийском государстве проживают 2 млн человек, представляющие более 100 отдельных аборигенных наций. На Молуккских о-вах, на Калимантане, Восточном

Тиморе, Западной Папуа огромные массы людей вынуждены подчиняться западным моделям развития, разработанным центральным правительством на Яве и финансируемым международными банкирами.

Как уже указывалось, самая горячая точка сейчас — это Ириан Джайя (Западная Папуа), территория Новой Гвинеи. Здесь проживает 1 млн аборигенов, представляющих десятки различных наций. Многие из этих наций, еще двадцать лет назад не имевшие никакого контакта с внешним миром, вынуждены вести войну с правительством Индонезии, проводящем политику трансмиграции. Правительство предлагает жителям Явы свободную землю, техническую помощь и денежные выплаты, если они переедут в Ириан Джайя и займутся вырубкой тропического леса или добычей ископаемых. К 1990 году с острова Ява выехало уже более четверти миллиона семей.

Индонезийское правительство рассматривает трансмиграцию как выгодную политику, т.к. она разгружает перенаселененную Яву, обеспечивает дешевую рабочую силу и оказывает давление на аборигенов Ириан Джайи. Новая Гванея, богатая нефтью, медью, никелем, кобальтом, оловом, серебром, молибденом и золотом, в особенности притягивает такие мультинациональные корпорации, как Шелл, Коноко, Таксако, Тотад и Шеврон. Международный валютный фонд и Мировой банк стелют гладкую дорожку для них, побуждая Индонезию вырубать тропические леса (на деньги банка) и превращать Ириан Джайю в строительную площадку.

Джулиан Берджер пишет в книге *Репортаж с границы* : "Есть юридические основания говорить о геноциде по отношению ко многим народам — майя в Гватемале, ахе в Парагвае, чакма в Бангладеш — но даже по сравнению с ними, уничтожение народа Западной Папуа [Ириан Джайи] чудовищно... Колониальное вторжение Америки и Австралии возрождается [сегодня] в Западной Папуа".

Политика экономического развития Западного Папуа вынудила тысячи аборигенов искать относительное убежище в Папуа, Новой Гвинее, хотя десятки тысяч остаются и ведут полномасштабную войну. Сопротивление аборигенов, которых насчитывается до 20 000, не может, конечно, сравниться с огромной индонезийской армией, снабжаемой американскими вертолетами и современным оружием. Несмотря на то, что пресса продолжает представлять эту войну как "гражданскую", это не гражданская война. Более точное определение ей — кровавая резня, начатая в результате внешнего вторжения от имени чуждой модели "развития".

• • •

На Филиппинах пятьдесят "меньшинств" насчитывают около 6,5 млн человек (общее население 16 млн). Большинство из них живет в лесном районе Кордиллера северной части о-ва Лузона — это народы иснег, каинга, бонток, ифугао и ибалой; на самом южном о-ва Минданао живут маранао, якан, таусаг и бангса моро. Остальная часть населения — это потомки выходцев из Испании. *Именно они* и есть "филиппинцы".

Во время испанского правления с 1512 по 1896 гг, индейские племена не подвергались большому притеснению. Но после испано-американской войны США издали законы об "отчуждении собственности" в пользу государства (eminent domain), подчи-

нив коллективные земли аборигенов филиппинским и американским плантаторам; последние были заинтересованы, прежде всего, в выращивании сахарного тростника, ананасов и бананов; как и на Гавайях, здесь появились американские корпорации Дель Монте, Кэсл и Кук, и Юнайтед Фрут. Под давлением корпораций коренные народы были вынуждены переселиться на крайние северные или южные оконечности острова, либо пошли во услужение плантаторам, как это произошло на Гавайях.

В 1960-х гг. правительство Филиппин во главе с Фердинандом Маркосом провозгласило, что все лесные угодья отныне становятся "общественной собственностью" ... и приступило к вырубке. Одна треть лесов на Филиппинах уже вырублена и вывезена в Соединенные Штаты и Японию; в результате проживающие в лесах коренные народы остались бездомными.

Только один контракт с корпорацией Cellophil заставил переселиться 150000 аборигенов. Еще большие разрушения вызовет сооружение 31 плотины, финансируемое Мировым банком и Банком развития Азии; в результате земли 1,5 млн коренных жителей окажутся под водой. Учитывая эту ситуацию, не удивительно, что коренные народы отвечают вооруженным сопротивлением.

Несколько другая ситуация существует на юге, на острове Минданао, где племя бангса моро, насчитывающее более 2 млн человек, противостоит военному вторжению, начатому Маркосом в 1972 году. Около 100 000 людей погибло в результате двадцатилетней войны, которую пресса окрестила "гражданской", хотя ее правильнее называть "отпором агрессии". Народ бангса моро никогда не рассматривал себя частью Филиппин. Им удавалось сохранить свой суверенитет на протяжении всей своей истории. Когда пресса называет это "гражданской войной", она пристегивает народ бангса моро к Филиппинам.

С избранием Корасон Акино появилась некоторая надежда на проведение переговоров с коренными жителями. Но эта надежда сразу же умерла после того, как крупные землевладельцы и военные блокировали все действия Акино, не позволив ей изменить ситуацию в стране.

АЗИЯ

Широта и глубина проблем коренных народов Азии настолько велики, что обстоятельное обсуждение ситуации в Индии или Бирме, или Китае, или Советском Союзе потребовало бы написания отдельной книги. Поэтому я вынужден ограничиться лишь некоторыми регионами и привести несколько цифр.

Согласно Minority Rights Group (Группа по защите прав меньшинств) и Cultural Survival, азиатский континент населяют 200 млн коренных жителей, разделенных на несколько тысяч лингвистических и национальных групп. (Я включил Индонезию и Филиппины в этот список, хотя они уже обсуждались).

Страна	Коренное население
Афганистан	Около 10 млн, включая 6,7 млн народа патан 3 млн кучи (70% всего населения).
Бангладеш	1,5 млн
Бирма	Около 11 млн (30% всего населения)
Китай	67 млн, 55 племен
Восточная Малайзия	500 000 чел (50% всего населения)
Индия	51 млн, 200 племен
Индонезия	1,5 млн
Полуостров Малайзия	71 000
Пакистан	2,5 млн
Филиппины	6,5 млн
Советский Союз	29 млн (неевропейские народы), включая 22 млн тюркских народов, 6 млн казахов, 1 млн эскимосов и др. арктических народов
Шри-Ланка	2000
Тайвань	310 000, 10 племен
Тайланд	500 000, 6 племен
Вьетнам	1 млн

Сюда не включены 15 млн курдов из-за уникальности их положения. Будучи когда-то единой нацией, в результате военного подчинения они оказались разделенными между пятью государствами: Советской Арменией, Турцией, Сирией, Ираном и Ираком, причем ни одна из них не желает признавать их как отдельную нацию. Так, в 1988 году правительство Ирака отравило газом целую деревню курдов. Совсем недавно около 1 млн курдов оставили свои дома, чтобы спастись от ударов иракских военных, но встретили лишь циничное безразличие мировых держав.

Индия

В статье о племени нагов в Индии лондонская Minority Rights Group задает вопрос: "Что такое Индия?" и отвечает: "В Индии никогда не было характерного для европейских стран единства — физического, политического, социального или религиозного; нет такого понятия как "индийская нация" или "индийский народ".

До получения независимости Индия представляла собой комбинацию административных "единиц" — бумажный продукт английских колониальных управ. На самом же деле, "Индия" — это дикая амальгама из 200 коренных наций и большого количества религиозных и политических меньшинств. Одно из желаний Махатмы Ганди (с которым я, впрочем, не согласен) заключалось в попытке удержать это фиктивное единство, несмотря на непрерывные и естественные стремления этих групп разойтись. Мусульманскому лидеру Мухаммеду Али Джине удалось создать отдельное мусульманское государство Пакистан; сикхи пытались сделать то же самое, но до сих пор им удалось лишь вызывать жестокие кровопролития в северных регионах. Партии Справедливости также не удалось организовать отдельное государство дравидов на юге.

Но в отдаленных землях нагов, на северо-востоке Индии, где около полумиллиона людей проживают в недоступной скалистой местности Ассам, им удалось сохранить определенную степень автономии.

Создается такое впечатление, что англичане не знали, что делать с этой территорией — отнесли ли ее к Бирме или Индии. В конце концов, они внесли ее в список. Но как только британцы попытались войти в горы нагов, они встретили яростное сопротивление. В конце концов, попытки физически овладеть территорией прекратились.

От Ганди и Джинны наги получили заверения, что их суверенитет будет уважаться, и в 1947 году провозгласили себя независимой нацией. Однако Джавахарлал Неру думал по-другому. Он настоял на том, чтобы у нагов была "автономия" только в рамках провинции Ассам. Это привело к ряду столкновений между нагами и Индией. В настоящее время благодаря достигнутому компромиссу наги имеют свое независимое государство внутри провинции Ассам, однако номинально остаются частью Индии.

Вьетнам

Индокитайский полуостров — традиционный дом для 50 коренных народов, таких как чам и кхмеры, и 800 000 горных монтаньяров, в которые входят нунг, белые таи, черные таи, тхо, муонг, йао и мео. Монтаньяры, родословная которых начинается с бронзового века, искусные агрономы, обладающие знаниями сложных ирригационных систем для выращивания риса на крутых горных террасах.

В девятнадцатом веке на полуостров пришли французские колонисты, обещавшие племенам сохранить их земли и образ жизни. Однако после женевской конвенции 1954 года и образования Южного Вьетнама диктатор Нго Дин Дьем решил объединить все коренные народы в одну вьетнамскую культуру. Согласно отчету Minority Rights Group политика Дьема "означала медленное и систематическое разрушение образа жизни монтаньяров и их культурной идентичности... Монтаньяров согнали с земли предков, а собственность отняли... их язык, а также обучение на нем, были запрещены"; также запрещено было носить прическу монтаньяров.

Несмотря на такое к себе отношение, монтаньяры сражались на стороне южновьетнамской и американской армии во вьетнамской войне, а после войны бежали в Соединенные Штаты. В настоящее время они пытаются воссоздать свои сельскохозяйственные общины в калифорнийской Сентрал Вэллей, где сталкиваются на сей раз с американским расизмом.

Бирма

Читая в сегодняшних американских газетах о политических волнениях в Бирме[76], мы не находим ни одной строчки о том, что политическое сопротивление грубой военной диктатуре в течение последних трех десятилетий возглавляет племя каренов. Во время правления британцев именно карены настаивали на суверенитете. Британцы, тем временем, соорудили "Бирму", еще одну фиктивную страну, собранную, по крайней мере, из одиннадцати отдельных наций, управляемых в настоящее время племенем бирманцев. Диктатор генерал Не Вин ввел новую конституцию, в которой не признаются

[76] В настоящее время официальное название страны Мьянма.— *Прим. перев.*

права других народов. Тогда шесть миллионов каренов создали армию в 20 000 человек и политическую организацию со своим премьер-министром и комитетом старейшин. В 1976 годуг карены и восемь других крупных племен попытались учредить новую федерацию, которая предоставляла социальную и культурную автономию всем коренным народам. Этой коалиции удалось выиграть выборы 1990 году, но к настоящему моменту военные не ослабили свой контроль и по-прежнему держат лидеров оппозиции под домашним арестом.

Советский Союз

В настоящее время в западной прессе много говорится об "этнических меньшинствах" России — не столько из-за ревностного преклонения перед правами меньшинств, сколько ввиду распада коммунистического правления. Поэтому я позволю себе лишь вкратце остановиться на нескольких фактах, которые не отмечаются в прессе. В дополнение в литовцам, эстонцам, латышам, армянам, украинцам и грузинам, которые постоянно присутствуют в новостях, есть еще 22 млн тюркского народа в Центральной Азии, около 6 млн казахов, живущих вблизи китайской границы, курдов, прилегающих к границам Ирана, Ирака и Сирии, и огромное множество народов за арктическим поясом, включая эскимосов и номадических чукчей-оленеводов, родственники которых живут в Скандинавии.

Политика в отношении северных народов Советского Союза, хотя и не называлась официально "трансмиграцией", по-сути, означала то же самое. Сотни тысяч русских переехали на север для работы на предприятиях по добыче никеля, олова, меди, угля, железа и нефти, природного газа, золота и алмазов. И хотя эта политика проводилась без насилия, с сохранением определенных культурных традиций меньшинств в большей степени, чем в других странах, коренные народы со временем стали испытывать все большие трудности по сохранению своей автономии[77].

Китай и Тибет

В настоящее время в границах Китая существует официально 55 признанных "национальных меньшинств" (то, что мы называем коренными нациями). Они представляют приблизительно 7% общего населения, т.е. около 67 млн человек. В эту цифру входят жуанг (10 млн), хоуи (6 млн), уигар (5 млн), миао (4 млн) и тибетцы (около 4 млн). Некоторые "меньшинства" вели кровавые войны против доминирования Китая. За последние 200 лет тюркские народы восставали, по крайней мере, тридцать раз против правления китайцев-хан. Наибольшее сопротивление в настоящее время оказывают народы Тибета.

У многих "меньшинств" Китая было славное прошлое, в особенности у монголов, империя которых в тринадцатом веке достигала Европы; возраст цивилизации тибетцев насчитывает, по крайней мере, две тысячи лет; сами тибетцы во всем мире считаются самым утонченным народом в психологическом, социальном, духовном и художественном отношениях.

---

[77] Для более подробного ознакомления с положением коренных народов в России см., например, книгу Ч.М. Таксами, В.Ф. Левченко, С.А. Черникова, Д.А. Славинский "Проблемы развития коренных народов Севера" Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2003. — *Прим. перев.*

Со временем китайская политика значительно изменилась, в особенности после коммунистической революции. Сражавшиеся с Чан-кай-ши коммунисты обещали монголам, тибетцам и тюркским народам полную автономию. Но придя к власти, они изменили свою позицию: в регионах был введен режим, принуждавший "меньшинства" подчиняться центральным экономическим и культурным директивам.

В определенные периоды истории "меньшинства" подвергались прямому насилию. В 1950-х гг. народ восточного Туркестана, исповедовавший мусульманство и совершенно не похожий на китайцев, оказался перед угрозой насильственной ассимиляции. Согласно *Репортажу с границы* Джулиана Берджера около 360 000 человек были казнены и полтора миллиона посланы в трудовые лагеря. Затем китайцы-хан переселились в Туркестан и заставили коренное население (теперь уже "меньшинство") добывать уран, уголь и нефть.

Сегодня самые известные конфликты происходят в Тибете. Тибет оккупирован в 1950 году китайской армией после многих попыток получить независимость. С тех пор свыше миллиона тибетцев погибло в борьбе с оккупантами. Чтобы подавить великую тибетскую культуру, китайцы разрушили более 6000 монастырей, сохранявших большую часть национального тибетского искусства, религиозные артефакты и книги.

По данным Джона Аведона, автора книги *Тибет сегодня*, 60% тибетской философской, исторической и биографической литературы было сожжено, каждый десятый тибетец попал в тюрьму, а две трети тибетской территории захвачены Китаем. Только небольшие части центрального и восточного Тибета входят сегодня в т.н. Тибетскую автономную область. В настоящее время более 100 000 тибетцев находятся в ссылке, еще 100 000 помещены в трудовые лагеря; и более 250 000 китайских солдат расположены на тибетском плато. Тибетцам отказано в свободе передвижения, у них недостаточное образование и медицинское обслуживание, они вынуждены работать по 14 часов в сутки и посещать собрания по "перевоспитанию". Кроме того, целые лесные массивы были уничтожены, а вместе с ними уникальный животный мир Тибета, включая стада газелей, дикого осла, диких уток. "Короче, цивилизация, возраст которой 21000 лет, была практически уничтожена менее чем за двадцать лет", — говорит Аведон.

Вероятно, самой изуверской является политика трансмиграции, т.е. перевода тибетского народа в разряд "меньшинства". Около 7,5 миллионов китайцев (главным образом хан) перевезены в Тибет, где они превышают коренное население на 6 млн человек. Согласно Аведону, "Манипулирование населением — это тот метод, с помощью которого КНР борется с оппозицией. В Манжурии число китайцев и коренных жителей соотносится как 35/1, в Монголии 5/1. В Восточном Туркестане, или Синкьяне, сейчас находится 15 млн китайцев, что в два раза превышает коренное население... Через пять лет в Тибете начнется необратимый процесс уничтожения коренной культуры. Китай срочно создает инфраструктуру для массовой миграции своего населения".

Это плохая новость. Хорошая новость в том, что американцы и европейцы оказывают помощь коренному народу. Это можно объяснить интересом западных людей к тибетскому буддизму, активной позицией таких групп как Humanitas и Amnesty International, и колоссального влияния лауреата нобелевской премии Далай Ламы, путешествующего по миру с лекциями. "Борьба тибетского народа — это борьба за наше неотъемлемое право решать свою судьбу... борьба за выживание народа и нации... Будущий свободный Тибет будет помогать всем нуждающимся в мире, будет оберегать природу и выступать за мир", — сказал тибетский лидер.

20

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ (2): КАНАДА, ЕВРОПА, АФРИКА, ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

КАНАДА

Сегодня канадская пресса взахлеб говорит об "огромном финансовом вознаграждении", которое получили эскимосы (инуиты), народы дин и мейтис Северных Территорий в качестве компенсации за свои "земельные иски". Хотя канадские "компенсации" несколько отличаются от американских (здесь не вмешиваются корпорации), результат один и тот же. Пресса превозносит щедрость правительства, а индейцы объявляются богачами. И то и другое ложь. В результате этой сделки индейцы теряют всякое право на обладание землей, в то время как нефтяные и газовые компании получают легальный и свободный доступ к своим разработкам.

Переговоры велись сначала с инуитами, динами и метисами, выразившими желание контролировать компании на своей территории. Индейцы хотели подтвердить свое право на обладание Северными Территориями, где они жили тысячелетиями. Они хотели, чтобы Канада установила две новые автономные провинции — Денендех и Нунавур, и предоставила им самоуправление и полный контроль над ресурсами (см. главу 6).

Однако канадское правительство боится, что, имея права на землю, коренное население будет продолжать заниматься охотой и рыбной ловлей вместо того, чтобы приспосабливаться к экономическому росту. Но когда судебные слушания подтвердили право индейцев на землю, правительство предложило компромисс. В конце концов, на компромисс пошли коренные жители, а не Канада.

Коренным жителям предложили четыре отдельных соглашения, в которых подтверждалось их право на обладание 660 000 км^2 внутри Северных Территорий, а также денежное вознаграждение 1, 5 млрд долл. Казалось бы, это довольно много, однако при подписании договоров стало ясно, что коренным жителям придется безвозвратно уступить 80% земли.

Кроме того, коренным жителям предоставляется меньше самоуправления. Единственной брошенной костью были обещания "равного участия" в комитетах по управ-

лению ресурсами и экономическом развитии. Эти комитеты должны включать представителей канадского правительства, территориальное правительство и владельцев земли. Коренные жители также могли получать часть прибыли от добычи нефти и газа. (Исключением были инуиты восточного арктического региона, которым пообещали некоторое самоуправление).

Что касается 1,5 млрд денежного вознаграждения, то оно попало не совсем к коренным жителям. По договору деньги должны выплачиваться частями на протяжении пятнадцати лет, с особых государственных счетов. Деньги будут делиться в зависимости от *прибыли* от проектов, в которых должны участвовать племена, конечно, с одобрения правительства.

Итак, вместо обещанного "финансового клада" коренные жители Севера в итоге теряют большую часть своих законных земель, суверенитет; кроме того, допускают на свою территорию индустрию, которая наносит серьезный урон традиционной экономике, природе и культуре.

• • •

В других местах Канады также возникают конфликты. По договору Мич-Лэйк провинция Квебек должна была получить "особый статус" ввиду своей культуры и языка. Этот договор, однако, был блокирован, когда несколько индейских групп, в частности из провинции Манитоба, потребовали такого же "особого статуса". В результате был сорван процесс нахождения консенсуса.

Индейцев критиковали за то, что их действия могут привести к окончательной потере Квебека. Но один из аборигенных лидеров, в интервью Канадской радиовещательной корпорации сказал: "Они рады предоставить особый статус Квебеку, учитывая его уникальную культуру и язык, но наша культура, язык и история старше квебекской на тысячи лет. Мы стремились к особому статусу с тех пор, как нас завоевали. Почему мы должны сейчас соглашаться с суверенитетом Квебека, если не признается наш суверенитет?"

Успешное блокирование договора Мич-Лэйк послужило примером для индейцев мохок, которые решили провести акцию протеста в окрестностях Монреаля в 1990 году. Когда в пригороде Монреаля стали расширять поле для гольфа за счет земли мохок, индейцы заблокировали проезд на важном мосту, что привело к задержкам транспорта на несколько месяцев и активизации канадской армии. В настоящее время ситуация по-прежнему тупиковая.

Тем временем другие индейцы мохок начали сложную борьбу против произвольного разделения нации на две резервации — американскую Аквесасне и канадскую Сен-Режи. Такое разделение единого народа совершенно недопустимо.

Конфликт возник в 1989 году после того, как правительство резервации Аквесасне ввело игровые дома казино. Это привело к расколу среди мохок, поскольку некоторые индейцы не захотели видеть пришельцев в своей резервации. Конфликт вскоре перебросился через границу на канадскую сторону, в него стали вовлекаться родственники. Дело усложнилось еще и тем, что казино находились в частной собственности.

Поскольку прибыль была велика, владельцы наняли охрану. Вскоре произошли серьезные столкновения; в них приняли участие полиция штата Нью-Йорк, ФБР, канадская горная полиция и другие агентства. Возникла всеобщая враждебность и неразбериха — типичная ситуация, когда традиционное правительство попирается оккупационными властями.

Проживавшая ранее в Аквесасне, Кан-Тинета Хорн доказывала в газете *Toronto Globe and Mail*, что вина за столкновения лежит на "юридических системах, которые не только отличаются между собой, но и чужды коренной традиции". Она указала на то, что в прошлом подобные проблемы разрешались только, когда коренные жители отказывались от чуждой юридической системы и возвращались к "политическим и социальным институтам Ирокезской Конфедерации". Хорн указала, что "традиционному способу разрешения конфликтов не дают возможности проявить себя. Его влияние растет, но внешнее вмешательство в нашу жизнь не прекращается. Канадское и американское правительства по-прежнему навязывают нам свои законы и марионеточные правительства, игнорируя традиционные формы правления ирокезов... Решение проблемы надо искать в объединении большой семьи племени мохок, и пусть они сами договариваются между собой".

ЕВРОПА

Считается, что в Европе нет коренных наций, хотя в газетах мелькают репортажи о баскских сепаратистах во Франции и Испании или сербах, хорватах и словенцах в Югославии, или саами в Скандинавии, или бретонцах во Франции, или фризах в северной Европе. Все они характеризуются как "этнические меньшинства". История этих народов, однако, насчитывает тысячи лет. Фризы, например, во времена Христа занимали все северное побережье Европы, но в настоящее время проживают в Голландии, Бельгии и Германии. Мало кто знает, что английский язык лингвистически ближе всего к фризскому, чем к какому-нибудь другому языку. Или что в 1782 году Фризландия была первой европейской нацией, официально признавшая Соединенные Штаты Америки.

В особенности интересна ситуация с народом саами (лапландцы), также разделенном между несколькими государствами: 35 000 живут в Норвегии, 17000 в Швеции, 4000 в Финляндии и 2000 в Советском Союзе. Несмотря на такое разделение, их культура, исторические корни и экономические практики по-прежнему живы.

Выходец из Кавказа, народ саами кочевал по северным территориям на протяжении 5000 лет, занимаясь оленеводством и земледелием. Внешнего вмешательства удавалось избегать благодаря проживанию в довольно суровом климате. Но сегодняшняя нехватка ресурсов для индустриальной машины, а также радиоактивные осадки Чернобыля угрожают самому существованию народа саами.

В статье журнала *Whole Earth Review* журналист Йон Стюарт так характеризует ситуацию саами:

Народ саами нельзя отделить от земли, которая на протяжении веков давала пастбища для оленей; по-прежнему земля занимает центральное место в их культуре и экономической жизни. Несмотря на ряд договоров, заключенных за последних 200 лет и гарантирующих суверенитет саами, сегодня их ресурсы притягивают центральные власти как никогда. Самый ценный ресурс из всех — это вода, необходимая для электростанций, и именно из-за нее саами вступают в беспрецедентную политическую борьбу.

В северной Скандинавии сооружено уже более 100 диверсификационных гидросхем, затопивших долины саами. Главная борьба сегодня развернулась вокруг запланированной плотины Альта-Каутокейно, которая погубит долину и проживающих в ней 30 000 оленей. В 1978 году к саами присоединились 8 000 некоренных жителей, в течение 104 дней блокировавших строительство. Протестующие столкнулись с редко встречаемой в скандинавских странах жестокостью полиции. Негодование населения по поводу действий полиции, а также поддержка со стороны "зеленых", привели к тому, что строительство плотины затормозилось, а саами стали более политически сознательными. По словам молодого лидера саами Андре Гупа, "Если мы хотим иметь будущее, мы должны сами контролировать свою жизнь и свою землю. Но колонизаторы так долго стояли на наших ногах, что когда мы пытаемся их убрать, они злятся".

В 1986 году саами подверглись неожиданному и жестокому удару, пришедшему из Чернобыля. Радиоактивные облака прошли непосредственно над Лапландией, оставив после себя зараженную тундру. Большую часть оленей, спасенных блокированием плотины, пришлось убить, т.к. они ели радиоактивную траву.

Несмотря на тяжелые испытания, саами продолжают бороться за свой образ жизни и язык, за прекращение строительства гидростанций на севере. Они объединились с другими группами против вступления Норвегии в Европейское экономическое сообщество из-за опасения, что за этим последует экономическое давление. Тем временем, саами пытаются возродить популяцию северных оленей.

АФРИКА

Здесь мы встречаемся с парадоксом. За исключением Южной Африки и Намибии, после окончания колониального периода к власти в большинстве африканских стран пришло коренное население. Сами страны, однако, находятся внутри географических границ, которые больше удовлетворяют старую колониальную администрацию, чем сотни африканских племен.

Согласно Minority Rights Group, "почти все африканские государства созданы европейцами по географическому признаку; другими словами, они искусственны, не отвечают своей естественной истории, и являются продуктом договоренностей между европейскими странами. Из-за этого, почти везде возникают внутренние конфликты". Судан и Эфиопия могут служить хорошими примерами.

Судан

В Судане идет страшная война между народами южного Судана и народами севера, причем ранее эти народы никогда не входили в единую политическую структуру. Ответственными колониальными силами были египтяне и англичане, которые перемешали северные темнокожие хамито-семитские народы (арабы) с негроидными племенами юга. Это было насильственное смешение не только рас, но и экономик: традиционная экономика северных народов была основана на караванных торговых путях вдоль нильской долины, то время как южные народы жили в тропических лесах, или как, например, динки, были скотоводами-кочевниками.

Как всегда, виной всему была жадность колонистов. "Сырьем" в этом случае выступал народ — черные рабы. В 1800-х гг. египтяне заставляли арабов ловить негров и продавать их в рабство, что порождало взаимную ненависть, не утихнувшую до наших дней. Ситуацию еще больше осложнили христианские миссионеры из Англии, разделив южные регионы между католиками, англиканами и пресвитерианцами, и создав новое противостояние. Когда Египет получил независимость в 1957 году и была создана новая фиктивная "суданская" нация для объединения всех разделенных частей, к власти на севере страны пришли военные генералы. За этим последовали перевороты, хотя север так и остался в руках у военных.

Эфиопия

В 1941 году, после пятидесяти лет оккупации, итальянские колонисты передали власть народу амхарик (меньшинству), сначала возглавляемого Менеликом II, а затем Хайли Селасси. Несмотря на то, что племя амхарик составляет всего 15% населения Эфиопии, они силой заняли все государственные посты. В то же время, составляющий более 50% населения народ оромо, не может говорить на своем языке в школах или в общественных местах и вынужден служить в армии против своей воли. К другим племенам Эфиопии относятся племя пастухов сомали, которые, естественно, должны были бы входить в государство Сомали, а также эритрейцы и тиграяны. Все эти группы по одиночке или сообща ведут войну против правителей-амхарик.

Сахель

В отличие от старого колониализма с его грубым военным вмешательством, неоколониализм достигает тех же результатов с помощью экономического давления.

До последнего времени Сахель, тонкая полоска полупустынной земли в Центральной Африке, протянувшаяся от Сенегала через Мали, Верхнюю Вольту, Нигер и Нигерию, находилась под французским протекторатом. Во многих отношениях доминирование Запада сохраняется. Сахель — это дом для 14 млн номадических пастухов, в основном берберов. Они постоянно мигрируют в зависимости от времени года, дождей и наличия растительности в пустыне. Их образ жизни не менялся в течение тысячелетий, однако вот уж несколько десятилетий их жизнь находится под угрозой из-за засухи и недальновидной экономической политики правительства, Международного валютного фонда и Мирового банка.

Джулиан Берджер в книге *Репортаж с границы* пишет: "Образ жизни кочевников приспособлен к жизни в саванне... Взаимодействуя с местными фермерами, пастухи могут выживать в условиях засухи и голода. Образ жизни пастухов нельзя считать неэффективным или примитивным способом производства [о чем твердят западные банкиры]; на самом деле, он оказывается самой эффективной системой для выживания, и даже процветания, в условиях пустыни".

В отчете Minority Rights Group Патрик Марнэм описывает систему сложной кооперации между номадическими племенами, которая позволяет им свободно перемещаться по обширной территории. Кооперация с фермерами на окраинах пустыни позволяет кочевникам оставлять животных для размножения на фермерских землях, в обмен на еду. Однако эта система взаимной выгоды в настоящее время находится под угрозой из-за сельскохозяйственных западных моделей: масштабной ирригации, выращивания монокультур на экспорт, использования пестицидов и др. (Важно заметить, что управление водными ресурсами проводилось кочующими племенами с большим искусством; колодцы устраивались с определенными интервалами в пустыне, что позволяло сохранять ресурс и гибкость пользования).

В отчете описывается яркий пример западного подхода, а именно визит в 1976 году д-ра Генри Киссинджера: "Заглянув в Дакар, Киссинджер объявил о программе развития в 10 млрд долларов, чтобы 'свернуть пустыню'. Агентство USAID[78] проводило и более дорогие программы, но все они меркнут перед разрушительным потенциалом программы Киссинджера".

План Киссинджера предусматривал ирригацию и рекультивацию 2,1 млн акров пустыни, увеличение сельскохозяйственного продукта в четыре раза и удвоение дохода на душу населения Сахеля.

Согласно Minority Rights Group, "в плане не учитывается различия между целями кочевниками и оседлыми фермерами, каждый житель рассматривается как оседлый... В плане предусматривается усиленная индустриализация и урбанизация там, где не хватает даже дров для приготовления пищи...не говоря уже о радикальных переменах в образе жизни кочевников".

Южная Африка

Племена сан, а именно, бушмены и пигмеи, представляют собой коренное население современных государств Ботсваны и Южной Африки. Они убежали на север, после того, как в семнадцатом веке белые поселенцы насильно заняли их земли. Около 62 000 народа сан проживают сейчас в пустыне Калахари, занимающей территории Ботсваны, Намибии и Анголы; небольшая часть народа осталась в Южной Африке.

Уникальная культура этого народа описана в нескольких книгах. В частности, в книге Лоренса ван дер Поста *Затерянный мир Калахари* говорится о том, что у сан удивительный язык, в котором используются необычные щелчки. Они живут в небольших кочующих группах, перемещаясь на расстояние до 4000 миль; это эгалитарное общество, которому не известно понятие частной собственности.

---

[78] Американское агентство по международному экономическому развитию. — *Прим. перев.*

Недавно племена сан столкнулись с большой конкуренцией со стороны скотоводческих ферм, и многие из племени были вынуждены оставить свой кочевный образ жизни и наниматься на работу в деревни. Только в Ботсване власти попытались сохранить традиционную эгалитарную структуру жизни сан, пригласив их для участия в центральном правительстве. Сан, однако, уклонились от приглашения, боясь, что это может разрушить их традиции.

200 000 пигмеев, населяющих непроходимые тропические леса западной и центральной Африки, находятся под угрозой вымирания ввиду ускоренной вырубки лесов и расчистки места для кофейных плантаций.

В Заире, политика трансмиграции привела к тому, что тысячи пигмеев стали работать на плантациях. Такая политика уже повлияла на межплеменные отношения между пигмеями-кочевниками и жителями деревень банту. В течение 2000 лет пигмеи приносили продукты леса деревенским жителям банту в обмен на еду; в свою очередь банту представляли интересы пигмеев перед правительством и внешним миром. С исчезновением лесов пигмеи вынуждены уходить в отдаленные регионы или оставлять кочевный образ жизни и переходить к земледелию.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

В настоящее время в Центральной Америке (включая Мексику) проживают 13 млн индейцев, в Южной Америке — около 10 млн индейцев. Ниже приведен список распределения индейцев по странам, составленный лондонской Minority Rights Group.

Страна	Индейское население, чел.	% к общему населению
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА И МЕКСИКА		
Белиз	15 000	10
Коста-Рика	20 000	0,1
Эль-Сальвадор	960 000	20
Гватемала	3 600 000	50
Гондурас	250 000	7
Мексика	8 000 000	11
Никарагуа	135 000	5
Панама	200	5
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА И МЕКСИКА		
Аргентина	350 000	0,1
Боливия	4 000 000	66
Бразилия	200 000	0,1
Чили	1 000 000	9
Колумбия	300 000	1
Эквадор	1 070 000	1
Французская Гвиана	84 000	4
Гайана	30 000	4
Парагвай	100 000	3
Перу	242 000	39
Суринам	7 000	1
Венесуэла	150 000	1

Положение аборигенных народов в разных странах Латинской Америки различно. От спортивной охоты на индейцев в Колумбии (только недавно запрещенной) и полномасштабной войны между индейцами и не-индейцами, как, например, в Перу, Гватемале и Никарагуа, до экономического развития, разрушающего образ жизни аборигенов, как, например, в Амазонии, и некоторого цивилизационного интегрирования индейцев в странах Центральной и Южной Америки.

К сожалению, Соединенные Штаты часто играли главную роль в конфликтах и экономических проектах, направленных против индейцев. Мы были главными поставщиками правительств в этом регионе, далеких от идеи социальной справедливости.

Центральная Америка и Мексика

В большинстве стран Центральной Америки, включая Мексику, Коста-Рику, Гондурас и Эль-Сальвадор, индейцы во многих отношениях ассимилировались с населением этих стран, поэтому борьба за политические реформы и гражданские права во многом потеряла свой *индейский* статус, и приобрела *классовый* или *крестьянский* характер. В определенной степени индейским сообществам удалось сохранить свои культурные традиции, несмотря на навязаный им католицизм. Экономическое и политическое участие индейцев в жизни общества, однако, гораздо ниже, чем у не-индейцев.

В Панаме в настоящий момент идет борьба между индейскими племенами и интересами добывающих компаний (добывающих медь) за традиционные индейские земли. В Никарагуа и Гватемале (как и Перу) на протяжении десятилетий индейцы ведут войну за предоставление культурной и политической автономии; пресса же сводит все к "этническим конфликтам", или "терроризму", или "восстанию", в зависимости от политической конъюнктуры.

В Никарагуа сопротивление народов *мискито*, *сумо* и *рама* сандинистскому правительству (движение, которое соединилось с американскими контрас, несмотря на совершенно различные цели), в конце концов, привело к существенным уступкам в отношении региональной и культурной автономии для индейцев. Время покажет, сможет ли новое правительство Чаморро придерживаться договоренностей и предоставить индейским племенам самоуправление.

Гватемала

В Гватемале, однако, будущее индейцев представляется довольно мрачным. Потомки великого народа майя составляют большинство гватемальского населения, но попрежнему у власти выходцы из Испании. Майя страдают от низкого уровня жизни и притеснений со стороны правительства. Начиная с шестнадцатого века испанцы жестоко подавляли и убивали лидеров этой уникальной — в духовном и научном отношениях — мировой цивилизации, а затем захватили плодородные земли майя. За исключением недоступных частей страны, где некоторые общины майя сумели каким-то чудом сохранить свою традиционную экономику, большинство майя было вынуждено наниматься на работу к плантаторам.

Такое положение сохранялось до 1950-х гг., затем произошли некоторые улучшения в жизни индейцев. Для сохранения культуры и прав индейцев был создан Национальный институт индейской культуры, а также приняты земельные реформы, несмотря на сопротивление крупных землевладельцев. Но самым важным было неожиданное избрание в 1954 году президента Джакобо Арбенца. Оказалось, что Арбенц слишком прогрессивен для крупных землевладельцев и ЦРУ. Тогда ЦРУ организовало переворот и замену президента, после чего в стране на тридцать пять лет воцарилась диктатура. Сельские советы, в основном из майя, стали незаконными. Бедность стала повсеместной. Появились разъезжающие по стране эскадроны смерти, ответственные за тысячи убийств. Вырезались целые деревни, пока, наконец, не возникло партизанское движение. Партизанская армия бедных действует по сей день.

Военные диктаторы Гватемалы после свержения Арбенца отличались друг от друга разве что уровнем жестокости по отношению к индейцам. Самый тяжелый период: 1975—1987 гг. Сначала президент Ромео Гарсиа Лукас с помощью американцев способствовал убийству лидеров рабочего и крестьянского движения, а заодно и католических священников, симпатизирующих крестьянам и индейцам. Затем в 1982 году к власти пришел прошедший обучение в США генерал Эфраим Риос-Монтт. Он провозгласил: "Все индейцы — подрывные элементы", после чего начал кампанию по усмирению деревень по вьетнамскому образцу и уничтожению индейской культуры. По словам Джулиана Берджера: "Солдатам был отдан приказ уничтожать традиционную одежду... Религиозные фестивали были запрещены. Армия убивала домашних животных и сжигала кукурузные поля — уничтожая тем самым не только основную еду майя, но и основу их религиозных верований".

Роль Соединенных Штатов во всем этом самая зловещая: установление диктатуры и военная помощь. Эта помощь якобы предназначалась для борьбы с партизанами, но на самом деле направлялась против деревенских жителей. В результате индейцы вступали в партизанские отряды, обещавшие им защиту.

В начале 1980-х США неожиданно потребовали установления в Гватемале "демократии" и прекращения деятельности "эскадронов смерти". Это произошло вследствие нашей помощи контрас в Никарагуа и правительству Эль-Сальвадора. Такой лозунг, по меньшей мере, был странным, если учитывать непрерывную экономическую поддержку преступного военного режима. В 1984 году в Гватемале, наконец, впервые за тридцать лет был избран гражданский президент Веницио Церезо. Приступив к выполнению своих обязанностей, Церезо сразу же почувствовал, что власть в стране принадлежит военным. Реформы блокировались на каждом шагу, и после нескольких лет затишья по сельской местности опять стали разгуливать эскадроны смерти, убивая профсоюзных активистов и всякого, кто подозревался в приверженности к либеральным идеям.

Заканчивая эту книгу, я узнал, что в Гватемале избран новый президент Хорге Серрано Элиас. Будучи евангелистом правого толка, Элиас во всем поддерживал предыдущего диктатора Эфраима Риос-Монтта. Это плохая новость для гватемальских индейцев.

Южная Америка

В Южной Америке недавно произошли несколько положительных сдвигов. В Парагвае и Колумбии, где до недавнего времени издевательства над индейцами имели чуть ли официальную поддержку, произошли большие перемены в политике. В Парагвае, со смертью диктатора Стресснера, стали учитываться интересы индейского населения. В Колумбии новые законы гарантируют независимость проживающим в резервациях индейцам и ограждают их от притеснений.

Такие же гарантии недавно введены и в Боливии, где индейцы составляют большинство населения. В 1990 году боливийские индейцы получили в свое владение два миллиона акров тропического леса. Правительство, однако, разрешает некоторую заготовку леса и добычу полезных ископаемых на этой территории; и время покажет, смогут ли индейцы удержать эту деятельность в определенных рамках.

В Перу вот уже второе десятилетие идет большая война между правительством и горными партизанами, называющими себя "Светящейся тропой". Пресса, однако, называет эту группу "маоистской", не замечая того факта, что большая часть ее членов — индейцы, у которых украли землю. Недавно партизаны вступили в союз с производителями травы "кока", чтобы сообща сопротивляться разработанной в США программе уничтожения "коки". США надеются, что разрушив урожаи коки, они ослабят влияние Светящейся тропы. На самом деле разрушение посевов коки приводят к тому, что многие фермеры вступают в ряды партизан.

В Чили народ *мапуче* из горных районов Анд — который всегда считал себя отдельным народом, а не частью Чили — ожидал, что с приходом Сальваторе Альенде в 1972 году, он получит автономию. Вместо этого мапуче столкнулись с марксистской (классовой) интерпретацией борьбы индейцев. Правительство стремилось к тому, чтобы интегрировать индейцев в революцию и представить их как часть класса крестьянства, позабыв о том, что индейцы ищут культурной автономии. Когда ЦРУ сбросило Альенде, проблема осталась нерешенной. С приходом генерала Пиночета индейцы отошли на второй план. Но сегодня, когда Пиночета нет, индейцы воспрянули духом и надеются, что правительство предоставит им долгожданный суверенитет.

Амазония

Бассейн Амазонки, включающий Бразилию, Перу и Эквадор, — одно из тех мест на планете, где с наибольшей силой разворачивается драма сопротивления западной технологии. В этом огромном регионе, площадью три миллиона кв. миль живут сотни тысяч индейцев, несколько десятков народов, практически не имеющих контактов с внешним миром. Некоторые народы вообще не были известны миру еще десять лет назад. Все они в настоящее время находятся между жизнью и смертью.

Амазонку рассматривают как один и самых многообещающих экономических регионов в мире. Мировой банк и другие крупные банки позволили транснациональным корпорациям заасфальтировать тысячи дорог в тропическом лесу, построить новые города, затопить сотни долин.

Эти схемы развития, однако, разрушительны не только в экологическом, но и в экономическом отношении. Например, тысячи акров вырубленного тропического леса, отведенные для разведения скота, оказались непригодными для этой цели. И политика трансмиграции также провалилась. После того, как десятки тысяч бедных горожан отправились в Амазонию на обещанную правительством свободную землю для устройства ферм, они обнаружили, что земля тропических лесов не подходит для земледелия. Сейчас они находятся в весьма затруднительном положении; в то же время, леса уничтожены.

Единственным позитивным результатов всего этого стало осознание скорости уничтожения тропических лесов и диких животных и растений. Недавно масс-медиа заметили, что кроме растений и животных, в лесу живут и сотни тысяч индейцев.

Только в одной Бразилии, в бассейне Амазонки, проживают более 180 племен, т.е. 200 000 индейцев. Никто не учел их интересы при разработке экономического плана региона. Масс-медиа обратили на это внимание только после того, как первые строительные фирмы, зайдя на территорию индейцев, столкнулись с военным сопротивлением — луками и стрелами. (Первые репортажи подавались западными средствами информации с большой долей сарказма, с заголовками вроде "Индейцы против экономического развития".)

В последнее десятилетие двадцатого века индейцы Амазонки быстро начали организовывать сопротивление. В этом им помогали активисты, выступающих за сохранение тропических лесов. В 1989 году в самом центре Амазонки, в Альтамире, состоялась необычная конференция, на которой присутствовали лидеры 700 племен Амазонки, защитники окружающей среды, биологи, несколько прогрессивных политических лидеров, включая рок-звезду Стинга. Многие племена первый раз в жизни встретились друг с другом. Встретились даже те, кто традиционно находился в состоянии войны.

На встрече племена поделились свои опытом, попытались выработать общую стратегию, и представили живописное зрелище для армии фотокорреспондентов. Представители масс-медиа использовали встречу как сенсацию. Например, газета *San Francisco Examiner* написала: "Конференция открылась мирной церемонией, возглавляемой представителями племени *ксаванте* из южной Амазонки — сурового вида людьми с шарообразными прическами красного цвета. Племя каиапо (из долины реки Ксингу) выглядела еще более экзотически, с прическами в виде радуги, перьевым украшением запястьев и раскрашенными телами. Некоторые держали у себя на руках маленьких обезьянок".

Масс-медиа не могли *весь* свой материал посвятить описанию экзотической одежды, поэтому некоторая часть информации все же была отведена борьбе индейцев. В некотором отношении это были первые публикации о положении индейцев в тропических лесах, привлекшие внимание мировой общественности.

Вскоре после встречи в Альтамире правительство Бразилии объявило о защите участков тропического леса и недопустимости на них строительства. Однако это была попытка выставить себя в лучшем свете. Дело в том, что правительство продолжало

арестовывать и преследовать "аутсайдеров" — биологов, ботаников и защитников окружающей среды, которые в глазах правительства, приехали в Бразилию, чтобы "подстрекать индейцев".

В настоящее время самой большой проблемой в отношении сохранения тропических лесов Бразилии является "План 2010", поддерживаемый Мировым банком и многими международными организациями. План призывает к использованию практически всех водных ресурсов Амазонки (эти ресурсы составляют 1/5 всех водных энергетических ресурсов планеты). В одной только Бразилии предусматривается строительство 136 плотин, 22 из которых зальют пространство тропических лесов, равное по площади Великобритании.

Для того чтобы затормозить проект и продемонстрировать его опасность, многие лидеры амазонских племен ездят по мировым столицам и убеждают правительства и банкиров в том, что 1) они имеют право жить на земле своих предков без вмешательства извне; 2) они намерены добиваться своих прав и не мыслят себе другого существования, и 3) существует абсолютная ценность сохранения индейского образа жизни, даже для западных людей.

Тем временем в Эквадоре десять индейских племен объединились, чтобы взяться за оружие в случае, если правительство не предоставит им автономию. В статье *San Francisco Chronicle* Луис Макас из Федерации аборигенных наций Эквадора (CONAIE) говорит следующее: "Мы хотим мира, но наши требования не выполняются; поэтому у нас нет другого выхода как браться за оружие".

CONAIE требует, чтобы большая часть восточных джунглей Эквадора перешла в "собственность аборигенных наций". Они также хотят, чтобы Эквадор официально был объявлен "многонациональной" страной. И они хотят упразднения больших хасиендас, сохранившихся со времен испанского завоевания и оккупировавших самые лучшие сельскохозяйственные земли.

Либеральный президент Родриго Борджа проводит переговоры с коалицией индейцев и, возможно, удовлетворит некоторые их требования.

Но индейцы не хотят ждать. Предельный срок — празднование 500-летия высадки Колумба в Новом Свете. Девиз CONAIE: "Уберем все плантации к 1992 году!"

ЭПИЛОГ

"НОВЫЙ ПОРЯДОК" И НОВОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

I. РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА

Начавшаяся в 1991 году война между США и Ираком резко высветила некоторые обсуждаемые в книге проблемы.

Необходимость послать полмиллиона солдат и мобилизовать весь индустриальный мир против Саддама Хуссейна Джордж Буш [старший] объяснил тем, что прерывание поставок нефти или возрастание её цены может "поставить под угрозу наш образ жизни" и "новый мировой порядок". Эта заявление было встречено в мире с удивлением, поэтому он быстро нашел такие аргументы как, "неприкрытая агрессия", "остановить еще одного Гитлера" и "восстановить законное правительство Кувейта".

Сравнивая Саддама с Гитлером, очевидно, Буш очень упрощает Гитлера (что вызывает протест у евреев). А называть кувейтскую королевскую семью, поставленную британцами несколько десятилетий назад, "законным" правительством, просто фарс. Нет, Джордж Буш был совершенно прав. Он *действительно* сражается за новый мировой экономический порядок.

Война в Персидском заливе, как никогда, выявила лицо сегодняшней техно-экономики, и те военные сделки, которые могли состоятся только благодаря эволюции и взаимному переплетению новых технологий. Спутниковое картографирование, централизованное управление ресурсами с помощью компьютеризованных банковских трансакций, усреднение культур благодаря телевизионным передачам и рекламе, применение высоких технологий в военных целях — все это предоставило крупным экономическим державам возможность оперировать в глобальном масштабе и соединить свои экономики. Корпоративные экономики Северной Америки, Западной Америки, Японии, а в последнее время и Советского Союза и стран Восточного Блока, настолько переплетаются и становятся взаимозависимыми, что практически невозможно говорить о каждой экономике в отдельности. Вот почему многие быстро присоединились к военной коалиции Буша или, по крайней мере, согласились с ней.

Еще несколько лет назад Советский Союз был нашим сверхврагом, мир был поделен на три, четко разграниченные части: проамериканские страны, просоветские страны и неприсоединившиеся страны. Но с тех пор, как в Восточной Европе разра-

зилась "рыночная экономика", Мировой банк, Международный валютный фонд (IMF) и Японский банк международного развития оказывают давление на страны третьего мира с тем, чтобы они перешли на западную модель экономики. Происходит ускоренное усреднение экономики во всем мире. Старая модель для *единой плановой экономики мира* (упомянутая кратко в главе 7 и подробно разбираемая в книге Холи Склара *Трехсторонняя комиссия и планы элиты по управлению миром*) стала, наконец, достижимой. Предполагается, что модель, основанная на неограниченном промышленном производстве, свободном потоке ресурсов и рабочей силы, неограниченном потреблении товаров и ускоренной эксплуатации природы — прекрасная возможность для достижения всеми странами единой мировой экономики.

Джордж Буш — пример лидера, который стремится возглавить этот процесс. Член Трехсторонней комиссии, президент мультинациональной нефтяной компании, бывший дипломат Буш пришел к власти в момент заката советской эпохи. Он знал, как воспользоваться моментом.

Сейчас хорошо известно: если какая-либо страна получает преимущества в торговле с другими странами, например, поставляя продукты питания или компьютеры, или другую технику, или ресурсы, эти преимущества недолговечны. Торговля между странами настолько переплетена, цели настолько близки, что все страны начинают двигаться в унисон. Общие соглашения по тарифам и торговле (GATT) снимают небольшие разногласия между странами и ведут к единой мировой экономической схеме. Европейское экономическое сообщество, усредняющее экономики своих членов (и неизбежно культур), приблизится к Североамериканскому экономическому сообществу (о чем уже говорил Буш), затем западное экономическое сообщество сольется с азиатским сообществом и остальным миром. Поскольку все экономики оказываются тесно связаны между собой, экономическая угроза какой-либо одной стране рассматривается как угроза всем остальным (например, вторжение Ирака в Кувейт).

Для описания существующей экономической модели обычно пользуются термином "рыночная экономика", однако этот термин весьма неточный. Единственно, где рыночная экономика работает в полную силу, это г. Флинт, (шт. Мичиган) или г. Хьюстон (шт. Техас), где тысячи рабочих потеряли свою работу из-за того, что капитал переехал в Корею, или Тайланд, или Польшу; или там, где небольшой производитель задавлен транснациональной корпорацией; или где энергетический гигант вторгается в дикую природу; или где последний тропический лес, охраняемый древними племенами, вырубается в угоду "экономического развития".

"Рыночная экономика" — всего лишь термин из области паблик рилейшнс; он предназначен главным образом для того, чтобы скрыть истинную картину происходящего: насильственное, под приглядом банков и корпораций, устранение местной власти или образа жизни в угоду *новой централизованной экономике*. "Новый мировой порядок" — гораздо более точный термин, чем "рыночная экономика"; он означает, что международные банкиры и корпорации могут сегодня использовать карту мировых ресурсов для построения глобального технорая.

В новом мировом порядке крупные экономические державы не исключают меньшие страны, напротив, они всячески побуждают их к участию. Многие экономичес-

кие проекты разрабатываются банкирами с целью помощи бедным странам, но внедряются только при условии, что эти страны *априори* согласятся играть по определенным правилам, другими словами, поступятся своим национальным суверенитетом.

Прежде всего экономики бедных стран должны перестраиваться в соответствии с централизованной моделью развития. Конкретные структурные изменения обычно разрабатываются Международным валютным фондом и включают в себя: 1) открытие всех рынков внешним инвесторам и международной торговле; 2) устранение всех тарифных барьеров; 3) резкое уменьшение государственных выплат, в особенности, малоимущим, 4) превращение небольших, самодостаточных фермеров в крупные агропромышленные производства для экспорта таких продуктов как кофе; и 5) вырубку лесов, добычу полезных ископаемых, использование оставшихся гидроресурсов и др. Все эти "реформы" направлены на то, чтобы приспособить коренные сообщества к новому экономическому порядку.

Во-вторых, все страны должны быть членами одной команды. Если какая-либо страна выходит за линию, все должны соединить силы и заставить нарушителя вернуться на место. Страны, не согласные с такой политикой, резко ограничиваются в помощи со стороны Соединенных Штатов, Британии, Японии и международных банков. Примером могут служить Иордания, Куба, Йемен, Малайзия, Бразилия и другие страны, не согласные с войной в Ираке.

Не думаю, что Саддам Хуссейн понимал, насколько он задевает эту сложную сеть при вторжении в Кувейт — известно, что последний был тесно связан с Саудовской Аравией и являлся активным участником нового мирового порядка. Хуссейн был разозлен тем, что Кувейт поддерживает низкие цены на нефть за счет чрезмерной добычи нефти (низкие цены на нефть служат интересам крупных промышленных стран) и нарушает его собственные планы. Саддам хотел самостоятельно исправить ситуацию, но забыл, что сегодня "один в поле не воин".

Саддам очутился в ловушке времени. Возможно, он представлял себя в роли национального лидера, выступающего против корпораций с нервнопаралитическим газом и ракетами и следующего логике Рейгана: "Всегда старайтесь опередить других". Он не понимал, что в новый мегатехнологический век на нашей миниатюрной планете *все страны* должны быть в одной команде. Не осталось больше места для оригиналов или одиночек, даже Советский Союз целиком убежал на Запад.

Наконец, кризис в персидском Заливе обнажил еще одну важную истину: *Новый экономический порядок* чрезвычайно уязвим. Угроза потерять какой-либо важный ресурс — например, нефть — приводит в ажиотаж всю технологическую систему, словно ей перекрывают воздух. В настоящее время наше общество полностью зависит от этого природного ресурса. Ради него мы готовы на все, включая убийство сотен тысяч и безвозвратную потерю ландшафта. И при этом мы продолжаем критиковать аборигенные народы — не создающих ни запасов, ни перепроизводства — за то, что они якобы "уязвимы" перед стихией природы! Не стали ли они уязвимы как раз из-за нас?

2. "НАЗАД ПУТИ НЕТ"

В книге *Сон Земли* Томас Берри называет технологическую эпоху "периодом измененного состояния сознания или умственной одержимости". Только так можно объяснить, почему мы начали разрушать воздух, воду и почву, и серьезно повреждать основные системы жизнеобеспечения. Берри продолжает: "В эту эпоху человеческий ум оказался в самых узких рамках с момента появления сознания в палеолитическую эпоху. Даже у самых примитивных племен был более широкий взгляд на вселенную, на место в ней человека — видение, которое расширялось до небесных сфер и уходило вглубь человека, намного глубже тех пределов, которые установил наш технологический мир".

Ввиду узости нашего видения, говорит Берри, мы оказались в "видовой изоляции", что привело в итоге к "дикому разрушению Земли, немыслимое в прошлом. Священный союз с Землей разорвался... Тесная связь [с Землей] была представлена как "поэтический обман" теми, кто гордо относил себя к реалистам и отвергал любые мифы, магию, мистицизм и религиозные предрассудки. Эти люди плохо понимали, что сам реализм был чистейшим предрассудком, что их преданность науке была мистицизмом, а их технология — магическим путем в рай".

Берри считает, что общество не понимает природы своей одержимости. "Людям надо объяснять, — говорит Берри, — насколько мы заворожены индустриальным характером нашего общества. Пока мы сами не увидим эту ситуацию, мы никогда не разрушим наведенные на нас чары".

В главе 3 я обсуждал некоторые моменты, помогающие разобраться с тем, что Берри называет "завороженностью техникой". Эти моменты включали в себя информационный контроль со стороны корпораций, с помощью которого они реализуют *наилучший для себя сценарий*; приверженность *искусственной окружающей среде*, в частности, роль масс-медиа, закрывающих от нас реальность; и наше стремление рассматривать технологию *сугубо в личном* (*а не в интегральном*) *аспекте*, что не позволяет нам оценить ее глобальный эффект. Я также обсуждал *внутреннюю привлекательность* техники, неизменное выставление только выгодных её сторон.

Уже заканчивая книгу, я начал осознавать еще одну составляющую технологической парадигмы. Ее суть отражена в часто высказываемом утверждении: "Назад пути нет". Я часто слышу его на встречах. После того, как я излагаю основные идеи книги, мой собеседник обычно говорит: "Все это очень интересно, Джерри, но, понимаешь, мы не можем вернуться к способу жизни индейцев. Ты воспринимаешь их жизнь чересчур романтично".

Это замечание всегда меня поражало. У меня даже возникало сомнение: может быть, я не достаточно точно описал жизнь индейцев? Но сейчас я вижу, что люди просто ощущают дискомфорт. Нам трудно представить себе существование без всех наших товаров, которые, казалось бы, придают жизни главный смысл. Это одна из тех "невероятных мыслей", о которых я говорил ранее. Она порождает мрачные картины того, что может произойти с нами, когда товары закончатся, картины гораздо экстремальнее того, о чем я говорил.

На самом деле нам не надо жить так, как индейцы. Но нам следует внимательно отнестись к следующим положениям:

- Если мы будем сохранять свой образ жизни, потреблять ресурсы с той же интенсивностью, что и ранее, следуя внутренним законам технологического общества, мы обречены на коллапс.

- Признаки этого коллапса уже заметны и принимают вопиющий характер — в природной среде, в социальной системе и международных отношениях.

- Успех этой системы может оказаться хуже, чем ее коллапс; он принесет нечто ужасное: космический пузырь а-ля ЭПКОТ, за ним постбиологическую "утопию". Внутренняя логика технологического общества ведет по этому пути, и мы уже с большой скоростью катимся вниз.

- В погоне за техноутопической мечтой мы уничтожаем сообщества, которые всегда предупреждали об опасности такого пути и которые хотели бы жить без наших безумных фантазий. Ирония в том, что именно эти народы могут помочь нам выйти из сложного положения — если только дать им шанс и прислушаться к тому, что они говорят.

Давайте предположим, что мы действительно решили изменить курс цивилизации. Будет ли это "возвращением назад"? Безусловно нам, западным людям, хотелось бы знать принципы, на которых основывается такое [нетехнологическое] будущее. Не следует думать, что отказавшись от автомобилей или компьютеров, потребительских товаров и расточительства, мы должны будем каждый день копаться в земле, чтобы накопать себе достаточно еды или охотиться на бобров в Гудзонской долине.

К счастью, уже существует множество людей и групп, которые подумали о будущем и сделали целый ряд предложений. Кроме индейских организаций (см. Приложение), в эти группы входят биорегионалисты, "зеленые", экологи и многие другие. Такие авторы, как Эрнест Калленбах, Лестер Браун, Дэвид Брауер, Хэйзел Хендерсон, Гэри Коутс, Эрик Даманн, Леопольд Кор, Киркпатрик Сейл, Джоанна Мэйси, Кэролин Мерчант, Долорес ЛаШапелль, Риан Эйслер, Иван Иллич, Питер Берг, Ричард Реджистер, Хантер Лавинс, Эмори Лавинс, Гэри Снайдер, Лэнгдон Уиннер, Франсис Мур Лаппе, Фритьоф Капра, Стефани Миллс, Вандана Шива, Элизабет Додсон Грей, Шарлин Спретнак, Арне Наесс, Сьюзан Гриффин, Стархок, Бил Диволл, Джордж Сешнс, Э.Ф. Шумахер, Мальком Марголин и Челлис Глендининг способствовали разработке положений об экологически устойчивом обществе, учитывая требования коренных (и других, альтернативных) сообществ и условия их существования. И, конечно, остается мудрость самих индейцев: Лейм Дир, Блэк Элк, Луис Бэд Вунд, Билл Уапипа и Дэн Бомберри. Среди современных лидеров и философов мы находим Джанет Армстронг, Джона Мохока, Винону Ла Дюк, Дагмара Торпа, Криса Петерса, Орена Лионса. Лесли Силко, Вайн Делориа, Джорджа Эразмуса, Н. Скотта Момадея, Леонарда Пельтье, Леона Шенандоа, Аль-

фонсо Ортица, Томаса Баньяция, Мари-Хелен Ларак, Вилму Мэнкиллер и Полу Гунн Ален, и это только имена тех, кто проживает на нашем континенте!

Я не буду пересказывать предложения, сформулированные другими авторами, лишь укажу на несколько важных перемен, которые мне представляются необходимыми для выживания планеты:

- Экономика роста, желание прибыли и рыночная экономика направлены против устойчивого будущего и должны рассматриваться как неудавшиеся эксперименты, которые следует отбросить; для них нет больше места на Земле. (В то же время, есть необходимость в сокращении населения мира, даже в западных промышленно развитых странах, где каждый потребляет в двадцать-тридцать раз больше жителя "развивающихся" стран. Необходимо также более справедливое распределение ресурсов среди населения).

- Длинный список технологий и технических систем должен быть пересмотрен с холистической (системной) точки зрения; названные в этой книге технологии, лишь небольшая часть "черного списка". Технологии, несовместимые с принципами устойчивого общества, должны быть исключены.

- Наконец, мы должны пересмотреть наше отношение к природе и коренным народам. Это значит переосмыслить нашу историю и те силы, которые за ней стояли. И поддержать борьбу коренных народов за восстановление своей земли и суверенитета, поскольку от этого зависит не только их, но и наше будущее.

Без сомнения, за этим стоят радикальные перемены, но отказаться от них уже невозможно. Такие изменения необходимы для сохранения разумности и устойчивости жизни. Называть такое изменение "поворотом назад" — значит приписывать ему негативный смысл. Это ни в коем случае не возврат, а скорее возвращение на дорогу после периода блужданий, вызванных ложными фантазиями. Это движение *вперед* к обновленной встрече с вечными ценностями и принципами.

Что до определения "романтический", скажу только, что это определение больше подходит к надеждам на чудеса технологического общества. До сих пор единственно трезвыми в этом отношении оставались коренные народы просто потому, что они сохранили корни древней природной философии, доказавшей свою состоятельность на протяжении тысячелетий. Именно у коренных народов, а не у нас, находится ключик к будущему выживанию человечества.

3. ПРИМЕТЫ ЖИЗНИ

В начале книги я привел разговор со знакомым издателем, цинично заметившим: "В Нью-Йорке уже давно нет индейцев; с ними покончено. Индейцы-шминдейцы".

Но к тому времени, как работа над книгой подходила к концу, он позвонил и сказал, что, к его удивлению, он редактирует сейчас три новые книги, причем все они на-

писаны индейцами. "Джерри, индейцы сейчас в моде, — сказал он. —Я думаю, твоя книга будет популярной".

Несколько дней спустя я повел маму в кино, на фильм Кевина Костнера "Танец с волками". Это был один из немногих фильмов, в котором история излагается с точки зрения индейцев; кроме того, это первый фильм на индейском языке с английскими субтитрами, что само по себе является знаком уважения. Фильм повествует о жизни племени лакота (сиу) в 1890-х гг., действие происходит в индейской деревне. К сожалению, Костнер неадекватно показывает роль женщины в процессе принятия решений; кроме того, главный герой фильма — белый солдат. Но в целом это честная попытка показать американской аудитории индейский образ жизни и индейскую философию в коммерческом голливудском формате. Мне также понравилось, как Костнер показывает в нескольких эпизодах исключительную жестокость индейских воинов; и я отношу это за счет желания режиссера показать жизнь такой, как она есть, без прикрас, хотя причина для подобной жестокости индейцев в фильме совершенно очевидна. В фильме достаточно хорошо показана индейская жизнь в прериях, в эпоху, предшествующую промышленной революции.

Когда мы выходили из кинотеатра, мама сказала: "У них была такая прекрасная жизнь. Как жаль, что все это закончилось".

Нет, мама, не все закончилось. Не все индейцы сиу умерли. Даже сегодня они борются за то, чтобы остаться на своей земле, как и миллионы других аборигенов.

Хотелось бы, чтобы Костлер сделал фильм так, чтобы у зрителей не было ощущение того, что индейская культура в прошлом.

Но и то, что он сделал, уже много.

Можно ли это назвать "сдвигом в сознании"?

• • •

Клаус Биргерт — немецкий писатель, инициатор проекта "Мировые урановые слушания", запланированные на 1992 год, т.е. на 500-ю годовщину Колумба.

Идея Биргерта отличается от большинства других международных проектов тем, что он хочет учредить "Совет тех, кто слушает" (Board of Listeners) из людей неиндейского происхождения. Он хочет, чтобы нобелевские лауреаты, политики, ученые, художники, писатели и бизнесмены собрались на три дня, чтобы *тихо* послушать, о чем говорят индейцы.

"Мы всегда советуем индейцам, что они должны делать, чего не должны, — говорит Биргерт. — Ученые их изучают, бизнесмены строят для них экономические планы, политики перемещают с одного места в другое, все пытаются изменить их на свой манер. Из-за этого шума не слышно, что говорят сами индейцы".

Биргерт говорит о том, что уран — это проблема для всего мира не только потому, что он лежит в основе бомб и атомных станций, но и потому, что опасен на каждом этапе — от добычи до захоронения отходов, и, как правило, в земле индейцев:

> Уран несет с собой смерть. Возможно, мы плохо представляем себе, что разрушительные свойства урана проявляются, как только он извлекается из земли. Жертвами

обычно оказываются аборигенные народы, живущие на земле... он загрязняет их пищу, питьевую воду и превращает священные места в места захоронения отходов... Более 70% мировых урановых ресурсов находятся на территориях, заселенных аборигенными народами... [Несмотря на это] места захоронения не охраняются. Ветер и дождь разносят смертельную, канцерогенную пыль, отравляя окружающую сельскую местность... А мы по-прежнему говорим о ядерной технологии, как "мирной".

Индейцы говорят нам, что уран должен оставаться в земле — но их голос теряется в шуме ветра. Они сохранили знания, которые могут помочь нам вылечить и восстановить землю — но их взгляды противоречат ядерному, неоколониальному миру корпораций. Сопротивляясь постоянным атакам индустриального общества, они героически отстаивают свое мировоззрение, в центре которого принцип святости земли... Пришло время к ним прислушаться.

• • •

Здесь уместно спросить: а *сможем* ли мы прислушаться? Этот вопрос задают себе и индейские группы, пытающиеся донести свои духовные ценности до американских активистов. Среди лидеров этого проекта — Кристофер Питерс, индеец-поликла (Poliklah), проживающий в резервации Хупа, в северной Калифорнии, новый исполнительный директор фонда Seventh Generation.

В 1991 году Питерс организовал симпозиум в Elmwood Institute (г. Беркли, Калифорния) под названием "Аборигенная философия и социальная трансформация". В меморандуме симпозиума Петерс написал: "По мере приближения конца двадцатого столетия, мы видим, как мировое сообщество приближается к "обязательным переменам". Мировая экосистема не может более выдерживать разрушительные запросы общества, с его нарцистическим пониманием благополучия. Многие пишут сегодня о том, что нужна культурная революция... отличная в корне от других революций, за которыми следовали разрушение и отчаяние, что восстание должно быть позитивным, что оно должно восстановить оптимизм и веру в лучшее общество. Цель революции — расширение сознания, осознание новой парадигмы и, возможно, приближение к высшему космическому сознанию".

Питерс поднимает несколько важных вопросов, обращаясь к западным активистам, и среди них, например, такие: какова роль духовности коренных народов для новой парадигмы? Можно ли перевести на язык некоренных народов ценности, настроение, ритм жизни и перцепции коренных народов? Можно ли научить духовности или же она глубоко в инстинктах коренного народа? Может ли некоренное население перенять ритуалы коренного населения? Может ли ритуал привести к изменению системы ценностей некоренного населения или же необходима смена ценностей прежде чем возникнет потребность в таком духовном ритуале? Можно ли научить некоренное население правильно обращаться со священными местами? Могут ли священные места способствовать возрождению утраченной религиозности?

• • •

Я обратил внимание на то, что в последнее время природоохранные группы стали больше прислушиваться к проблемам индейцев и серьезно воспринимать их точку зрения. Даже такие организации, как Гринпис, которые одно время вели борьбу против традиционной охоты аборигенов на китов и тюленей, стали понимать, что тем самым они губят нечто очень важное в отношении аборигенной культуры. Выживание индейской культуры становится критически важным для выживания самого западного общества. Sierra Club, Friends of the Earth, Earth Island Institute и другие экологические организации в последнее время стали на сторону индейцев во всех судебных разбирательствах. (Биорегионалы и "зеленые" всегда поддерживали права индейцев).

В 1990 году была учреждена Организация непризнанных наций и народов[79] — новая организация, цель которой объединить борьбу индейских народов с борьбой коренного населения, например, Балтийских республик, Грузии, Тибета, Курдистана, островов Тихого океана, Восточного Тимора и др. Данная организация стремится выработать общую основу для этих народов, чтобы сформировать альтернативную Организацию Объединенных Наций (в настоящее время международную помощь осуществляют такие группы как Cultural Survival).

Среди ведущих неиндейских экологических организаций надо отметить Rainforest Action Network (RAN) в Сан-Франциско. RAN активно поддерживает коренные народы по всей планете, в особенности тех, кто проживает в тропическом лесу; проводит прямые действия, образовательные программы, лоббирование, а в последнее время использует *Wall Street Journal* для "прямой атаки на зверя" — Мирового банка и Международного валютного фонда.

В своем публичном обращении RAN объявляет эти две организации "ведущими архитекторами разрушения природы". В обращении говорится, что "Банкиры используют западную модель развития, не имея никакого представления о местных реалиях или устремлениях народа. Сидя в своих головных офисах в Вашингтоне, Токио и Париже, банкиры уверены, что они лучше знают, что нужно народу Ириан Джайа или индейцам Амазонии. Они представляют себе мир как эдакий загородний шоппинг-центр и намерены воплотить свои планы в жизнь. Тот факт, что пострадают миллионы, распадутся сообщества, исчезнут леса, их мало волнует. Их самомнение чудовищно".

Обращение RAN вызвало мощную реакцию со стороны международных банков в виде детальных опровержений, пресс-конференций и т.п. Правительство Индонезии, например, злостный нарушитель прав коренного населения Новой Гвинеи, издало официальное заявление, в котором говорилось, что целью Индонезии "всегда было достижение равновесия между экономическим развитием и сохранением окружающей среды... [хотя] необходимость развития имеет особое значение". Реакция на статью — еще один пример того, насколько уязвимы банки, когда правда о их деятельности выходит за пределы их непосредственного окружения".

• • •

[79] Unrepresented Nations and Peoples' Organization (UNPO).

Я уже указывал на то, что континентальная Европа, в частности, Голландия и Германия, наиболее информированные страны о проблемах индейцев. Примером может служить проходящая в настоящее время кампания Рабочей группы по проблемам аборигенных народов[80] в Амстердаме с целью привернуть внимание общественности на тренировочные полеты натовских бомбардировщиков над территорией индейцев *инну* в Лабрадоре и Ньюфаундленде. Ежегодно они совершают более 10 000 полетов, пролетая с со скоростью 700 миль/час на высоте 50 футов над деревьями, вызывая панику и шок у животных, и мешая охоте индейцев.

"Тридцатитонные самолеты летят так низко, что можно различить лица пилотов, — говорит один из охотников *инну*. — Пролетая, самолет заставляет качаться деревья; после него остаются пятна бензина на воде. Полеты на низкой высоте вызывают панику у животных, водяные птицы покидают гнезда, норки и лисы поедают свой молодняк".

Рабочая группа по проблемам аборигенных народов через общественный медиацентр проводит информационную кампанию в Голландии, Германии, Канаде по данной проблеме, а если хватает денег, то и в Соединенных Штатах. Кампанию координируют два молодых голландских антрополога: Ян Ван Бокель и Говерт Де Грот многие годы занимающиеся проблемами североамериканских индейцев. Кроме того, Ван Бокель и его коллеги Фриц Штейнманн, Сесил Верхи и Пат Ван Бокель создали прекрасный фильм *Земля плачет*, рассказывающий о поездке по Европе американских индейцев, Билла Уапипа, Флойда Вестермана и Лесли Силко. Интерес к проблемам индейцев-инну вызван еще и тем, что голландские ВВС участвуют в совместных маневрах с немецкими и канадскими ВВС.

"Раньше учебные полеты выполнялись в Голландии и Германии, — говорит Ян Ван Бокель, — но люди не выдержали шума и выступили с протестами. Поэтому сейчас полеты выполняются над индейской территорией, в Канаде". Самая большая проблема в том, что "каждую весну и осень инну выходят в лес на охоту и рыбную ловлю. Традиционные знания о сборе лесных продуктов, приготовлении еды и жизни в лесу передаются детям. Без жизни в лесу на протяжении восьми месяцев культура инну не может существовать".

Ван Бокель продолжает: "Канадское правительство ссылается на закон, запрещающий полеты на низкой высоте в местах проживания инну, но он не действует. Инну больше не уведомляют канадское правительство о расположении своих лагерей. Они говорят, что это их земля, и они не обязаны ни перед кем отчитываться. Как и большинство индейцев, они не признают за Канадой прав на свои земли, которые называют Нитассинан. Передвигаясь в радиусе 100 км, они охотятся, ловят рыбу и собирают лесные продукты; этот образ жизни сохраняется уже 9 000 лет. Самолеты пролетают вдоль русла рек, где индейцы ловят рыбу. Мы думаем, что население Голландии, Германии и Канады поможет выступить с требованием остановить полеты".

• • •

[80] Working Group on Indigenous Peoples (WIP).

Сразу после начала кампании против низких полетов мне позвонила из Канады Мари-Хелен Ларак. (Я говорил о Ларак в главе 6 в связи с судьбой индейцев-дин). Она рассказала, что полеты бомбардировщиков на низкой высоте также запланированы над землей дин. Их проводят Соединенные Штаты. Американцы уже проводили подобные учения: ракеты запускались из Арктики через долину Макензи в Альберту, но учения до сих пор проходили относительно спокойно. Сейчас, говорит Ларак, "они хотят проводить учебные полеты B-52s, F-111s и F-15s совместно с канадскими CF-18s. Для учений пока отводятся четыре дня в год. Самолеты будут подниматься около г. Сноудрифт на восточном побережье Большого Невольничьего озера и проводить военные игры. На Лабрадоре проходят такие же игры. В настоящее время создан Всеканадский альянс вместе с индейцами инну и другим коренным населением для противодействия военным учениям. Но поскольку инициатива исходит от США и поддерживается канадским правительством, противодействие прежде всего должно быть организовано в Штатах".

Мари-Хелен затем рассказала о другом альянсе. Только что она возвратилась из г. Кито (Эквадор), где собрались 500 представителей 120 коренных наций, причем встреча приурочена к 500-й годовщине высадки Колумба на американском континенте. Мэри-Хелен, защитница пан-индейского движения, счастлива от того, что движение набирает силу.

"Испания, Ватикан, Соединенные Штаты, другие государства планируют помпезную церемонию по случаю т.н. завоевания Америки, — говори Ларак. С точки зрения коренного населения, особого повода для празднества нет. Тем не менее, есть многое, о чем можно вспомнить: это и борьба, и стремление выжить, и сохранение своего исторического достояния для мира".

Ларак рассказывает о семинарах на встрече: по формированию сетей, по культуре, религии, образованию, самоопределению, земельным и природным ресурсам, философии аборигенного населения и отношению с колониальными правительствами.

Конференция выпустила два официальных документа. В документе Женской комиссии говорится: "Как женщины, мы идентифицируем себя с матерью-землей... мы должны уважать ее, заботиться о ней, любить ее. Мы приехали сюда, чтобы защищать Землю... Церкви должны уважать наши религии. У нас есть право на наши верования, на наши священные места и священные объекты. Вместо празднования 500-летия Колумба, церкви должны попросить у нас прощения".

В общей декларации, принятой конференцией, говорится, в частности, следующее: "Индейцы Америки никогда не прекращали борьбу против притеснения, дискриминации и эксплуатации, которые пришли вместе с европейцами на наши древние земли... С этой точки зрения мы считаем необходимым проведение полных структурных изменений; благодаря которым индейские народы восстановят свое законное право на самоопределение, свои правительства и право распоряжаться своими территориями".

• • •

500-летие высадки Колумба также стимулировало индейское движение в США. В начале 1991 года Круг старейшин (Traditional Circle of Elders) — организация, объединя-

ющая лидеров американских индейцев — выпустила документ, в котором, в частности говорилось:

"Настало время напомнить детям человеческой расы, что мы, коренные народы, появились в этой части света благодаря Создателю, и никто нас не "открывал"... Мы провозглашаем 1992 год "Годом аборигенного народа"".

Этот документ призывает Соединенные Штаты признать "геноцидом практику обращения с миллионами коренного населения, начиная с 1492 года по сей день"; а также "отдать должное тем аборигенным народам и нациям, которые смогли пережить эксцессы цивилизации.

"Мы призываем учителей, историков и ученых рассказать правду о нашем прошлом и настоящем; и пусть эта правда послужит им маяком для будущего".

Круг старейшин намерен создать мемориал всем разрушенным и порабощенным индейским народам, а также учредить День искупления. Они ждут формального извинения от испанского короля и правительства США. Кроме того, планируется проведение театрализованного судебного процесса над Христофором Колумбом, форумы по всей стране, передвижная фотовыставка, организованная художниками-индейцами, фестиваль в Париже и "большое собрание индейских старейшин Северной Америки" в Станфордском университете. "Старейшины будут обсуждать духовные откровения, которые относятся к современному и будущему состоянию мира. За этим последует конференция между старейшинами и учеными, на которой будут рассмотрены прогнозы на будущее. Старейшины хотят работать вместе с учеными".

4. ПРОТИВ ПЕССИМИЗМА

В заключение остановлюсь на проблеме отчаяния. Я все чаще слышу от людей, даже от тех, кто на протяжении многих лет активно участвовал в движении сопротивления технологическому монстру, что, возможно, уже слишком поздно поворачивать назад, спасать последние дикие леса, океаны, способствовать сохранению аборигенных культур, изменять образ жизни и возрождать чувство святости природы. Хуже всего то, что такие разговоры я слышу от молодежи. Ситуация, конечно, ухудшилась в результате войны между США и Ираком, еще раз обнажившая чудовищную, устаревшую парадигму человеческих отношений.

Я особенно болезненно реагирую на подобные разговоры, поскольку меня иногда обвиняют в провоцировании отчаяния. Читатели говорят, что моя книга о телевидении дает такую негативную картину, что они пали духом. Во многом соглашаясь со мной, они пришли в отчаяние из-за того, что у меня не было никакого положительного плана. Подобная реакция вполне возможна и после прочтения это книги.

Справиться с технологией не так-то просто. Первое, что следует сделать, это переменить сознание. Необходимо своего рода умственное "переключение", в результате которого станет очевидна наша культурная пассивность и стремительный напор техники.

Во-вторых, как уже указывалось, отдельные технологии (например, телевидение) не представляют собой независимую техническую единицу, которую можно вырвать из всей технологической системы, оставив остальные части нетронутыми. Это составная часть мегатехнологической паутины, и нам следует научиться обращаться со всей паутиной. Поэтому задача более грандиозна, чем кажется с первого взгляда.

Тем не менее, я был расстроен реакцией некоторых людей, поскольку лично себя не отношу к пессимистам. Я всегда верил, что описание проблемы такой, какая она есть на самом деле, подстегивает активную позицию, а не способствует уходу от реальности. Если бы это было не так, я, наверное, не тратил бы столько усилий на книгу.

Мой друг Говард Госсадж говорил: "Недостаточно, чтобы люди почувствовали себя плохо. Надо им что-то предложить для улучшения своего положения". Так, сочиняя с Дэвидом Брауером из Сьерра-Клуба рекламу против плотин в Большом каньоне, Госсадж придумал многовариантный купон; с помощью него читатели могли высказывать различное мнение. Это был первый шаг, после которого люди становились неравнодушными.

Что же касается подавляющего количества необъективных мнений, Госсадж заметил: "Вполне возможно, что все, что мы делаем, напрасно, но мы все равно будем продолжать это делать".

Я думаю, что подобная мысль движет Public Media Center, общественную некоммерческую организацию по рекламе, где я провел много дней. В особенности она выражает позицию нашего блестящего директора Херба Чао Гюнтера. Он неизменно сохранял спокойствие и оптимизм перед лицом всяких неприятностей, и тем самым вдохновлял нас на трезвую оценку ситуации.

Но конечно, самым вдохновляющим примером для меня всегда служили индейцы. Здесь я говорю о десятках миллионах людей, которые веками сопротивлялись грубым атакам извне. Некоторые коренные сообщества были стерты с лица земли. Некоторые были отделены от источников своего существования: мудрости, силы, идентичности, своих земель. Некоторые под давлением переселились в город и исчезли. Но миллионы аборигенов, в том числе и в Соединенных Штатах, обрели силу в борьбе. Их сила происходит от осознания того, что корни их существования находятся в земле. И они борются, несмотря на возможное поражение. Они защищают свои ценности, как своих детей, как детей своих детей. И делают они это — о чем, возможно, я мало говорил в книге, — с добротой и юмором, которые сами по себе вдохновляют.

Поэтому в этом смысле, разговоры о поражении весьма близоруки и не мудры (поскольку отупляют сознание), и главное — бесполезны.

Итак, после моих заключительных слов вы найдете приложение со списком организаций, принимающих то или иное участие в нашей общей борьбе. Все они не обязательно согласны с моими взглядами; в равной степени, я могу не соглашаться с их взглядами. Но все мы движемся в одном направлении, и каждый из нас составляет небольшую часть картинки. Свяжитесь с некоторыми из них, они нуждаются в вашей помощи. Не молчите. Принимайте участие в их работе, наконец, пошлите им какое-то письмо поддержки. Приведите с собой друзей.

Если вы так поступите, то почувствуете прилив энтузиазма и оптимизма, который придаст мужества. Все названные мною группы прекрасно осведомлены о тяжести нашего положения. Но именно *реализм* помогает им сохранить силу.

Но и в личном плане вы можете сделать многое. Оставим в стороне ваш образ жизни, который также, возможно, потребует перемен — наверняка что-то происходит рядом с домом, где вы живете, в чем вы можете поучаствовать. Возможно, кто-то собирается построить рядом большое здание и закрыть последнее свободное пространство неба. Возможно, кто-то хочет ввезти ядерные отходы в вашу местность. Возможно, нарушаются права местного коренного населения или природной среды. Исследуйте ситуацию и *сделайте что-нибудь*.

Я восхищен идеей биорегионалов — найти место на планете, на улице, в городе и взять его под защиту. Изучите его природную и культурную историю. Посещайте регулярно это место. Внимательно за ним следите. Если оно находится под угрозой, *примите меры*.

Я также надеюсь, что вы критически отнесетесь к технике, к новым машинам, которые предлагает рынок. Я также надеюсь, что вы будете следить за борьбой индейцев и станете на их сторону.

Важно помнить, что самые тяжелые проблемы далеки до своего решения. Но не отчаивайтесь. Не все потеряно. Во всем мире растет осознание перемен. Мы медленно движемся вперед. Мы видим, что чем больше машина, тем более она уязвима. С переменами в Восточной Европе мы видим, как быстро может измениться мир, и это дает надежду на смену парадигм. Для этого есть много возможности. И не забывайте обращаться за помощью к матери-земле.

26 апреля 1991 г.
Сан-Франциско

ПРИЛОЖЕНИЕ
ОРГАНИЗАЦИИ И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Ниже приведен список организаций и периодических изданий, которые могут служить хорошими источниками информации. Этот список далеко не исчерпывающий, поскольку не включает местные организации. Он приводится для дальнейших поисков и работы.

Adbusters Quarterly, The Media Foundation, 1243 West Seventh Ave., Vancouver, BC V6H 1B7, Canada.

Уникальное новое издание, в котором проводится блестящая критика общества потребления, с подробным описанием ущерба, наносимого окружающей среде.

Akwesasne Notes: A Journal for Natural and Native People, Mohawk Nation, P.O. Box 196, Rooseveltown, NY 13683.

Самый лучший (и старейший) источник новостей из индейских резерваций. Рассматриваются суверенитет и борьба коренного населения, а также философские основы движения аборигенных народов.

AMERICAN AGRICULTURAL MOVEMENT, 100 Maryland Ave. NE, Washington, DC 20002.

Мощный голос в поддержку семейных ферм; возник после демонстраций 1970-х.

Buzzworm: *The Environmental Journal*, 2305 Canyon Blvd., Ste. 206, Boulder, CO 80302.

Глянцевый, но достаточно обстоятельный. Приводятся новости, тематические статьи и полезные ссылки.

CENTER FOR INVESTIGATIVE REPORTING, 530 Howard St., San Francisco, CA 94105.

Объединение новых репортеров, занятых расследованием деятельности корпораций и правительственных организаций.

CITIZENS' CLEARINGHOUSE FOR HAZARDOUS WASTES, P.O. Box 926, Arlington, VA 22216.

Первая национальная общественная организация, специально занимающаяся проблемами токсичных отходов; организована после трагедии на Лав-Канале.

COMMITTEE FOR RESPONSIBLE GENETICS, 186 South St., Boston, MA 02111.

Конференции, исследования и политические акции по проблемам биотехнологий.

COMPUTER PROFESSIONALS FOR SOCIAL RESPONSIBILITY, P.O. Box 717, Palo Alto, CA 94301.

Группа, специально изучающая воздействие компьютеризованного общества на гражданские права, военных, рабочие места и др.

THE COUSTEAU SOCIETY, *Calypso and Dolphin Log*, 930 West 21st St., Norfolk, VA 23517.

Образовательные программы и политические акции по проблемам океана и сохранения морской фауны и флоры.

CULTURAL SURVIVAL, *Cultural Survival Quarterly,* 11 Divinity Ave., Cambridge, MA 12038.

Журнал, а также соответствующие книги и газеты, предоставляющие большую информацию по проблемам коренных народов во всем мире, вызванных вторжением западных технологий. CS предпринимает также прямые действия по некоторым важным проблемам и разрабатывает долгосрочные решения.

DATA CENTER, *Corporate Responsibility Monitor*, 464 19th St., Oakland, CA 94612.

Обширные библиотечные и исследовательские данные в отношении корпоративной и государственной деятельности в «третьем» и «четвертом» мире.

Daybreak: American Indian World Views, P.O. Box 98, Highland, MD 20777-9989.

Редактируется Джоном Мохоком и Ореном Лионсом, двумя ведущими аборигенными философами. Излагаются взгляды по основным глобальным проблемам и проблемам коренного населения.

EARTH FIRST!, *Earth First! The Radical Environmental Journal*, P.O. Box 2358, Lewiston, ME 04241.

Свободное объединение местных групп прямого действия, проводящих свои собственные проекты под общим знаменем "Никаких компромиссов при защите Матери-Земли». Тактика прямого действия, включающая блокирование автомобильных дорог, выведение транспорта из рабочего состояния и т.п.

EARTH ISLAND INSTITUTE, *Earth Island Journal,* 300 Broadway, San Francisco, CA 94133.

Основанная Дэвидом Брауером, данная отечественная и международная программа направлена на защиту и восстановление Земли. В настоящий момент основное внимание направлено на защиту морских млекопитающих, глобальное потепление, международные торговые соглашения, и отношения между политикой, экономикой, судебной системой и экологией. *Earth Island Journal* – самый интересный и обстоятельный новый журнал в экологическом движении.

ELMWOOD INSTITUTE, *Elmwood Newsletter and Global File*, P.O. Box 5765, Berkeley, CA 94705.

Конференции, публикации, исследования для уточнения и формулирования новой парадигмы (системные решения) экологических проблем.

FAIRNESS AND ACCURACY IN MEDIA (FAIR), 130 W. 25th St., New York, NY 10001.

Одна из немногих организаций, противостоящая проправительственному и проиндустриальному уклону в американских масс-медиа.

FAIR TRADE CAMPAIGN, Box 80066, Minneapolis, MN 55408.

Коалиция более 100 общественных организаций (экологи, фермеры, потребители, рабочие и религиозные деятели), работающие против GATT и других торговых соглашений.

Fifth Estate, 4632 Second Ave., Detroit, MI 48201.

Очень радикальная, глубокая критика технологии и технологического общества.

FOOD FIRST/INSTITUTE FOR FOOD AND DEVELOPMENT POLICY, 145 Ninth St., San Francisco, CA 94103.

Исследования и публикации о том, как корпоративная и правительственная элита контролирует сельское хозяйство, продукты питания и другие ресурсы, и способствует мировому голоду. Основана Франсис Мур Лаппе и Джозефом Коллинсом.

FOUNDATION ON ECONOMIC TRENDS, 1130 17th St. NW, Washington, DC 20036.

Джереми Рифкин и Энди Кимбрелл – передний фронт борьбы против биотехнологической индустрии.

FRIENDS OF THE EARTH, 218 D St. SE, Washington, DC 20003.

Всемирная пропаганда экологических знаний широкого спектра об истощении озонового слоя, биотехнологии, токсическом загрязнении, загрязнении грунтовых вод и др.

FRIENDS OF THE RIVER, Fort Mason Center, San Francisco, CA 94123

Общественная организация, выступающая против строительства плотин и диверсификационных проектов; специализирующаяся в вопросах использования воды.

GATT-FLY, II Madison Ave., Toronto, Ont. M5R 2S2, Canada.

Хороший источник информации и программ по экономическим и экологическим аспектам долговых обязательств и международных торговых соглашений.

GREEN COMMITTEES OF CORRESPONDENCE, P.O. Box 30208, Kansas City, MO 64112.

Сеть из двухсот местных групп «зеленых»; организационный центр международного движения «зеленых» в США.

Green Letter, P.O. Box 14141, San Francisco, CA 94114.

Новости и статьи о политической активности «зеленых».

GREENPEACE, *Greenpeace*, 1436 U St. NW, Washington, DC 20009.

Прямое действие в проведении местных и международных кампаний для защиты дикой природы и противодействия ядерному вооружению, энергетике и захоронению токсичных отходов. В последнее время особое внимание уделяется ущербу, наносимому военными действиями.

HUMANITAS, P.O. Box 818, Menlo Park, CA 94206.

Международная организация в защиту прав человека с упором на ненасилие и региональную борьбу в Тибете, Курдистане и Восточной Европе. Основана Джоан Баэз.

INDIAN LAW RESOURCE CENTER, 601 E St. SE, Washington, DC 20003.

Некоммерческая юридическая фирма, занимающаяся правами коренного населения: на землю, воду, гражданскими правами, правами человека и сопротивлением «легальным» попыткам захватить землю индейцев.

INSTITUTE FOR LOCAL SELF-RELIANCE, 2425 18th St. NW, Washington, DC 20009.

Поддерживает местную, демократическую, малую экономику. Хороший источник по вопросам управления твердыми отходами, переработкой и программам зеленого города.

INSTITUTE FOR POLICY STUDIES, 1601 Connecticut Ave. NW, Washington, DC 20009.

Прогрессивный мозговой и издательский центр, занимающийся социальными, политическими и экологическими проблемами нового мирового порядка. Основное внимание уделяется торговым соглашениям, милитаризму и государственным неплатежам.

INSTITUTE OF NATIVE KNOWLEDGE, 1 767 Iverson Ave., Areata,CA95521

Новая организация, занимающаяся издательской деятельностью и распространением философской мысли коренных американцев.

INTERNATIONAL INDIAN TREATY COUNCIL, *Treaty Council News,* 710 Clayton St., San Francisco, CA 94117.

Ответвление Движения американских индейцев; имеет статус неправительственной организации при ООН и проводит юридическую защиту прав коренного населения с помощью международных организаций. Поддержка со стороны многих местных групп.

INTERNATIONAL RIVERS NETWORK, *World Rivers*, 301 Broadway, San Francisco, CA 94133.

Исследования, публикации и политические действия, направленные на защиту рек, берегов, и аборигенного населения от сооружения плотин и другого строительства.

THE LAND INSTITUTE, 2440 East Water Well Rd., Salina, KS 67401.

Основан Уэсом Джексоном; ведущая организация, стремящаяся сохранить биоразнообразие в сельском хозяйстве, спасти прерии Среднего Запада и семейные фермы.

LEONARD PELTIER DEFENSE COMMITTEE, P.O. Box 583, Lawrence, KS 66044.

Борьба за свободу духовного и политического лидера коренных американцев, ложно обвиненного ФБР в убийстве двух агентов.

Minority Rights Group Reports, 36 Craven St., London WC2N 5NG, England.

Исключительно важный источник информации по коренному населению, национальному движению и этнической борьбе.

Mother Jones, 1663 Mission St., San Francisco, CA 94103.

Новости, тематические статьи и анализ с прогрессивно-левой точки зрения. Основное внимание направлено на правительственные и корпоративные злоупотребления в США.

The Nation, 72 Fifth Ave., New York, NY 10011.

Уважаемый «левый» журнал, по-прежнему наилучший источник новостей и обзоров деятельности правительства и корпораций по всем важным вопросам.

NATIONAL ABORTION RIGHTS ACTION LEAGUE, 11O1 14th St. NW, Washington, DC 20005.

Ведущая организация, защищающая права женщин в вопросах деторождения.

NATIONAL AUDUBON SOCIETY, *AUDUBON,* 950 Third Ave., New York, NY 10022.

Эффективная общественная организация, организующая защиту дикой природы, среды обитания и лесов. Имеет множество местных отделений.

NATIONAL COALITION AGAINST MISUSE OF PESTICIDES, 530 Seventh St. SE, Washington, DC 20003.

Информационный центр по пестицидам и альтернативным средствам.

NATIONAL FAMILY FARM COALITION, 80 F St. NW, Washington DC 20001.

Коалиция прогрессивных семейных ферм.

NATIONAL TOXICS CAMPAIGN, 37 Temple Place, Boston, MA 02111,

Очень активная общественная организация. Девять регшиональных офисов предоставляют информацию и помощь на местном уровне в борьбе с токсичным загрязнением.

NATURAL RESOURCES DEFENSE COUNCIL, 40 W. 20th St., New York, NY 10011.

Международные кампании против токсичных отходов, загрязнения пищевых продуктов и рабочего места. Широкое участие в защите окружающей среды.

NEW ALCHEMY INSTITUTE, 235 Hatchville Rd., East Falmouth, MA 02436.

Группа, проводящая новейшие исследования в области маломасштабного сельского хозяйства.

News from Native California, P.O. Box 9145, Berkeley, CA 94709.

Исключительно важные публикации в области культуры, истории и деятельности коренных сообществ Калифорнии.

The New Yorker, 25 W. 43rd St., New York, NY 10036.

Если вам удастся избежать засилия рекламы, журнал может быть источником обстоятельных исследований по широкому кругу вопросов.

NORTH AMERICAN CONGRESS ON LATIN AMERICA (NACLA), 151 W. 19th St., New York, NY 10011.

Ведущий в стране исследовательский центр по социальным, политическим, экологическим и аборигенным проблемам Латинской Америки и Карибского региона.

OCEANIC SOCIETY, 1536 16th St. NW, Washington, DC 20036.

Защита морской фауны и флоры от загрязнения океана отходами, дноуглубительными работами и т.д.

PELE DEFENSE FUND, P.O. Box 404, Volcano, HI 96785.

Организация коренных гавайцев, выступающая за приостановку строительства, разрушения окружающей среды; также активно защищает тропические леса и противостоит милитаризации гавайских островов.

PLANET DRUM FOUNDATION, Raise the Stages, Box 31251, San Francisco, CA 94131.

Исследования, публикации и программы подержки аборигенных движений, биорегионализма и зеленых городов.

PLANNED PARENTHOOD FEDERATION OF AMERICA, 8lO Seventh Ave., New York, NY 10019.

Ведущая всемирная организация, отстаивающая репродуктивные права женщин, планирование семьи, программы оздоровления, контроль за рождаемостью, половое воспитание и демографический контроль. На программы и клиники данной организации обрушиваются яросные нападки со стороны правых американских групп. Имеет сотни местных и международных отделений.

Privacy Journal , P.O. Box 28577, Providence, RI, 02908.

Бюллетень, информирующий о гражданских свободах в компьютерный век.

Processed World, 1095 Market St., San Francisco, CA 94103.

Экстраординарный журнал, исследующий влияние высоких технологий. Основное внимание уделяется рабочему месту.

PUBLIC CITIZEN, Multi-NationalMonitor, 215 Pennsylvania Ave. SE, Washington, DC 20003.

Организация Ральфа Нэйдера координирует вашингтонские группы, противодействующие GATT и соглашениям о свободной торговле. Проводит широкий диапазон законодательных и издательских мероприятий по проблемам экологической, корпоративной и потребительской ответственности, а также по проблемам коренных народов.

PUBLIC MEDIA CENTER, 466 Green St., San Francisco, CA 94133.

Единственное в стране некоммерческое рекламное агенство, обслуживающее экологические, индейские, правовые женские и пацифистские организации.

RAIN FOREST ACTION NETWORK, 300 Broadway, San Francisco, CA 94133.

Прямое действие, лоббирование, образование и организация защиты тропических лесов по всему миру и прав населяющих их аборигенных народов. Главная цель: борьба против Мирового банка, МВФ и GATT.

ROCKY MOUNTAIN INSTITUTE, 1739 Snowmass Creek Rd., Old Snowmass, CO 81654.

Выдающийся мозговой центр страны и образовательное учреждение, в котором разрабатывается новая философия использования энергии и глобальной безопасности. Основан Хантер и Эмори Лавинс.

SEA SHEPHERD CONSERVATION SOCIETY, P.O. Box 7000S, Redondo Beach, CA 90277.

Ненасильственная конфронтация и экотаж для защиты океанов и морских обитателей.

SEVENTH GENERATION FUND, P.O. Box 536, Hoopa, CA 95546.

Фонд, возглавляемый индейцами и обеспечивающий техническую помощь коренным сообществам в достижении самодостаточности и суверенитета. Участвует во многих кампаниях за права коренного населения.

SIERRA CLUB, *Sierra,* 730 Polk St., San Francisco, CA 94109.

Самая старая и известная в стране экологическая организация. Занимается лоббированием, издательской и юридической днятельностью, образованием, политическим активизмом, полевыми исследованиями. Местные отделения по всей стране.

SOUTH AND MESO-AMERICAN INDIAN INFORMATION CENTER, P.O. Box 7550, Berkeley, CA 94707.

Образование правозащитных сообществ и населения, как в США, так и заграницей, связанное с борьбой за самоопределение коренных народов Южной и Мезо-Америки.

The Trumpeter: Journal of Ecosophy, Lightstar Press, P.O. Box 5853, Stn. B, Victoria, BC V8R 6S8, Canada.

Философские исследования, направленные на новое экологическое сознание, академического и неакадемического характера.

UNION OF CONCERNED SCIENTISTS, 26 Church St., Cambridge, MA 02238.

Научные исследования и проблематика, связанная с новейшими технологиями, в особенности, ядерной и военной технологиями.

UNREPRESENTED NATIONS AND PEOPLES ORGANIZATION, 347 Dolores St., San Francisco, CA 94no.

Альтернативная ООН для «непредставленных» наций и народов, находящихся под колониальным управлением; попытка создать единую международную влиятельную организацию для защиты прав порабощенных народов.

Utne Reader, 1624 Harmon Place #330, Minneapolis, MN 55403.

Важный источник статей по широкому спектру экологических, социальных и философских проблем. “Ридерс Дайджест прогрессивного сообщества.”

Whole Earth Review, 27 Gate Five Road, Sausalito, CA 94965.

Ранее журнал назывался Co-Evolution Quarterly; хотя в настоящее время журнал превозносит некоторые сомнительные технологии, он все еще является одним из самых обстоятельных с точки зрения оценки влияния технологий на образ жизни, окружающую среду и сознание.

Wild Earth, P.O. Box 492, Canton, NY 13617.

Философия и новые данные в отношении движения за глубинную экологию. Редактор: Дэйв Форман, основатель Earth First! Отстаивает внутреннюю ценность дикой природы.

WORLD WATCH INSTITUTE, 1776 Massachusetts Ave. NW, Washington, DC 20036.

Исследования и публикации, посвященные состоянию мировых ресурсов, их распределению; анализ экологической политики государств и корпораций.

Wrenching Debate Gazette, 1801 Connecticut Ave. NW, Washington, DC 20009.

Радикальные дебаты и статьи об экологических, политических и социальных проблемах, под редакцией организатора и борца с предрассудками Ричарда Гроссмана.

ZERO POPULATION GROWTH, ZPG Reporter, 1440 16th St. NW, Washington, DC 20036.

Хорошо известная группа, выступающая за нулевой рост населения в США и во всем мире.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Я работал над этой книгой более десяти лет и благодарен очень многим людям. К сожалению, не могу назвать всех, поэтому заранее приношу извинения.

В особенности я благодарен трем людям.

Прежде всего, это Мари-Хелен Ларак, которая в начале 1960-х первая указала мне на уникальный характер и важность борьбы индейцев за свою идентичность. Она помогла мне увидеть, что все коренные народы ведут одну и ту же борьбу против самомнения, технического насилия и экспансионизма западных индустриально развитых стран. Именно после бесед с Мари-Хелен у меня родилась идея написать книгу об этом, и она остается для меня постоянным советчиком, единомышленником и другом.

С Дэвидом Брауером я начал работать приблизительно в то же время. Его бескомпромиссность и экологическое видение привели, в конце концов, к созданию широкого международного движения. Я только один из многих сотен, возможно, тысяч, кто был вдохновлен Брауером, и чья жизнь радикально изменилась после встречи с этим человеком.

Дэн Бомберри — блестящий, веселый, славный, неистовый — был самым моим близким другом и учителем на протяжении работы над книгой. Самые счастливые дни были проведены с ним, во время долгих поездок по юго-западным пустыням, посещения маленьких индейских общин, ночевок в Большом Каньоне, в беседах и прогулках. Его безвременная смерть (ему было немногим больше за тридцать) оказалась трагедией для коренного населения, для которого он был одним из самых страстных лидеров, для его семьи и сотен людей, которые жили его идеями, его юмором и творчеством. Его дух останется навсегда с нами.

• • •

Когда рукопись пишется медленно, издатели всегда начинают нервничать. Но с издателями Sierra Club Books было все по-другому. Я бесконечно признателем им за терпение, доверие, руководство и мудрость. Особую благодарность приношу Йону Бекманну, который меня поддерживал от начала до конца; Диане Ландау, которая работала со мной как редактор, а также Дэнни Мозес за его твердую руку, глубокое знание вопроса, советы и буддийское спокойствие. Вторым редактором была Марчелла Фрил, которая привела рукопись в порядок и придала ей элегантный вид. Спасибо Питеру Берену, Эрику Мигдайлу, Шане Пенн и Мередит Маран за помощь в редактирова-

нии. Не менее важна для меня была поддержка моих друзей Джона Брокмана и Катинки Мэтсон.

Многие прочитали рукопись (или ее части) на различных этапах, высказав свои пожелания и советы. Эрнест Калленбах сделал это дважды, как всегда откровенно высказав свое мнение. Я благодарю также Риту Аеро, Сьюзан Бенсон, Алисон Денхам, Джека Эдельсона, Элизабет Гарсонин, Челис Глендининг, Жана Круа, Пегги Лауэр, Ани Мандер, Марго Нельсон, Марибет Риггс, Роба Варингу, Алберта Уэллса и Р.Л. Уинга.

Алберт Уэллс оказал мне и другую важную услугу. На ранних стадиях проекта он познакомил меня с Ореном Лионсом из племени онондага, Стивом Тулбергом и ТимомУлтером из Индейского центра юридической информации и Дэном Бомберри — их помощь была критически важной для проекта. Уэллс также познакомил меня с Ли Свенсон, которая предоставила массу идей и информации, а затем стала сотрудничать по подготовке сан-франциской конференции 1982 г. "*Технология: За невидимой чертой* вместе со Стефани Миллс, Тоби Маклаудом, Дианой Диллауэй и Кэрол Левин. Это была веха в эволюции моего сознания и всех, кто участвовал в конференции.

Я изучал проблемы индейской культуры по многим источникам — как индейским, так и неиндейским — и перечислить их все не представляется возможным. Тем не менее, я должен отметить прежде всего Дагмар Торп за постоянную поддержку и предоставление информации и Джона Мохока, который, возможно, сейчас самый выдающийся философ среди индейской молодежи и чья критика современного общества лежит в основе книги *Хау де но сау нее* (*Обращение к Западному миру*). Особая моя признательность Эммету Алули — не только за время, которое он мне уделил во время изучения проблем гавайского коренного населения, но и за доказательства того, что это население может одерживать победы в сложной борьбе.

Благодарю также Боба Антона, Томаса Баньяциа, Хосе Барейро, Дэнни Блэкгоута, Викторию Бомберри, Кэрри Дэнн, Мэри Данн, Шелтона Дэвиса, Паликапу Дедмен, Синди Гилдэй, Ричарда Гроку, Корбин Нарни, Илку Хартманн, Рэнди Хэйза, Гленна Холи, Винону Ла Дюк, Джека Лофера, Лехуа Лопес, Тома Люббена, Колет Мачадо, Малькома Марголина, Стива Моуста, Майка Майерса, Джона О'Коннора, Джо Санчеса, Ки Шей, Флойда Вестермена, Раймонда Йовелла и покойных Луиса Бэд Вунда, Филипа Дира и Била Уапепа.

Сьюзан Свиболд и Хелен Корбетт из Flying Tomato Productions предложили мне свою помощь в исследовании проблем Севера, а также замечательную библиотеку. Арт Дэвидсон и Ассоциация президентов сельских советов нации юпик предоставили в мое распоряжение работу *Умереть или сменить образ жизни*? Благодарю также Джоан Райан, Сьюзан Александер, Боба Чилдерса и Сару Джеймс из Gwich'in Steering Committee.

Говард Левин первый ввел меня в проблематику генной инженерии, а Джереми Рифкин обогатил многими идеями и стратегиями. Гэри Коатс рассказал о интенциональных сообществах, космических городах под куполом и мегамолах — и я с нетерпением жду теперь выхода его книги на эту тему. Благодарю Питера Берга, Джуди Берг

и Planet Drum Foundation за энциклопедические знания по поводу национальных движений и биорегионализма.

Бесценную помощь оказала мне Сара Рахе, а также Диана Адлер, Констанс Кейси, Памела Чесс, Говард Дугофф, Дженифер Элиас, Эд Ла Франс, Дотти Лемье, Анна Карпф, Терри МсКуллох-Клин, Кай Мандер, Яри Мандер, Лиза Моран, Александра Пол, Карен Пейн, Марк Ритчи, Марк Рудебуш, Майкл Сингсен, Гар Смит, Рэнди Тинкермен и Том Тернер.

Херб Чао Гюнтер из Public Media Center не только поделился своей мудростью, добрым настроением и творчеством, но и предоставил рабочее место, офис и целую группу прекрасных талантливых людей. Спасибо ему и всем из PMC.

Вдохновение я черпал благодаря общению с моими друзьями — Фритьофом Капрой, Марком Доуи, Челлис Глендининг, Сьюзан Гриффин, Франсис Мур Лапе, Шарлин Спретнак, Годфри Реджио, Дагом Томкинсом, Лэнгдоном Уиннером, а также с руководством и сотрудниками Elmwood Institute.

• • •

Финансовое выживание во время работы над книгой (а на это ушли годы) — весьма сложная задача. Выражаю свою благодарность и преданность Дэвиду Хантеру и Барбаре Хантер, Кэрол Бернштейн, Ли Бруммеру, Хелен Дорошоу, У.Х. Ферри, Уэйд Грин, Адаму Хочшилду, Тому Лэйтону, Лоре Ледерер, Карлу Левинсону, Сиду Шапиро, Мэрион Уэбер, The Abelard Foundation, Commonweal, The Laras Fund, The Gerbode Foundation, The Levinson Foundation, The Skaggs Foundation и Seventh Generation Fund.

Наконец, и что самое важное, я выражаю благодарность за любовь, дружбу, поддержку и воодушевление, особенно в моменты, когда я в этом особенно нуждался, моей жене Элизабет Гарсоннин, моим сыновьям Яри и Каю Мандерам, моей матери Еве Окен, а также Сесилии Брунацци, Эрнесту Калленбаху, Генриетте ДиСуверо, Альвину Даскину, Саре Дускин, Джеку Эдельсону, Виве Эдельсон, Элейн Фредерик, Перри Гарфинклю, Линден Гликман, Рубину Гликману, Клер Гринсфельдер, Катрин Инграм, Марку Каски, Полу Красснеру, Катрин Ларош, Маклу Лернеру, Кэрол Левин, Кристине Лифелд,Ани Мандер, Уэсу Нискеру, Шэрил Пэттон, Энди Рейдеру, Шанне Рейдер, Макру Рудебушу, Терри Вандиверу, Тони Варнеру и моим друзьям из Rerun Video, на Камперстраат в Амстердаме, и Зубу.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ниже приведен список цитируемых книг, статей и другой справочный материал, имеющий важное значение.

"A Basic Call to Consciousness: The Hau de no sau nee Address to the Western World." In Akwesasne Notes. Rooseveltown, NY: Mohawk Nation, 1978.

Adamson, Fiona. "Focus on the Kurds: A Divided and Endangered People." Humanitas no. 1 (1990), pp. 4—5.

Allen, Paula Gunn. *The Sacred Hoop: Recovering the Feminine in the American Indian Tradition*. Boston: Beacon Press, 1986.

Anderson, Walter Truett. *To Govern Evolution: Further Adventures of the Political Animal*. Boston: Harcourt Brace Jovanovich, 1987.

Appelhaum, Stanley. *The New York World's Fair 1939—1940.* New York: Dover, 1977.

Arena-DeRosa, James. "Indigenous Leaders Host U.S. Environmentalists in the Amazon."*Oxfam America News*, Summer/Fall 1990, p. 1.

Arens, Richard, ed. *Genocide in Paraguay*. Philadelphia: Temple University Press, 1976.

Armstrong, Jeanette. *The Native Creative Process*. Penticton, B.C.: Theytus Books, 1991.

_____. *Slash*. Penticton, B.C.: Theytus Books, 1985.

Avedon, John F. "Tibet Today." *Utne Reader*, March/April 1989, pp. 34—41.

Barnet, Richard J. *The Economy of Death*. New York: Atheneum, 1969.

Barreiro, Jose. *Indian Roots of American Democracy*. Ithaca, NY: Northeast Indian Quarterly, 1988.

Berg Peter. "Devolving Beyond Global Monoculture. "*CoEvolution Quarterly,"* Winter 1981, p. 24.

Berg Peter, ed. *Reinhabiting a Separate Country: A Bioregional Anthology of Northern California*. San Francisco: Planet Drum Foundation, 1978.

Berger, Thomas R. *Northern F rontier, Northern Homeland: The Report of the Mackenzie Valley Pipeline Inquiry, Volume Two*. Ottawa, Ontario, Canada: Minister of Supply and Services, 1977.

_____. *Village Journey: The Report of the Alaska Native Review Commission*. New York: Hill and Wang, 1985.

Bcrkhofer, Robert F., Jr. *The White Man's Indian*. New York: Random House 1978.

Berry, Thomas. *The Dream of the Earth*. San Francisco: Sierra Club Books, 1990.

"Bolivian Indians Regain Control of Rain Forest. "*San Francisco Chronicle, September* 26, 1990, p. Ai 1.

Booth, William H. "Ironing Out Greenhouse Effect: Fertilizing Oceans Is Proposed to Spur Algae. "*Washington Post*, May 20, 1990, p. Aii.

Bradbury, Ray. *Fahrenheit* 451. New York: Ballantine Books, 1953.

Brand, Stewart, ed. "The Gaia Hypothesis. "*CoEvolution Quarterly,* Summer 1975—

Broad, William J. "Scientists Dream Up Bold Remedies for Ailing Atmosphere." *New York Times*, August 16, 1988, p. B5.

Brodeur, Paul. *Currents of Death: Power Lines, Computer Terminals, and the Attempt to Cover Up Their Threat to Your Health*. New York: Simon and Schuster, 1989.

_____. *The Zapping of America: Microwaves, Their Deadly Risk, and Their Cover Up*. New York: Norton, 1977.

Brower, David R. *For Earths Sake*. Salt Lake City, UT: Gibbs Smith, 1990.

Brown, Dee. *Bury My Heart at Wounded Knee*. New York: Henry Holt, 1970.

Brown, Lester. *State of the World,* 1991. New York: WW Norton, 1991.

Buraku Liberation Research Institute, ed. *Human Rights of Minorities in Asia-Pacific*. Tokyo: The International Movement Against All Forms of Discrimination and Racism, 1990.

Burger, Julian. *Report from the Frontier: The State of the Worlds Indigenous Peoples*. London: Zed Books, 1987.

Burnham, David. *The Rise of the Computer State*. New York: Vintage Books, 1980.

Burton, Bruce. "Iroquois Confederate Law and the Origins of the U.S. Constitution." *Northeast Indian Quarterly*, Fall 1986, p. 4.

Caille, Alain. "The Two Myths: Scarcity and Rationality. "*Development: Seeds of Change* (3) 1986: 198-204.

Callenbach, Ernest. Ecotopia: *The Notebooks and Reports of William Weston*. Berkeley, CA: Banyan Tree Books, 1975.

Capra, Fritjof. *The Tao of Physics: An Exploration of the Parallels Between Modern Physics and Eastern Mysticism*. New York: Bantam Books, 1984.

_____. *The Turning Point: Science, Society, and the Rising Culture*. New York: Simon and Schuster, 1982.

Capra, Fritiof, and Charlene Spretnak. *Green Politics: The Global Promise*. New York: E. P. Dutton, 1984.

Carson, Rachel. *Silent Spring*. Boston: Houghton Mifflin, 1982. neda Carlos. A Separate Reality: Further Conversations with Don Juan. New York: Simon and Schuster, 1971.

_____. *The Teachings of Don Juan; A Yaqui Way of Knowledge*. New York: Simon and Schuster, 1968.

Catton, William R., Jr. *Overshoot: The Ecological Basis of Revolutionary Change*. Urbana: Illini Books/University of Illinois Press, 1982.

Cernetig, Miro. "Arctic Pact Completes Largest Land Claim. "*The Toronto Globe and Mail*, May 1, 1990, p. A3.

Chagnon, Napolean A. *Yanomamo: The Fierce People*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1977.

Chargoff, Edwin. "Engineering a Molecular Nightmare. "*Nature*, May 21, 1987, p. 199.

Chatwin, Bruce. *The Songlines*. New York: Penguin Books, 1987.

Clastres, Pierre. *Society Against the State*. New York: Urizen Books, 1977.

Clay, Jason, ed. *Indigenous Peoples and Tropical Forests: Models of Land Use and Management from Latin America*. Cultural Survival, Report no. 27, 1988.

_____. "Militarization and Indigenous Peoples: Part I-The Americas and the Pacific. "*Cultural Survival Quarterly*, Report no. 3, 1987.

Coates, Gary J., ed. *Resettling America*. Andover, MA: Brick House, 1981.

Collier, Robert. "Ecuadoran Indian 'Uprising.'" *San Francisco Chronicle*, September 26, 1990.

"Congress and Company: An Alliance Fed by Money. "*Washington Post*, June 13, 1988.

Connell, Evan S. *Son of the Morning Star: Custer and the Little Bighorn*. San Francisco: North Point Press, 1984.

Connor, Michael. "Biotech Ready to Boom. "*San Francisco Examiner*, February 9, 1990, p. Bi.

Coombs, H.C. *Australia's Policy Toward Aborigines*: 1967—1977. Minority Rights Group, Report no. 35, March 1978.

Coulton, G. G. *The Medieval Village*. New York: Dover Publications, 1925.

Crichton, Michael. *The Andromeda Strain*. New York: Alfred A. Knopf, 1969.

Crowe, Keith J. "Claims on the Land." Arctic Circle, November/December '990, pp. 14—23.

Dammann, Erik. *The Future in Our Hands*. New York: Pergamon Press, 1970,

Darrow, Ken, and Michael Saxenian. "Worshipping a False God. "*Development Forum*, October 1984.

Dassman, Raymond. *California's Changing Environment*. San Francisco: Boyd and Fraser, 1981.

_____. *The Destruction of California*. New York: Macmillan, 1965.

_____. *No Further Retreat*. New York: Macmillan, 1971.

Davidson, Art, ed., and the Association of Village Council Presidents. *Does One Way of Life Have to Die So Another Can Live?* Bethel, AL: Yupik Nation, 1974.

Davis, Shelton H. *Victims of the Miracle: Development and the Indians of Brazil*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1977.

Debord, Guy. *Society of the Spectacle*. Revised ed. Detroit: Black and Red, 1977.

Denendeh: *A Dene Celebration. Yellowknife,* Northwest Territories, Canada: Dene Nation, 1984.

Devall, Bill, and George Sessions. *Deep Ecology*. Salt Lake City, UT: Gibbs Smith, 1985.

Diamond, Irene, and Gloria Orenstein, eds. *Reweavingthe World: The Emergence of Ecofeminism*. San Francisco: Sierra Club Books, 1990.

Diamond, Stanley. *In Search of the Primitive*. New Brunswick, NJ: Transaction, 1974.

Dodson-Gray, Elizabeth. *Green Paradise Lost*. Wellesley, MA: Roundtable Press, 1979.

Domhoff, G. William. *Who Rules America Now?* New York: Simon and Schuster, 1983.

Dowie, Mark. "Brave New Tiny World. *"California Magazine,* November 1988, p. 90.

_____. *"We Have a Donor": The Bold New World of Organ Transplanting*. New York: St. Martin's Press, 1988.

Drexler, K. Eric. Engines of Creation: *The Coming Era of Nanotechnology*. New York: Anchor Press/Doubleday, 1987.

Dreyfus, Hubert L. *What Computers Can't Do*. New York: Harper Colophon Books, 1979.

Eco, Umberto. *Travels in HyperReality*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1986.

Egan, Timothy. "Hawaii Debates Peril to Rain Forest as an Energy Project Taps a Volcano." *New York Times*, January 26, 1990, p. A13.

Ehrlich, Paul R., and Anne H. Ehrlich. *Population/Resources/Environment*. San Francisco: W. H. Freeman, 1970.

_____. *The Population Explosion*. New York: Simon and Schuster, 1990.

Eisler, Riane. *The Chalice and the Blade*. San Francisco: Harper and Row, 1987.

Ellul, Jacques. *Propaganda: The Formation of Men's Attitudes*. Translated by Konrad Kellen and Jean Lerner. New York: Vintage/Random House, 1973.

_____. *The Technological Society*. New York: Alfred A. Knopf, 1964.

Emery Fred, and Merrelyn Emery. *A Choice of Futures: To Enlighten or Inform?* Canberra: Centre for Continuing Education, Australian National University, 1975.

Engels, Frederick. *The Origin of the Family, Private Property and the State*. New York: International Publishers, 1972.

Epstein, Edward J. *News From Nowhere*. New York: Random House, 1973.

Erickson, Brad, ed. *Call to Action: Handbook for Ecology, Peace and Justice*. San Francisco: Sierra Club Books, 1990.

"Expert on U.S. Poverty Says It Got Worse in the 1980's. "*Washington Post*, July 5, 1989, p. B7.

Federal Trade Commission Staff Report on Television Advertising to Children. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, February 1978.

Feit, Dr. H. A. "James Bay Cree Indian Management and Moral Consideration of Fur-Bearers. "*In Native People and Renewable Resource Management,* the 1986 Symposium of the Alberta Society of Professional Biologists, pp. 49—62.

Fenton, William N., ed. *Parker on the Iroquois*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1968.

Fiske, Edward B. "Compute rs in the Classroom. "*New York Times*, December 9-n, 1984.

Fjermedal, Grant. *The Tomorrow Makers*. New York: Macmillan, 1986.

Forbes, Jack D. *Tribes and Masses: Explorations in Red,* White and Blacky. Davis, CA: D-Q University Press, 1978.

Frankel, Charles. "The Specter of Eugenics. *"Commentary,* March 1974.

Freedman , Dan. "Indian Rite Denied Use of Drug Peyote. "*San Francisco Examiner,* April 17, 1990, p. A15.

Freernan, Milton M. R. "New/Old Approaches to Renewable Resources Management in the North. *"In Northern Frontier Development-Alaska/Canada Perspectives*, the Twenty-Third Annual Meeting of the Western Regional Science Association, Monterey, CA, February 1984.

_____. "Renewable Resources, Economics and Native Communities. "In *Native People and Renewable Resource Management*, the 1986 Symposium of the Alberta Society of Professional Biologists.

Fumoleau, Rene. *As Long as This Land Shall Last*. Toronto: McClelland and Stewart, 1973.

Funding Ecological and Social Destruction: The World Bank and International Monetary Fund. Washington, DC: The Rank Information Center, 1990.

Gerbner, George, and Larry Gross. "The Scary World of TV's Heavy Viewer. *"Psychology Today*, April 1976, pp. 41—89.

Gitlin, Todd. *The Whole World Is Watching: Mass Media in the Maying and Unmaking of the New Left*. Berkeley, CA: University of California Press, 1980.

Glendinning, Chellis. "Apollo's Eye View. *"Woman of Power*, Fall 1988, pp. 45—. 52.

_____. "Notes Toward a Neo-Luddite Manifesto. "*Utne Reader*, March/April 1990.

_____. *Waging Up in the Nuclear Age.* New York: William Morrow, 1987.

_____. *When Technology Wounds.* New York: William Morrow, 1990.

Glover, J. Denis. "Forebears of the Founding Fathers: Spirit of the U.S. Constitution Rests with Iroquois League. *"Los Angeles Times,* December 11, 1987.

Goldsen, Rose Kohn. *The Show and Tell Machine: How Television Works and Works You Over.* New York: Dial Press, 1977.

Griffin, Susan. *Woman and Nature: The Roaring Inside Her.* New York: Harper and Row, 1978.

Grinde, Donald A., Jr. *The Iroquois and the Founding of the American Nation*. San Francisco: The Indian Historian Press, 1977.

_____. Personal interview by Catherine Stifter, October 15, 1989.

Hamilton, Andrew. "Dinners Without Drudgery. "*Popular Mechanics*, April 1947, pp. 174—177.

Hancock, Graham. *Lords of Poverty*. New York: Atlantic Monthly Press, 1989.

Hanke, Lewis. *Aristotle and the American Indians*. Chicago: Henry Regnery

Company, 1959.

Hatfield, Larry D. "Prosperity Slipping, Study Says. *"San Francisco Examiner,* September 3, 1990, p. 1.

Hart, Alexandra. *North American Bioregional Congress II Proceedings: August* 25—29, 1986. Forestville, CA: Hart Publishing, 1987.

Horn, Kahn-Tineta. "The Akwesasne War: Why Can't the Mohawks Settle It Themselves?" *The Toronto Globe and Mail*, May 3, 1990, p. A7.

Howard, Ted, and Jeremy Rifkin. *Who Should Play God?* New York: Dell, 1977.

"Human Gene Therapy Gets Support of Medical Experts." *San Francisco Chronicle*, August 1, 1990, p. A6.

Huxley Aldous. *Brave New World*. New York: Harper and Brothers, 1932.

Illich, Ivan. *Energy and Equity.* London: Calden and Bryars, 1974.

_____. *Medical Nemesis: The Expropriation of Health*. New York: Pantheon

Books, I976.

Ingram, Catherine. *In the Footsteps of Gandhi: Conversations with Spiritual Social Activists.* Berkeley, CA: Parallax Press, 1990.

International Union for the Conservation of Nature. "Ensuring a Future for Traditional Knowledge." *Tradition, Conservation and Development* no. 2 (September 1984), p. 1.

_____. "Women and Tradition." Op. cit., p. 1.

Iyer, Pico. "Tibetan Spirit." *Utne Reader*, March/April 1989, pp. 44—46.

Jackson, Wes. *New Roots for Agriculture*. San Francisco: Friends of the Earth, 1980.

Johansen, Bruce. "Indian Thought Was Often in Their Minds." In *Indian Roots of American Democracy.* Ithaca, NY: Northeast Indian Quarterly, Cornell University, 1988.

Johnson, Cliff. "Launch on Warning Is Unconstitutional." *The Computer Professionals for Social Responsibility Newsletter*, Fall 1984, p. 1.

Johnston, Tracy. "Culture Shlock: Can TV Be Saved?" *New West Magazine,* April 10, 1978, p. 34.

Jorgensen, Joseph G., et al. *Native Americans and Energy Development.* Washington, DC: Anthropology Resource Center, 1978.

Josephy, Alvin M., Jr. *Now That the Buffalo's Gone: A Study of Today's American Indians.* New York: Alfred A. Knopf, 1982.

Jung, C. G. *Memories, Dreams, Reflections.* New York: Vintage Books, 1965.

Kahn, Herman. *World Economic Development.* New York: Morrow Quill Paperbacks, 1979.

Kahn, Herman, William Brown, and Leon Martel. *The Next 200 Years.* New York: Morrow Quill Paperbacks, 1976.

Kammer, Jerry. *The Second Long Walk: The Navajo-Hopi Land Dispute.* Albuquerque: University of New Mexico Press, 1980.

Kanehele, Puaiani. Court testimony from Contested Case Hearing, Conservation Use Application, Volume 1. Hawaii County, Hawaii. February 18, 1986.

Kelly, Lawrence. *The Navajo Indians and Federal Indian Policy.* Tucson: University of Arizona Press, 1976.

Kennedy, Joseph, ed. "Kalo, Ho'okupu," *Native Planters,* Spring 1982.

Khan, Sadruddin Aga, and Hussan bin Talal. *Indigenous Peoples: A Global Quest for Justice-A Report for the Independent Commission on International Humanitarian Issues.* London: Zed Books, 1987.

Kilborn, Peter T. "Workers Using Computers Find a Supervisor Inside." *New Yor\ Times,* December 23, 1990, p. 1.

Kleiner, Art. "The Ambivalent Miseries of Personal Computing." *Whole Earth Review,* December 1984/January 1985, pp. 6—9.

Kleiner, Art, ed. "The Health Hazards of Computers." *Whole Earth Review*, Fall 1985, pp. 80—93.

Knox, Paul. "Tribes Hold Conference in Brazil." *San Francisco Examiner*, February 22, 1989, p. A14.

Kohr, Leopold. The Breakdown of Nations. New York: E. P. Dutton, 1957.

_____. *The Overdeveloped Nations*: The Diseconomies of Scale. New York: Schocken Books, 1978.

Krugman, Herbert E. "Brain Wave Measures of Media Involvement." *Journal of Advertising Research*, February 1971, pp. 3—9.

LaChapelle, Dolores. *Earth Wisdom*. Boulder, CO: Guild of Tutors Press, 1978.

LaFarge, Oliver. "Notes for Hopi Administrators." Washington, DC: Library of the Department of the Interior, 1937.

_____. "Running Narratives ot the Organization of the Hopi Tribe of Indians." Austin, TX: From the LaFarge Collection of the University of Texas, 1936.

Lamb, David. "Aleutian War's Forgotten Victims." *San Francisco Chronicle*, September 13, 1987, p. 3.

Lame Deer, John (Fire), and Richard Erdoes. *Lame Deer: Seeder of Visions.* New York: Simon and Schuster, 1972.

Land Rights Now: The Aboriginal Fight for Land in Australia. Copenhagen,

Denmark: International Work Group for Indigenous Affairs, Document no. 54, October 1985.

Lappe, Frances Moore, and Joseph Collins. *Food First: Beyond the Myth of Scarcity.* New York: Ballantine Books, 1978.

Laraque, M. Helene. "Toward the Next 500 Years." *Native Press,* October 12, 1990, p. 9.

_____. "Unity Grows After 500 Years." *Native Press*, September 28, 1990, p. 12.

Laughlin, William S. *Aleuts: Survivors of the Bering Land Bridge.* New York: Holt, Rinehart and Winston, 1980.

Lawless Edward. *Technology and Social Shocks* New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1977.

Leary, Joanna, and Timothy Leary. *Terra II: The Starseed Transmission.* San Francisco: Imprinting Press, 1974.

Lee, Dorothy. *Freedom and Culture.* New York: Prentice-Hall, 1959.

Lee, Richard. "Kung Bushman Subsistence: An Input-Output Analysis." *In Environment and Cultural Behavior.* Garden City, NY: Natural History Press, 1969.

_____. "What Hunters Do for a Living, or How to Make Out on Scarce Resources." In *Man and the Hunter.* Chicago: Aldine Publishing, 1968.

Le Guin, Ursula K. *Always Coming Home*. New York: Bantam Books, 1987.

Levin, Henry M., and Russell W. Rumberger. "Debunking High Tech Mythology: Industry Will Not Be Jobs Mecca." *Sacramento Bee*, February 3, 1983.

Lewis, Paul. "Land Deal for Eskimos: Canadian Pact Imminent for Eastern Arctic." *San Francisco Chronicle*, September 6, 1989.

Lifton, Robert Jay. *The Genocidal Mentality*. New York: Basic Books, 1990.

_____. *Thought Reform and the Psychology of Totalism*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989.

Lings, Kjeld K., trans. *The Mapuche Tragedy.* Copenhagen, Denmark: International Work Group for Indigenous Affairs, Document no. 38, 1979.

Liversidge, Douglas. *The Luddites: Machine Breakers of the Early Nineteenth Century.* London: Franklin Watts, 1972.

"A Look at 2049." *Time,* August 22, 1949, pp. 16—17.

Lovins, Amory. *Soft Energy Paths: Toward a Durable Peace.* San Francisco: Friends of the Earth, 1977.

MacDougall, A. Kent. "Americans: Life in the Fast Lane." *Los Angeles Times*, April 17—19, 1983.

Macy, Joanna. *Despair and Personal Power in the Nuclear Age.* Philadelphia: New Society, 1983.

Macy Joanna, Arne Naess, Pat Fleming, and John Seed. *Thinking Like a Mountain: Towards a Council of All Beings.* Philadelphia: New Society, 1988.

Mander, Jerry. *Four Arguments for the Elimination of Television.* New York: William Morrow/Quill, 1977.

_____. "Four Arguments for the Elimination of Advertising." In *Advertising and the Public,* Kim B. Rotzoll, ed. Urbana: University of Illinois Press, 1980.

_____. "Kit Carson in a Three-Piece Suit: Forced Relocation of 9634 Indians-Happening Now." *CoEvolution Quarterly,* Winter 1981, pp. 52—63.

_____. "Six Grave Doubts About Computers." *Whole Earth Review,* December 1984/January 1985, pp. 10—20.

_____. "This Land Is Whose Land?" *The Village Voice,* December 10, 1979, p. 25.

Mander, Yari Vesel. "Brothers Behind Bars: Nelson Mandela and Leonard Peltier." *City on a Hill*, October 30, 1986, p. 21.

Margolin, Malcolm. *The Ohlone Way.* Berkeley, CA: Heyday Books, 1978.

Margolin, Malcolm, ed. *The Way We Lived.* Berkeley, CA: Heyday Books, 1981.

Margulis, Lynn, and James E. Lovelock. "The Atmosphere as Circulatory System of the Biosphere—The Gaia Hypothesis." *CoEvolution Quarterly,* Summer 1975, pp. 30—40.

Marnham, Patrick. *Nomads of the Sahel.* Minority Rights Group, Report no. 33, April 1979.

Matthiessen, Peter. *Indian Country.* New York: Penguin Books, 1990.

_____. *In the Spirit of Crazy Horse.* New York: Viking/Penguin, 1991.

Maxwell, Neville. *India and the Nagas.* Minority Rights Group, Report no. 17, November 1973.

Maybury-Lewis, David Howe, and James Howe. *The Indian Peoples of Paraguay.* Cultural Survival, Report no. 2, October 1980.

McCarthy, Frederick D., and Margaret McArthur. "The Food Quest and the Time Factor in Aboriginal Economic Life." *Anthropology and Nutrition. Volume 2 of Records of the Australian American Scientific Expedition to Arnhem Land.* Melbourne: Melbourne University Press, i960.

McDonald, Robert. *The Maori of New Zealand.* Minority Rights Group, Report no. 70, December 1985.

McKibben, Bill. *The End of Nature.* New York: Doubleday, 1990.

McLuhan, Marshall. *Understanding Media.* New York: McGraw-Hill, 1964.

Medhurst, Kenneth. *The Basques and Catalans.* Minority Rights Group, Report no. 9, September 1977.

Meller, Norman. *The Congress of Micronesia: Development of the Legislative Process in the Trust Territory of the Pacific Islands.* Honolulu: University of Hawaii Press, 1969.

Menosky, Joseph A. "Computer Worship." *Science '84,* May 1984, p. 40.

Merchant, Carolyn. *The Death of Nature: Women, Ecology, and the Scientific Revolution.* San Francisco: Harper and Row, 1980.

Micronesia Support Committee, Palau: Self-Discrimination vs. U.S. Military Plans. Honolulu: Micronesia Support Committee, 1983.

Mills, Stephanie. *Whatever Happened to Ecology?* San Francisco: Sierra Club Books, I989.

Mills, Stephanie, and Peter Berg, eds. Special section on Bioregions. *CoEvolution Quarterly,* Winter 1981, pp. 1—99.

Mitchell, John G., and Constance Stallings, eds. *Ecotactics: The Sierra Club Handbook for Environmental Activists.* New York: Pocket Books, 1970.

Momaday, N. Scott. *House Made of Dawn.* New York: Harper and Row, 1985.

The Montagnards of South Vietnam. Minority Rights Group, Report no. 18, March 1974.

Moravec, Hans. *Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.

Morey, Sylvester M., ed. *Can the Red Man Help the White Man? A Denver Conference with the Indian Elders.* New York: Myrin Institute Books, 1970.

Morrison, Godfrey. *Eritrea and the Southern Sudan: Aspects of Some Wider African Problems.* Minority Rights Group, Report no. 5, May 1976.

Moulton, Harold G. *Controlling Factors in Economic Development.* Washington, DC: Brookings Institution, 1949.

Mumford, Lewis. *The Pentagon of Power. Volume 2 of The Myth of the Machine.* New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1970.

_____. *Technics and Civilization.* New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1934.

_____. *Technics and Human Development.* Volume 1 of *The Myth of the Machine.* New York: Harcourt, Brace and World, 1967.

_____. *The Transformation of Man.* New York: Harper and Row, 1956.

Naess, Arne. *The Deep Ecological Movement.* Philosophical Inquiry no. 8 (1986), pp. 10—13.

Navajo and Hopi Indian Relocation Commission, U.S. Government: Report and Plan. Flagstaff, AZ, April 1981.

Neihardt, John G. *Black, Elk Speaks.* Lincoln: University of Nebraska Press, 1961.

Nitschtnann, Bernard. "The Third World War." *Cultural Survival Quarterly* (11) no. 3, 1987.

1999: *Maying It Work-A Guide to Public Law 100—241, 1987. Amendments to the Alaska Native Claims Settlement Act.* Anchorage: Alaska Federation of Natives, 1988.

Oberg, James. *New Earths: Transforming Other Planets for Humanity.* Harrisburg, PA: Stackpole Books, 1981.

"One Hundred Leading Advertisers." *Advertising Age*, September 27, 1989.

O'Neill, Gerard K. *The High Frontier.* New York: Bantam, 1976.

Onosko, Tim. *Wasn't the Future Wonderful? A View of Trends and Technology from the 1930s.* New York: E. P. Dutton, 1979.

Ortiz, Roxanne Dunbar. *Roots of Resistance: Land Tenure in New Mexico, 1680 —1980.* Los Angeles: University of California Chicano Studies Research Center Publications and American Indian Studies Center, 1980.

Orwell, George. 1984. New York: New American Library, 1949.

O'Shaughnessy, Hugh. *What Future for the Amerindians of South America?* Minority Rights Group, Report no. 15, May 1973.

Papert, Seymour. *Mindstorms.* New York: Basic Books, 1980.

Parlow, Anita. *Cry, Sacred Ground: Big Mountain U.S.A.* Washington, DC: Christie Institute, 1988.

_____. "Peabody Would Send Hopiland Coal to Japan." G*allup Independent,* April 27, 1989.

Peper, Erik, and Thomas Mulholland. "Occipital Alpha and Accommodative Vergence, Pursuit Tracking and Fast Eye Movements." *Psychophysiology* no. 5 (1970), pp. 556—575.

Peters, Christopher. *Native Thinking and Social Transformation.* Memorandum prepared for the Elmwood Institute, Berkeley, CA, January 11 1991.

Petit, Charles. "Test of Deadly Bacteria Fails to Stir Opposition." *San Francisco Chronicle*, September 13, 1990, p. A8.

Pillar, Charles, and Keith R. Yamamoto. *Gene Wars: Military Control Over the New Genetic Technologies.* New York: Beech Tree Books, 1988.

Pittock, A. Barrie. *Australian Aborigines: The Common Struggle for Humanity.* Copenhagen, Denmark: International Work Group for Indigenous Affairs, Document no. 39, 1979.

Pool, Ithiel de Sola. *Forecasting the Telephone: A Retrospective Technology Assessment.* Norwood, NJ: Ablex, 1983.

Price, Monroe. "ANCSA in Perspective." In Haines, John, et al. *Minus 31 and the Wind Blowing.* Anchorage: Alaska Pacific University Press, 1980.

Ramos, Alcida R., and Kenneth I. Taylor. *The Yanomamo in Brazil*, 1979. Copenhagen, Denmark: International Work Group for Indigenous Affairs, Document no. 37, 1979.

Register, Richard. *Ecocity Berkeley: Building Cities for a Healthy Future.* Berkeley. CA: North Atlantic Books, 1987.

Reisner, Marc. *Cadillac Desert.* New York: Viking/Penguin, 1986.

Report to the Kikmongwis. Washington, DC: Indian Law Resource Center, 1979.

Retboll, Torben. *East Timor, Indonesia and the Western Democracies.* Copenhagen, Denmark: International Work Group for Indigenous Affairs, Document no. 40, 1980.

Rifkin, Jeremy. Algeny. New York: Viking Press, 1983.

_____. *Biosphere Politics*. New York: Crown, 1991.

_____. *Declaration of a Heretic*. Boston: Routledge and Kegan Paul, 1985.

_____. *Entropy*. New York: Viking, 1980.

_____. *Time Wars*. New York: Henry Holt, 1987.

Ring, R. H. "The Computerized Forest." *New Age Journal,* July 1984, p. 51.

Rosenheim, Daniel, and Elliot Diringer. "Biotechnology—The Ethics, Safety and Riches." *San Francisco Chronicle,* September 28—30, 1987, p. Ai; October 2, 1987, p. Ai.

Roszak, Theodore. *The Cult of Information*. New York: Pantheon/Random House, 1986.

Ryan, Joan. *Wall of Words: The Betrayal of the Urban Indian*. Toronto: Peter Martin Associates, 1978.

Sahlins, Marshall. *Stone Age Economics*. Chicago: Aldine Publishing, 1972.

Said, Edward W. *Orientalism*. New York: Random House, 1978.

Sale, Kirkpatrick. *The Conquest of Paradise*. New York: Alfred A. Knopf, 1990.

_____. *Human Scale*. New York: Coward, McCann and Geoghegan, 1980.

Schiller, Herbert I. *The Mind Managers*. Boston: Beacon Press, 1973.

_____. *Who Knows: Information in the Age of the Fortune 500*. Norwood, NJ: Ablex, 1981.

Schneider, Keith. "Betting the Farm on Biotech." *New York Times Magazine*, June 10, 1990, p. 26.

_____ . "Cloning Offers Factory Precision to the Farm." *New York Times,* February 17, 1988, p. Ai.

_____. "Science Debates Using Tools to Redesign Life." *New York Times,* June 8, 1987, p. Ai.

_____. "U.S. Ends Curb on a Vaccine Using Altered Virus." *New York Times*, April 23, 1986, p. Ai.

Scholars Examine Indian Origins of U.S. Constitution." *Daybreak*. Charlottesville, VA.

Schumacher, E. F. *Small Is Beautiful*. New York: Harper and Row, 1973.

Schwarz, Walter. *The Tamils of Sri Lanka*. Minority Rights Group, Report no. 25, September 1985.

Scudder, Thayer. *No Place to Go: Effects of Compulsory Relocation of Navajos*. Philadelphia: Institute for the Study of" Human Issues, 1982.

Shiva, Vandana. *Staying Alive: Women, Ecology and Development*. London: Zed Books, 1988.

Singh, Indu B., ed. *Telecommunications in the Year 2000: National and International Perspectives*. Norwood, NJ: Ablex, 1983.

Sklar, Holly, ed. *Trilateralism: The Trilateral Commission and Elite Planning for World Management*. Boston: South End Press, 1980.

Smith, Gar. "Space as a Wilderness." *Earth Island Journal,* Winter 1987, p. 24.

Snyder, Gary. *Axe Handles: Poems*. Berkeley: North Point Press, 1983.

_____. *Passage Through India*. San Francisco: Grey Fox Press, 1983.

_____. *The Real Work;. Interviews and Talks, 1964—1979*. New York: New Directions, 1980.

Soifer, Bill. "EPA Adds 21 Bay Area Cleanup Sites." *San Francisco Chronicle*, October 3, 1984, p. 2.

Southeast Asian Tribal Groups and Ethnic Minorities. Proceedings of a conference co-sponsored by Cultural Survival and the Department of Anthropology, Harvard University. Cultural Survival, Report no. 22, 1987.

Spretnak, Charlene. *The Spiritual Dimension of Green Politics*. Santa Fe, NM: Bear, 1986.

Steiner, Stan. *The Vanishing White Man*. New York: Harper and Row, 1976.

Stephen, David, and Phillip Wearne. *Central America's Indians*. Minority Rights Group, Report no. 62, April 1984.

Stevens, William K. "Scientists Debate Health Hazards of Electromagnetic Fields." *New York Times,* July 11, 1989, pp. B7—8.

Stewart, Jon. "Folkelig; Nation Building in Northern Europe." *CoEvolution Quarterly*, Winter 1981, pp. 32—33.

Stone, Christopher D. S*hould Trees Have Standing? Toward Legal Rights for Natural Objects*. Los Altos, CA: William Kaufmann, 1972.

_____. *Where the Law Ends: The Social Control of Corporate Behavior*. New York: Harper Torchbooks, 1975.

Strategic Computing: An Assessment. Palo Alto, CA: Computer Professionals for Social Responsibility, 1984.

Sullivan, Kathleen. "True Believer: Group Fights Silicon Valley's Hidden Danger-Toxic Chemicals." *San Francisco Examiner,* April 29, 1990, p. Di.

Tarr, Joel A., ed. *Retrospective Technology Assessment—1976.* San Francisco: San Francisco Press, 1977.

Taylor, Stuart, Jr. "Court Allows Road Through Sacred Indian Land." *New York Times*, April 20, 1988, p. i.

Tedlock, Dennis, and Barbara Tedlock, eds. *Teachings from the American Earth: Indian Religion and Philosophy*. New York: Liveright, 1975.

Thompson, E. P. *The Making of the English Working Class*. New York: Pelican Books, 1968.

Thorpe, Dagmar. *Newe Sogobia: The Western Shoshone People and Land.* Lee, NJV: Western Shoshone Sacred Lands Association, 1982.

Tinkerman, Randall M. "The Iroquois League and the Covenant Chain: A Lost Legacy of Native America." Unpublished paper.

Todd, John, with George Tukel. *Reinhabiting Cities and Towns: Designing for Sustainability.* San Francisco: Planet Drum Foundation, 1981.

Tradition, Conservation and Development. Newsletter of the Commission on Ecology's Working Group on Traditional Ecological Knowledge, no. 1 (January 1984), no. 3 (August 1985).

Turner, Frederick. *Beyond Geography: The Western Spirit Against the Wilderness.* New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1983.

Van der Post, Laurens. *The Lost World of the Kalahari.* New York: William Morrow, 1958. Volkman, Toby Alice. *A Guide to Nlai, the Story of A !Kung Woman.* Volume 1 of The San in Transition. Cultural Survival, Report no. 9, November 1982.

Walt Disney World. Anaheim, CA: The Walt Disney Company, 1986.

Watkins, Mel, ed. *Dene Nation — The Colony Within*. Toronto: University of Toronto Press, 1977.

Weatherford, Jack. *Indian Givers.* New York: Crown, 1988.

Weyler, Rex. *Blood of the Land.* New York: Everest House, 1982.

Whorf, Benjamin Lee. *Language, Thought and Reality*. Cambridge, MA: MIT Press, 1956. Williams, Nick B., Jr. "Indonesia Economy Is Coming of Age." *San Francisco Chronicle*, February 1, 1989, p. Z—i.

Wilson, Alexander. "The Betrayal of the Future." *Socialist Review,* November/December 1985, pp. 41—54.

Wilson, Edmund. *Apologies to the Iroquois.* New York: Random House, 1959.

Wilson, James. *Canada's Indians.* Minority Rights Group, Report no. 21, 1977. Winn, Marie. The Plug-In Drug. New York: Viking, 1977.

_____. *Unplugging the Plug-In Drug.* New York: Viking/Penguin, 1987.

Winner, Langdon. *Autonomous Technology: Technics-out-of-Control as a Theme in Political Thought*. Cambridge, MA: MIT Press, 1977.

_____. "Mythinformation." *Whole Earth Review,* December 1984/January 1985, pp. 22—29.

_____. *The Whale and the Reactor.* Chicago: University of Chicago Press, 1986.

Wittenborn, R., and C. Biegert. *James Bay Project — A River Drowned by Water.* Montreal: The Montreal Museum of Fine Art, 1981.

World Uranium Hearing. Revised ed. Munich: World Uranium Hearing Society, 1990.

Zwerin, Michael. *Devolutionary Notes.* San Francisco: Planet Drum Foundation, 1980.

Джерри Мандер стоит у истоков старейшей американской экологической организации Sierra Club. В 1960-70-х гг. организовывал протесты против застройки Большого Каньона, вырубки древних лесов в Калифорнии, разработок сверхзвукового воздушного транспорта. В настоящее время Президент Foundation For Deep Ecology. Основной тезис Дж. Мандера: технологическая цивилизация разрушает природу и человека. Пора начинать ее сворачивать.

Одна из самых оригинальных и значительных книг последнего времени. Книга смелая и тонкая, радикальная и глубокая... Жизненноважная.

Сьюзан Гриффин, *Женщина и Природа*

Резкая критика современной технологии, в которой машины, телефоны, компьютеры, банки, биоэнергетика и телевидение... лишь части безумной "мегатехнологии", разрушающей природу и людей.

Киркпатрик Сейл, *Нация*

Чрезвычайно ясная и умная книга, в которой показана насущная необходимость изменения направления нашей культуры - пока еще есть время.

Питер Маттиессен, *В духе сумасшедшей лошади*

Мандер открывает перед нами поистине чудовищные перспективы: "мегатехнологии" изменяющие человека и разрушающие все живое. Еще и еще раз он приводит неотразимый аргумент — это может произойти, если мы не возвратим утерянное чувство "святости земли" — чувство, хранимое аборигенными народами.

Эрнест Калленбах, *Экотопия*

"Книга "не отпускает"... Мандер показывает со всей очевидностью: аборигенные народы — не атрибут далекой истории, а источник практической мудрости, необходимый для выживания и обновления.

Франсез Мур Лапе, *Диета для маленькой планеты*

DEW PUBLICATIONS
2007